

THE DEPARTMENT FOR ARCHIVES AND RECORDS KEEPING
OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF REPUBLIC OF BELARUS

BELARUSIAN ARCHIVAL SCIENCE AND RECORDS
MANAGEMENT RESEARCH INSTITUTE

ARCHEOGRAPHICAL COMMISSION

**THE BELARUSIAN
ARCHEOGRAPHICAL
YEAR-BOOK**

Founded in 2000

Volume 17

Minsk
2016

ДЭПАРТАМЕНТ ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ
МІНІСТЭРСТВА ЮСТЫЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

БЕЛАРУСКІ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧЫ ІНСТЫТУТ
ДАКУМЕНТАЗНАЎСТВА І АРХІЎНАЙ СПРАВЫ

АРХЕАГРАФІЧНАЯ КАМІСІЯ

БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 17

Мінск
2016

УДК 930.25(476)(058)

У сямнаццатым выпуску «Беларускага археаграфічнага штогодніка» друкуюцца матэрыялы па археаграфіі, архівазнаўстве, крыніцазнаўстве, кадыкалогіі, тэксталагіі і гісторыі дзяржаўных устаноў. Публікуюцца дакументы па сярэдневяковай, новай і найноўшай гісторыі Беларусі, агляды архіўных фондаў і іншыя матэрыялы.

Прызначаны для архівістаў, гісторыкаў, краязнаўцаў, філолагаў.

Рэкамендавана да друку Вучоным саветам БелНДІДАС

Рэдакцыйная калегія:

Э. М. САВІЦКІ (галоўны рэдактар), У. І. АДАМУШКА, Г. Я. ГАЛЕНЧАНКА,
В. А. ГАПАНОВІЧ, С. У. ЖУМАР, Д. У. КАРАЎ, У. К. КОРШУК,
В. А. КОСМАЧ, М. В. ЛАРЫН (Расія), І. Б. МАЦЯШ (Украіна),
В. Л. НАСЕВІЧ, В. С. ПАЗДНЯКОЎ (адказны сакратар), А. Я. РЫБАКОЎ,
І. В. САВЕРЧАНКА, А. М. САРОКІН, В. Д. СЕЛЯМЕНЕЎ,
М. Ф. ШУМЕЙКА

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 4 ліпеня 2005 г. № 101 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 2 лютага 2011 г. № 26) «Беларускі археаграфічны штогоднік» уключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навуках

© БелНДІДАС, 2016

АРТЫКУЛЫ**А. Е. Рыбаков,**

*директор Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела,
кандидат исторических наук, доцент;
e-mail: rybakou@belniidat.by*

**«ИНСТИТУТ НАШЕЛ СВОЕ МЕСТО В АРХИВНОЙ СИСТЕМЕ.
ИНСТИТУТ НУЖЕН ОТРАСЛИ»**

*(к 25-летию создания Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела)*

11 декабря 2016 г. исполняется 25 лет со дня создания Белорусского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (далее — БелНИИДАД). Анализ причин появления первого в Беларуси отраслевого специализированного научно-исследовательского учреждения, основных этапов его становления и развития, достижений и проблем первых двух десятилетий деятельности нашел детальное отражение в специальной статье, приуроченной к 20-летию его создания [1]. Это избавляет нас от необходимости обращаться «к истокам» и дает возможность сосредоточиться на анализе деятельности БелНИИДАД за прошедший с тех пор период.

Следует отметить, что прошедшая пятилетка оказалась для института весьма непростой и насыщенной немаловажными событиями.

Основным драйвером научных исследований и разработок института в этот период стал Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2011 года «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь» [2]. Закон вступил в силу уже 18 декабря 2011 г., а его статья 36 предписывала Совету Министров Республики Беларусь в шестимесячный срок обеспечить приведение актов законодательства в соответствие с его положениями. Разработанный правительством страны план мероприятий по реализации закона основным исполнителем определил Министерство юстиции Республики Беларусь. Поэтому Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (далее — Департамент по архивам и делопроизводству), государственные архивные учреждения активно включились в разработку подзаконных актов и переработку ранее действовавших. Значительная и весьма трудоемкая часть работы в этом направлении была проделана и БелНИИДАД.

В установленный срок институтом были подготовлены проекты двух сложнейших нормативных правовых актов, конкретизирующих основные положения архивного закона и раскрывающих методику их применения на практике: перечня типовых управленческих документов с указанием сроков хранения и правил работы архивов государственных органов и иных организаций [3; 4]. После решения этой задачи внимание было переключено на разработку и приведение в соответствие с обновленным законодательством методической базы в сфере архивного дела и делопроизводства, о чем будет сказано далее.

Вторым существенным фактором, определившим как тематику, так и условия проведения научно-исследовательских работ (далее — НИР), стало принятие нового законодательства в сфере коммерциализации полученных результатов. 4 февраля 2013 г. был подписан Указ Президента Республики Беларусь «О коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств» [5]. Указом и утвержденным им Положением о коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности установлены жесткие сроки введения в гражданский оборот и (или) использования для собственных нужд результатов научной деятельности либо товаров (работ, услуг), созданных (выполняемых, оказываемых) с применением данных результатов. После завершения разработки срок коммерциализации был установлен в один год, позднее он был увеличен до трех лет. Указанные нормативные акты установили также жесткие санкции за невыполнение данного требования — средства, затраченные на научно-техническую деятельность, подлежат взысканию в бесспорном порядке в государственный бюджет с начислением процентов в размере месячной ставки рефинансирования, установленной Национальным банком на дату взыскания.

Очевидно, что в случае неудачи при выполнении НИР и коммерциализации полученных результатов государственная бюджетная организация едва ли будет способна возместить затраченные средства. В этих условиях ученые фактически теряют право на ошибку, на научный эксперимент при проведении научных изысканий по наиболее сложным темам с трудно прогнозируемым или неочевидным результатом. Также под вопрос ставится возможность выполнения в отраслевом институте теоретических исследований, результаты которых, как известно, часто находят применение в практической сфере с более значительным, нежели три года, временным лагом.

Необходимо отметить, что переориентация научных исследований БелНИИДАД на решение практических задач в сфере архивного дела и делопроизводства и методическое обеспечение деятельности государственных архивов, делопроизводственных и архивных служб различных организаций к моменту появления вышеназванного указа практически завершилась [1, с. 18—19, 23]. Однако принятие новых норм в сфере коммерциализации существенно сократило сроки, отводимые на выполнение научных исследований, и значительно повысило интенсивность труда ученых. Исходя из новых требований, результаты НИР должны получить отражение не только в научном отчете, являющемся базовым документом, фиксирующим полученные результаты, но и в проекте документа (нормативного правового акта Республики Беларусь, государственного стандарта, методического или справочного пособия и т. п.), который в сжатые сроки должен быть введен в гражданский оборот, т. е. внедрен в практику.

В этой ситуации БелНИИДАД пришлось более взвешенно подходить к вопросам планирования своей научно-исследовательской деятельности, а также

прилагать максимальные усилия для осуществления коммерциализации результатов выполненных НИР.

Научные и методические разработки БелНИИДАД в 2012—2015 гг. велись по трем традиционным для института основным направлениям: документоведение, архивоведение и археография. С учетом изложенного выше в отличие от предыдущих лет акцент в исследованиях был смещен с теоретических изысканий на прикладные разработки, их коммерциализацию и внедрение в практическую деятельность государственных архивов, государственных органов и других организаций.

Одним из традиционных направлений деятельности БелНИИДАД, получившим продолжение в научно-методических разработках указанного периода, является методическое обеспечение организации документов на этапе оперативного хранения, правовое и организационно-методическое обеспечение работ по отбору документов для передачи на архивное хранение. В этих целях был подготовлен комплекс методических пособий, направленных на выявление информационного потенциала документов, образующихся в деятельности различных организаций, прежде всего, являющихся источниками комплектования государственных архивов, разработку принципов их систематизации в первичные логические комплексы, их оформления, передачи на архивное хранение и др. [6—12]. В центре внимания находились и проблемы совершенствования документооборота, актуальность которых в последние годы существенно возросла в связи с активным внедрением в практику работы с документами в организациях электронных документов и электронного документооборота [13].

Другое приоритетное направление научных исследований указанного периода — стандартизация процессов управления документами, имплементация положений международных стандартов в этой сфере в технические нормативные правовые акты Республики Беларусь, стандартизация профессиональной архивной и делопроизводственной терминологии.

Повышенное внимание разработке стандартов в сфере управления документами уделяется БелНИИДАД не случайно. С одной стороны, в последние годы в управленческую и иные сферы деятельности все более активно внедряется электронное документирование, произошло осознание необходимости управления электронным документом на протяжении всего его жизненного цикла, начиная с момента подготовки к созданию и заканчивая обеспечением долговременного хранения. Это, в свою очередь, привело к пониманию необходимости управления всеми информационно-документационными ресурсами, образующимися в деятельности организаций, выработки общих принципов и методологических основ создания, обработки и хранения документов независимо от типов их носителей. Вторым ключевым аспектом является необходимость гармонизации национальных стандартов с международными, а также национальными стандартами в других сферах управления, в первую очередь, стандартами системы менеджмента качества (СМК). Для решения этих задач на

базе БелНИИДАД в 2011 г. был создан Национальный технический комитет по стандартизации ТК ВУ 28 «Управление документами» [14].

Одним из условий достижения поставленных целей стандартизации, когда в сферу управления документами активно вторгаются представители ИТ-сектора, СМК и других сфер, является выработка единого понимания применяемых в смежных областях терминов. В 2013 г. был утвержден и введен в действие подготовленный БелНИИДАД государственный стандарт СТБ 2059-2013 [15]. Следует отметить, что при разработке данного стандарта использованы положения международного стандарта ISO 5127:2001(E) [16].

В 2016 г. вступил в силу подготовленный БелНИИДАД государственный стандарт СТБ ISO 15489-1-2016 «Информация и документация. Управление документами. Часть 1. Общие требования» в качестве идентичного международного стандарту ISO 15489-1:2001 [17].

В 2015 г. БелНИИДАД закончил подготовку проекта национальной версии международного стандарта ISO 30300:2011 «Информация и документация. Системы управления документами. Основные положения и словарь», в ближайших планах — подготовка и принятие национального стандарта на базе ИСО 30301:2011 «Информация и документация. Системы управления документами. Требования» [18].

Отмечая важность государственных стандартов в системе нормативно-методического регулирования управления документами, нельзя игнорировать и такой важный аспект, как организация их грамотного применения на практике. Разработка стандартов должна сопровождаться подготовкой необходимого методического обеспечения, способствующего однозначному пониманию их смысла и предлагающего научно обоснованные методики их внедрения в различных организациях. Важность данной работы хорошо иллюстрирует во многом негативная практика внедрения национальных стандартов, принятых на основе международных стандартов ИСО серии 9000 «Системы менеджмента качества» [19].

Безусловно, подготовка методического обеспечения, равно как и самих государственных стандартов в сфере управления документами, является задачей профессионалов в сфере управления документами и архивного дела. На сегодняшний день в целях методической поддержки процессов стандартизации управления документами БелНИИДАД разработаны методические рекомендации по внедрению СТБ П ISO 15489-1-2001/2012 [20] и СТБ ISO серии 9000 «Системы менеджмента качества» [21]. После завершения разработки национальных стандартов, идентичных международным стандартам ISO 30300:2011 и ISO 30301:2011, институтом планируется подготовка методических рекомендаций по их применению.

Основные направления исследований в области архивоведения направлены на обеспечение эффективного функционирования архивных учреждений, экспертизе ценности и отбору документов на государственное хранение. Среди

приоритетных следует выделить несколько крупных направлений: формирование Национального архивного фонда; классификация, систематизация и описание архивных документов, создание научно-справочного аппарата; сохранность архивных документов. Особое внимание уделяется проблемам экспертизы ценности и отбора на государственное хранение научно-технической и иной специальной документации.

Одним из важнейших документов, подготовленных БелНИИДАД в указанный период, является Единый классификатор документной информации Национального архивного фонда Республики Беларусь (далее — ЕКДИ) [22], который является базовым элементом в системе поисковых средств архивов, универсальной системой, дающей возможность всесторонне исследовать информацию, содержащуюся в архивных документах, анализировать изучаемые процессы в их историческом развитии, классифицировать информацию на основе внутренних определяющих признаков. В 2014 году БелНИИДАД подготовлены и изданы Методические рекомендации по применению ЕКДИ [23], призванные оказать методическую помощь государственным архивам и архивам организаций при внедрении классификатора в практику работы.

Среди наиболее значимых следует назвать также две взаимосвязанные научно-исследовательские разработки, завершённые институтом в 2014 г.: «Разработать методические основы определения видов организаций, являющихся и не являющихся источниками комплектования государственных архивов» и «Разработать Классификатор видов и разновидностей организаций, являющихся и не являющихся источниками комплектования государственных архивов». По результатам их выполнения подготовлены «Примерные списки видов организаций, являющихся и не являющихся источниками комплектования государственных архивов» (Список № 1 и Список № 2) и соответствующий классификатор.

Примерные списки уже внедрены в практику как единый методический документ, позволяющий унифицировать работу государственных архивов и органов архивного дела и делопроизводства при определении видов организаций, являющихся и не являющихся источниками их комплектования. Применение классификатора расширяет поисковые и информационные возможности программного модуля «Комплектование» автоматизированной информационной системы государственного архива (АИС «Архив»), обеспечивает пользователей комплексом данных, позволяющих автоматизировать процесс определения источников комплектования всех государственных архивов.

Значительным прорывом в деятельности БелНИИДАД последних лет следует признать разработку научной проблематики, связанной с определением видового состава и источниковедческого потенциала научно-технической и иной специальной документации, а также ее отбора на государственное хранение — одного из сложнейших направлений работ в данной сфере.

В 2013—2014 гг. БелНИИДАД подготовлены два перечня документов, образующихся в процессе научно-технической деятельности организаций, с указанием сроков хранения [24; 25], а также методические рекомендации по проведению экспертизы ценности и отбору на постоянное хранение патентной документации [26]. В ближайших планах института — подготовка перечней типовой документации по лесоустройству и землеустройству, здравоохранению, физической культуре и спорту, туризму.

Большая работа в 2012—2015 гг. проведена институтом по подготовке серии архивоведческих справочников по истории органов государственной власти и управления Республики Беларусь. Практически завершена подготовка фундаментального справочника по истории органов государственной власти Республики Беларусь за период с 1991 по 2008 гг., которую планируется опубликовать в виде 3-томного издания уже в 2016 г.

Не остаются вне поля зрения БелНИИДАД и другие важные направления архивоведческих исследований [27; 28].

Своеобразной изюминкой научных исследований БелНИИДАД является разработка проблематики, связанной с теоретико-методическими и практическими вопросами археографии, источниковедения, специальных исторических дисциплин.

При разработке теоретических и методических основ археографии основное внимание уделяется подготовке методических рекомендаций по публикации исторических источников различных исторических эпох и на различных языках [29—32]. Рекомендации позволяют вовлечь в научный оборот большой массив исторических источников, который ранее был слабо освоен в археографическом отношении.

Большое значение придается институтом разработке проблем истории архивов, архивного дела и археографии в Беларуси. В рассматриваемый период БелНИИДАД подготовлены и изданы 4 монографии по данной проблематике [33—36].

По настоящему уникальным является комплекс подготовленных институтом работ в сфере источниковедения и специальных исторических дисциплин [37—40].

Подводя итог научной деятельности института за указанный период, следует отметить, что ему удалось практически полностью уйти от общеисторической тематики в планировании, все темы были ориентированы на архивную отрасль и документационное обеспечение управления.

Научная деятельность института не ограничивается только разработкой тем НИР и подготавливаемых на их основе проектов нормативных правовых актов и методических документов, справочных и монографических изданий. БелНИИДАД организует и проводит научные конференции, его работники регулярно выступают с докладами и сообщениями на республиканских и международных научных форумах. Научная деятельность сотрудников института

находит отражение также в периодическом научном издании БелНИИДАД «Беларускі археаграфічны штогоднік», включенном в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам. Работники института принимают активное участие в работе Центральной экспертно-методической комиссии Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, ученых советов НИАБ и НАРБ, Археографической комиссии при Департаменте.

Говоря о существенных успехах в научной деятельности института, нельзя не остановиться и на проблемах.

Прежде всего, обращает на себя внимание практически полное сворачивание в последние годы теоретических исследований в сфере документоведения и архивоведения. Это обусловлено требованием коммерциализации результатов научных исследований, их внедрения в практическую деятельность государственных архивов и других организаций [5]. Средства, которые государство вкладывает в науку, должны давать экономический и (или) социальный эффект. Поэтому основной упор в исследованиях БелНИИДАД в настоящее время делается на прикладные разработки, теоретические же изыскания превращаются для научных работников в своего рода «хобби», которым они могут заниматься по собственной инициативе в свободное время.

Однако без надлежащей теоретической проработки вопросов качественное решение практических задач невозможно. Так, давно назрела необходимость проведения серьезного теоретического исследования по документной систематике. Классификация документов, образующихся в управлении, научно-технической и других сферах деятельности, является базой не только для разработки унифицированных систем документации, формирования требований к созданию документов, входящих в эти системы, и организации работы с ними, но и составляет основу для систематизации документов при реализации прикладных архивоведческих проектов, например, таких, как разработка перечней документов с указанием сроков хранения.

Сложности в проведении теоретических исследований обусловлены также тем, что для их выполнения требуются высококвалифицированные кадры, имеющие сильную теоретическую подготовку. В институте же преимущественно сосредоточены специалисты, ориентированные на прикладные практические разработки.

Перспективы наращивания кадрового научного потенциала в институте существенно ухудшились в связи с закрытием в 2013 г. аспирантуры при БелНИИДАД. Аспирантура была закрыта в рамках мероприятий по оптимизации государственных организаций, сокращению численности их работников, затронувших в 2013 г. все бюджетные организации страны, что должно было обеспечить более рациональное использование бюджетных средств. Эта причина была непосредственно указана в констатирующей части приказа исполняю-

щего обязанности Министра юстиции А. В. Билейчика от 11 октября 2013 г. № 236 «О закрытии аспирантуры при учреждении “Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела”»).

В рамках мероприятий по оптимизации штатная численность института была сокращена более чем на 11%. При этом за счет закрытия аспирантуры сокращение численности работников БелНИИДАД не произошло, так как для ведения аспирантуры в штатном расписании института освобожденных должностей предусмотрено не было, а соответствующие обязанности по организационному обеспечению аспирантуры работники БелНИИДАД выполняли в пределах своих основных обязанностей либо на общественных началах. В результате численность БелНИИДАД была «оптимизирована» за счет сокращения должностей научных сотрудников и должности заместителя директора по общим вопросам.

Следует признать, что отраслевая аспирантура, функционировавшая на базе БелНИИДАД с 2000 по 2013 г., не в полной мере оправдала возлагавшиеся на нее надежды. Несмотря на титанические усилия руководства института и Департамента по архивам и делопроизводству, направленные на повышение эффективности аспирантуры, за весь период ее функционирования было подготовлено и защищено с присвоением научной квалификации всего две кандидатские диссертации. Еще одна диссертация была защищена в 2016 г. уже после закрытия аспирантуры, а еще две в разное время были рекомендованы к защите, однако до настоящего времени не защищены.

Кроме того, начиная с 2011 г. стало стремительно сокращаться количество заявок государственных архивов и иных государственных архивных учреждений на подготовку научных кадров высшей квалификации. Снижение количества аспирантов и соискателей, а также количества заявок на подготовку научных работников высшей квалификации через аспирантуру при БелНИИДАД во многом было связано со вступлением в силу нового Положения о подготовке научных работников высшей квалификации Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 1 декабря 2011 г. [41]. Согласно Положению прием в аспирантуру стал возможен только после окончания поступающим лицом магистратуры и сдачи кандидатских экзаменов и зачета по общеобразовательным дисциплинам. Так как в структуре Департамента по архивам и делопроизводству отсутствует учреждение образования, при котором имеется магистратура, организация процесса подготовки научных работников высшей квалификации в БелНИИДАД потеряла преемственность.

В то же время в 2010 г. подготовка научных работников высшей квалификации по профильной для государственных архивных учреждений специальности — 02.25.02 «Документалистика, документоведение, архивоведение (исторические науки)» — была открыта в аспирантуре Белорусского государственного университета (БГУ). В БГУ ведется также подготовка магистрантов по соответствующей специальности. На этом основании было принято решение про-

должить подготовку научных кадров высшей квалификации для государственных архивных учреждений, в том числе БелНИИДАД, через аспирантуру БГУ.

Еще одной проблемой, с которой неожиданно столкнулся институт в последние годы, стало необоснованное затягивание сроков принятия и введения в действие разработанных им государственных стандартов в сфере архивного дела и делопроизводства. Например, более года на рассмотрении в Госстандарте находился проект государственного стандарта СТБ ISO 15489-1-2016 «Информация и документация. Управление документами. Часть 1. Общие требования», подготовленного взамен предварительного государственного стандарта СТБ П ISO 15489-1-2001/2012 с аналогичным названием [42]. Существенно затягивается принятие и нового государственного стандарта СТБ 6.38 на оформление документов, входящих в унифицированную систему организационно-распорядительной документации, призванного заменить СТБ 6.38-2004 [43]. Это обстоятельство затрудняет внесение на рассмотрение и утверждение подготовленного БелНИИДАД в 2015 г. проекта СТБ П ISO 30300:2011 «Информация и документация. Системы управления документами. Основные положения и словарь», а также принятие к разработке следующего за ним стандарта этой же серии и соответствующих методических рекомендаций по их применению.

Представляется, что наряду с объективными причинами этого явления, к которым можно отнести большое количество проектов разнообразных государственных стандартов, внесенных в последнее время на рассмотрение и утверждение в Госстандарт, существуют и субъективные моменты, связанные с особой позицией входящего в систему этого госкомитета Белорусского государственного института стандартизации и сертификации (БелГИСС). Истоки проблемы восходят к принятию в Беларуси первых государственных стандартов серии ИСО 9000, основанных на подстрочном переводе БелГИСС англоязычных версий идентичных им международных стандартов, в том числе закреплении в них некорректных переводов ряда терминов в сфере управления документами. Результатом этого явилась терминологическая путаница, несоответствие переводов одних и тех англоязычных терминов в государственных стандартах на системы менеджмента качества и государственных стандартах на управление документами, хотя по изначальной задумке Международной организации по стандартизации (ИСО) эти стандарты являются взаимосвязанными [19]. Примечательно, что в аннотации к принятому СТБ ISO 15489-1-2016 сохранено прямое указание на взаимосвязь указанных стандартов [44].

Оборотной стороной этого явления является игнорирование при разработке профильных стандартов наличия при БелНИИДАД Национального технического комитета по стандартизации ТК ВУ 28 «Управление документами». Например, принятие в 2015 г. стандарты на электронные документы серии 2400 [45—50] с ТК ВУ 28 не согласовывались. Более того, данные стандарты официально не согласовывались с республиканским органом в сфере архивного дела и делопроизводства, хотя согласно ст. 12 Закона Республики Беларусь от

28 декабря 2009 г. «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» органы архивного дела и делопроизводства и государственные архивные учреждения «осуществляют разработку и реализацию единой государственной политики в сфере комплектования Национального архивного фонда Республики Беларусь электронными документами, обеспечения их сохранности, организации их учета и использования; осуществляют контроль за соблюдением законодательства Республики Беларусь в сфере архивного дела и делопроизводства при работе с электронными документами и ее методическое обеспечение» [51].

Обозначенная проблема становится более наглядной с учетом того, что в августе 2015 г. Госстандарт разослал в организации, осуществляющие ведение секретариатов национальных технических комитетов сразу 2 письма, в которых обратил внимание на недопустимость разработки и внесения на утверждение проектов государственных стандартов в сферах, относящихся к компетенции соответствующих технических комитетов. Будем надеяться, что в наступившем новом 5-летнем цикле деятельности БелНИИДАД указанная проблема будет решена.

В своей деятельности институт сталкивается и с трудностями, обусловленными внешними социально-экономическими факторами. К ним можно отнести ограничение бюджетного финансирования (средства выделяются только на заработную плату и начисления на нее), сохранение низкого уровня оплаты труда научных работников, сложности привлечения внебюджетных средств в условиях падающей экономики, рост стоимости услуг, необходимых для обеспечения текущей деятельности института (оплата коммунальных услуг, услуг связи, транспорта и других расходов).

Однако, несмотря на указанные выше проблемы, институт продолжает выполнять возложенные на него задачи и функции. И проведенный анализ показывает, что выполняет он их достаточно качественно и эффективно. Вспоминая период становления БелНИИДАД, те сложности, которые ему пришлось преодолевать в первые 10—15 лет своей деятельности [1], хотелось бы закончить краткий обзор прошедшего пятилетнего периода словами руководителя архивной отрасли страны В. И. Адамушко, сказанными на одном из заседаний коллегии Департамента по архивам и делопроизводству: «Институт нашел свое место в архивной системе. Институт нужен отрасли».

Источники и литература

1. Рыбаков, А. Е. «Принять предложение трудового коллектива...» (к 20-летию Белорусского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела) // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Выпуск 12. — Мінск, 2011. — С. 11—42.
2. Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2011 г. «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2011 г., № 136, 2/1875.
3. Перечень типовых документов Национального архивного фонда, образующихся в процессе деятельности государственных органов, иных организаций и индивидуальных предпринимателей, с указанием сроков хранения / утв. постановлением Минис-

- терства юстиции Республики Беларусь от 24 мая 2012 г. № 140 // Эталон Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. — Минск, 1997—2013.
4. Правила работы архивов государственных органов и иных организаций / утв. постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 24 мая 2012 г. № 143 // Эталон Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. — Минск, 1997—2013.
 5. Указ Президента Республики Беларусь от 4 февраля 2013 г. № 59 «О коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств» // Эталон Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. — Минск, 1997—2013.
 6. Методические рекомендации по оформлению обложек дел / авт.-разраб.: Э. Н. Давыдова [и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 2013. — 39 с.
 7. Методические рекомендации по составлению и применению номенклатур дел организаций, примерных и типовых номенклатур дел / авт.-разраб.: Э. Н. Давыдова [и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 2013. — 80 с.
 8. Примерная номенклатура дел поселковых, сельских Советов депутатов и исполнительных комитетов / авт.-разраб.: Э. Н. Давыдова, Е. П. Дернович, Л. М. Цымбал. — Минск: БелНИИДАД, 2014. — 68 с.
 9. Примерная номенклатура дел областных, зональных государственных архивов / авт.-разраб.: Э. Н. Давыдова, Е. П. Дернович. — Минск: БелНИИДАД, 2014. — 81 с.
 10. Примерная номенклатура дел районных, городских исполнительных комитетов / авт.-разраб.: В. А. Барбарчук [и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 2015. — 94 с.
 11. Методические рекомендации по организационно-правовому обеспечению выполнения государственными архивными учреждениями платных работ по научно-технической обработке документов государственных органов и иных организаций / авт.-разраб.: Э. Н. Давыдова, А. Е. Рыбаков, В. А. Барбарчук. — Минск: БелНИИДАД, 2015. — 58 с.
 12. Методические рекомендации по организационно-правовому обеспечению создания архивов и экспертизы ценности документов в государственных органах, иных организациях / авт.-разраб.: Э. Н. Давыдова, Е. П. Дернович. — Минск: БелНИИДАД, 2016. — 80 с.
 13. Методические рекомендации по совершенствованию документооборота в государственных органах, иных организациях / авт.-разраб.: А. Е. Рыбаков, А. Н. Сукач. — Минск: БелНИИДАД, 2016. — 60 с.
 14. Национальный технический комитет по стандартизации ТК ВУ 28 «Управление документами» // [Электронный ресурс] <http://www.belniidac.by/tc>
 15. Государственный стандарт Республики Беларусь СТБ 2059-2013 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения».
 16. International Standard ISO 5127:2001(E) «Information and documentation. — Vocabulary».
 17. International Standard ISO 15489-1:2001 «Information and documentation — Records management — Part 1: General».
 18. Указанные стандарты разрабатываются в качестве идентичных международным стандартам ISO 30300:2011 «Information and documentation — Management systems for records — Fundamentals and vocabulary» и ISO 30301:2011 «Information and documentation — Management systems for records — Requirements».

19. О проблемах внедрения международных стандартов ИСО серии 9000 «Системы менеджмента качества» более подробно см.: Рыбаков, А. Е. «Формирование системы управления документами в Республике Беларусь: проблемы внедрения положений международных стандартов в национальное законодательство и практику работы организаций с документами» // Документация в информационном обществе: международный опыт управления документами. Доклады и сообщения на XVII Международной научно-практической конференции 25—26 ноября 2010 г. / Росархив. ВНИИДАД. — М., 2011. — С. 31—44; Рыбаков, А. Е. «Роль и значение государственных стандартов в системе нормативно-методического регулирования управления документами в Республике Беларусь» // Документация в информационном обществе: нормативно-методическое обеспечение управления документами. Доклады и сообщения на XXI Международной научно-практической конференции 18—19 ноября 2014 г. / Росархив. ВНИИДАД. — М., 2015. — С. 52—62.
20. Методические рекомендации по внедрению и применению предварительного государственного стандарта Республики Беларусь СТБ П ISO 15489-1-2001/2012 «Информация и документация. Управление документами. Часть 1. Общие требования» / авт.-разраб.: А. Н. Сукач [и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 2013. — 109 с.
21. Методические рекомендации по работе с документами в организациях, внедряющих международные стандарты ISO серии 9000 «Системы менеджмента качества» / авт.-разраб.: А. Н. Сукач, Н. С. Максимова, А. Е. Рыбаков. — Минск: БелНИИДАД, 2013. — 50 с.
22. Утвержден приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь от 05.03.2012 № 8.
23. Методические рекомендации по применению Единого классификатора документной информации Национального архивного фонда Республики Беларусь / авт.-разраб.: С. В. Жумарь [и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 2014. — 148 с.
24. Перечень документов Национального архивного фонда Республики Беларусь, образующихся в процессе деятельности государственных органов, иных организаций и индивидуальных предпринимателей по конструированию изделий промышленного производства, разработке технологических процессов, производственной деятельности, научно-исследовательской деятельности, охране объектов интеллектуальной собственности, с указанием сроков хранения / сост.: Г. А. Громько [и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 2014. — 176 с.
25. Перечень документов Национального архивного фонда Республики Беларусь, образующихся в процессе деятельности государственных органов, иных организаций и индивидуальных предпринимателей по проектированию, строительству, реконструкции (модернизации), реставрации и ремонту объектов недвижимости, с указанием сроков хранения / сост.: Г. А. Громько, В. А. Евсеенко, С. В. Жумарь. — Минск: БелНИИДАД, 2015. — 100 с.
26. Методические рекомендации по проведению экспертизы ценности и отбору на постоянное хранение патентной документации / авт.-разраб. Е. С. Мальчевский. — Минск: БелНИИДАД, 2015. — 44 с.
27. Методические рекомендации по использованию документов в архивах государственных органов и иных организаций / авт.-разраб.: С. В. Жумарь [и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 2014. — 58 с.

28. Методические рекомендации о порядке выявления, учета и хранения уникальных документов / авт.-разраб.: А. В. Бурачонок, А. В. Кочеткова. — Минск : БелНИИДАД, 2014. — 39 с.
29. Метадзнычныя рэкамендацыі па публікацыі польскамоўных дакументаў па гісторыі Беларусі XVI—першай паловы XIX ст. / склад. А. І. Шаланда. — Мінск : БелНДДАС, 2012. — 47 с.
30. Методические рекомендации по публикации документов и материалов по истории Беларуси 1917—1991 гг. / сост.: В. С. Поздняков [и др.]. — Минск : БелНИИДАД, 2014. — 90 с.
31. Метадзнычныя рэкамендацыі па апісанні сфрагістычных матэрыялаў XV—XVIII стст. у архівах Беларусі / склад. А. І. Шаланда. — Мінск : БелНДДАС, 2015. — 48 с.
32. Метадзнычныя рэкамендацыі па публікацыі кірылічных дакументаў і матэрыялаў па гісторыі Беларусі канца XVIII—пачатку XX ст. / склад.: В. С. Пазднякоў, М. Ф. Шумейка. — Мінск : БелНДДАС, 2016. — 88 с.
33. Теория и практика белорусской археографии (XVIII—XX вв.) : сборник документов / сост. М. Ф. Шумейко. — Минск: БелНИИДАД, 2013. — 366 с.
34. Исторические и правовые аспекты реституции белорусских архивов / М. Ф. Шумейко. — Минск: БелНИИДАД, 2013. — 270 с.
35. Архіў праваслаўных і грэка-каталіцкіх мітрапалітаў Вялікага Княства Літоўскага ў XVI—XVIII стст. (гісторыя, структура, склад) / В. С. Пазднякоў. — Мінск : БелНДДАС, 2014. — 332 с.
36. Из истории архивов в Беларуси (1860-е гг. — 1960 г.): документы и материалы / сост.: С. В. Жумарь, М. Ф. Шумейко. — Минск: БелНИИДАД, 2015. — 438 с.
37. Філіграні архіўных дакументаў Беларусі XVI—пачатку XX ст. / склад. В. С. Пазднякоў. — Мінск: БелНДДАС, 2013. — 256 с.
38. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага: гісторыя, даследаванні, выданні (кароткі нарыс) / Г. Я. Галенчанка. — Мінск : БелНДДАС, 2014. — 88 с.
39. Помнікі права Беларусі XIV—XVI стст.: агульназемскія прывілеі і акты дзяржаўных уній : крыніцазнаўчы дапаможнік / склад.: Г. Я. Галенчанка, А. А. Жлутка, А. А. Мяцельскі [і інш.]. — Мінск: БелНДДАС, 2015. — 388 с.
40. Латинская актавая палеаграфія / А. А. Жлутка. — Мінск: БелНДДАС, 2015. — 202 с.
41. Указ Президента Республики Беларусь от 1 декабря 2011 г. № 561 «О некоторых вопросах подготовки и аттестации научных работников высшей квалификации» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2012 г., № 8, 1/13223.
42. Предварительный государственный стандарт СТБ П ISO 15489-1-2001/2012 «Информация и документация. Управление документами. Часть 1. Общие требования».
43. Государственный стандарт Республики Беларусь СТБ 6.38-2004 «Унифицированные системы документации Республики Беларусь. Система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов».
44. Национальный фонд технических нормативных правовых актов Республики Беларусь. СТБ ISO 15489-1-2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://npra.by/KartochkaDoc.php?UrIRN=350975&UnIDGLOBAL=475998>. — Дата доступа: 04.05.2016.
45. Государственный стандарт Республики Беларусь СТБ 2402-2015 «Документы электронные. Порядок хранения и использования сертификатов открытых ключей и отозванных сертификатов в качестве доказательства».

46. Государственный стандарт Республики Беларусь СТБ 2403-2015 «Документы электронные. Форматы электронных документов для офисной работы и хранения электронных документов в архиве».
47. Государственный стандарт Республики Беларусь СТБ 2404-2015 «Документы электронные. Порядок защиты, учета, хранения и использования электронных документов в архиве».
48. Государственный стандарт Республики Беларусь СТБ 2405-2015 «Документы электронные. Создание копии электронного документа на бумажном носителе и порядок ее удостоверения».
49. Государственный стандарт Республики Беларусь СТБ 2406-2015 «Документы электронные. Политика долговременного хранения электронных документов в архивах».
50. Государственный стандарт Республики Беларусь СТБ 2407-2015 «Документы электронные. Создание электронной копии документа на бумажном носителе и порядок ее удостоверения».
51. Закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» // Эталон Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. — Минск, 1997—2013.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 25.08.2016

В. В. Баландин,

директор Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов;

Е. И. Третьяк,

ведущий архивист отдела использования документов и информации

Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов;

e-mail: akffd@tut.by

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ В ДОКУМЕНТАХ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КИНОФОТОФОНОДОКУМЕНТОВ

(к 75-летию архива)

В этом году исполняется 75 лет с момента основания единственного в республике государственного хранилища аудиовизуальных документов — Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов, расположенного в г. Дзержинске.

Начало работы БГАКФФД (первоначальное название Центральный государственный архив фотофонокинодокументов ЦГАФФКД БССР) было положено 29 марта 1941 г. с постановления Совета Народных Комиссаров СССР № 723 «Об утверждении положения о Государственном архивном фонде и сети государственных архивов Союза ССР» [7]. Однако о его реальной деятельности можно говорить лишь с 1944 г., после полного освобождения территории БССР от немецко-фашистской оккупации. К этому времени была утверждена структура и штатное расписание ЦГАФФКД НКВД БССР, включавшее 5 человек. Первоначальную основу фонда архива составили 10 000 трофейных фотодокументов, принадлежавших отделу пропаганды генерального комиссариата Беларутения [3]. Все они подлежали тематическому анализу, систематизации и каталогизации. Объем хранящихся фондов постоянно менялся. Так, на 1 января 1947 г. в фондах архива находилось 13 014 ед. хр., на 1 января 1951 г. — 8212 ед. хр. негативов и позитивов [4]. В дальнейшем их количество постоянно росло. В настоящий момент в фондах архива хранится: кинодокументов — 41 072 ед. хр., фотодокументов — 257 087 ед. хр., фонодокументов — 18 889 ед. хр., видеодокументов — 4 670 ед. хр.

В хронологическом плане аудиовизуальные документы архива можно разбить на следующие группы: 70-е гг. XIX в. — 1922 г., межвоенный период (1922—1941 гг.), Великая Отечественная война (1941—1945 гг.), документы второй половины XX в. (1946—1990 гг.), документы с 1991 г. по наши дни.

Говоря о самых ранних аудиовизуальных документах БГАКФФД, следует начать со снимков, сделанных во время строительства Московско-Брестской железной дороги (1870 г.). Последующие фотоснимки и открытки из коллекций Яна Балзункевича и Н. С. Тагрина отразили виды культовых зданий и дореволюционных городов Беларуси. Помимо этого, фото конца XIX — начала XX в. переносят нас в торговые ряды сезонных ярмарок, знакомят с крестьянскими промыслами и сельскохозяйственными работами, позволяют увидеть гонки

велосипедистов в Витебске (1894 г.) или запуск воздушного шара в Губернаторском саду Минска (1899 г.), стать свидетелями посещения членами императорской фамилии Беловежской пушчи либо познакомиться с представителями аристократического рода Гуттен-Чапских, владельцами Станькова и Прилук (коллекция архитектора О. И. Маслиева). В 1914 г. Российская империя вступила в Первую мировую войну. В фототеке архива хранятся документы, сделанные на боевых позициях российской армии, в госпитале Гродненской крепости, во время заседаний Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве и посещения Николаем II маневров в районе Бобруйска. Первая мировая война ускорила крах Российской империи. Черно-белые фото 1917 г. запечатлели митинги в белорусских городах по случаю отречения Николая II от престола, а также митинги после победы Октябрьской революции, солдат Первого революционного полка в Минске, членов исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов в Могилеве, приезд советской делегации для переговоров с немецкой стороной в Брест-Литовске. В дальнейшем перед нами предстают солдаты кайзеровских войск на улицах Минска в 1918 г., митинги красноармейцев перед отправкой на фронты гражданской войны, легионеры армии Пилсудского и приезд советской делегации в 1920 г. в Минск для переговоров с польской стороной, заключение Рижского мира в 1921 г.

Помимо фото, хроникально-документальные кинокадры также сохранили для потомков следующие события: «Парад войск в г. Бобруйске в присутствии Николая II» (1916 г.) [1, с. 26], «Брест-Литовское перемирие 1917 г.» и «Мирные переговоры в Брест-Литовске 1917—1918 гг.», «Беженцы в Орше во время немецкой оккупации» (1918 г.) [1, с. 31], «Кавалерийская школа в Поставах. Хроника Патэ» (1919 г.) [1, с. 27], «Мирные переговоры с Польшей в Минске» (1920 г.) [1, с. 34]. Большое количество кинохроники было использовано при создании документальных кинофильмов во второй половине XX в., посвященных истории дореволюционной Беларуси, революционным событиям и гражданской войне. Среди них такие фильмы, как «Беларусь дореволюционная» (реж. В. Гродников, 1978 г.), «Рэвалюцыя 1905—1907 гг. на Беларусі» (реж. С. Житкевич, 1991 г.), «Огненная хроника» (1976 г.), (реж. М. Ждановский, 1977 г.), «Сто дней продолжения» и «Рождение Армии» (реж. Ю. Цветков, 1987 г.), «Штрихи к портрету» (реж. И. Пикман, 1968 г.), «Біяграфія маёй рэспублікі» (реж. И. Рудометов, 1969 г.) и многие другие.

Фонозаписи тех лет представлены грампластинками с записью речей В. И. Ленина 1919—1920 гг. (2 ед. уч.) [2, с. 20]. В дальнейшем на Белорусском радио в 1967 г. были собраны воспоминания участников тех событий, а также создан ряд передач и композиций, посвященных Октябрьской революции и событиям гражданской войны под общими названиями «В первые дни после Октября», «Год вступления в партию — 1917-й», «Нас водила молодость», «Они защищали завоевания Октября».

Аудиовизуальные документы межвоенного периода (1922—1941 гг.), как фото-, так и кинодокументы, передают возрождение экономики после разрухи предыдущих годов и социально-экономические преобразования советской власти. Здесь представлены фотокадры, сделанные во время сдачи крестьянами Беларуси продналога, возникновения первых колхозов, а также показывающие виды электростанций, открытие различных промышленных предприятий в БССР. В кинотеке архива новые веяния жизни республики переданы такими сюжетами, как «Артель художественной вышивки» (1928 г.), «В крупном свиноводческом совхозе им. «Комсомольской правды» (1931 г.), «Уборка льна в колхозе «Победа» Шкловского района» (1933 г.), «Пуск Минской электростанции», «На подъеме», документальный фильм о Витебске, снятый оператором Л. Эпельбаумом в 1931 г. и т. д. [1, с. 35—37]. В фонотеке воспоминания современников об индустриализации в БССР объединены в цикле «Беларусь индустриальная», дата записи — 1979 г. [2, с. 28]. Помимо этого, коллективизации и индустриализации в БССР были посвящены радиопередачи «Па закліку партыі, па закліку сэрца» (1966 г.), «Даешь встречный» (1971 г.), «Беларусь индустриальная» (1980 г.) [2, с. 29—30], а также «Летапіс нашай рэспублікі» за 1923—1940 гг. [2, с. 156—160].

Политическая жизнь того периода отражена в фотографиях, сделанных во время съездов и сессий ЦИК БССР, окружных совещаний ЛКСМБ, посещения председателем ЦИК СССР М. И. Калининым Минска, по случаю награждения Белорусской ССР орденом Ленина, демонстраций, митингов и т. д. Кинокадры тех лет запечатлели следующие события: «7-й съезд Советов Белоруссии» (1925 г.), «5-я сессия ЦИК БССР» (1934 г.), «Празднование 20-й годовщины Октября в Минске» (1937 г.), «20 лет Советской Белоруссии» [1, с. 35—38]. Тема репрессий 1930-х не могла найти никакого отражения в аудиовизуальных документах современников. Об этом заговорили лишь со второй половины 80-х гг. прошлого века. В кинотеке архива хранятся документальные фильмы, затронувшие эту проблему: «Говорю о времени своем» (реж. В. Жигалко, 1987 г.), «Я от отца не отрекусь» (реж. В. Орлов, 1988 г.), «Пусть бьют меня — сильнее буду» (реж. Э. Милова, С. Щеглов, 1989 г.), «Дорога на Куропаты» (реж. М. Ждановский, 1990 г.), «Справа Ігнатоўскага» (реж. В. Бокун, 1991 г.), «Зямля Тарашкевіча» (реж. Ю. Лысытов, 1991 г.), «Пантелеймон Пономаренко» (реж. А. Алай, 2008 г.) [1, с. 45].

После Октябрьской революции началось становление белорусской государственности и широкое развитие национальной науки и культуры. Снимки тех лет запечатлели для нас виды зданий АН БССР, БГУ, различных институтов, преподавателей и студентов высших учебных заведений во время занятий, сцены из спектаклей в постановке белорусских театров, выступление белорусских артистов в Москве. Особое место в фонотеке архива занимают портретные снимки видных белорусских ученых и деятелей искусства: В. М. Игнатовского, В. И. Пичеты, Л. П. Александровской, Я. Купалы, Я. Коласа, В. А. Золотарева,

А. В. Богатырева и многих других. Просматривая черно-белые немые киносюжеты, мы становимся очевидцами торжественного заседания в АН БССР (1931 г.), можем посетить Государственную библиотеку БССР им. В. И. Ленина (1933 г.) и Витебский ветеринарный институт (1939 г.), увидеть выступление артистов во время Декады белорусского искусства в Москве (1940 г.). В фонотеке архива хранятся запись выступления народного поэта Беларуси Я. Купалы (1940 г.), а также серия радиопередач «Летапіс музычнай культуры Савецкай Беларусі», созданная на Белорусском радио в 1976 г. и охватывающая период с 1919 по 1939 г. [2, с. 479—481].

Особое место в фондах архива занимают снимки, сделанные во время учений или парадов военнослужащих Белорусского военного округа, а также киночерки «На Бобруйских маневрах» (1929 г.), «Закладка Дома Красной Армии» (1934 г.), «Ударом на удар» (1936 г.) [1, с. 35—38].

Отдельно следует выделить аудиовизуальные документы, относящиеся к истории Западной Беларуси. В основном материал был представлен бытовыми фотографиями, видами городов, в том числе и Белостока, снимками политзаключенных, членов КПЗБ, КСМЗБ, участников Народного собрания Западной Беларуси. Ценными и востребованными документами являются фотографии из семейных альбомов несвижской ветви Радзивиллов, переданные в архив наследницей рода Радзивиллов Э. Томашевской-Радзивилл в 1992 г. В коллекцию входят 2 фотоальбома, содержащие 55 фотоснимков. В кинотеке события 1939 г. переданы в документальных очерках «Великое освобождение», «Внеочередная 5-я сессия Верховного Совета СССР», «К событиям в Западной Украине и Западной Беларуси», «Освобождение г. Белостока от белополяков» [1, с. 38—40]. В фонотеке архива хранятся выступления депутатов Народного Собрания Западной Беларуси С. Притыцкого и А. Федосюка на внеочередной сессии Верховного Совета СССР, посвященной объединению Западной Беларуси и БССР 2 ноября 1939 г. [2, с. 23].

Огромный пласт в фондах архива занимают аудиовизуальные документы, связанные с Великой Отечественной войной (1941—1945 гг.) [1, с. 45—56]. В первую очередь это снимки военных корреспондентов, работавших как на фронтах Великой Отечественной войны, так и в тылу врага среди партизан. Достоинейшее место среди них занимают фотоколлекции военного корреспондента газет «Красноармейская правда» и «Уничтожим врага», прошедшего боевой путь от Минска до Москвы и от Москвы до Кенигсберга В. И. Аркашева (508 ед. уч.) и профессора Горецкой сельскохозяйственной академии, ветерана Великой Отечественной войны, бывшего разведчика А. М. Богомолова (127 ед. уч.). Кинодокументы этого периода включают в себя летописный материал, сделанный операторами М. Беровым, И. Вейнеровичем, В. Ешуриным, Б. Макасевиным, О. Рейзман, М. Суховой, В. Цеслюком и другими в партизанских зонах либо в военных частях Красной Армии во время освобождения белорусских городов. В эту группу следует отнести киножурнал «Савецкая

Беларусь» военных лет, с сюжетами, которые зафиксировали боевые действия Красной Армии, работу тыла, начало восстановления республики в 1944—1945 гг. Помимо этого, в фондах представлены документальные фильмы режиссеров В. Беляева «Народные мстители» (1943 г.) и В. Корш-Саблина «Освобождение Советской Белоруссии», а также киноочерк режиссера Я. Посельского «Минск — наш!» (оба документа датируются 1944 г.).

В фонотеке архива находятся сообщения Совинформбюро и приказы Верховного Главнокомандующего Вооруженных сил СССР за 1944—1945 гг. (6 ед. уч.) [2, с. 32].

Отдельно следует отметить немецкие трофейные фото- и кинодокументы. Это трофейные киноленты агитационно-пропагандистского характера, снятые в годы оккупации на территории Беларуси немецкими кинооператорами, а также фотодокументы из 63 немецких трофейных альбомов, вывезенные из Германии в 1945 г. Министерством иностранных дел БССР и переданные в 1951 г. в ЦГАКФФД БССР [5], а также немецкие фотоснимки, поступившие в ЦГАКФФД БССР из ЦГАКФФД СССР г. Красногорска (473 ед. хр.). В июле 1993 г. они были рассекречены, и с этого момента все документы БГАКФФД были переведены в открытый доступ [6].

Свидетельством геноцида немецко-фашистских оккупантов на территории БССР стали фото- и киноматериалы, сделанные во время работы Белорусской республиканской комиссии содействия Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и учета причиненного ими ущерба по Белорусской ССР. Фото- и кинокадры тех лет сохранили для потомков виды бывших концлагерей, вскрытие общих могил во время расследования и эксгумацию тел погибших. Особенно ярко это видно в кадрах кинолетописей «Зверства, причиненные немцами на территории Белоруссии» (1943 г.), «Тростенецкий лагерь смерти» (1944 г.), «Разрушения, произведенные немцами на территории СССР» (1945 г.) [1, с. 50—56].

Тема геноцида гражданского населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны нашла свое продолжение и в послевоенных аудиовизуальных документах. В первую очередь это фото- и кинокадры, сделанные во время судебных процессов над военными преступниками и вошедшие в такие документальные фильмы, как «Суд народа» (реж. Ю. Стальмаков, 1946 г.), «Возмездие» (реж. С. Брауде, 1962 г.), «Жертвы обвиняют» (реж. И. Жуковская и П. Шамшур, 1962 г.), «Могилы не молчат» (реж. П. Шамшур и С. Сплошнов, 1963 г.). Логическим продолжением данной темы являются снимки памятников жертвам фашизма, цикл фотографий, связанных с архитектурно-мемориальным комплексом Хатынь, а также документальные кинофильмы «Хатынь, 5 км» (реж. И. Коловский, 1968 г.), «Минута молчания» и «Женщина из убитой деревни» (реж. В. Дашук, 1969 г., 1975 г.) и т. д. Фонотека БГАКФФД содержит 73 ед. уч. магнитофонных записей воспоминаний жителей Беларуси, переживших оккупацию и карательные операции в годы Великой Отечественной вой-

ны. Эти воспоминания были объединены в цикл радиопередач «Я з вогненнай вёскі» [2, с. 39].

Не менее ценны архивные документы, прославляющие подвиг народа-победителя и увековечивание памяти погибших. Это снимки встреч ветеранов с пионерами, трудовыми коллективами или однополчанами, открытие памятников погибшим воинам и партизанам, возложение венков и перезахоронение останков погибших. О Великой Отечественной войне было снято огромное количество документальных фильмов, среди них «Герои Бреста» (реж. Л. Дребышева, 1957 г.), «Люди с черными душами» и «Освобождение Советской Белоруссии» (реж. П. Шамшур, 1962 г., 1965 г.), «Казнен в 41-м» (реж. В. Четвериков, 1968 г.), «Баллада о мужестве и любви» (реж. И. Вейнерович, 1973 г.), «Его зарыли в шар земной» (реж. А. Алай, 1989 г.) и другие [1, с. 59—84]. Живые голоса участников Великой Отечественной войны отражают фонозаписи их воспоминаний и циклы радиопередач «Шла война народная», «Агні партызанскіх кастроў», «Бойцы вспоминают минувшие дни», «Они сражались за Родину» и другие [2, с. 33—51].

Аудиовизуальные документы 1946—1991 гг. знакомят нас с восстановлением мирной жизни в БССР, а также с ее последующим развитием. При этом очень ценным источником передачи информации являются киножурналы «Савецкая Беларусь» (897 ед. хр.), «Навіны дня» (105 ед. хр.), «Піянер Беларусі» (176 ед. хр.), «Навука і тэхніка» (72 ед. хр.), «Мастацтва Беларусі» (44 ед. хр.), «Спартыўны агляд» (45 ед. хр.).

В целом, просматривая фото- и кинодокументы тех лет экономического блока, мы видим возрождение из руин городов и деревень Беларуси, строительство электростанций, заводов, фабрик, автомагистралей, восстановление зданий, библиотек, школ, отмену карточной системы и внедрение в торговлю новых форм продаж, развитие сельского хозяйства, появление фермеров, участие уроженцев Беларуси в освоении целины, строительстве БАМа. Причиной тому могут служить и ряд документальных кинофильмов: «Мінск аднаўляецца» (реж. С. Сплошнов, 1946 г.) [1, с. 336], «Беларусь індустрыяльная» (реж. И. Вейнерович, 1958 г.) [1, с. 176], «Будни соленых забоев» (реж. Н. Хубов, 1965 г.) [1, с. 217], «Новь белорусского села» (реж. А. Каневский, 1975 г.) [1, с. 336], «Мир, который зовется БАМ» (реж. С. Лукьянчиков, 1975 г.) [1, с. 356], «Кооператор, рэкет и мы с вами» (реж. Д. Михлеев, 1989 г.) [1, с. 173].

Политическая сфера жизни отражена выборами в различные органы власти [1, с. 84—92], заседаниями сессий Верховного Совета БССР [1, с. 92—96], съездами, конференциями и пленумами КПСС, КПБ, ВЛКСМ и ЛКСМБ [1, с. 96—105], проведением субботников [1, с. 119—127], парадов, митингов, демонстраций [1, с. 134—138], в том числе и демонстраций, объединенных общим названием «Чарнобыльскі шлях». В этой теме отдельный акцент следует сделать на аудиовизуальные документы, демонстрирующие

БССР на международной арене. Просматривая данные фото- и кинодокументы, мы становимся свидетелями выступлений главы белорусской делегации, министра иностранных дел БССР К. В. Киселева на сессиях ООН, посещения различными иностранными организациями белорусских предприятий и колхозов, приезд в БССР глав иностранных государств — Северной Кореи, стран СЭВ, Кубы, США [1, с. 153—159]. Говоря о политической жизни того времени, невозможно обойти вниманием знаковую фигуру в белорусской истории — 1-го секретаря КПБ П. М. Машерова. В фондах архива хранится целый пласт документов, связанных с его деятельностью. Это официальные фото- и киноматериалы, семейные снимки. Интересны документальные кинофильмы, сделанные после смерти П. М. Машерова, такие как «Петр Мироныч» и «Признание» (реж. Ю. Лысытов, 1995 и 1997 гг.), «Беларусь была его судьбой» (реж. А. Кошевичев, 1998 г.), «Памяць» (реж. М. Ждановский, 1998 г.).

Дальнейшее развитие БССР было бы невозможно без возрождения и развития культуры, образования и науки. Кадры фото- и киноленты переносят нас в школьные классы [1, с. 425—463], вузовские аудитории [1, с. 463—473], лаборатории институтов АН БССР, в медицинские научно-исследовательские центры, в ботанический сад, на экспериментальные селекционные поля [1, с. 380—408], знакомят с выдающимися учеными Беларуси и нашими первыми космонавтами П. И. Климуком и В. В. Коваленком [1, с. 408—410]. Также мы становимся свидетелями работы белорусских театров, библиотек, музеев, клубов, проведения различных фестивалей и т. д. Разнообразна и спортивная жизнь республики того периода. Прежде всего это различные игровые виды спорта, спартакиады, Олимпийские игры [1, с. 573—614].

Наиболее ярко аудиовизуальная история БССР представлена в фильмах режиссера Д. Михлеева «Хроника времен перестройки» (1989 г.) и режиссера И. Рудометова «Советская Белоруссия. Страницы истории» (2006 г.).

Что касается фонодокументов послевоенного периода, то в количественном и качественном плане они весьма разнообразны. Это выступления видных государственных и партийных деятелей Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, К. Т. Мазурова, П. М. Машерова, Ф. А. Сурганова, Г. Я. Киселева и других, радиорепортажи с различных пленумов и съездов, демонстраций, спортивных праздников, радиопередачи, посвященные труженикам села, промышленным предприятиям Беларуси, строителям БАМа, белорусским ученым и покорителям космоса, белорусским писателям и служащим Мельпомены. Невозможно представить фототеку архива без записей радиоспектаклей, опер, музыкальных произведений, выступлений эстрадных артистов.

Начиная с 1991 г. пишется летопись независимой Республики Беларусь. Аудиовизуальные документы фиксируют тернистый путь девяностых годов прошлого столетия — время государственного становления республики. Фото- и кинодокументы тех лет передают резкий экономический спад и сильнейший накал политических страстей. Примером тому могут служить кадры, сделанные

во время заседаний сессий Верховного Совета, забастовок на предприятиях, митингов на площади Независимости. Поворотным этапом в нашем развитии стали следующие моменты: принятие Конституции Республики Беларусь и выборы первого Президента Республики Беларусь, смена государственной символики, укрепление позиций нашей страны на международной арене. Дальнейшему развитию способствовали модернизация в промышленности и сельском хозяйстве, формирование новых отраслей в науке (Парк высоких технологий, преодоление последствий Чернобыльской аварии, трансплантология, белорусская космическая программа). Культурная жизнь Республики Беларусь богата фестивалями и конкурсами — «Дажынкi», «Славянскi базар», «Золотой шлягер», «Дзень беларускага пісьменства» и т. д. Знаковым событием стало проведение Чемпионата мира по хоккею в Минске в 2014 г.

Помимо огромного количества фотодокументов и фонозаписей, наиболее ценным кинолетописным свидетельством всех этих процессов стали киножурнал «Беларусь» за 1991—2005 гг. (61 ед. хр.), новостная программа «Контурь» (356 ед. уч.), телепередачи: «Арсенал» (51 ед. уч.), «Благовест» (37 ед. уч.), «Бритва Оккама» (28 ед. уч.), «Другая Радзіма» (16 ед. уч.), «Падзеі культурнага жыцця» (9 ед. уч.), «Республика сегодня» (19 ед. уч.), «Судьба человека» (34 ед. уч.). Большое количество хроникально-документальных кадров содержат видеofilьмы «Новейшая история» (2007 г.), «Знакомьтесь — Беларусь» (реж. М. Сабуров, 2007 г.), «Республика Беларусь. XXI век» (2015 г.).

Таким образом, аудиовизуальные документы БГАКФФД позволяют исследователям перенестись в прошлое, наиболее полно ощутить дух времени. Что касается работников архива, то вот уже 75 лет они ведут работу по сбору, оценке, сохранности, учету и использованию аудиовизуальных документов для будущих поколений.

Источники и литература

1. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов: справочник. Ч. 1. Кинодокументы / авт.-сост. С. В. Жумарь. — Молодечно, 2002. — 718 с.
2. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов: справочник. Ч. 1. Фонодокументы / авт.-сост. С. В. Жумарь; редкол. В. В. Баландин. — Минск, 2013. — 560 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь. — Ф. 1189. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 8.
4. Там же. — Д. 7. — Л. 5, 16, 24.
5. Там же. — Д. 118. — Л. 42—51.
6. Там же. — Оп. 5. — Д. 180. — Л. 18—22.
7. Положение о государственном архивном фонде Союза ССР: утв. Постановлением Совнаркома Союза ССР: текст по состоянию на 29 марта 1941 г. — Москва. / Управление Государственными архивами НКВД СССР. — 12 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 05.05.2016

В. А. Барбарчук,
*младший научный сотрудник отдела документоведения
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела*

**ДОКУМЕНТЫ ФОНДА
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
КРИМИНОЛОГИИ, КРИМИНАЛИСТИКИ
И СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПОДДЕЛКАМ ДОКУМЕНТОВ В БССР В 1970—1980-е гг.**

Важной составляющей комплексного изучения социально-экономического развития и эволюции политической системы государства является выявление и анализ процессов, происходящих в нелегальной и полуполюгальной сферах экономики. Изучение структуры теневой экономики, в частности, наиболее распространенных сфер деятельности подпольных предприятий, особенностей снабжения сырьем и реализации продукции теневого бизнеса позволяет с большей точностью определить причины процессов деградации в экономике, снижения эффективности государственных предприятий, возникновения дефицита товаров [9]. Учитывая значительное влияние процессов, происходящих в теневой и полуполюгальной сферах жизни социума, на экономическое и социальное развитие государства, становится очевидной необходимость изучения истории преступности и практического опыта борьбы с правонарушениями в экономической и иных сферах деятельности общества. Одним из наиболее полных источников по истории борьбы с преступностью, в особенности научно-практического аспекта правоохранительной деятельности, являются архивные фонды научных организаций криминалистического профиля и экспертных подразделений органов внутренних дел.

Ведущим научно-практическим центром, осуществлявшим разработку вопросов противодействия противоправной деятельности в БССР, был Научно-исследовательский институт судебной экспертизы (НИИСЭ) Министерства юстиции БССР. Соответственно, архивный фонд данного учреждения является ценным источником по истории криминалистики и правоохранительной деятельности в БССР, следовательно, и по истории преступности и теневой экономики. Документальный фонд данного учреждения находится на хранении в Белорусском государственном архиве научно-технической документации (далее — БГАНТД) и состоит из 861 ед. хр. К фонду составлены две описи: опись 1-УД, в которой описаны дела, содержащие в основном организационно-распорядительные документы и статистическую документацию, а также опись 1-НИР с делами, содержащими документы по выполнению научно-исследовательских работ.

В рассматриваемый период учреждение претерпело несколько смен наименований, отражавших изменение подчиненности и функциональной нагрузки. С момента основания в 1951 г. по 18 ноября 1958 г. центральная криминалистическая научно-исследовательская и экспертная организация БССР носила название Минская научно-исследовательская криминалистическая лаборатория Министерства юстиции БССР. Документы данного периода наиболее точно отражают становление экспертной криминалистической деятельности в Беларуси на этапе послевоенного восстановления, в них описаны проблемы с обеспечением деятельности организации материально-технической базой, а также недостаточный уровень подготовки специалистов правоохранительных органов на местах [1, л. 12—22, 34]. Также в документах раскрывается масштаб помощи, оказанный новообразованной лабораторией организациями аналогичного профиля других союзных республик, в частности, Одесской лабораторией судебной экспертизы [1, л. 38].

В связи с процессами укрупнения и централизации органов государственного управления и правоохранительных организаций республиканского уровня 18 ноября 1958 г. организация была переименована в Научно-исследовательский институт судебной экспертизы (НИИСЭ) Министерства юстиции БССР (с 20 февраля 1960 г. по 17 сентября 1970 г. — Юридической комиссии при Совете Министров БССР). Реорганизация в институт включала в себя значительное расширение штатов, увеличение количества проводимых экспертиз, усиление научно-практической сферы работы организации. В данный период институтом проводилось значительное количество научных исследований в сфере криминалистики и криминологии, в том числе в области автотехнической, строительной, трассологической, почерковедческой экспертиз. В том числе в материалах фонда за вышеуказанный период хранятся материалы первой в БССР научной конференции по вопросам криминалистики и судебной экспертизы. Тематика докладов касается различных аспектов криминалистики, а также ряда смежных дисциплин. В частности, материалы доклада Г. Гимона «Установление подлинности и способа изготовления золотых монет царской чеканки» могут представлять интерес для специалистов по нумизматике [2, л. 35—67]. Середина 1970—80-х гг. для института характеризуется интенсивным развитием средств автоматизации судебно-экспертной деятельности по всем видам экспертиз. Не обошли эти инновации и Лабораторию судебно-технических исследований документов (ЛСТИД), именно поэтому криминалисты смогли во всеоружии встретить вал подделок в начале девяностых. Сотрудниками института проводились многочисленные исследования в области поиска методов противодействия подделке документов с использованием различных средств фальсификации. Изучались как возможности использования при подделке документов средств ЭВМ и индивидуальной полиграфии, так и выявление признаков воздействия на материальный носитель документа наиболее популярных средств бытовой химии [5; 6, л. 6—10, 8—34]. В целом, данный период в истории

института характеризуется значительной активностью в области научно-исследовательской деятельности, сотрудники института реагировали на появлявшиеся угрозы безопасности и изучали наиболее современные методики экспертизы доказательств.

В связи с динамичным процессом реформ, начавшихся в СССР во второй половине 1980-х гг., и повышением самостоятельности органов управления в союзных республиках 20 марта 1990 г. институт претерпел очередную реорганизацию, расширившую его вовлеченность в непосредственную судебно-экспертную деятельность, и был переименован в Научно-исследовательский институт проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы (НИИПКК и СЭ) Министерства юстиции БССР. В связи с получением Республикой Беларусь государственного суверенитета 19 сентября 1991 г. институт был подчинен новообразованному Министерству юстиции Республики Беларусь. Данный период характеризуется значительным объемом научно-исследовательских работ в направлении создания нормативной правовой базы судебно-экспертной деятельности в независимой Республике Беларусь и методического обеспечения деятельности экспертных подразделений правоохранительных органов и силовых структур в условиях изменившейся внешне и внутренне политической ситуации. Особое внимание в научно-исследовательской деятельности сотрудники института уделяли изучению новых технологий в области электроники и вычислительной техники. Изучались вопросы экспертизы документов, изготовленных с использованием средств современной полиграфической техники, а также безопасности информационных технологий.

В связи с дальнейшей эволюцией системы органов государственного управления Республики Беларусь и реорганизацией органов правоохранительной отрасли 13 июля 2001 г. институт получил статус научно-исследовательского учреждения «Научно-исследовательский институт проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Беларусь» (НИУ «НИИПКК и СЭ Министерства юстиции Республики Беларусь») Министерства юстиции Республики Беларусь. С 2013 г. и по настоящее время центральным научно-исследовательским учреждением в области криминалистики, криминологии и судебной экспертизы в Республике Беларусь является созданный на базе института Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Изготовление и внедрение фальшивых документов является одним из наиболее эффективных инструментов совершения преступлений против государственной и частной собственности, позволяя с относительной простотой получить доступ к имуществу, правам и льготам законного правообладателя. Поддельные документы также могут быть использованы при совершении иных видов правонарушений, тем не менее, наибольшее количество фальшивок создается в сфере преступлений против собственности. Исходя из эффективности использования поддельных документов как средства совершения эконо-

мических преступлений, а также их частого применения, исследование опыта борьбы экспертов-криминалистов с фальшивками является ценным источником по истории развития преступности в изучаемый период. В дальнейшем в статье будет рассмотрен опыт практической работы сотрудников криминалистической лаборатории, а впоследствии института криминалистики по противодействию внедрению поддельных документов в оборот организаций и ведомств БССР в 1970—80-е гг.

Изготовление и сбыт поддельных документов были достаточно серьезной угрозой документационной системе народного хозяйства БССР в 1970—80-е гг., несмотря на достаточно низкое число взаимодействующих субъектов хозяйствования и невысокий уровень информатизации общества. Одной из причин этого является деятельность теневых структур в экономике Советского Союза, масштаб деятельности которых значительно увеличился в указанный период [8]. Постепенное увеличение уровня преступности в Советском Союзе началось с так называемой «хрущевской оттепели» [10] и было связано с постепенной либерализацией экономики. При достаточно высоком уровне развития полупроводниковых технологий и ЭВМ уровень использования средств ЭВМ и, в особенности, средств индивидуальной полиграфии в советском народном хозяйстве оставался невысоким [7]. В частном же пользовании ЭВМ практически не было, в силу чего подделки изготавливались в основном традиционными способами перерисовки, монтажа [5, л. 3].

С целью профилактики хищений в агропромышленном комплексе работниками экспертных организаций органов внутренних дел проводился анализ выявленных случаев подделки документов. Количество материалов, поступивших в 1982—1985 гг. на экспертизу в НИИСЭ и связанных с хищениями в сельском хозяйстве, составляло 10—20% от общего числа проведенных экспертиз. По одному делу назначались десятки экспертиз. Всего по девяти уголовным делам, связанным с хищениями в агропромышленном комплексе, было проведено 145 экспертиз подлинности документов, но составлено только 9 профилактических уведомлений. Наиболее часто эксперты сталкивались с подделками следующих видов документов: различных ведомостей на выдачу денежных средств; ведомостей на выдачу материальных ценностей; различных накладных; расходных (в том числе кассовых) ордеров [4, л. 7—33].

Всего в ходе анализа экспертной практики было обнаружено 20 видов нарушений и недостатков при оформлении документации, которые можно условно разделить на две группы: несоблюдение установленных правил оформления документов и недостатки в осмотре документов должностными лицами, их принимающими. В числе наиболее частых нарушений, допущенных при оформлении документации, была выдача денежных средств не тем лицам, которым они были начислены, а их коллегам или родственникам. Также распространенным нарушением порядка оформления документации было выполнение подписей от имени различных получателей в исследуемом документе

одним лицом. В некоторых случаях в одну ведомость одни и те же лица вносились по два, а иногда и по четыре раза.

Одним из наиболее частых нарушений при составлении документов являлись дописка или подчистка юридически значимых сведений в ведомостях: исправления суммы выданных денежных средств, даты их получения и основания выдачи. Часто в документах отсутствовали необходимые для придания правомочности реквизиты: подписи руководителей, главных бухгалтеров и бухгалтеров, иных работников организаций, ответственных за выдачу материальных ценностей.

Часть выявленных нарушений при оформлении документации явно свидетельствовала об осуществлении материального подлога. О сознательной подделке реквизитов документа с целью незаконного получения материальных ценностей свидетельствовало выполнение подписей о получении денежных средств в ордерах и накладных через копировальную бумагу, а также наличие карандашной подготовки при выполнении подписи в ведомости.

Некоторые укоренившиеся традиции в оформлении документов в агропромышленном комплексе, хотя и не являлись непосредственно частью противоправной деятельности, но, тем не менее, значительно осложняли проведение экспертизы. В частности, значительно затрудняло исследование подписи проставляемая на месте выполнения подписи отметка «галочка», которая совмещалась с первым элементом букв и росчерком подписи.

Многие из обнаруженных экспертами недостатков в оформлении документов, служивших признаками совершения противоправных действий, могли быть с легкостью выявлены даже путем простого визуального осмотра документов. Материальные ценности выдавались фактически без проверки личности получателя, что свидетельствовало о том, что контроль за выдачей ценностей со стороны организаций отсутствовал. При проведении экспертизы по материалам другого уголовного дела было выявлено, что наряды принимались бухгалтерией совхоза без надлежащего их осмотра, и по документам начислялись крупные денежные суммы. В большинстве случаев работники организаций, в частности, главные бухгалтеры, легко могли бы выявить эти нарушения, однако на документах не было их подписей, что свидетельствует о грубом нарушении установленного порядка выдачи материальных ценностей.

В целом, проведенное сотрудниками НИИСЭ исследование случаев подделки документов в агропромышленном комплексе явно свидетельствует о связи нарушений в оформлении документов и низкой исполнительской дисциплины с хищениями материальных ценностей с использованием поддельных документов.

Нарушения порядка оформления документов и недостатки бланка документа значительно усложняют работу с документной информацией и создают предпосылки для неправильного истолкования документа и сомнений в его подлинности. Примером последствий недостаточного внимания к разработке

формуляра официального документа может служить вал сообщений о подделках пенсионных ведомостей, с которыми столкнулись следственные органы БССР во второй половине 1980-х гг. [3, л. 4—42].

Количество заявлений граждан о неполучении пенсий и, соответственно, заведенных по данным заявлениям дел постепенно нарастало в течение первой половины 1980-х гг. Экспертами было установлено, что большинство подписей пенсионеров подлинны: в 31 экспертизе (84%) сформулированы категорически положительные ответы, в трех случаях исполнителями подписей от имени пенсионеров являлись члены их семей, в двух случаях решить вопрос о подлинности подписей не представлялось возможным.

В результате проведенного специалистами НИИСЭ исследования были выявлены причины сообщений о подложности документов. Основными причинами неопределенности с подлинностью документов стали систематические нарушения установленной законодательством процедуры выдачи пенсий и пособий, а также недостатки в структуре бланков ведомостей на выдачу пенсий. Инструкция по выплате пособий, разработанная Министерством связи и Министерством соцобеспечения БССР, содержала требование собственноручного проставления пенсионером подписи и даты получения выплаты, тем не менее, в реальности дату ставили работники почты. Зачастую работники почты также проставляли в графе, предназначенной для подписи пенсионера «галочку», которая сливалась со штрихами подписи пенсионера. Также часто пенсии выплачивались не самому пенсионеру, а его родственникам или иным лицам. При выдаче пенсии иному лицу за пенсионера в ведомости должны быть проставлены соответствующие отметки. Однако во многих случаях данные положения не соблюдались. Кроме того, часто в графах ведомостей присутствовали неоговоренные пометки, дописки, исправления, которые принимались пенсионерами за признаки подделки документа.

Второй важной причиной сомнений в подлинности подписей в ведомостях являлось наличие в бланках ведомостей на выдачу пенсий ряда существенных недостатков как по форме, так и по размерам реквизитов. Размер графы бланков, отведенной для выполнения подписи получателем пенсии, не превышал двух сантиметров, а в некоторых бланках размер графы был всего лишь один сантиметр. Выполняя подписи в таких графах, лица пожилого и старческого возраста, особенно малограмотные были вынуждены сокращать свою подпись, вносить в программу ее исполнения существенные изменения. Это приводило к тому, что пенсионеры впоследствии не могли распознать свою собственную подпись и обращались с заявлением в соответствующие органы. На основе опыта экспертного исследования подписей лиц пожилого и старческого возраста специалисты института установили, что оптимальный размер графы для выполнения подписи в подобных документах должен составлять не менее четырех сантиметров.

Очевидной проблемой, затрудняющей процесс изучения теневой экономики и иных видов противоправной деятельности, является выбор наиболее релевантного круга источников по данной проблеме. Традиционно используемые в таких исследованиях материалы уголовных дел и внутренняя статистика правоохранительных органов достаточно точно описывают отдельные случаи противоправных действий, а также валовую динамику криминальных процессов. Однако в этих источниках недостаточно отражена динамика качественной эволюции методов деятельности преступных элементов, кроме того, значительная часть материалов уголовных дел по экономическим преступлениям, наиболее полно характеризующая функционирование подпольных сфер экономики, имеет небольшой срок архивного хранения. Приведенные примеры практического противодействия подделкам документов в БССР демонстрируют необходимость точного соблюдения установленного порядка создания документов для борьбы с подделками. При условии точного соблюдения требований законодательства в организации наличие нарушений в спорных документах может служить дополнительным доказательством их подложности. Важную роль в повышении защищенности документов от подделок играет также тщательная разработка бланка документа, при которой необходимо учитывать специфику работы с документами, характерную для каждой системы документирования.

Источники и литература

1. БГАНТД. — Ф. 136. — Оп. 1-УД. — Д. 12.
2. Там же. — Д. 53.
3. Там же. — Д. 263.
4. Там же. — Д. 326.
5. Там же. — Оп. 1-НИР. — Д. 78.
6. Там же. — Д. 99.
7. Масштабы и динамика развития теневой экономики в постсоциалистических государствах Евразии (обзор зарубежных исследований) / Н. Н. Иванова // Экономическая теория преступлений и наказаний. — 2002. — № 4—1. — С. 23—67.
8. Гроссман, Г. «Вторая экономика» в СССР / Г. Гроссман, Н. В. Соловьева // Экономическая теория преступлений и наказаний. — 2002. — № 4—1. — С. 34—37.
9. Коррупция в России: наследие советского режима и экономические реформы (сводный реферат) / И. Ю. Жилина // Экономическая теория преступлений и наказаний. — 2002. — № 4—1. — С. 12—42.
10. Андриенко, Ю. В. Преступность — проклятие свободы? Как развивалась преступность в России в переходный период / Ю. В. Андриенко, Р. Арэнд // Экономическая теория преступлений и наказаний. — 2002. — № 4—2. — С. 8—23.

Артыкул пастуйў у рэдакцыю 18.08.2016

С. В. Кулинок,
заведующий отделом информации и использования документов
Белорусского государственного архива
научно-технической документации;
e-mail: svkulinok@tut.by

ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕМЕЦКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫХ ШКОЛ И КУРСОВ В БОРИСОВЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Зимой 1966—1967 гг. на Борисовском колхозном рынке царило необычное оживление: торговые ряды были заполнены людьми, которые предлагали покупателям старые и поношенные вещи. Тут же можно было встретить людей в немецкой форме... [13, с. 4]. Здесь снимали эпизоды фильма «Путь в «Сатурн» о работе советского разведчика Крылова — Крамера (прототип советского разведчика А. И. Козлова) по внедрению в школу абвера «Сатурн», размещавшуюся в Борисове. Сценарий к фильму был написан по роману В. И. Ардаматского «Сатурн почти не виден» [6]. А примерно 25 лет назад на этом же месте, возможно, происходили не «киношные» события, а реальные... Здесь, в городе на Березине, располагалось минимум четыре школы, где готовились будущие разведчики, диверсанты и террористы. Здесь же была одержана славная победа советских органов государственной безопасности и партизанских разведчиков над немецкими спецслужбами...

Борисовская разведывательно-диверсионная абвершкола — одна из самых крупных и известных школ немецкой разведки, которые действовали на оккупированной территории Советского Союза. Это «учебное заведение» было открыто в августе 1941 г. и стало первой спецшколой немецких секретных служб, созданной на территории Беларуси.

За весь послевоенный период именно эта абвершкола наиболее часто встречается в исследованиях как советских, так и постсоветских историков. Справедливым представляется мнение о том, что история этого секретного учебного заведения на сегодняшний день исследована достаточно подробно и новая попытка изучения данной проблемы приведет лишь к появлению очередной «компиляции». Но это не так.

Во-первых, имеющийся в распоряжении историков фактологический материал по истории школы «Сатурн» не такой уж и богатый. По-настоящему изученными являются лишь несколько сюжетов. Фактически все работы, которые были опубликованы начиная со второй половины 2000-х гг., сами являются «компилятивными». Новых данных за последние 8-10 лет в научный оборот введено практически не было.

Во-вторых, недостаточное привлечение новых архивных документов привело к тому, что многие данные историков-исследователей на сегодняшний день морально устарели либо требуют детальной проверки и уточнения.

В-третьих, в современной исторической науке аксиомой является тезис о деятельности в Борисове только одной спецшколы (курсов) — абвершколы «Сатурн». В исследованиях можно встретить разовые упоминания о других подобных заведениях, однако они рассматриваются как «филиалы» или дочерние ответвления от «Сатурна», а не как самостоятельные центры подготовки агентов. На основании архивных документов можно утверждать, что в городе на Березине, помимо абвершколы, действовали: разведывательно-диверсионные курсы при тайной полевой полиции (ГФП) [51, л. 20—21 об.], диверсионная школа узкого профиля «школа старших специалистов» (под прикрытием организации ТОДТ) [43, л. 88—89], несколько «школ гестапо» в самом городе [42, л. 18—19; 43, л. 207; 51, л. 113 об.—114 об.].

При изучении историографии определена главная особенность данной проблемы: несамостоятельность изучаемой темы. Практически все сведения о деятельности абвершколы «Сатурн» рассматриваются либо как один из сюжетов в проблеме противостояния советских и германских органов государственной безопасности, либо в контексте разведывательной и контрразведывательной деятельности партизан. В результате, на сегодняшний день тема деятельности на территории оккупированной Беларуси разведывательно-диверсионных (в том числе Борисовской), казачьих и полицейских школ находится в «зачаточном» состоянии. Масштабы деятельности немецких спецслужб в этом направлении разнообразны и значительны, а военные историки до сих пор не могут вырваться из сюжетной зависимости от партизан и противостояния разведок. Данное исследование — попытка рассмотреть эту тему как самостоятельную на примере всего лишь нескольких спецшкол и курсов, действовавших только в одном населенном пункте.

Первые сведения о деятельности разведывательной школы абвера (а в историографическом обзоре рассматривается в основном именно она, так как сведений о других школах практически нет) можно встретить в воспоминаниях бывших участников партизанской борьбы в тылу [15; 22; 38], а также в исследованиях, посвященных советским органам государственной безопасности [17, с. 153; 56].

Так, в воспоминаниях В. Ф. Золотаря сообщается, что «недалеко от Борисова в расположении военного городка Печи обосновались филиал вражеской разведки «АК-3 Цепеллин» и разведывательная школа» [22, с. 167].

Комиссар партизанской бригады «Смерть фашизму» Минского областного соединения И. П. Дедюля вспоминал: «... на основе данных, полученных от разведки, проникшей в Ново-Борисовскую диверсионно-разведывательную школу абвера, нам сообщили точные приметы одного из гитлеровских лазутчиков, посланного в наш отряд. И действительно, чуть ли не на следующий день к нам пожаловал под видом советского военнопленного новоиспеченный диверсант» [15, с. 167]. Бывший участник подпольной и партизанской борьбы в тылу немецких войск Р. Мачульский в книге «Вечный огонь» так описывает деятель-

ность «народных мстителей» по раскрытию этой школы: «Весной 1943 года ... стало известно от подпольщиков, что где-то в Борисове или поблизости от него гитлеровцы открыли разведывательную школу по подготовке лазутчиков и диверсантов для засылки в тыл Красной Армии и партизанские отряды. ... Под видом художника-любителя Николай Капшай (подпольщик из Борисова. — С. К.) облазил всю местность вокруг города и установил, что неподалеку от Ново-Борисова функционирует ... школа, организованная военной разведкой абвер» [38, с. 318—319]. Далее указывается, что эта школа имела свой филиал возле Ново-Борисова, в бараках бывшего дорожно-эксплуатационного управления (ДЭУ), который «официально назывался школой старших специалистов при отделении «Волга» немецко-фашистской военно-строительной организации ТОДТ» [38, с. 319]. Примечательно, что это лишь одна из нескольких работ, в которых сообщается о деятельности другой школы, хотя она идентифицирована как филиал «Сатурна». На самом деле «школа старших специалистов» — узкоспециализированная диверсионная школа, которая действовала самостоятельно [см.: 43, л. 88—89, 95—96, 229—232 об.; 45, л. 70—71; 50, л. 48—48 об.].

Данные о розыске Н. Капшаем спецшколы можно встретить в монографии Е. Ерусалимчика, посвященной истории города Борисова, однако в этом исследовании разведчик действовал не осенью 1943, а летом 1942 г., что является ошибкой [19, с. 50]. Аналогичные сведения о подвиге Н. Капшай приводит Илья Борисов в работе «Бессмертные имена». Там же автор описывает эпизод похищения одного из руководителей школы полковника Нивелингера [8, с. 103—104]. В более поздних монографиях и исследованиях среди преподавателей и руководителей Борисовской абвершколы и «школы специалистов» фамилия Нивелингер не встречается.

В монографии С. Острякова «Военные чекисты» отмечается, что советским сотрудникам органов государственной безопасности удалось «в 1943 году проникнуть в разведшколу абверкоманды «Сатурн» в Борисове, а одному из них — стать даже преподавателем (имеется в виду А. И. Козлов. — С. К.). Они передали нашей военной контрразведке подробные сведения на сотни агентов, обучавшихся в указанной школе. ...» [56, с. 172].

Во втором томе книги «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны» в разделе, посвященном контрразведывательной деятельности партизан, можно также встретить упоминание о Борисовской школе абвера. Во-первых, это уже выше-названный эпизод с подпольщиком Н. Капшаем. Кроме того, в работе отмечается, что «осенью 1943 г. служба разведки Борисово-Бегомльского партизанского соединения с помощью подпольщиков устроила в школу своего человека. Действуя смело и в то же время осмотрительно, он собирал сведения обо всех, кто обучался в «Сатурне» [14, с. 263].

В 1984 г. была издана монография В. Андрианова и А. Князькова «Всенародная борьба с фашистскими захватчиками на временно оккупированной тер-

ритории Советского Союза», в которой имеются сведения и о Борисовской школе. Авторы подробно описывают операцию разведчиков Минского партизанского соединения по внедрению своего агента («Курсант») в разведывательно-диверсионную школу, которая располагалась «недалеко от Ново-Борисова, в с. Печи под вывеской школы старших специалистов военно-строительной организации ТОДТ» [4, с. 40—43]. В очередной раз авторы ошибочно соотносят школу «Сатурн» и школу специалистов.

Значительный всплеск интереса к изучению деятельности разведывательно-диверсионных школ (в т. ч. Борисовской) наблюдается с начала 1990-х гг., однако эта тема продолжает изучаться в контексте вышеназванных сюжетов. В 1992 г. в журнале «Неман» была опубликована статья И. Борисова «Сатурн» на ладони» [9, с. 153—176], которая впоследствии вошла в монографию автора с аналогичным названием [10]. Фактически это первая работа, посвященная истории деятельности разведывательно-диверсионной школы в Борисове. Монография написана в форме исторических очерков (повести), что несколько снижает ее научное восприятие, однако сюжетная основа у этой монографии достоверная.

В этой связи комичным представляется эпизод с побегом преподавателя абвершколы И. Мапошина-Фролова к партизанам. Опасаясь немецких патрулей, перебежчик и партизанская связная Вера Степановна Гончарова (которая и должна была отвести И. Мапошина-Фролова к партизанам. — С. К.) вынуждены были ночью остановиться на кладбище. Автор описывает поведение преподавателя школы чуть ли не как суеверное и трусливое. . . Сложно ожидать такое от человека, воевавшего четыре года на фронтах гражданской войны, участвовавшего в кровавых оборонительных боях в 1941 г. и, наконец, преподававшего в элитной немецкой разведывательно-диверсионной школе. Безусловно, это художественный штрих для более «легкого» восприятия книги читателями. Отметим, однако, что автор работал с архивными документами, а также общался с непосредственными участниками тех событий. В основу работы положено два основных сюжета: переход на советскую сторону преподавателя абвершколы И. Мапошина-Фролова и внедрение в «Сатурн» советского разведчика А. И. Козлова. Именно эта монография познакомила читателей с работой на территории оккупированной Беларуси спецшколы «Сатурн». Кроме того, данное исследование в дальнейшем использовалось практически всеми авторами, которые касались темы школы в Борисове.

Сразу несколько интересных работ и публикаций было написано белорусскими исследователями в 1994 г. Отметим монографию бывшего заместителя командира Борисово-Бегомльского партизанского соединения К. И. Доморада «Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии 1941—1944 гг.». В исследовании приводятся сведения о разоблачении партизанами немецких агентов, окончивших спецшколу в Борисове [18, с. 218, 228]. На основании многочисленных документов и личного архива автора подробно описана

история внедрения А. И. Козлова в «Сатурн». Подводя итог деятельности спецшколы в Борисове, К. Доморад отмечает, что «по официальным данным за послевоенный период органами государственной безопасности СССР и БССР выявлено 392 человека из числа преподавателей, обслуживающего персонала, обучавшихся в Борисовской и Катынской разведывательных школах «Сатурна», из них 249 арестовано, в том числе руководитель одной из абверовских групп вербовщиков Михаил Паштетник» [18, с. 243].

Деятельность советских агентов А. И. Козлова и В. И. Козыро кратко описана в книге «Памяць. Барысаў. Барысаўскі раён» [57, с. 303—305].

В апреле 1994 г. в газете «Мінская праўда» появилась серия публикаций Н. Жучко «Сатурн» глазами очевидцев» [20]. Статьи посвящены деятельности советской разведчицы Веры Ефимовны Матусевич, которая работала в школе поваром. Это был новый сюжет в истории «Сатурна». Впоследствии история В. Матусевич появилась еще в нескольких публикациях [11, с. 14; 61, с. 8; 62, с. 206—207; 63, с. 137—140].

С начала 1990-х гг. значительно увеличился интерес к вопросу деятельности на оккупированной территории советских органов государственной безопасности. Снятие цензуры, открытость архивов и возможность работать и публиковать новые документы — все это способствовало появлению новых исследований. Среди многочисленных работ необходимо отметить монографию А. Соловьева «Они действовали под разными псевдонимами...», изданную в 1994 г. В исследовании есть сведения, хотя и весьма общие, о деятельности школы в городе на Березине: разоблачение агентов и переход И. Мапошина-Фролова [70, с. 27, 89, 91].

Во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. вышел ряд публикаций [28; 58; 59; 67; 68; 69; 73] и монографий [29; 65; 74] как российских, так и белорусских исследователей, в которых встречаются сведения о деятельности разведывательно-диверсионной школы в Борисове. Как правило, это общие сведения, но встречаются и работы с новыми данными. Так, в статьях белорусского историка спецслужб Н. Смирнова приводится интересный факт: небольшой отряд чекистов под командованием В. Жукова, заброшенный в тыл врага, летом 1943 г. получил сведения о месте отдыха курсантов Борисовской школы на р. Плиса. В результате организованной засады был захвачен один из агентов, который дал установочные данные на 22 агентов и руководителей школы [67, с. 40; 68, с. 12].

Судьба советского разведчика А. И. Козлова кратко изложена в статье Е. Автушко «Через «Сатурн» в ГУЛаг». Ее ценность заключается в том, что автору удалось лично побеседовать с разведчиком во время его приезда в Борисов [1, с. 5].

Отдельно следует рассмотреть работы российского исследователя С. Г. Чуева. Именно он в своих исследованиях опубликовал сведения (справочного характера. — С. К.) о Борисовской школе, которыми впоследствии пользо-

вались и пользуются другие историки. Отметим, что сам С. Чуев при написании работы, очевидно, использовал рассекреченные и обработанные материалы «Сборника справочных материалов об органах германской разведки, действовавших против СССР в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов»: «Германская военная разведывательная и контрразведывательная служба «Абвер» и «Главное управление имперской безопасности Германии — РСХА и подчиненные ему органы», которые и легли в основу книги.

В статье «Разведывательные и диверсионные школы абвера», опубликованной в 2002 г., есть отдельный раздел, посвященный школе в Борисове. Автор сообщает, что она «была организована в августе 1944 (это опечатка. Школа была создана в августе 1941. — С. К.) года абверкомандой-103, первое время размещалась в дер. Печи в бывшем военном городке в 6 км от Борисова по дороге на Минск». Далее исследователь дает сведения о руководителях этого учебного заведения, количестве курсантов и сроках обучения, местах забросок, системе подготовки, передислокации школы, а также некоторые данные о деятельности советских чекистов по внедрению в «Сатурн» [73, с. 135—137]. Аналогичные данные автор приводит и в своей монографии [74, с. 240—242]. Безусловно, что по сравнению с предыдущими «наработками» по истории этой абвершколы, сведения С. Чуева — значительный «прорыв» в изучении проблемы. Вместе с тем, следует отметить ряд неточностей и ошибок (притом весьма значительных), которые впоследствии «перекочевали» и в работы других авторов.

Во-первых, автор определяет школу в Борисове как «разведывательную». Это не совсем корректно. Отметим, что «разведывательных» школ в чистом виде на оккупированных территориях почти не было. Как правило, подобные заведения были разведывательно-диверсионными, так как наряду с подготовкой разведчиков готовили террористов и диверсантов (имели соответствующие отделения или группы). Именно такой была школа в Борисове. В качестве примера можно привести следующие данные: бывший курсант школы Н. Скуратович сообщил, что подготовка в школе велась по пяти основным группам, одна из которых — диверсионная [47, л. 5—6]. Аналогичные сведения в июле 1943 г. сообщил начальник оперативно-чекистской группы Могилевского обкома КП(б)Б Стельмах [40, л. 7]. Начальник Особого отдела 1-й Минской бригады Папиев сообщал, что «Борисовская школа шпионажа в Печи выпустила и заслала в отряды... группу Стрельцова Николая в мае месяце (1943 года. — С. К.) в количестве 5 человек в неизвестном направлении с задачей террора, группа снабжена отравляющими веществами...» [43, л. 211]. Отметим тот факт, что доминирующую роль играла подготовка именно разведчиков, однако и диверсионно-террористический «уклон» имел место.

Во-вторых, по данным С. Чуева «в феврале 1942 года школа была переведена в дер. Катънь в 23 км от Смоленска», а в д. Печи было «создано подготовительное отделение, где агенты проходили предварительную проверку и под-

готовку, затем направлялись в д. Катънь для обучения» [74, с. 240—242]. Действительно, отделение школы осталось в Печах, но вот только называть его «подготовительным» некорректно. Правильнее будет определить его как самостоятельно действующий филиал. В архивных документах фонда БШПД имеется информация о том, что в этот период в Печах набиралось, обучалось и готовилось значительное количество агентов, предназначенных для самостоятельной шпионской и диверсионной работы в тылу Красной Армии и в партизанских соединениях. В качестве примера приведем 2 эпизода:

партизанскими диверсионными группами Н. Кохова и В. Власова 5 августа 1942 г. был разоблачен немецкий агент Кожура, «следовавший по нашим пятам» и прошедший подготовку в Борисовской школе [48, л. 4—5об.];

в докладной записке руководителя оперативно-чекистской группы НКВД по Минской области капитана Крысанова на имя начальника Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) П. З. Калинина от 5 ноября 1942 г. указывалось, что «школу... окончило 160 человек. Есть случаи, когда окончивших школу высаживали на парашютах в лесах, для проникновения в партизанские отряды под видом советских парашютистов» [49, л. 42]. Сложно назвать такую деятельность «подготовительной».

В-третьих, ошибочным представляется утверждение С. Чуева о том, что «в сентябре 1943 г. школа эвакуировалась на территорию Восточной Пруссии в д. Розенштайн в 100 км от Кенигсберга», а в дальнейшем перемещалась на запад. 29 декабря 1943 г. (то есть в то время, когда школа действовала в д. Нейндорф, южнее г. Лыкк. — С. К.) начальник БШПД П. Калинин получил отчет от заместителя командира по разведке и контрразведке партизанской бригады им. Щорса Заварыкина, в котором говорилось: «В военном городке Печи блок «Ф» Борисовского района размещается школа немецких разведывательных органов, которая регулярно через 2-3 месяца выпускает шпионов в наш советский тыл, партизанские отряды и бригады. Школа имеет два отделения: радистов и разведчиков... Данными агентуры установлено, что примерно в декабре 1943 г. или январе 1944 г. ожидается выпуск 250 человек, которые должны быть посланы в партизанские отряды БССР» [45, л. 70—71].

Это лишь некоторые ошибки, которые можно встретить в работах С. Чуева. Отметим, что документальную базу исследований составляют архивные материалы, однако и при работе с ними необходимо дополнительное изучение первоисточников.

Историк определяет еще одни курсы, которые действовали в Борисове, а именно: зондеркоманда-7А «располагала штатной агентурой, прошедшей специальную подготовку. В Борисове с марта по май 1944 года курсами было подготовлено для специальных заданий 30—40 агентов» [74, с. 33].

В сборнике «Диверсанты III Рейха» и монографии А. Татаренко «Недозволенная память: Западная Беларусь в документах и фактах» приводятся данные о том, что абверкоманда-203 вербовала агентуру «в Смоленском пересыльном

лагере № 126, в пересыльном лагере в пригороде Борисова, где было особое отделение — «лесной лагерь», в котором находились только перебежчики, и в лагере № 352 в Минске. . . Завербованные агенты направлялись для обучения в находившиеся при абверкоманде Смоленскую и Минскую школы диверсантов» [16; 72, с. 709]. Не понятно, почему авторы не указывают, что из «лесного лагеря» военнопленные активно вербовались также в Борисовскую школу абвера и составляли в ней значительный процент среди курсантов. Об этом в своих показаниях рассказал И. Матюшин-Фролов [52, л. 35—39].

Во второй половине 2000-х гг. продолжают издаваться исследования, в которых содержатся сведения о школе в Борисове. В очередной раз был опубликован материал о разведчике А. И. Козлове в статье российского историка Ю. А. Попова [59, с. 10—11] и в монографии В. Надгачаева «Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы. . .» [39, с. 175—176]. В сборнике «Игра на чужом поле» также встречается противоречащая друг другу информация. Так, на с. 194 приводится «стандартная» информация о том, что школа в Борисове была организована абверкомандой-103 в августе 1941 г., а на с. 182 указывается: «Осенью 1941 года при абверкоманде была создана Борисовская разведывательная школа, в которой проходило подготовку большинство завербованных агентов» [23, с. 182, 194]. Некоторые архивные документы указывают на то, что немецкая абвершкола была организована именно осенью (что является ошибочным. — С. К.). В справке «О засланной и разоблаченной агентуре гестапо в партизанских отрядах Минской и Брестской областей БССР и о школах гестапо (составлена на основе материалов, поступивших в разведывательный отдел БШПД на 15.7.1943)» отмечается, что спецшкола в Борисове «действует с ноября 1941 г. Срок обучения 3 месяца. Имеются данные о выпуске школы в мае 1942 года» [44, л. 66]. Об этом же сообщает в беседе с партизанами разведчик Родин-Орлов [46, л. 10—10об.].

В 2004 г. в публикации Г. Сеноква «Рассказ о разведчике Палладии, которому повезло» была рассказана история о жизни и деятельности разведчика Николая Лукича Палладия, окончившего разведшколу «Сатурн». Пройдя подготовку в качестве радиста и старшего группы, Белозеров (псевдоним Н. Палладия) после высадки с напарником добровольно сдались органам государственной безопасности. Это позволило советским спецслужбам начать радиоигру «Дружба» с немецкой разведкой, которая длилась практически до самого окончания войны [64]. Через шесть лет в газете «Новое дело» вышла статья «Друзья» абвера», также посвященная советскому разведчику Н. Палладию [5].

Отдельно следует остановиться на статье С. И. Альшевской и В. А. Йоццо-са «Под псевдонимом «Байкал-61», которая была опубликована в сборнике «Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941—1944 годах» [3]. Дело не в том, что в исследовании приведены какие-либо новые данные. Совсем наоборот, опубликована известная информа-

ция. Данная статья — это пример непрофессионального отношения исследователей к делу. Конечно, формат конференции не предполагал глубокого исследования темы и введения в научный оборот новых данных, но вопросы, связанные с оформлением статьи, особенно ее библиографической части — это азы и необходимое условие любого научного исследования. В конце исследования в списке литературы значатся 15 позиций, при этом в самом тексте ссылки даются только на 7. Из этих семи минимум две ссылки не соответствуют содержанию в тексте. Минимум четыре ссылки в статье содержат неправильные поисковые данные (годы и номера газет). Под номером 5 дается ссылка: «Б. И. Вельтнер. «Сатурн» амаль нябачны»// Камуністычная праца. 1968. № 62.». На самом деле фамилия автора статьи Вельшер, а ее название «Здымаецца фільм «Сатурн» амаль нябачны». Под номером 10 дается ссылка на статью Н. Жучко «Воспоминание очевидцев», которая на самом деле называется «Сатурн» глазами очевидцев» [3, с. 217]. Перепутаны поисковые данные еще некоторых ссылок, а некоторых просто не существует. К сожалению, приходится констатировать совершенно низкий уровень научной ценности данной публикации и ее оформления.

В 2007 г. вышла монография известного белорусского историка, доктора наук и профессора Э. Г. Иоффе «Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии — Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939—1945 гг.». Главная ценность этой работы — это ее «обобщающий и резюмирующий» характер. Автор собрал в исследовании основные опубликованные ранее данные о действиях немецких спецслужб на территории Беларуси, противостоянии их с советскими органами государственной безопасности и «народными мстителями». Фактически, это скорее работа «компильитивного» характера, нежели глубокое самостоятельное исследование. Внутренняя структура (главы, разделы) монографии сложная и объемная. Часто некоторые позиции фактически дублируют друг друга. Сведения о школе в Борисове в монографии разбросаны по всей книге, что мешает целостному восприятию информации. В этой связи отметим некоторые важные моменты:

Во-первых, автор практически полностью и без изменений перенес в свою монографию материал по борисовской абвершколе, который до этого был опубликован в исследованиях С. Чуева и в сборнике документов «Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне». При этом ссылок на эти работы автор не делает.

Во-вторых, в монографии Э. Иоффе очень много ошибок и неточностей. Так, автор указывает, что школа в Борисове была организована в августе 1941 г. и «она была зашифрована как «Ягдкоманда» (Истребительная команда войск СС), а как воинская часть имела полевую почту № 05693-Б» (на самом деле номер полевой почты — 09358 Б. — С. К.) [24, с. 199]. Отметим, что данная школа была организована абвером — органом военной разведки и просто не могла действовать под прикрытием подразделения СС. Какой смысл военный

объект легендировать военной частью? Возможно, что автор имел в виду «специальную школу под названием «истребительная команда» в городе Борисове при штабе гестапо (русского)» [41, л. 88], однако это была не разведывательно-диверсионная школа, а курсы полицейских. Всего было «выпущено три выпуска месячных курсов по подготовке... оперативников гестапо и помощников следователей из полицейских гестапо» [41, л. 88].

Приводит Э. Иоффе и данные о «школе специалистов», историю разведчика Н. Капшая и агентов «Курсант» и «Сокол», однако непонятным представляется тот факт, что сюжет о деятельности внедренных в школу советских разведчиков размещен в разделе «Агентура немецких спецслужб и ее разоблачение» [24, с. 203—210]. Отметим, что автор не отождествляет школу «Сатурн» и «школу старших специалистов», а считает последнюю филиалом первой, что является корректным.

На с. 279—280 монографии приводятся сведения о разоблачении в мае 1944 г. спецотрядом «Боевой» разведывательно-террористической группы из восьми человек под руководством Рыбальченко. Следственным путем было установлено, «что старший группы и три его подчиненных, являвшихся, соответственно, резидентом и агентами нацистской разведки, после двухмесячного обучения в Борисовской разведывательной школе абвера служили в карательном отряде и участвовали в боях с партизанами... Разоблаченные нацистские лазутчики и террористы на следствии дали показания более чем о 40 агентах, засланных немецкими спецслужбами в разное время в партизанские отряды» [24, с. 279—280]. При этом автор дает ссылку на монографию А. К. Соловьева «Они действовали под разными псевдонимами...» [70, с. 96—98]. Однако в данной работе не приводятся данные о том, что Рыбальченко обучался в борисовской школе, а количество выявленных террористов по показаниям агентов составляет 29 человек.

Новый взгляд на деятельность Борисовского бургомистра Станислава Станкевича показан в статье О. Лицкевича «Станислав Станкевич — убить в себе бургомистра» [36, с. 72—77].

Актуальные вопросы, связанные с германскими и коллаборационистскими потерями на территории Беларуси, в том числе германских спецслужб, их формирований и агентуры, нашли отражение в работах К. Козака [26; 27]. В одной из работ историка можно встретить информацию о том, что «с помощью засланного в Борисовскую разведшколу связного В. И. Козыро удалось обезвредить 8 агентов, засланных в 8-й отряд (бр. «Дяди Коли») во главе с «Петровичем» (12.1943), затем 6 лазутчиков в отряде «За Родину» [26, с. 172]. Такая информация действительно поступала от агента «Сокол» (псевдоним В. Козыро), но вот только он никогда не засылался в Борисовскую разведшколу. В воспоминаниях Р. Мачульского «Вечный огонь», на которые, кстати, ссылается и К. Козак, можно прочитать: «Одновременно в логове фашистских карательно-разведывательных органов Борисова работал еще один партизанский подполь-

щик — «Сокол». . . Это был следователь городского отделения полиции, а после ее реорганизации в СД — следователь 2-го отдела полиции безопасности СД по политическим преступлениям борисовчанин Варфоломей Иванович Козыро» [38, с. 323].

В 2011 г. в Симферополе была опубликована работа «Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны», в основу которой лег уже упоминавшийся выше «Сборник справочных материалов об органах германской разведки, действовавших против СССР в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов»: «Германская военная разведывательная и контрразведывательная служба «Абвер» и «Главное управление имперской безопасности Германии — РСХА и подчиненные ему органы». Фактически по Борисовской школе там содержится информация, идентичная той, которая использована С. Чуевым. Существенным дополнением стала публикация данных о 26 сотрудниках (руководителях, преподавателях, вербовщиках и др.), работавших в структуре абвершколы [71].

Через год, в 2012 г., в «Энциклопедии военной разведки. 1918—1945 гг.» была опубликована статья о И. И. Матюшине (Фролове), которая познакомила читателей с биографией этого человека [2, с. 516—517].

В 2013 г. был издан 6-й том энциклопедии «Великая Отечественная война 1941—1945 годов»: «Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны». В этом издании также встречаются сведения о деятельности спецшколы в городе на Березине. Отмечается, что уже в период битвы за Москву «органами военной контрразведки был разоблачен ряд немецких агентов, прошедших специальную подготовку в городах Борисове и Смоленске...» [12, с. 374]. В работе приводятся сведения о деятельности чекистов по разоблачению немецких агентов, ведению объектовых агентурных дел, внедрению в «Сатурн» сотрудников госбезопасности, а также данные о работе А. И. Козлова и агента «Курсант» [12, с. 378, 447—449, 489, 528, 604—605]. Данные 6-го тома также подтверждают мнение автора о том, что абвершкола не покидала территорию оккупированной Беларуси в сентябре 1943 г. (о чем пишут С. Чуев и Э. Иоффе), а продолжала работать дальше: «На декабрь 1943 г. в Борисовской разведшколе одновременно поработали, выполняя поручения сотрудников органов Смерш, семь зафронтовых агентов» [12, с. 449].

В 2014 г. была издана монография уже упоминавшегося историка Н. Смирнова «Военные контрразведчики Беларуси. Память, люди, операции...». В ней автор, в том числе, коснулся и некоторых аспектов деятельности школы в Борисове. Историк в очередной раз приводит эпизод с засадой на курсантов школы, отдохнувших на р. Плиса, в ходе которой был захвачен и «выпотрошен» один из них [66, с. 225]. Отмечается и вклад партизан в получении разведданных по абвершколе. Автор в очередной раз пересказывает читателю жизненные перипетии разведчика А. И. Козлова — агента «Следопыт» и преподавателя И. И. Матюшина-Фролова [66, с. 233—240].

В апреле 2015 г. в газете «Мордовия» была опубликована статья В. Климанова «Агент двух разведок», посвященная разведчику-мордовцу Александру Корчагину [25]. Данные, которые приводятся в статье, новые и ранее не публиковались. Автор, основываясь на материалах рассекреченного уголовного дела, описал жизненный путь разведчика, его вербовку в Борисовскую школу и последующий добровольный переход на советскую сторону и сотрудничество с органами госбезопасности.

В заключение приведем некоторые работы автора данной статьи, в которых рассмотрены новые и малоизученные аспекты деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ: историография [33], терминология [35], подготовка агентов из числа женщин, детей и евреев [30; 31; 32; 34], в том числе и борисовских.

Необходимо также кратко охарактеризовать опубликованные документы по истории деятельности разведывательно-диверсионных школ в Борисове. Главная особенность этих документов — это то, что они практически все связаны с работой советских органов государственной безопасности. Их активная публикация начинается в 2000-х гг. [7; 37; 53; 54].

Школа «Сатурн» была одной из немногих на территории Беларуси, которая готовила агентов не только для антипартизанской работы, но и для заброски в советский тыл. Действительно, чекисты сыграли значительную роль в выявлении как школы, так и подготовленных агентов. В первую очередь сотрудники советских спецслужб засылались в школу, организовывали и планировали радиоигры, получали от своей агентуры ценнейшие разведывательные данные, поэтому именно в сборниках документов о деятельности чекистов можно найти данные о деятельности борисовской абвершколы. Особое место занимает многотомный и фундаментальный сборник документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне» [55, т. 2—5]. Всего в сборнике опубликовано более десяти документов и комментариев к ним, в которых содержатся данные о деятельности разведшколы «Сатурн». Некоторые документы позволяют выяснить спорные моменты по истории данной школы. Ранее указывалось на то, что в историографии есть расхождения по вопросу о времени создания спецшколы в Борисове: август или осень (ноябрь) 1941 года. В «Указании НКВД СССР № 66 об усилении оперативно-чекистской работы по выявлению агентуры разведывательных органов воюющих с СССР стран» от 20 февраля 1942 г. указывается, что «4 октября 1941 года 2-м Управлением НКВД СССР была арестована группа разведчиков Ш., И. и С. из бывших военнослужащих, сброшенная немцами на парашютах с радиостанцией в Лебединском районе Рязанской области. Группа была подготовлена в немецкой школе разведчиков в г. Борисове (БССР) и направлена в данный район разведкой при штабе 2-й бронетанковой группы...» [55, т. 3, кн. 1, с. 142]. Таким образом, совершенно очевидно, что школа начала свою работу с августа 1941 г. В опубликованных документах приводятся данные о разоблаченных

агентах [55, т. 4, кн. 1, с. 559—560], о подготовке в Борисове агентов из числа несовершеннолетних [55, т. 5, кн. 2, с. 163], о передислокации школы в Минск [55, т. 5, кн. 1, л. 496] и др.

В приложении к книге Ю. Попова «НКВД и партизанское движение» также есть документы, касающиеся деятельности школ в Борисове. Отметим, что в сообщении помощнику начальника ЦШПД майору госбезопасности т. Формашеву содержится, что «в г. Борисов имеется так называемая «Высшая немецкая школа для русских офицеров» (это другое название «школы старших специалистов». — С. К.)». Кроме того, в этом же документе упоминается «школа немецких разведывательных органов» в городке Печи, которая «регулярно через 2-3 месяца выпускает шпионов в наш тыл, партизанские отряды и бригады» [60, с. 296].

Таким образом, можно констатировать, что деятельность разведывательно-диверсионных школ в Борисове нашла отражение в опубликованных документах. Вместе с тем, эти документы отражают в основном работу спецшколы «по линии НКВД—НКГБ», то есть по засылке агентов в тыл Советского Союза и в части Красной Армии. Не менее активной была деятельность борисовских школ и курсов по подготовке агентов для разведывательно-диверсионной деятельности против «народных мстителей», а эта сторона деятельности на сегодняшний день практически оказалась не изученной.

Подводя итог, отметим следующие достижения историографии по данной теме:

проведена большая работа по изучению деятельности немецкой разведывательно-диверсионной абвершколы в Борисове. Собран значительный фактологический материал по истории данной школы: определены сроки деятельности и специализация, отдельные выпуски агентов, преподавательский и обслуживающий персонал заведения, передислокация. Вместе с тем, некоторые утверждения и данные требуют уточнения и проверки;

идентифицирована деятельность в Борисове «школы специалистов». Мнения исследователей по вопросу принадлежности этой школы разделились: одни считают, что это филиал абвершколы, другие — самостоятельно действующая школа. Анализ архивных материалов позволяет с большой долей вероятности утверждать, что «школа специалистов» — автономная, учитывая ее узкую специализацию, собственный преподавательский состав и подчинение не по линии абвера, а по части сотрудничества с коллаборационными структурами и органами (учебную часть школы возглавлял генерал-майор М. В. Богданов, а в некоторых исследованиях она именуется как «Высшая русско-немецкая школа специалистов») [21, с. 717];

подробное изучение деятельности внедренных в школу советских разведчиков: А. Козлова, В. Матусевич, Н. Палладия, А. Корчагина и др., которые внесли значительный вклад в разоблачение немецких агентов, готовившихся в Борисове.

К проблемным и перспективным аспектам изучения данной темы относятся:

изучение проблемы как составной части противоборства спецслужб либо в контексте разведывательной работы партизан. Такой подход был корректным в условиях господства советской идеологии, однако в настоящее время, когда для историков открыты практически любые документы по истории оккупации, а в научный оборот введены новые данные, необходимо тему деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ (в том числе борисовских) рассматривать как самостоятельную, со своим понятийным аппаратом, историографией и источниковой базой;

недостаточное использование новых архивных материалов по истории деятельности немецких школ и курсов в Борисове. Исследователи пользуются в основном одними и теми же опубликованными данными, что приводит к повторыемости и шаблонности материала. Анализ и ввод в научный оборот новых документальных источников (особенно разведывательных документов партизан и их руководящих органов) позволит рассмотреть данную тему более подробно, в комплексе с другими малоизученными аспектами;

практически полное отсутствие в опубликованных работах данных о деятельности в Борисове «школ гестапо» (не абвершколы), а также курсов ГФП. В этих заведениях прошли подготовку большое количество немецких курсантов, которые затем направлялись в советский тыл и партизанские формирования с задачами разведывательно-диверсионного характера;

наличие большого количества мало- или неизученных аспектов данной проблемы: подготовка агентов из числа детей, женщин и евреев; общее количество подготовленных агентов, их специализация и судьба; результаты этой деятельности.

Литература и источники

1. Автушко, Е. Через «Сатурн» в ГУЛАГ / Е. Автушко // Борисовские новости. — 2000. — № 2 (13—19 января). — С. 5.
2. Алексеев, М. Л., Колпакиди, А. И., Кочик, В. Я. Энциклопедия военной разведки 1918—1945 гг. — М.: Кучково поле; Ассоциация «Военная книга», 2012. — 976 с.
3. Альшевская, С. И., Йоцос, В. А. Под псевдонимом «Байкал-61» / С. И. Альшевская, В. А. Йоцос // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941—1944 годах: материалы Международной научн.-практ. конф. (Минск, 25—26 июня 2009 г.) / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории, М-во обороны Респ. Беларусь; редкол.: М. В. Мясникович (пред.) [и др.]. — Минск: Беларус. навука, 2009. — С. 213—217.
4. Андрианов, В. Н., Князьков, А. С. Всенародная борьба с фашистскими захватчиками на временно оккупированной территории Советского Союза (Библиотечка «К 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне») / В. Н. Андрианов, А. С. Князьков. — М.: Знание, 1984. — 64 с.
5. Андрюхин, В. «Друзья» абвера / В. Андрюхин // Новое дело. — 2015. — 23 апреля.
6. Ардаматский, В. И. «Сатурн» почти не виден / В. И. Ардаматский. — М.: Воениздат, СП «Панас», 1993. — 536 с.

7. Белик, И. К. Немецкая разведка является довольно сильным противником / И. К. Белик // Исторический архив. — 2000. — № 5. — С. 27—63.
8. Бессмертные имена / Сост.: П. А. Киеня, В. А. Жур. — Минск: Беларусь, 1979. — 254 с.
9. Борисов, И. «Сатурн» на ладони / И. Борисов // Неман. — 1992. — № 5. — С. 153—176.
10. Борисов, И. С. «Сатурн» на ладони / И. С. Борисов. — Минск: Беларусь, 1994. — 270 с.
11. Василевич, Г. Разведчицы тайного фронта / Г. Василевич // Мінская праўда. — 2010. — 8 мая. — С. 14.
12. Великая Отечественная война 1941—1945 годов: В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. — М.: Кучково поле, 2013. — 864 с.
13. Вельшер, Б. «Здымаецца кінафільм «Сатурн» амаль нябачны» / Б. Вельшер // Камуністычная праца. — № 62 (6403) ад 19 красавіка. — 1967. — С. 4.
14. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны / [Институт истории партии при ЦК КПБ — Филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС]. — Минск: Беларусь, 1983—1985. Т. 2 [ноябрь 1942 — декабрь 1943 г.] / Л. В. Аржаева и др. — 1984. — 550 с.
15. Дедоля, И. П. Партизанский фронт / И. П. Дедоля. — М.: Молодая гвардия, 1975. — 315 с.
16. Диверсанты III Рейха: Сборник. — М.: Эксмо, 2003. — 414 с.
17. Долгополов, Ю. Б. Война без линии фронта / Ю. Б. Долгополов. — М.: Воениздат, 1981. — 200 с.
18. Доморад, К. И. Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии 1941—1944 гг. / К. И. Доморад. — Минск: Навука і тэхніка, 1995. — 256 с.
19. Ерусалимчик, Л. Ф. Борисов. Историко-экономический очерк / Л. Ф. Ерусалимчик. — Минск: Беларусь, 1976. — 112 с.
20. Жучко, Н. «Сатурн» глазами очевидцев / Н. Жучко // Мінская праўда. — 1994. — № 31 (10731) ад 21 сакавіка. — С. 3; № 32 (10732) ад 24 сакавіка. — С. 4; № 33 (10733) ад 26 сакавіка. — С. 2; № 34 (10734) ад 28 сакавіка. — С. 4; № 35 (10735) ад 31 сакавіка. — С. 4.
21. Звягинцев, В. Е. Война на весах Фемиды: война 1941—1945 гг. в материалах следственно-судебных дел / В. Е. Звягинцев. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2006. — 768 с.
22. Золотарь, И. Ф. Под маской бургомистра / И. Ф. Золотарь // Партизанские дни. — М., 1971.
23. Игра на чужом поле: Сборник. — М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО «ЛГ ИнформэйшнГруп», 2001. — 368 с.
24. Иоффе, Э. Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии — Востоку» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939—1945 гг. / Э. Г. Иоффе — Минск: Харвест, 2007. — 384 с.
25. Климанов, В. Агент двух разведок / В. Климанов // Мордовия. — 2015. — № 17 (443) от 23 апреля // http://mordovia-news.ru/print_news-4976.htm.
26. Козак, К. И. Германские и коллаборационистские потери на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941—1944): анализ и итоги / К. И. Козак. — Минск: Логинов И. П., 2012. — 373 с.

27. Козак, К. И. Германские оккупационные военные и гражданские органы в Беларуси 1941—1944 гг.: анализ и итоги потерь / К. И. Козак // Первая и Вторая мировые войны: актуальные проблемы и перспективы на Беларуси: Материалы международной научно-практической конференции, 5 мая 2005 г., Минск. Адк. рэд.: А. Ф. Балакіраў, К. И. Козак. — Минск, 2006. — 256 с.
28. Коровин, В. В. Поединок с абвером / В. В. Коровин // Военно-исторический журнал. — 1995. — № 1. — С. 31—36.
29. Коровин, В. В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны / В. В. Коровин. — М.: Русь, 2003. — 310 с.
30. Кулинок, С. В. Агенты в юбках / С. В. Кулинок // Беларуская думка. — 2014. — № 11. — С. 82—90.
31. Кулинок, С. В. Дети-диверсанты немецких спецслужб / С. В. Кулинок // Беларуская думка. — 2015. — № 10. — С. 80—86.
32. Кулинок, С. В. Детские разведывательно-диверсионные и шпионские школы на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны / С. В. Кулинок // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы VIII Междунар. науч.-теорет. конф., г. Минск, 22 декабря 2014 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол. В. В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. — Минск: Минский государственный ПТК полиграфии, 2015. — С. 217—218.
33. Кулинок, С. В. Деятельность немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы / С. В. Кулинок // Беларускі археаграфічны штогоднік. — 2014. — Вып. 15. — С. 57—68.
34. Кулинок, С. В. Игра не по правилам: подростки, женщины и евреи на службе немецких секретных и разведывательных органов в годы Великой Отечественной войны / С. В. Кулинок // Великая Отечественная война 1941—1945 гг. в судьбах народов и регионов: сборник статей / отв. ред. А. Ш. Кабирова. — Казань: Институт истории им. Марджани АН РТ, 2015. — С. 433—442.
35. Кулинок, С. В. К вопросу о деятельности немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (по материалам документов Белорусского штаба партизанского движения) / С. В. Кулинок // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 5 крас. 2013 г. Вып. 12 / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: МДТУ, 2014. — С. 86—95.
36. Лицкевич, О. Станислав Станкевич — убить в себе бургомистра / О. Лицкевич // Беларуская думка. — 2009. — № 12. — С. 72—77.
37. Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. — М.: Издательский дом «Звонница МГ», 2002. — 480 с.
38. Мачульский, Р. Вечный огонь. Партизанские записки / Р. Мачульский. Изд. третье, доп. и испр. — Минск, 1978. — 446 с.
39. Надгачаев, В. Н. Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... / В. Н. Надгачаев. — Минск: Кавалер Паблішэрс, 2008. — 416 с.
40. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 1350. — Оп. 1. — Д. 35.
41. Там же. — Д. 56.
42. Там же. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 53.
43. Там же. — Д. 56.

44. Там же. — Д. 58.
45. Там же. — Д. 60.
46. Там же. — Д. 1296.
47. Там же. — Д. 1336.
48. Там же. — Оп. 4. — Д. 138.
49. Там же. — Д. 241.
50. Там же. — Оп. 21. — Д. 38.
51. Там же. — Д. 75.
52. Там же. — Д. 150.
53. НКВД—МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем в Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939—1956) / Сборник документов. — Сост.: Владимирцев Н. И., Кокурин А. И. — М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. — 640 с.
54. «Огненная дуга». Курская битва глазами Лубянки / Сост.: А. Т. Жадобин, В. В. Маркович, В. С. Христофоров. — М.: АО «Московские учебники и Картолитография», 2003. — 480 с.
55. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3: Крушение «Блицкрига», кн. 1: 1 января — 30 июня 1942 г. — М.: Русь, 2003. — 691 с.; Т. 4: Секреты операции «Цитадель», кн. 1: 1 января — 30 июня 1943 г. — М.: Русь, 2008. — 813 с.; Т. 4: Великий перелом, кн. 2: 1 июля — 31 декабря 1943 г. — М.: Русь, 2008. — 814 с.; Т. 5: Вперед на запад, кн. 1: 1 января — 30 июня 1944 г. — М.: Кучково поле, 2007. — 752 с.
56. Остряков, С. З. Военные чекисты / С. З. Остряков. — М.: Воениздат, 1979. — 320 с.
57. Памяць. Барысаў. Барысаўскі раён. — Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1997. — 797 с.
58. Попов, А. Ю. Борьба с гитлеровской агентурой в партизанском движении / А. Ю. Попов // Военно-исторический архив. — 2002. — № 12. — С. 158—177.
59. Попов, А. Ю. Деятельность «Смерша» в годы Великой Отечественной войны / А. Ю. Попов // Преподавание истории и обществознания в школе. — 2006. — № 6. — С. 8—12.
60. Попов, А. Ю. НКВД и партизанское движение / А. Ю. Попов. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 383 с.
61. Сенюков, Г. Белорусская Мата Хари... / Г. Сенюков // Рэспубліка. — 2007. — № 120 (4299) ад 30 чэрвеня. — С. 8.
62. Сенюков, Г. Люба Матусевич против «Сатурна» / Г. Сенюков // Неман. — 2005. — № 9. — С. 206—207.
63. Сенюков, Г. П. Максим сообщает...: рассказы, очерки / Г. Сенюков. — Минск: Издатель А. Н. Варакин, 2007. — 215 с.
64. Сенюков, Г. Рассказ о разведчике Палладии, которому повезло / Г. Сенюков // Советская Белоруссия. — 2004. — 19 февраля. — С. 4.
65. «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. — М.: Издательство Главархива Москвы, 2003. — 343 с.
66. Смирнов, Н. И. Военные контрразведчики Беларуси. Память, люди, операции... / Н. Смирнов. — Минск: Белпринт, 2014. — 355 с.
67. Смирнов, Н. СМЕРШ против абвера / Н. Смирнов // Армия. — 2000. — № 2.

68. Смірноў, М. І. Дзейнасць савецкай разведкі і контрразведкі супраць нямецкіх спецслужбаў на тэрыторыі Беларусі ў 1941—1944 гг. / М. І. Смірноў // Беларускі гістарычны часопіс. — 2000. — № 4. — С. 8—13.
69. Соловьев, А. Три года за линией фронта / А. Соловьев // Кэмпо. — 1995. — № 3. — С. 7—12.
70. Соловьев, А. К. Они действовали под разными псевдонимами... / А. К. Соловьев. — Минск : Навука і тэхніка, 1994. — 200 с.
71. Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. — Симферополь : Н. Оріанда, 2011. — 656 с.
72. Татаренко, А. Недозволенная память: Западная Беларусь в документах и фактах / А. Татаренко. — СПб. : «Архив АТ», 2006. — 808 с.
73. Чуев, С. Г. Разведывательные и диверсионные школы абвера / С. Г. Чуев // Военно-исторический архив. — 2002. — № 11. — С. 122—146.
74. Чуев, С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Книга 1 / С. Г. Чуев. — СПб. : Издательский дом «Нева», 2003. — 383 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 05.05.2016

С. М. Ходзін,

*праэктар па вучэбнай рабоце БДУ, загадчык кафедры крыніцазнаўства,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт*

ПРАЦЭСЫ ТРАНСФАРМАЦЫІ

БЕЛАРУСКАЙ ВЁСКИ 1920—1930-х гг.

У АДПЛОСТРАВАННІ АРХІЎНЫХ КРЫНІЦ І ПУБЛІКАЦЫЙ

Пошук заходнееўрапейскімі гісторыкамі новых ракурсаў даследавання ўжо вядомых, даўно апісаных і вывучаных крыніц адбываецца ва ўмовах амаль татальнай распрацоўкі матэрыялаў у архівахасховішчах і публікацыях. Уключэнне ж гісторыкаў краін былога СССР у паглыбленне праблематыкі беларускай вёскі адбываецца зусім у іншых абставінах. Беларускія даследчыкі яшчэ толькі распачынаюць вывучэнне т. зв. «пісьмаў маленькага чалавека», альбо «пісьмаў ва ўладу» [1]. Гэта сялянскія скаргі, паведамленні і іншыя матэрыялы, якія ў значнай колькасці захаваліся ў расійскіх і нацыянальных архівах (РДАЭ, РДАСП, НАРБ і інш.). Найбольш шматлікая з груп — перапіска сялян з прэсай. Гэтая група крыніц нясе не толькі інфармацыйныя звесткі аб жыцці вёскі 1920-х гг., але і эмацыянальную ацэнку часу самімі носьбітамі дадзенай культуры. У другой палове XIX ст. сяляне нават не спадзяваліся, што хтосьці выслухае іх прапановы. Напярэдадні Стальпінскай рэформы сялянскія звароты сталіся ўжо паўсядзённым фактам. А адчуўшы, што да іх меркавання прыслухоўваюцца, у сярэдзіне 1920-х гг. сяляне літаральна засыпалі вярхоўную ўладу пытаньмі, праектамі і скаргамі. Тэматыка лістоў сялян 1920-х гг. адпостраўвае найбольш важныя надзённыя праблемы і змены ў сялянскім жыцці. Найбольш востра выяўлялася незадаволенасць у адносінах да мясцовай улады, пазначаліся зямельныя спрэчкі, негатыўныя адносіны сялян да рабочых, голад у вёсцы, актыўнасць жанчын, праблемы эканамічнага «выжывання» сялянскага двара.

Гістарычныя крыніцы не змяняюць свайго зместу і накіраванасці ў залежнасці ад таго, апублікаваныя яны ці знаходзяцца ў архіве. Аднак трэба прымаць пад увагу мэту іх публікацыі (выдзяляюць навуковыя, вучэбныя (хрэстаматыі і г. д.), літаратурна-мастацкія і навукова-папулярныя (літаратурна-мастацкія пераклады крыніц і інш.). Акрамя таго, на падбор дакументаў уплываюць як асабістыя прыхільнасці публікатара, так і ўмовы часу, задачы, якія ставіць дзяржава [2]. Да сённяшняга часу мы маем велізарную, у дзясяткі тысяч старонак, колькасць публікацый рознай накіраванасці, якая выяўляла тую ці іншую эпоху ў жыцці селяніна. За 30 гадоў апублікавана больш за 50 зборнікаў дакументаў аб калектывізацыі савецкай вёскі.

У 1957—1960 гг. пачалася падрыхтоўка, а ў 1961 г. быў выдадзены том серыі «Гісторыя калектывізацыі сельскай гаспадаркі СССР» [3]. За савецкім часам выйшла 36 тамоў дадзенай серыі, што ў сукупнасці з іншымі выданнямі па азначанай праблематыцы складае велізарны матэрыял для асэнсавання. Да прыкладу, ужо ў 1957 г. убачыў свет зборнік дакументаў, які ўтрымліваў важнейшыя рашэнні партыі па калектывізацыі [4]. А ў Беларусі выйшаў з друку

том, прысвечаны кааператыўна-калгаснаму будаўніцтву [5]. Увогуле ў БССР у серыі былі выдадзены тры тамы (два пад рэдакцыяй А. І. Азарава і ў 1985 г. — пад рэдакцыяй М. П. Касцюка) [6]. Гэтыя публікацыі дакументаў і матэрыялаў, як і іншыя выданні савецкай эпохі, адлюстравалі асаблівасці і магчымасці таго часу. Яны змяшчалі важнейшыя рашэнні партыі, урада, іншыя афіцыйнага характару дакументы. Публікатары ў шэрагу выпадкаў не мелі доступу да архіўных матэрыялаў, што заставаліся пад грыфам «сакрэтна». Толькі нешматлікія дакументы давалі падставу пісаць аб некаторых адступленнях ад лініі партыі ці, наадварот, вызначаць такія дзеянні як выяўленне кулацкага сабатажу і варожай барацьбы. У залежнасці ад добрасумленнасці публікатараў такога кшталту крыніцы яны перамяжоўваліся з дакументамі, якія адлюстроўвалі пераважна станоўчы бок калектыўнага будаўніцтва ў 1920—1930-я гг.

На мяжы 1980—1990-х гг. пад уплывам «галаснасці» ў СССР выйшлі з друку некалькі тамоў, дзе ўздымаліся аспекты насаджэння калектыўных форм калектывізацыі і голаду ва Украіне і інш. [7]. За апошнія дзесяцігоддзі ў Расійскай Федэрацыі, ва Украіне ўбачылі свет дзясяткі публікацый дакументаў па тых ці іншых аспектах жыцця вяскоўцаў у 1920—1930-я гг. [8]. У Беларусі, на жаль, такія выданні не адбываліся. Таму вельмі важным бачыцца аналіз замежных, найперш расійскіх выданняў, дзе ўтрымліваецца пэўны матэрыял аб працэсах савецкай мадэрнізацыі ў беларускай вёсцы. Грунтоўным падыходам выдзяляюцца публікацыі, ажыццёўленыя з удзелам выдатнага сялянзнаўцы — В. П. Данілава. Найбуйнейшым з іх з’яўляецца пяцітомнік «Трагедыя савецкай вёскі. Калектывізацыя і раскулачванне. 1927—1939». Пры адборы дакументаў для публікацыі выкарыстоўваліся матэрыялы, якія адлюстроўвалі ролю цэнтральнага кіраўніцтва ў правядзенні калектывізацыі, а таксама матэрыялы аб мясцовых працэсах, аб сялянскай рэакцыі на палітыку ўлад, сельскіх традыцыях, эканамічных і экалагічных фактарах. Уключэнне аўтараў, што працавалі па савецкай тэматыцы дзясяткі гадоў, а таксама даследчыкаў з Паўднёвай Карэі, Канады, Вялікабрытаніі, ЗША і іншых краін дазволіла сканцэнтраваць увагу на крыніцах, якія раней не публікаваліся, а таксама выбраць кантэкст, які мог зацікавіць замежнага чытача. У выніку зборнік утрымлівае пераважна матэрыялы, што акрэсліваюць негатыўныя бакі калектывізацыі, незадаволенасць сялянства і яго барацьбу (як актыўную, так і пасіўную) супраць улады бальшавікоў. Пяцітомнік падрыхтаваны на належным археаграфічным узроўні, змяшчае шматлікія дадаткі (у тым ліку каментарыі па тагачасных установах і ведамствах, тлумачэнні па тэрміналагічным апарате, імяныя каментарыі і паказальнік, географічны паказальнік, іншыя звесткі, якія істотна паляпшаюць працу даследчыка з дакументамі).

Першы том ахоплівае перыяд з мая 1927 г. па лістапад 1929 г. Ён змяшчае матэрыялы дыскусій, якія адбываліся ў кіраўніцтве і грамадстве, аб хлебнарыхтоўках і далейшым, у сувязі з гэтым крызісам, кірункам развіцця савецкай вёскі (выступленні І. В. Сталіна, М. І. Бухарына і В. М. Молатава на ліпеньскім

(1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), пісьмо М. І. Фрумкіна ў ЦК і ЦК ВКП(б) і інш.). Дакументы такога характару па бальшавіцкаму кіраўніцтву ў Беларусі адсутнічаюць. Разам з тым працэсы, якія назіраліся ў БССР гэтага часу, акрэсліваюцца не толькі ўскосна, але і праз інфармацыйно шэрагу дакументаў. Пераважна гэта звесткі аб незадаволенасці сялянства хлебнарыхтоўкамі, працэсах калектывізацыі, прыягненні да адказнасці прыватных гандляроў.

Другі том пяцітомнага выдання «Трагедыя савецкай вёскі. Калектывізацыя і раскулачванне» (лістапад 1929 г. — снежань 1930 г.) вызначаны пераходам да выключна прымусовых метадаў «суцэльнай калектывізацыі», які распачаў адну з самых трагічных старонак савецкай, у тым ліку беларускай, вёскі. У склад дакументаў тома ўвайшлі рашэнні пленумаў бальшавіцкай партыі і іншыя «кіраўнічыя» дакументы. Асабліва цікавымі з’яўляюцца інфармацыйныя даведкі і агляды ОГПУ. Адсутнасць арыентацыі на публікацыю, выдаванне інфармацыі, а таксама наяўнасць паўнамоцных прадстаўнікоў ад ОГПУ на месцах акрэслілі не толькі значную дакладнасць, але і паўнату дадзенага віду крыніц. Матэрыялы ОГПУ паказваюць, якім чынам ствараліся «папяровыя» калгасы і як фарміраваўся «працэнт калектывізацыі». Разам з тым нельга выкарыстоўваць дадзеныя матэрыялы без супастаўлення іх інфармацыі са звесткамі Калгасцэнтра і Аддзела друку і інфармацыі СНК СССР, а таксама звесткамі беларускіх архіваў.

Пасля рэзкага спаду тэмпаў калектывізацыі вясной 1930-х гг. увосень гэтага ж года вызначылася яе новая, больш магутная хваля, якая ў Беларусі дапаўнялася рэзкім узвышэннем хлебнарыхтовак праз харчазвёрстку. Дакументы, якія адлюстроўваюць гэтыя трагічныя старонкі гісторыі вёскі, увайшлі ў трэці том пяцітомніка. Асобную групу матэрыялаў дадзенага тома складаюць матэрыялы аб формах, метадах і тэмах калектывізацыі, а таксама высяленні «кулацкіх элементаў» і масавым голадзе ў шэрагу рэгіёнаў СССР. Аднак да сярэдзіны 1930-х гг. колькасць звестак аб тым паменшылася.

Да прыкладу, у чацвёртым томе выдання адсутнічаюць прамыя звесткі аб такіх галадоўках на вёсцы ў 1935—1936 гг. кшталту тых, што мелі месца ў Беларусі ў 1934 г. [9]. Цяжка сцвярджаць, ці было гэта вынікам пэўнага ўпарадкавання спраў у сельскай гаспадарцы краіны, ці знікненнем такой крыніцы, як данясенні намеснікаў начальнікаў палітдзелаў МТС свайму кіраўніцтву ў Маскву (апошнія з’яўляліся асноўным каналам падобнай інфармацыі). Аднак шматлікія просьбы да Сталіна і Молатава са скаргамі на бяdotнае харчовае становішча, выезды калгаснікаў з нападугалодных вёсак, а таксама факты са спецпаведамленняў мясцовых кіраванняў НКУС у цэнтр дазваляюць меркаваць: такія з’явы па-ранейшаму маглі адбывацца і ў гэты час, асабліва пачынаючы з восені неўрадлівага 1936 г.

У пятым томе «Трагедыі савецкай вёскі...» публікуюцца дакументы аб з’явах аднаго з самых трагічных для СССР этапаў, калі асноўным аб’ектам рэпрэсій у 1937—1938 гг. сталася сялянства. Супраць яго была накіравана і

стаўшая самай масавай «кулацкая аперацыя», і «паказальныя судовыя працэсы». Дакументы вылучаны з раней недасягальных для даследчыка фондаў вышэйшых органаў партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва (ЦК УКП(б), ЦВК, СНК СССР), розных ведамстваў і арганізацый (НКУС, Вярхоўнага Суда, Пракуратуры і інш.). Значная ўвага ў пазначаных крыніцах надавалася становішчу сялян, іх настроям і рэакцыі на тое, што адбывалася [9].

Сапраўды ўнікальным стала выданне «Савецкая вёска вачыма УНК—АДПУ—НКУС. 1918—1939». Тут апублікаваны інфармацыйныя зводкі і агляды, тэматычныя даведкі і аналітычныя даклады, якія спецслужбы рыхтавалі для вузкага кола асоб вышэйшага дзяржаўнага і партыйнага кіраўніцтва. Яны ўтрымліваюць звесткі аб становішчы і настроях насельніцтва, аб палітычных падзеях і рухах у горадзе і на вёсцы, у сістэме кіравання і партыі, аб кааперацыі, царкве і г. д. — звесткі, якія збіраліся пастаянна ў маштабе велізарнай краіны. У зборнік уключаны шэраг змястоўных аналітычных дакладаў, абагульняючыя дадзеныя па сялянскім супраціве за перыяд 1920—1930-х гг. Яго асноўнымі формамі сталі лістоўкі, выступленні «кулацтва» супраць нарыхтоўшчыкаў, мясцовых прадстаўнікоў улады (спробы забойстваў, пабоі, падпалы і г. д.), пратэсты грамады, петыцыі, лісты ў рэдакцыю і вышэйстаячыя інстанцыі. Асноўным штуршком да пратэсту, найчасцей напрыканцы 1920-х гг., становяцца хлебанарыхтоўкі. Пры гэтым, па меркаванні ОГПУ, у Беларусі і Украіне пэўную ролю адыгрывалі дыверсійныя групы і «контррэвалюцыйныя» элементы, пацярпелыя ад Савецкай улады [10, с. 1020]. Публікацыі дакументаў ажыццяўляліся выдатнымі прафесіяналамі з Інстытута Расійскай гісторыі РАН, архіва ФСБ РФ і іншых архіўных устаноў. Разам з тым патрэбна мець на ўвазе, што значная частка тэкстаў — гэта машынапіс на папяроснай паперы з мінімальнымі інтэрваламі між радкоў, якія ўжо на час выкарыстання з цяжкасцю чыталіся. Як і іншыя крыніцы, зводкі ВЧК—ОГПУ—НКВД пранізаны ідэалагічнымі стэрэатыпамі свайго часу, тым больш часу рэвалюцыі і грамадзянскай вайны. Сяляне, што ўдзельнічалі ў супраціве з балшавікамі, называліся «бандытамі», «кулакамі», «ворагамі рэвалюцыі» [10].

З пачатку XXI ст. з'яўляецца ўсё больш тэматычных публікацый па гісторыі савецкай вёскі. Сярод іх асобна вызначаецца выданне, падрыхтаванае пад рэдакцыяй М. А. Іўніцкага і прысвечанае падатковай палітыцы Савецкай дзяржавы [11]. Падатковая палітыка з'яўлялася ў 1920-я гг. не толькі фіскальным элементам, але і істотным сродкам рэалізацыі палітыкі ўлад на вёсцы. Пры гэтым спецыфіка рэгіёнаў былой Расійскай імперыі, а ў 1920—30-я гг. — асобных рэспублік традыцыйна не ўлічвалася. Таму дадзенае выданне цікавае і з пункту гледжання даследавання беларускай вёскі. Зборнік уключае дакументы за перыяд 1928—1937 гг., калі працэсы савецкай мадэрнізацыі сельскай гаспадаркі вызначаліся ва ўніфікаваных формах і метадах. У публікацыі змешчаны матэрыялы, якія сведчаць аб зменах у падатковай палітыцы, рэакцыі мясцовых

улад і насельніцтва на яе рэалізацыю, матэрыялы розных інспекцый і камісій аб выніках абследавання сістэмы падатковых выплат, займаў і льгот.

На мяжы XX і XXI стст. на постсавецкай прасторы з'явілася значная колькасць публікацый, прысвечаных аграрнай праблематыцы, сялянству, савецкай мадэрнізацыі на вёсцы. Шэраг з іх раскрывае тэматыку сялянскага ўзброенага супраціву [12; 13]. Гэта даволі разнастайныя па змесце і форме гістарычныя крыніцы — ад дописаў у газету, успамінаў да статутаў, справаздач і г. д. Яны дазваляюць акрэсліць прычыны сялянскіх выступленняў, склад удзельнікаў і кіраўнікоў, лозунгі, формы і метады барацьбы. Разам з тым адсутнасць легенды да дакумента пазбаўляе магчымасці суаднесці тэма ці іншыя падзеі з пэўнай з'явай, акрэсліць сувязі паміж публікацыямі. Публікацыя раней не вядомых дакументаў — вельмі істотны крок у вывучэнні праблемы, але яна не вычэрпвае ўсіх даследчыцкіх магчымасцей. Для таго, каб аналізаваць выяўленыя гістарычныя крыніцы, неабходна веданне кантэксту, валоданне метадамі гістарычнага даследавання. Незадаволенасць сялянства на пачатку 1920-х гг. даволі часта выяўлялася шляхам узброеных выступленняў. Сялянскія паўстанні ў гэты перыяд ахапілі ўсю тэрыторыю былой Расійскай імперыі, дзе ўсталявалася Савецкая ўлада. Вывучэнне рэгіянальных асаблівасцей, кампаратыўнае вывучэнне сялянскіх выступленняў дазволіць больш глыбока і ўсебакова даследаваць праблему ўзаемаадносін сялянства з уладай у 1920—1930-я гг.

Пры гэтым нельга пакідаць па-за ўвагай публікацыі савецкага часу. Безумоўна, дакументы да публікацыі адбіраліся не ўсе, часцей у іх чуваць голас улады, а не сялян. Разам з тым комплекснае вывучэнне крыніц, іх кампаратыўны аналіз, удакладненне разыходжанняў неабходна як у дачыненні да савецкіх публікацый, так і да постсавецкіх, незалежна ад таго, з якімі мэтамі, ці якімі аўтарамі яны выдаваліся.

Трэба заўважыць, што на пачатку 1990-х гг. была расаскрэчана значная частка архіўных матэрыялаў [14]. Сапраўды, даследаванне гісторыі беларускай вёскі, мадэрнізацыйных працэсаў было б немагчымым без вывучэння архіўных матэрыялаў. Даследчыкі часам не прымаюць пад увагу пэўную «аўтаномнасць» архіваў і архіўных фондаў, асаблівасці іх фарміравання і структуру. Не разглядаючы архіўныя фонды як пэўную сінергетычную мадэль, не вывучаючы асаблівасці іх фарміравання і структуру, гісторыкі-спажыўцы ідуць у архівы, па трапным выразе прафесара Т. І. Хархордзінай, «з мэтай вырываць (красці) факты» [15].

Неабходна ўлічваць таксама тэма ўніфікацыйныя і цэнтралізацыйныя працэсы ў СССР, якія выявіліся з канца 1920-х гг. У сувязі з гэтым істотнае значэнне набываюць дакументы цэнтральных органаў кіравання СССР, якія захоўваюцца пераважна ў цэнтральных архівах у Маскве. Значная колькасць дакументаў па гісторыі беларускай вёскі міжваеннага часу захоўваецца ў Дзяржаўным архіве Расійскай Федэрацыі (ДАРФ), а таксама Расійскім Дзяржаўным Архіве Эканомікі (РДАЭ). Палітыку цэнтральных дзяржаўных і кааператывных орга-

наў у значнай ступені дазваляюць прасачыць дакументы, што змяшчаюцца ў фондах РДАЭ: Наркамзема РСФСР, Хлебацэнтра (Усесаюзнаы саюз сельскагаспадарчай кааперацыі па вытворчасці, перапрацоўцы і збыту збожжавых і маслічных культур), Усерасійскага саюза сельскагаспадарчых калектываў (Калгасцэнтра РСФСР), ЦСУ СССР. Велізарны аб'ём дакументаў ускладняе пошук крыніц, якія непасрэдна датычацца гісторыі беларускай вёскі ў міжваенны час. Да таго ж трэба мець на ўвазе, што шэраг фондаў і асобных дакументаў могуць закранаць вясцоўцаў ускосна і характарызаваць да прыкладу тэя іх групы, якія пераязджалі ў горад, прадстаўлялі вёску на партыйных форумах і інш. Пошук дакументаў фонду больш эфектыўна можа ажыццяўляцца па пазначаных датах спраў. Што ж тычыцца загатоўкаў, то яны не заўсёды адпавядаюць зместу.

Неабходна адзначыць ролю Наркамата земляробства РСФСР як агульнадзяржаўнага і каардынуючага цэнтра ў галіне сельскай гаспадаркі, якая ўзмацнілася з утварэннем СССР. Гэта знайшло сваё адлюстраванне ў Палажэнні аб Наркамземе РСФСР, зацверджаным дэкрэтам УЦВК ад 26 лістапада 1923 г. Гэтым дакументам вызначалася, што на НКЗ РСФСР ускладаецца выпрацоўка і ажыццяўленне неабходных мерапрыемстваў агульнаэканамічнага характару, а таксама ўдзел у распрацоўцы пытанняў агульнадзяржаўнай эканамічнай палітыкі ў галіне сельскай і лясной гаспадаркі. Разам з тым асобныя прэтэнзіі НКЗ РСФСР на ўніверсальнасць сваіх рашэнняў сустрэлі істотнае супрацьдзеянне з боку БССР і Украіны [16, л. 1; 17, л. 5]. Дакументы за 1918—1922 гг. захаваліся часткова, стан шэрагу з іх за 1923—1925 гг. незадавальняючы, шмат якія надрукаваны на папяроснай паперы, утрымліваюць малакантрастны ці затухаючы тэкст. У выніку на мікрафільмах асобныя сказы можна вызначаць толькі па сэнсе.

У складзе ДАРФ асабліва карыснымі для вывучэння палітыкі дзяржаўнай улады на вёсцы бачацца матэрыялы фонду 1235 (УЦВК). Улічваючы спецыфіку сацыяльнай структуры Беларусі і калектывнага гаспадарання ў БССР 1920-х гг., істотную цікавасць мае фонд Р7541 «Камітэт па зямельнаму ўпарадкаванню працоўных яўрэяў (Камзет) пры Прэзідыуме Савета Нацыянальнага Цэнтральнага Выканаўчага камітэта СССР». Менавіта тут мы знаходзім звесткі аб абставінах і канкрэтных умовах фарміравання адпаведнай структуры, звесткі аб міграцыйных працэсах у 1920—30-я гг., шэраг статыстычных даных аб яўрэйскай дэмаграфіі.

Найбольшы комплекс крыніц па гісторыі беларускай вёскі міжваеннага часу захоўваецца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь (НАРБ). На аснове даных, змешчаных у шэрагу спраў з фондаў Белсельсаюза і Белкалгасаюза (Усебеларускі саюз сельскагаспадарчых калектываў, у студзені 1930 г. перайменаваны ў Беларускі цэнтральны саюз сельскагаспадарчых калектываў (Белкалгасцэнтр)), з'явілася магчымым вызначыць дынаміку і накіраванасць мадэрнізацыйных працэсаў у 1921 — першай палове 1929 г., сацыяльны склад членаў

калектывных гаспадарак, забяспечанасць калгасаў жывым і нежывым інвентаром, а таксама шмат іншых фактаў па гісторыі даследуемага пытання.

Важнейшай крыніцай, характарызуючай палітыку ўлад на вёсцы ў 1920—1930-я гг., з'яўляюцца дакументы Наркамата земляробства БССР, якія складаюць у НАРБ асобны фонд (ф. 48). Такая назва зямельнага органа БССР вызначылася толькі ў снежні 1920 г. Наркамат земляробства падпарадкоўваўся ЦВК БССР, яго Прэзідыуму, Саўнаркаму БССР і Эканомнарадзе БССР, ажыццяўляючы іх пастановы, дырэктывы і заданні. Разам з тым Наркамат земляробства меў вельмі шырокія функцыі: распрацоўка пытанняў сельскагаспадарчай палітыкі і агульных пачаткаў землекарэстання і землеўпарадкавання, рэгуляванне ўсіх галін сельскай гаспадаркі, рэгуляванне сістэмы сельскагаспадарчай кааперацыі, кіраванне і арганізацыя забеспячэння сельскагаспадарчымі сродкамі вытворчасці, будаўніцтва ў грамадскіх сектарах сельскай гаспадаркі, справы перасялення і г. д. Структура Наркамата ўвесь час змянялася, а вось функцыі ў 1920-я гг. толькі пашыраліся. Для разумення ролі і кірункаў дзейнасці Наркамата земляробства БССР неабходна адзначыць адсутнасць агульнасаюзнага зямельнага органа, а таксама тое, што на працягу вывучаемага перыяду выключную большасць насельніцтва Беларусі складалі вясцоўцы. Мясцовыя зямельныя органы фарміраваліся ў адпаведнасці з адміністрацыйна-тэрытарыяльнымі зменамі (з 1930 г. — непасрэдна раённыя зямельныя аддзелы). Значная частка дакументаў Віцебскага і Гомельскага губернскіх зямельных аддзелаў за перыяд 1924 г. знаходзіцца ў расійскіх архівах (РДАЭ, ДАРФ).

Удакладненню паказчыкаў колькасці калектывных гаспадарак і сацыяльнага складу ўдзельнікаў калгаснага будаўніцтва ў сярэдзіне 20-х гг. XX ст. садзейнічала распрацоўка матэрыялаў абследаванняў калгасаў, праведзеных работнікамі Народнага камісарыята рабоча-сялянскай інспекцыі БССР (ф. 101). Каштоўныя звесткі аб этнасацыяльных аспектах мадэрнізацыі ў Беларусі атрыманы з фондаў Камісіі па зямельнаму ўпарадкаванню працоўных яўрэяў пры ЦВК БССР (Белкамзет) і Камісіі па ажыццяўленні нацыянальнай палітыкі пры ЦВК БССР. Распрацоўка фондаў ЦВК, СНК БССР, Эканамічнага савета (ЭКАСА) пры СНК БССР і іншых дазволіла ахарактарызаваць палітыку рэспубліканскіх органаў дзяржаўнай улады і дзяржаўнага кіравання рэспублікі. Характарызуючы дакументы ЦВК БССР у складзе НАРБ (ф. 6), можна, аднак, вызначыць дзве буйныя групы: матэрыялы з'ездаў Саветаў, сесій ЦВК БССР і матэрыялы Прэзідыуму, Сакратарыяту ЦВК БССР. Першыя ў пераважнай ступені адлюстроўваюць заканадаўчую дзейнасць ЦВК, у тым ліку па зямельным пытанні, развіцці сельскай гаспадаркі, аб жыцці вёскі. Гэта пастановы аб свабодным выбары форм землекарэстання, адзіным сельскагаспадарчым падатку, каапераванні, землеўпарадкаванні і зямельныя кодэксы і г. д. Другая група дакументаў у большай ступені адлюстроўвае рашэнні па пэўных пытаннях сацыяльна-эканамічнага жыцця, а таксама кадравыя прызначэнні (у прыватнасці, зацверджанні наркамаў земляробства, старшынь камісій ЦВК і г. д.).

Неабходна пазначыць, што да 1924 г. функцыі ЦВК і СНК у іх практычнай дзейнасці не заўсёды былі дакладна размежаванымі. Апарат Прэзідыума ЦВК і СНК быў аб'яднаным (Кіраўніцтва справамі ЦВК і Саўнаркама), справаводства таксама вялося агульнае. Вынікам размежавання спраў у сакавіку 1924 г. стала тое, што старое справаводства і архіў ЦВК і СНК было вырашана пакінуць пры ЦВК.

Сярод створаных камісій для вывучэння пазначанай праблемы найбольшае значэнне маюць камісія па ажыццяўленні нацыянальнай палітыкі і камісія па землеўпарадкаванні працоўных яўрэяў пры Прэзідыуме ЦВК, што пачалі працу ў ліпені 1924 г. (дзейнасць апошняй была спынена ў ліпені 1938 г., калі яе функцыі і справы былі перададзены аддзелу НКУС).

Адным з распаўсюджаных відаў дакументаў, без якіх не праходзіла ніводнае пасяджэнне СНК, з'яўляюцца пратаколы. Першапачаткова на аснове ўсіх прынятых пытанняў канцэлярыя СНК фарміравала «павестку для пасяджэння Савета Народных Камісараў» на пэўную дату з вызначэннем дакладчыкаў. Пасля завяршэння пасяджэння складаўся праект пратакола, у левай яго калонцы змяшчаліся імя выступоўцы і пытанні, што разглядаліся на пасяджэнні, у правай — «пастанавілі» — вынік разгляду. Пасля таго як у дадзены дакумент уносіліся ўсе змены і дапаўненні, складаўся выніковы пратакол. Па форме ён быў бліскі да праекта, але меў разгалінаваную ўводную частку, якая ўключала заглавак з нумарам пратакола, найменне органа, ход пасяджэння якога адлюстроўваў дадзены дакумент, дату і месца правядзення пасяджэння, пералік асоб, якія прысутнічалі на пасяджэнні. Патрэбна пазначыць, што дакументы гэтыя замацоўваліся подпісамі, але, па-першае, яны былі не заўсёды разборлівыя, а па-другое — не адпавядалі пазначаным прозвішчам.

Яшчэ ў меншай ступені падпісваліся пастановы, магчыма, каб падкрэсліць калегіяльны характар рашэння. Дакумент даволі часта суправаджаўся грыфам абмежавання («сакрэтна», «зусім сакрэтна»). Справаводства з другой паловы 1920-х гг. і да сярэдзіны 1930-х гг. вялося пераважна на беларускай мове. Дакумент уключаў пералік арганізацый, якім накіроўвалася дадзеная пастанова для выканання. Можна сустрэць на першапачатковым этапе дзейнасці СНК такія нарматыўныя акты, як дэкрэты. Аднак у разглядаемы перыяд яны амаль адсутнічаюць. Ніжэйстаячым органам накіроўваліся таксама цыркуляры з вызначэннем найбольш актуальных пытанняў, што падпісваліся найчасцей сакратаром ці кіраўніком спраў СНК.

Па-свойму ўнікальны і малаўжываемы беларускімі даследчыкамі комплекс матэрыялаў, які садзейнічаў вызначэнню ступені абагульвання сродкаў вытворчасці, арганізацыі працы і размеркавання ў калектывных гаспадарках на працягу даследуемага перыяду, уяўляюць асобныя дакументы фонду Цэнтральнага статыстычнага ўпраўлення (ЦСУ) БССР (ф. 30)

Асаблівае значэнне для даследавання беларускай вёскі ў 1921—1939 гг. маюць дакументы Цэнтральнага Камітэта Камуністычнай партыі Беларусі.

Камуністычная партыя (бальшавікоў) Беларусі (далей КП(б)Б), за выключэннем пачатку 1920-х гг., на працягу вывучаемага перыяду была адзінай партыяй у Савецкай Беларусі, да таго ж партыяй кіруючай. Ужо да сярэдзіны 1920-х гг. склалася жорсткая сістэма партыйнага кіравання і кантролю. Усе прымаемыя ўрадамі БССР і кіраўніцтвам на месцах рашэнні ў абавязковым парадку ўзгадняліся з адпаведнымі партыйнымі органамі. Таму вывучэнне гісторыі беларускай вёскі немагчыма без ўважлівага вывучэння дакументаў ВКП(б) і Кампартыі Беларусі, найперш фонду Цэнтральнага Камітэта Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Беларусі НАРБ (ф. 4п), які на кастрычнік 1993 г. налічваў больш за 100 000 спраў. Значная частка дакументаў фонду ЦК КП(б)Б распрацавана беларускімі даследчыкамі, найперш І. М. Ігнаценкам, М. С. Сташкевічам, Р. П. Платонавым. Аднак ступень апублікаванасці гістарычных крыніц, якія змяшчае фонд, невялікая.

Асаблівае месца сярод крыніц дадзенага фонду займаюць пратаколы ЦК КП(б)Б. На працягу 20—30-х гг. XX ст. удасканальвалася сістэма іх захоўвання, азнамлення і звароту. У адпаведнасці з распрацаванай інструкцыяй, капіраванне і выпіска, а таксама вусная альбо пісьмовая спасылка на пратаколы пасяджэнняў ЦК у савецкім справаводстве катэгарычна забараняліся. Члены партыі, якія атрымлівалі пратаколы пасяджэнняў ЦК, не мелі права з імі нікога знаёміць без спецыяльнай агаворкі ЦК [18, л. 11—23]. Згодна з устаноўленым парадкам пратаколы ЦК КП(б)Б захоўваліся тымі, каму яны адрасаваны, альбо даверанымі асобамі з ліку членаў КП(б)Б. Забаранялася ствараць асабістыя архівы з дакументамі пасяджэнняў ЦК. Забаранялася капіраванне, выпіскі, пісьмовыя спасылкі на пратаколы, а таксама азнамленне з імі асоб, якія на гэты права не мелі. Для членаў і кандыдатаў у члены ЦК, і рэўкамісій, якія знаходзіліся ў Мінску, тэрмін звароту дакументаў складаў не больш 7 дзён, а тых, хто знаходзіўся па-за межамі — не больш 2-х тыдняў. Пратаколы зварочваліся асабіста альбо праз упаўнаважаных ці фельдггерскую службу ДПУ [18, л. 20]. Асобы, «вінаватыя ў парушэнні канспірацыі (мелася на ўвазе згуба альбо халатныя адносіны да сакрэтных дакументаў) належалі пакараньню ў судзэбным парадку» на падставе пастановы Прэзідыума ЦВК СССР ад 26 мая 1925 г. праз калегію АДПУ. Можна заўважыць распаўсюджанне спосабу прыняцця рашэнняў праз тэлефоннае апытанне. У такім выпадку гэта асобна фіксавалася, і пратакол падпісваўся сакратаром.

Для кантролю над вёскай фарміраваліся як сталыя аддзелы, так і вясковыя нарады пры адзеле ЦК КП(б)Б, дзейнасць якіх добра адлюстравана ў дакументах за перыяд з 1928 г. да пачатку 1930 г. Справаводства гэтых пасяджэнняў вялося амаль выключна на беларускай мове [19]. Даволі падрабязныя стэнаграфы з'ездаў Кампартыі Беларусі ўтрымліваюць чарнавыя матэрыялы выступаў. Пры гэтым іх назвы не заўсёды супадаюць з нумарацый лістоў, якая рабілася пазней. Дакументы пераважна машынапісныя, з праўкамі паміж радкоў і на палях тэксту. Да шэрагу з іх прылучаны выразкі з газет [20].

Значны масіў крыніц па гісторыі беларускай савецкай вёскі захоўваецца ў дзяржаўных архівах Віцебскай вобласці (ДАВВ), Гомельскай вобласці (ДАГВ) і Мінскай вобласці (ДАМВ). Фактычны матэрыял абласных архіваў дазволіў канкрэтызаваць многія аспекты мадэрнізацыйных працэсаў на месцах. Найбольш змястоўныя матэрыялы ў дачыненні да працэсаў трансфармацыі беларускай вёскі захоўваюцца ў фондах губернскіх (акруговых) зямельных аддзелаў і саюзаў сельгаскааперацыі.

Літаратура

1. «... Міласці Вашай просім», альбо Адзін год у навейшай гісторыі Беларусі, адлюстраваны ў лістах, заявах, скаргах і іншых формах звароту грамадзян. Зборнік дакументаў. Укл. Гужалоўскі А. А. — Мінск, 2006. — 280 с; Гужаловский, А. А. Главлитбел — инструмент информационного контроля белорусского общества / А. А. Гужаловский // Acta Slavica Iaponica. — 2012. — Т. 31. — Р. 77—104.
2. Ходзін, С. М. Беларуская вёска ў 1920—1930-я гг. : крыніцы, метады, вынікі вывучэння / С. М. Ходзін // Выбраныя навуковыя працы БДУ ў 7 т. — Т. 2. — Гісторыя. Філасофія. Журналістыка. — Мінск, 2001. — С. 109—118.
3. Подготовка условий сплошной коллективизации сельского хозяйства Узбекистана (1927—1929 гг.) / Под ред. О. Б. Джамалова. — Ташкент, 1961. — 475 с.
4. Коллективизация сельского хозяйства // Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства 1927—1935 / отв. ред. П. Н. Шарова. — М., 1957. — 575 с.
5. Кооперативно-колхозное строительство в Белорусской ССР (1917—1927 гг.) : сб. док. и материалов. — Минск : Наука и техника, 1980. — 309 с.
6. Подготовка сплошной коллективизации сельского хозяйства Белорусской ССР (ноябрь 1927 г. — ноябрь 1929 г.) / под ред. А. И. Азарова. — Минск, 1976. — 271 с.; Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства Белорусской ССР (ноябрь 1929—1932 гг.) / под ред. А. И. Азарова. — Минск, 1973. — 424 с.
7. Голод 1932—1933 років на Україні : очима істориків, мовою документів / редкол. : Ф. М. Рудич (голова), І. Ф. Курас [и др.]. — Київ : Політвидав України, 1990. — 605 с.
8. Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1 : Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства 1930—1940 / отв. ред. : В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. — Новосибирск, 2000.
9. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы : в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. — М. : РОССПЭН, 2002. — Т. 4 : 1934—1936. — 1056 с.
10. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Док. и материалы : в 4 т. / под ред. А. Берелович, В. Данилова. — М. : РОССПЭН, 2000. — Т. 2. 1923—1929 гг. — 1168 с.
11. «Тянут с мужика последние жилы...». Налоговая политика в деревне (1928—1937 гг.) : сб. док. и материалов / сост. : Н. Е. Глушенко [и др.]; редкол. : Н. А. Ивницкий (отв. ред.) [и др.]. — М. : Собрание, 2007. — 638 с.
12. Слудзі збройны чын 1920 г. у дакументах і ўспамінах / уклад. : А. Гесь [і інш.]. — Мінск : Энцыклапедыкс, 2001. — 274 с.
13. Стужынская, Н. І. Беларусь мяцежная : з гісторыі ўзброенага антысавецкага супраціву : 1920-я гады. — Мінск : Выдавец А. М. Варахін, 2012. — 362 с.

14. Рассакрэчаныя архівы : Дакум. дзярж. арх. Рэспублікі Беларусь, якія пераведзены на адкрытае захоўванне : Давед. Вып. 1 / Камітэт па архівах і справаходству пры СМ РБ; БелНДЦДАС. Склад. : В. А. Дабычына, В. І. Пташнікава. — Мінск : БелНДЦДАС, 1993. — 147 с.
15. Хорхордина, Т. И. Корни и корона : шпрыхі к портрету Историко-архивного института (1930—1991) ; Рос. гос. гуманит. ун-т. — М. : РГГУ, 1997. — 110 с.
16. РДАЭ. — Ф. 478. — Воп. 1. — Спр. 889. Переписка с ВЦИК об аннулировании постановления СНК УССР от 22 мая об утверждении Всеукраинской комиссии по отсрочкам ветеринарного персонала 18 августа 1922 — 21 сентября 1922 на 5 л.
17. РДАЭ. — Ф. 478. — Воп. 1. — Спр. 1108. Материалы о передаче Наркомзему технических и подсобных сельскохозяйственных предприятий, находящихся на территории трестированных совхозов (протоколы, инстр-ии, докл. записки, письма) (5 июня 1923 — 17 марта 1925) на 120 л.
18. НАРБ. — Ф. 4п. — Воп. 1. — Спр. 5669. Протокол № 19 заседания секретариата ЦК КП(б)Б от 19 июня 1932 г., документы к нему. 286 л.
19. НАРБ. — Ф. 4п. — Воп. 1. — Спр. 4211. Проект постановления ЦИК и СНК БССР о реорганизации окружного, районного, городского и сельского советского аппарата Вибеского опытно-показательного округа, протоколы совещаний при отделе по работе в деревне ЦК КП(б)Б, заседаний Комиссии ЦСПСБ по работе в деревне, бюро фракции КП(б)Б ЦП профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих БССР и Белколхозсоюза, планы работы бюро и секретариата на январь—июнь, сентябрь—декабрь и отдела по работе в деревне ЦК КП(б)Б на июль—декабрь 1928 г., доклады о работе Суражского райкома КП(б)Б с 1 октября 1927 г. по 1 апреля 1928 г., итогах обследования работы Бобруйского, Горецкого и Черейского кредитных товариществ, сведения о перевыборах сельских и местечковых Советов БССР в 1929 г., сети колхозов по округам БССР на 1 декабря 1929 г., список секретарей совхозных и колхозных ячеек КП(б)Б на октябрь 1929 г. и др. документы. 28 февраля 1928 г. — 19 февраля 1930 г. 682 л.
20. НАРБ. — Ф. 4п. — Воп. 1. — Спр. 3083. Стенограмма X съезда КП(б)Б от 03—10 января 1927 г. 708 л.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 05.10.2016

С. С. Рудович,*старший научный сотрудник БелНИИДАД,
кандидат исторических наук, доцент***СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА
В БЕЛАРУСИ (1917—1920 гг.)**

Государственный аппарат представляет собой совокупность государственных органов, наделенных властными полномочиями для реализации задач и функций государства. Он является частью государственного механизма, который включает в себя также госучреждения (школы, больницы и т. д.) и госпредприятия.

Органы государственной власти и управления как составные части госаппарата играют значимую роль в жизни современного общества. Они обеспечивают упорядочение и регулирование социально-экономических, политических, духовных и иных общественных процессов и явлений. Важнейшим условием успешного выполнения государством своих регулирующих и управленческих функций является познание организационной структуры государственного управления в ее становлении и развитии. Изучение процесса формирования системы государственного управления на территории Беларуси, исследование его основных этапов позволяет обогатить современную науку и практику государственного управления конкретно-историческим опытом нашей страны, без использования которого немислимо дальнейшее развитие и совершенствование государственного аппарата.

Белорусскими исследователями и архивистами проделана значительная работа по изучению истории органов государственной власти и управления на территории Беларуси. Немало сведений по данной тематике содержится в обобщающих многотомных трудах и учебных пособиях по истории Беларуси, истории государства и права Беларуси, в отечественных энциклопедических изданиях. Имеются также научные разработки, специально посвященные истории органов власти и управления в Беларуси. Так, еще в 1968 г. увидел свет справочник «Органы государственного управления Белорусской ССР (1919—1967 гг.)», подготовленный коллективом ученых Института философии и права Академии наук БССР совместно с сотрудниками ЦГАОР БССР [90]. Национальный исторический архив Беларуси готовит и издает погубернские справочники о государственных, религиозных и общественных учреждениях, действовавших на белорусских землях в период их нахождения в составе Российской империи (конец XVIII в. — 1917 г.) [13; 66; 69]. Белорусским научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела (БелНИИДАД) опубликованы справочники о высших органах власти и центрального управления Белорусской ССР в период с 1944 до 1991 г. [17; 18]. Появились первые учебные пособия, отражающие в хронологически-тематической последовательности эволюцию органов власти и управления на белорусских землях с древности и до наших дней [22; 110].

В многовековой истории белорусской государственности особый интерес представляет недолгий, но чрезвычайно насыщенный, переломный период — от Октябрьской революции 1917 г. до завершения польско-советской войны в 1920 г. — когда закладывались основы советской системы власти и управления.

В годы существования СССР история Октябрьской революции и социалистического строительства являлась приоритетной темой исторической науки, благодаря чему белорусскими историками, а также юристами создан внушительный корпус текстов, посвященных периоду 1917—1920 гг. Труды ряда авторов — Н. В. Каменской, С. П. Маргунского, В. А. Круталевича, И. М. Игнатенко, П. Т. Петрикова, П. А. Селиванова и др. — не только отображают общую картину эпохи, но и содержат немало конкретных фактов из истории органов государственной власти и управления. Особенно ценные материалы по данной тематике введены в научный оборот публикациями по истории государства и права Белорусской ССР [43; 51—53; 62; 63; 104]. Вместе с тем научные исследования, осуществленные в советское время, требуют к себе критического отношения. Ввиду несовершенства методологического и методического инструментария — с одной стороны, и официальных идеологических ограничений — с другой, разработки советских авторов нередко грешили тенденциозностью, односторонностью в показе исторических явлений и процессов, неточностями при воспроизведении фактов, фигурами умолчания.

Распад СССР и обретение Беларусью суверенитета вызвали новый всплеск интереса к начальному этапу становления советской государственности. Это нашло проявление в тематике ряда научных конференций и опубликованных сборников их материалов [1; 6; 7; 24], защите диссертаций [55], публикации монографических исследований [23; 39; 56; 70; 108], разработке учебных курсов [5; 14; 54; 100; 101; 111].

Обобщить накопленные несколькими поколениями исследователей знания по проблеме белорусской государственности в новое и новейшее время, представить концептуально целостную картину ее зарождения, становления и развития была призвана новая коллективная работа белорусских историков «История белорусской государственности в конце XVIII — начале XXI в.» (кн. 1—2, 2011—2012 гг.) [20; 21]. Это объемное издание действительно включает ряд оригинальных, обстоятельных текстов об отдельных аспектах заявленной темы (о национальной политике российских властей в Беларуси в начале XX в., о феномене Белорусской Народной Республики, о государственном строительстве в Советской Беларуси в 1944—1991 гг., о достижении суверенитета Республики Беларусь и др.). Вместе с тем взятая авторами на себя задача «комплексно» осветить сложный процесс оформления белорусской государственности, раскрыть ее особенности на разных исторических этапах [20, с. 6] реализована, к сожалению, не в полной мере. В частности, фактически не проанализированы место и роль в истории белорусской советской государственности такого административно-территориального образования, как Западная область

(Западная коммуна), которая более года (ноябрь 1917 г. — декабрь 1918 г.) объединяла значительную часть белорусских земель и органы управления которой, их кадровый состав во многом послужили основой при формировании государственного аппарата провозглашенной 1 января 1919 г. Социалистической Советской Республики Белоруссии (ССРБ). В работе подробно прослеживается борьба в 1918 — начале 1919 г. разных политических групп по вопросу о создании белорусской советской государственности (что детально рассматривалось и в предшествующей литературе), но практически отсутствует комплексный анализ функционирования административно-управленческих структур вновь созданной ССРБ как особого государственного образования, не предпринимается попытка соотнести формально независимый статус республики с реальным объемом компетенции ее правительства, центральных и местных органов управления. Аналогичным образом в издании не отражена организационная структура и деятельность аппарата власти и управления ССРБ после ее второго провозглашения в июле 1920 г. и до вхождения в состав СССР. Тем временем Литовско-Белорусская ССР охарактеризована в книге достаточно полно и объективно.

Беглый обзор имеющейся литературы свидетельствует, что тема создания в Беларуси советского государственного аппарата не получила исчерпывающего освещения. В настоящей статье, не претендующей в силу ограниченного объема на всестороннее раскрытие темы, сделана попытка систематизировать и обобщить данные о высших и центральных органах власти и управления Западной области РСФСР, Социалистической Советской Республики Белоруссии (ССРБ) после первого и второго провозглашения и Социалистической Советской Республики Литвы и Белоруссии (ССРЛиБ). Ставится задача выявить механизм формирования государственных органов, их правовой статус и компетенцию, определить их место в истории национально-государственного строительства в Беларуси. Реализация этого намерения возможна лишь с учетом исторических особенностей изучаемого периода, общественно-политического контекста, в условиях которого возникали и действовали органы государственной власти и управления.

Осуществлявшиеся в рассматриваемое время кардинальные социально-экономические преобразования, стремительное изменение политической обстановки, энергичный поиск путей и методов построения нового общества предопределили небывалое разнообразие организационных форм властно-управленческой деятельности государства, вызывали частые реорганизации управленческих структур, нередко порождали противоречивость и запутанность в компетенции различных субъектов власти и управления. Особенностью изучаемого периода было и то, что правовой статус и компетенция государственных органов не обязательно определялись нормативно-правовыми документами. Зачастую субъекты управления опирались не на утвержденные правовые нор-

мы, а действовали явочным порядком, руководствовались практической целесообразностью исходя из реальных условий революционного времени.

Напомним, что нацеливаясь в 1917 г. на свершение социалистической революции, большевистская партия во главе с В. И. Лениным ориентировалась не просто на захват существовавшей государственной машины, а на ее уничтожение, слом. В работе «Государство и революция» вождь большевиков писал о необходимости «разбить, сломать вдребезги, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республикански-буржуазную, государственную машину, постоянную армию, полицию, чиновничество, заменить их *более* демократической, но все еще государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции» [58, с. 100]. Опираясь на опыт Парижской коммуны, обобщенный К. Марксом и Ф. Энгельсом, большевики рассчитывали, что в ходе социалистической революции на смену буржуазной государственности придет революционное государство-коммуна — государство без бюрократии, без полиции, без постоянной армии. Предполагалось, что задачи по защите страны, охране правопорядка, по организации производства и других сфер общественной жизни будут выполнять в таком государстве непосредственно сами рабочие и крестьяне. Резюмируя свои размышления, Ленин отмечал: «Демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (= особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство» [58, с. 42]. Функция подавления в таком государстве еще остается: необходимо подавлять буржуазию и ее сопротивление. Но подавляющим органом является здесь уже не меньшинство, а большинство населения. «А раз большинство народа *само* подавляет своих угнетателей, то “особой силой” для подавления *уже не нужно!* В этом смысле государство *начинает отмирать*» [58, с. 42].

В условиях России исторически сложившейся формой самоорганизации трудящихся и политической основой революционного государства-коммуны («переходного» государства, отмирающего «полугосударства») большевикам виделись советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, противопоставляемые парламентарной форме государственности. В Апрельских тезисах (1917 г.) Ленин провозгласил: «Не парламентарная республика, — возвращение к ней от С[оветов] Р[абочих] Д[епутатов] было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху» [57, с. 115].

В ходе Октябрьской революции 1917 г. идея о переходе власти к советам получила законодательное оформление. II Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 г. постановил: «Вся власть на местах переходит к советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [26, с. 8]. В постановлении съезда от 26 октября (8 ноября) 1917 г. «Всем

губернским и уездным советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» провозглашалось: «*Вся власть отныне принадлежит советам*» [26, с. 11].

С точки зрения Ленина и его единомышленников, одно из преимуществ советской формы организации власти заключалось в возможности «соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов» [59, с. 304—305]. Таким образом, большевистскому режиму изначально был присущ концептуальный отказ от выработанного европейской политической мыслью и практикой принципа разделения властей. В 1918 г. народный комиссар юстиции Советской России П. И. Стучка писал: «Принцип разделения власти для нас, как и в действительной жизни, имеет только значение технического разделения труда. Власть, в данном случае советская, естественно, должна быть е д и н о ю в л а с т ь ю , включающей в себя и законодательную, и исполнительную, и, наконец, судебную» [106, с. 14]. При этом лидеры большевиков не давали внятного ответа на вопрос, как в условиях абсолютной концентрации власти в одних руках избежать беззакония, произвола и обеспечить гражданские права хотя бы представителям только «*правящих*» классов — пролетариата и беднейшего крестьянства.

В большевистской концепции новой советской государственности оставались почти не разработанными и другие насущные вопросы механизма управления в переходный период «отмирания» государства вплоть до «*полного самоуправления масс*». Среди важнейших из них — вопрос о взаимоотношении между советами как носителями всей полноты власти («*Вся власть советам!*») и коммунистической партией, призванной «*взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни. . .*» [58, с. 26]. Не было также ясности относительно структуры будущего госаппарата, источников квалифицированных управленческих кадров, стимулирования их труда и т. д.

В результате советское государственное строительство в революционные годы носило во многом импровизационный характер. Преодоление разного рода сложностей и противоречий, поиски эффективных форм организации управления происходили в основном спонтанно, без предварительного плана, методом «*проб и ошибок*». Строительство советского государственного аппарата представляло собой процесс адаптации идеальной модели, сконструированной большевистскими вождями, к реальным условиям места и времени.

Сразу после Октябрьского вооруженного восстания большевики попытались реализовать основополагающие постулаты государства-коммуны, основанного на принципе неразделимости ветвей власти. Однако реальный расклад политических сил (наличие других влиятельных социалистических партий) и сложившиеся к тому времени управленческие традиции не позволили сосредоточить все законодательные, контрольные и распорядительно-исполнительные

функции в одном органе. II Всероссийский съезд советов (октябрь 1917 г.), продолжая практику начатую I съездом советов (июнь—июль 1917 г.), в качестве постоянного органа верховной власти в стране избрал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), который в первые годы имел многопартийный состав (однако с преобладанием большевиков). Одновременно было сформировано подотчетное съезду советов и ВЦИК правительство — Совет Народных Комиссаров (СНК, Совнарком), состоявший из одних большевиков (за исключением короткого периода с ноября 1917 г. по март 1918 г., когда в правительстве работали и левые эсеры). При этом, как отмечают исследователи, с первых дней своего существования именно Совнарком под председательством В. И. Ленина концентрировал в своих руках подавляющую часть управленческих функций, а ВЦИК играл явно второстепенную и все уменьшавшуюся роль [61, с. 129—130]. В ноябре 1917 г. большевикам удалось провести во ВЦИК резолюцию, наделившую СНК не только исполнительными, но и законодательными функциями, правом издавать «неотложные декреты в рамках общей программы Всероссийского съезда советов» [26, с. 44—45]. При доминировании во ВЦИК большевиков оставленное за ним право контролировать и сменять СНК и наркомов оказалось не более чем формальностью. О главенствующей роли Совнаркома свидетельствует, например, то, что за 1917—1920 гг. он принял 1167 законодательных актов, тогда как номинально верховенствующий над ним ВЦИК — только 195 [31, с. 58 (таблица); подсчитано автором. — С. Р.]. Аналогичным образом складывалась обстановка и на местах: властно-управленческие функции здесь также все более концентрировались не в самих советах, а в руках их исполнительных органов — исполкомов.

Вопреки постулату большевиков на этапе завоевания власти о том, что «*прежнее эксплуататорское государство будет отдано «на слом*», полного «*слома*» старого государственного аппарата не произошло. Как на общегосударственном, так и на региональном и местном уровнях новым органам власти были переданы функции, дела и технический аппарат прежних управленческих структур. Вновь образованное советское правительство — Совет Народных Комиссаров — по существу строилось по схеме дореволюционного Совета министров [31, с. 41, 52—54, 62]. В системе отраслевого управления в большинстве случаев имела место прямая преемственность между старыми министерствами и новыми народными комиссариатами. В первый состав Совнаркома по решению II Всероссийского съезда советов вошли председатель и народные комиссары — руководители народных комиссариатов: по внутренним делам; земледелия; труда; по делам военным и морским; торговли и промышленности; народного просвещения; финансов; по иностранным делам; юстиции; продовольствия; почт и телеграфов; по делам национальностей; по железнодорожным делам (его пост остался вакантным) [26, с. 20—21]. Новым среди этих ведомств был только Народный комиссариат по делам национальностей. Впоследствии список народных комиссариатов претерпел некоторые изменения.

Так, уже в конце октября 1917 г. был учрежден Народный комиссариат общественного призрения (с апреля 1918 г. — Народный комиссариат социального обеспечения). Декретом ВЦИК и СНК от 2 декабря 1917 г. был создан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). В мае 1918 г. образован Народный комиссариат государственного контроля, в июле — Народный комиссариат здравоохранения [19, с. 14—16].

Как в центре, так и на местах при формировании новых учреждений использовался старый аппарат учета и распределения, связи, путей сообщения и даже отдельные элементы силовых и карательных ведомств, следственной системы и т. д.

Поэтому, как считает российский историк С. В. Леонов, вывод о «сломе» госаппарата после Октября, бытовавший в советской историографии, является чересчур категоричным. По мнению исследователя, более корректно говорить не о «сломе», а о трансформации госаппарата [61, с. 163].

Важнейшей особенностью Беларуси на момент Октябрьской революции являлось ее прифронтовое положение. С севера на юг по линии Двинск—Поставы—Сморгонь—Барановичи—Пинск территорию края пересекал российско-германский фронт Первой мировой войны. Белорусские земли на запад от линии фронта были оккупированы войсками кайзеровской Германии и находилась вне ареала распространения революции. Центральная и восточная части Беларуси, оставаясь под юрисдикцией российских властей, были непосредственно вовлечены в революционный катаклизм. На данной территории дислоцировались три армии российского Западного фронта. В условиях действовавшего здесь режима военного положения фронтовые и армейские командные и политические структуры выступали влиятельными субъектами власти не только для войск, но и для гражданского населения края.

Осуществляя революцию под лозунгом «Вся власть советам!», большевики и в центре, и на периферии, как правило, не допускали перехода власти к реально существовавшим советам, в большинстве которых они не имели преобладающего влияния. На фронте и в тылу захват власти обычно осуществлялся посредством чрезвычайных органов — военно-революционных комитетов (ВРК), которые большевики спешно формировали главным образом из военнослужащих, перешедших на большевистские позиции. 26 октября (8 ноября) 1917 г. в Минске руководителями западнофронтовой большевистской организации от имени Минского совета рабочих и солдатских депутатов по образцу Петроградского ВРК был образован Военно-революционный комитет Западного фронта — оперативный орган по осуществлению вооруженного восстания и установлению советской власти на фронте и прилегающей территории. До середины ноября 1917 г. военно-революционные комитеты были организованы во всех армиях фронта и во многих корпусах. Армейские и корпусные ВРК, в свою очередь, создавали сеть военно-революционных комитетов в подчиненных им частях.

Военно-революционный комитет Западного фронта, опираясь на вооруженную поддержку значительной части солдат, сосредоточил в своих руках всю полноту власти не только на фронте, но и в тыловой зоне. Он стремился распространять свои полномочия на все административные учреждения, суд, почту, телеграф, разрешал различные конфликты. При содействии его представителей в губернских и уездных центрах Беларуси, на крупных железнодорожных станциях (Витебск, Могилев, Гомель, Орша, Жлобин и др.) создавались местные военно-революционные комитеты. Комиссары и вооруженные отряды, направленные западнофронтовым ВРК в деревню, оказывали помощь советским организациям прифронтовой полосы в осуществлении аграрных преобразований, проведении в жизнь Декрета о земле. Для осуществления своих задач ВРК Западного фронта образовывал в своей структуре отделы, названия которых отражали важнейшие направления его деятельности: военный; хозяйственный; снабжения; информационный; организации и связи и др. [11, с. 97].

Таким образом, история советского государственного аппарата в Беларуси начинается с Военно-революционного комитета Западного фронта в Минске и ревкомов на местах. Однако ВРК, созданные явочным порядком в момент захвата власти, представляли собой лишь временные, чрезвычайные органы управления. К тому же в условиях стремительной демобилизации фронта массовая вооруженная опора диктатуры западнофронтовых большевиков в Беларуси неуклонно разрушалась. В связи с этим ими были предприняты меры по легитимизации себя в качестве представительства не только от фронтовиков, но также от рабочих и крестьян края.

Эта задача была реализована путем созыва трех съездов: III съезда крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний [18—20 ноября (1—3 декабря) 1917 г., г. Минск], съезда советов рабочих и солдатских депутатов Западной области [19—21 ноября (2—4 декабря) 1917 г., г. Минск], II съезда армий Западного фронта [20—25 ноября (3—8 декабря) 1917 г., г. Минск]. Съезды должны были придать легитимность большевистскому перевороту на Западном фронте и в прилегающем регионе и объединить существовавшие здесь разрозненные советы рабочих и солдатских депутатов (в городах) и советы крестьянских депутатов (в волостях и деревнях) в единую систему власти в масштабе складывавшейся крупной административно-территориальной единицы — Западной области*.

* После Февральской революции 1917 г. советы некоторых регионов России в целях координации и согласования своих действий начали объединяться вокруг наиболее крупных политических и экономических центров. Эти объединения советов (имевших тогда еще статус общественно-политических организаций, а не государственных структур) получили наименование областей. Так начали оформляться Московская, Уральская (центр — г. Екатеринбург), Западная (центр — г. Минск), Северная (центр — г. Петроград) области. С превращением советов в органы власти принцип областного объедине-

Принципиальное значение в этом плане имело постановление II съезда армий Западного фронта от 24 ноября 1917 г. «Об организации советской власти на Западном фронте и в области». Постановление предусматривало образование на основе советов рабочих и солдатских депутатов, советов крестьянских и батрацких депутатов, армейских комитетов, профсоюзов, железнодорожного и почтово-телеграфного союзов единых органов государственной власти в области, губернии, армии и т. д. — советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В советах намечалось создание отделов (военного, продовольственного, труда, финансового, городского, податного, просвещения и др.) во главе с народными комиссарами. Во все учреждения (штабы, банки, казначейства, акцизные управления и т. д.) советам надлежало послать своих комиссаров, которые, организуя служащих, должны были образовывать комиссии для руководства всеми делами учреждений [11, с. 285—287; 89, с. 48—49].

Избранные тремя съездами исполнительные комитеты, объединившись, образовали 26 ноября (9 декабря) 1917 г. Областной исполнительный комитет советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (Облискомзап) численностью более 150 человек. Облискомзап стал высшим (между областными съездами советов) органом советской власти на Западном фронте и на территории Западной области.

Тогда же было решено для руководства различными сферами политической, социальной, военной и хозяйственной жизни создать в структуре Облискомзапа 13 отделов (комиссариатов) во главе с комиссарами: военный; внутренних дел; продовольственный; финансовый; национальный; земельный; труда; промышленности и торговли; народного просвещения; юстиции; призрения; почт и телеграфа; железнодорожный [11, с. 294—298; 76, л. 75—79]. Нетрудно заметить, что данный список комиссариатов Западной области и фронта почти полностью воспроизводит перечень существовавших на тот момент центральных наркоматов Российской Республики (в области не был создан только комиссариат по иностранным делам).

Коллегиальным рабочим органом, который координировал и контролировал деятельность комиссариатов, являлся Совет народных комиссаров (СНК) Западной области и фронта, созданный по образцу общероссийского Совнаркома [11, с. 294—299].

Правомочность Облискомзапа и СНК Западной области и фронта, претендовавших на роль «краевой белорусской советской власти» [11, с. 858], с точки зрения демократических норм выглядела довольно сомнительной. В соответствии с классовым принципом в советах было представлено не все население, а только «трудящиеся» — рабочие, крестьяне, солдаты; представительство от

ния был перенесен на построение государственного аппарата. На областных съездах советов избирались областные исполкомы, служившие как бы передаточным, промежуточным звеном между центральными и местными органами. Областные советы копировали центральный аппарат, создавая свои ЦИК, совнаркомы, наркоматы и т. д.

других социальных слоев — интеллигенции, предпринимателей, служащих и т. д. — ни в местных советах, ни в областных (как и в общероссийских) органах власти не предусматривалось. Явными отступлениями от демократии являлись непрямые и открытые выборы. При этом и представительство «революционных» классов оказалось неполным и неравным. Порядок и нормы избрания, установленные Военно-революционным комитетом Западного фронта при созыве упомянутых трех съездов, обеспечили безусловное доминирование в областных структурах власти пришлых фронтовиков перед представителями местных рабочих и крестьян [97, с. 148—150]. К тому же крестьянские депутаты, попавшие в состав Облискомзапа, были избраны только от Минской и Виленской губерний. Несмотря на все это, после создания Облискомзапа было заявлено, что «фронтная организация как самостоятельная упраздняется, входя целиком в состав областного центра» [65, 29 ноября]. Фактически тем самым заднофронтные большевики осуществили маневр по сохранению в условиях демобилизации фронта порожденных им властных структур путем мимикрии последних под полномочное представительство рабочих и крестьян Беларуси.

Облискомзап стремился объединить всю не оккупированную немцами часть белорусских земель. Однако ему пришлось действовать в условиях полной децентрализации власти, когда каждый уезд и каждая волость пытались самостоятельно решать все вопросы. Лозунг «Вся власть советам!» нередко истолковывался на местах в смысле независимости советов от вышестоящей власти («Вся власть местам!»). Было немало случаев, когда волости не желали считаться с уездными учреждениями, уезды — с губерниями, а губернии — с областным центром.

Сфера действия Облискомзапа и областного Совнаркома поначалу фактически ограничивалась только Западным фронтом, Минской губернией и неоккупированными уездами Виленской губернии [55, с. 46—47]. В Витебской и Могилевской губерниях, формально также входивших в состав Западной области, формировались собственные системы органов власти и управления.

Решениями III Всероссийского съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [10—18 (23—31) января 1918 г.] Советская Россия была объявлена федерацией. Предусматривались три категории будущих субъектов федерации: 1) советские республики; 2) отдельные области; 3) области, отличающиеся особым бытом и национальным составом [26, с. 350—351; 45, с. 105—106]. Таким образом, возникшие в ходе революции областные объединения советов, в т. ч. Западная область, получили законодательное признание.

Как и областные, местные властно-управленческие структуры (на уровне губерний, уездов, волостей) первоначально также создавались по образцу общероссийских органов. На такой подход, к примеру, ориентировала местные советы в декабре 1917 г. газета «Советская правда» — орган Облискомзапа: «Наверху создан по определенному типу аппарат, руководимый и направляемый Сове-

том Народных Комиссаров. Этот тип управления должен быть проведен всюду на местах. <...> Перед советами на местах — в губернии, в городах, уездах и волостях — возникает вопрос о приспособлении советских организаций к такому типу государственного строительства, как это имеется в Петрограде, Западной области и фронте, в Москве. <...> Ненужные учреждения должны в корне ломаться и упраздняться; нужные, которые имеется возможность приспособить в техническом отношении, переизобрать, в корне обновить их внутреннюю структуру» [80, л. 22—25 (машинописная копия газетной статьи)].

В январе 1918 г. Наркомат внутренних дел РСФСР утвердил инструкцию советам, рекомендовавшую создавать в исполкомах 11 отделов (комиссариатов) в соответствии с перечнем центральных наркоматов (управления; финансов; Совет народного хозяйства; земельный; труда; путей сообщения; почты, телеграфа и телефона; народного просвещения; судебный; врачебно-санитарный; управления общественным недвижимым имуществом) [12, с. 2]. Отделы исполкомов должны были находиться в двойном подчинении, руководствуясь решениями местных советов и инструкциями соответствующих центральных наркоматов. Расчет делался на то, что вследствие этого центральные органы смогут непосредственно влиять на все структуры местного аппарата. Однако рекомендация центра создавать во всех исполкомах одинаковые по численности и функциям отделы не учитывала различия в объемах, функциях и полномочиях исполкомов разных уровней — губернских, уездных, городских и волостных. По свидетельству заведующего Отделом внутренних дел Облкомзапа Л. П. Резаусского, после образования общероссийского СНК «областными, губернскими, уездными и волостными советами было понято так, что везде должна строиться власть по образцу Совнаркома, что внесло большую путаницу: часто два отдела делали одну и ту же работу». Многие исполкомы не знали, как приступить к работе: «сначала организовывали комиссариаты, а потом для них искали работу» [81, л. 47]. В результате это вело к беспрепятственным реорганизациям, перестановкам в аппаратах исполкомов.

Тем временем в ходе нового наступления в феврале—марте 1918 г. германские войска захватили территорию Беларуси до линии Россоны—Полоцк—Орша—Жлобин—Новозыбков, т. е. до Днепра и Сожа. В результате под оккупацией оказалось $\frac{4}{5}$ территории современной Республики Беларусь. Однако это не повлекло за собой ликвидацию Западной области как административно-территориальной единицы. Областные партийные и советские органы эвакуировались в Смоленск, который временно стал административным центром Западной области. Оставшиеся свободными от оккупации уезды Могилевской и Витебской губерний были объединены со Смоленской губернией. Смоленский губисполком был упразднен, а его функции перешли к областным органам.

К весне 1918 г., по мнению С. В. Леонова, большевики достигли несомненных успехов в реализации концепции советского государства-коммуны. Однако естественным следствием их добросовестных попыток осуществления

утопической доктрины «полугосударства» стали обострение ситуации в стране и управленческий кризис. По инициативе Ленина, осознавшего необходимость изменения курса, большевистское руководство с весны 1918 г. фактически отказывается от принципиальных положений государства-коммуны: всеобщего вооружения народа, полновластия советов, самоуправления масс и широкой демократии для трудящихся, минимализации функций чиновничества, его полной выборности и подконтрольности низам [61, с. 208]. С этого времени вместо опоры на самостоятельность и сознательность революционных масс начинаются призывы к централизации, а отчасти и к «профессионализации» управления, т. е. происходит отход от концепции управляемого рабочими и крестьянами государства-коммуны. Свертывание ростков самоуправления происходило как по «вертикали» — путем все большего перераспределения управленческих полномочий «снизу—вверх», так и по «горизонтали» — путем сужения сферы демократии: от демократии для всех трудящихся к демократии преимущественно для пролетариев (важнейший шаг в этом направлении — создание в деревне в июне 1918 г. комитетов бедноты, которые учреждались параллельно и в противовес советам крестьянских депутатов), а затем к демократии только для коммунистов. Однако и в РКП(б) усиливалась централизация, начинались преследования коммунистов за критику [60, с. 41].

В связи с курсом на усиление централизации руководство РСФСР развернуло кампанию борьбы с «сепаратизмом, местничеством и областничеством». Началом этой кампании стали усилия по ликвидации областных и губернских СНК, которые в глазах большевиков превратились в символы децентрализации.

Состоявшийся в Смоленске II съезд советов Западной области (11—15 апреля 1918 г.) под давлением Москвы постановил упразднить в пределах области всякие комиссариаты и совнаркомы и создать при всех советских организациях отделы во главе с заведующими — как в областном, так и в местном масштабе. Была подтверждена структура советов — от сельских и городских до областного их объединения. Высшим органом власти в области оставался Областной исполнительный комитет в количестве 75 человек. При Облкомзапе организовывалось 13 отделов: внутренних дел; финансов; юстиции; земледелия; призрения; просвещения; искусств; учетно-контрольный; связи; народного здоровья; Совет народного хозяйства; Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ЧК); военный комиссариат [8, с. 84—85]. Заведующие отделами совместно с президиумом составляли Малый совет, который имел совещательные полномочия и был ответственен перед Облкомзапом [16, с. 4—5; 30, с. 388—389; 89, с. 70—71].

Идеи централизации власти обрели воплощение в Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г. Конституция обязывала перестроить областные органы по типу местных, а не по образцу центральной власти.

Конституция вела общий порядок созыва съездов советов, установила определенные нормы представительства. Согласно Конституции, областные

съезды советов должны были собираться не менее 2 раз в год, губернские и уездные — 1 раз в три месяца, волостные — 1 раз в месяц. К ведению местных съездов советов Конституция отнесла: проведение в жизнь всех постановлений высших органов советской власти; мероприятия по хозяйственному и культурному подъему данной территории; разрешение всех вопросов местного значения; объединение всей советской деятельности в пределах данной территории (ст. 61).

Исполнительно-распорядительными органами съездов советов становились исполнительные комитеты, состоящие из отделов во главе с заведующими, а не совнаркомы и комиссариаты во главе с народными комиссарами (ст. 48, 63). Конституция 1918 г. установила численный состав исполкомов: областных и губернских — 25, уездных — 20, волостных — 10 человек (ст. 55) [27, с. 557, 559, 561; 45, с. 152—154].

Уже в первые месяцы большевистской власти обнаружилась тенденция к бюрократизации государственного аппарата путем постепенного усиления исполнительных органов за счет представительных. Исполкомы сосредоточивали в своих руках руководство всеми сторонами хозяйства и общественной жизни: промышленностью, сельским хозяйством, борьбой с разрухой и саботажем, контролем над всеми видами имущества. Вся оперативная работа проводилась в отделах исполкома, построенных главным образом по отраслевому принципу (земледелия, продовольствия, финансов, юстиции, военный, отдел управления, народного просвещения, Совет народного хозяйства и др.). Отраслевые отделы исполкомов, как правило, имели «двойное» подчинение: совету (исполкому) данной территориальной единицы и одновременно соответствующему наркомату в центре. Однако местные органы средств сообщения и связи, военного руководства и др. не подлежали подчинению местным советам как органы экстерриториальные.

Курс на свертывание народовластия и усиление авторитаризма проявился также в перераспределении управленческих функций от советов к большевистской партии. Уже в марте 1918 г. на VII съезде РКП(б) Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов заявил, что «теперь перед партией <...> стоят задачи проделать значительную часть работы, которую проделывали до сих пор советы» [98, с. 152; 99, с. 171].

Первоначально советы в центре и на местах функционировали как многопартийные органы, хотя и с подавляющим преобладанием в них большевиков. В июне 1918 г. под предлогом пресечения борьбы меньшевиков и эсеров (правых и центра) против новой власти ВЦИК исключил представителей этих партий из советов [27, с. 430—431]. После левозероковского выступления в июле 1918 г. постановлением V Всероссийского съезда советов и аналогичной резолюцией ВЦИК из советов были удалены левые эсеры [27, с. 538; 28, с. 35—36]. Таким образом, с середины 1918 г. многопартийность советов начала разрушаться, и политика стала определяться одной партией.

Коммунистическая партия заняла ключевое, доминирующее положение во всех сферах жизни страны. Фактически она стала скелетом государства, на который нанизывались все другие институты. Советы стали формироваться из представителей только этой партии и превращаться в исполнителей ее воли. Как и в целом по стране, в Западной области эти процессы активизировались с лета 1918 г. Опираясь на действовавшую в РКП(б) норму о полном подчинении коммунистических фракций в советах партийным комитетам, Северо-Западный обком РКП(б) принимал решения по всем принципиальным вопросам деятельности Облискомзапа и СНК. Как отмечалось в докладе о работе ОК на IV Северо-Западной областной конференции РКП(б) [1—4 июня 1918 г., г. Смоленск], «существовала полная диктатура Областного комитета над фракциями, вследствие чего советы были только формой, в которой выражалась наша работа» [37, с. 10]. Откровенно подменяя собой государственные органы, ОК назначал свои кандидатуры на выборные советские должности, утверждал персональный состав коллегий революционных трибуналов, коллегий обвинителей и т. д. [77, л. 8, 63]. Иными словами, наблюдалась подлинная узурпация Северо-Западным областным комитетом РКП(б) прав и функций областного советского органа — Облискомзапа, а областным съездам советов отводилась роль легитимации и регистрации решений, уже принятых ОК.

Таким образом, к середине 1918 г. советы во многом уже были отодвинуты от власти партийными, военными, чрезвычайными органами (ВЧК, ревкомы, комбеды) и центральными государственными ведомствами (продовольственным, железнодорожным и др.). Лозунг «Вся власть советам!», открывший большевикам дорогу к власти, — заключает С. В. Леонов, — не был ими реализован. «Республика советов снизу доверху» оказалась мифом [61, с. 184—188, 207].

Партийное и советское руководство Западной области «в интересах правильной организации хозяйственной жизни и упрощения административного аппарата» неоднократно предпринимало усилия к тому, чтобы упразднить губернские центры и слить территории губерний в одну административно-хозяйственную единицу, напрямую управляемую Облискомзапом [50, с. 98—99; 77, л. 34]. 5 августа 1918 г. Облискомзап, ссылаясь на «ясно выраженную волю подавляющего большинства уездов Западной области», постановил «объединить губернии Западной области в одну хозяйственную и административно-финансовую единицу», назвав ее Западной коммуной. При этом Могилевский и Витебский губисполкомы предполагалось ликвидировать, а Смоленский, «как слившийся уже с областным центром», считать упраздненным [77, л. 47об.; 78, л. 76]. Данное постановление, однако, подлежало утверждению центральной общероссийской властью.

Взяв курс на ликвидацию губерний, Облискомзап пытался руководить уездами, минуя губисполкомы и их отделы, что вызывало сильнейшее недовольство ущемленных в своих правах губернских центров. С другой стороны,

центральные органы Советской России не спешили идти навстречу амбициям руководства Западной области. Некоторые народные комиссариаты РСФСР сносились непосредственно с губернскими центрами, минуя Смоленск [51, с. 278—279].

III съезд советов Западной области (10—13 сентября 1918 г., г. Смоленск) считал возможным упразднить только Могилевский губисполком, а Витебский губисполком 3-го созыва был объявлен временным (до восстановления советской власти в освобожденных пяти уездах). При этом предусматривалось, что при освобождении территории Могилевской губернии от немецких оккупантов «можно вновь возродить губцентр» [34, 18 сентября; 109, с. 393]. В соответствии с этим решением Могилевский губисполком продолжал функционировать.

С подачи Северо-Западного областного комитета РКП(б) съезд отклонил предложение делегации Белорусского национального комиссариата о преобразовании Западной области в Белорусскую с центром в г. Полоцке и дал области новое название — Западная коммуна [33, с. 174—177; 47, с. 27—30; 51, с. 316, 322].

III съезд советов Западной области избрал новый состав Облискомзапа численностью 25 человек [34, 15 сентября; 77, л. 70—70об.]. В его структуре были сформированы отделы во главе с заведующими: управления (бывший отдел внутренних дел); земледелия; народного образования; труда; социального обеспечения; финансов; юстиции; народного здоровья; снабжения (бывший отдел продовольствия); иностранный (занимался регистрацией иностранных граждан, выдачей паспортов и т. д.); Совет народного хозяйства; Государственный контроль; Чрезвычайная комиссия (ЧК) по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией и по преступлению по должности. Был также назначен комиссар почт и телеграфов Смоленского и Минского почтово-телеграфных округов [34, 21 сентября; 77, л. 71—72об.].

В конце октября 1918 г. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР утвердил Западную область (Западную коммуны) «в административном и хозяйственном отношении с Исполнительным комитетом советов Западной коммуны (Облискомзапом) во главе, впредь до окончательной санкции Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета» [93, с. 75].

Высшие государственные органы РСФСР не поддерживали курса областных руководителей на ликвидацию губерний. Принятое 23 декабря 1918 г. постановление ВЦИК «Об областных объединениях» сохраняло области (за исключением Московской) как промежуточные административные звенья лишь временно. Западная область утверждалась в составе Смоленской, Могилевской, Витебской, Минской и Гродненской губерний. Областные объединения должны были обеспечивать быстрое и неуклонное проведение в жизнь всех решений центральной советской власти. Им отводилась роль подчиненного («подсобного») центру органа на местах. Как разъяснялось в журнале НКВД «Власть советов», «областные объединения допускаются лишь постольку, поскольку

центр не настолько окреп, чтобы охватить всю работу на местах, и поскольку работа на местах не в такой степени налажена, чтобы ее мог охватить центр. Поэтому как только губернии целиком налаживают работу и связываются с центром непосредственно, областные объединения становятся излишни и отпадают или, по крайней мере, губернии от них отказываются» [64, с. 20]. Примечательно, что губерниям предоставлялось право свободного выхода из областных объединений, центральные учреждения РСФСР (ВЦИК, СНК, народные комиссариаты) могли непосредственно сноситься с местами, минуя областные центры [15, с. 25; 29, с. 245—247; 45, с. 175—176]. Оставив временно областные объединения, центр полностью лишил их автономных прав и недвусмысленно продемонстрировал намерение окончательно их ликвидировать, что вскоре и произошло: вслед за упразднением Московской (декабрь 1918 г.) были ликвидированы Уральская (январь 1919 г.) и Северная (февраль 1919 г.) области.

Однако по сравнению с ними судьба Западной области (коммуны) сложилась иначе. По мере ухода в конце 1918 г. оккупационных германских войск и занятия большей части белорусской территории Красной армией перед большевистским руководством Советской России все более актуализировался вопрос о политико-административном оформлении вновь приобретенного пространства. Из всех возможных вариантов ЦК РКП(б) неожиданно избрал внешне самый радикальный — провозгласить «самостоятельную» Социалистическую Советскую Республику Белоруссии. В состав республики включались Минская, Гродненская, Витебская, Могилевская и Смоленская губернии, т. е. территория, только что постановлением ВЦИК от 23 декабря 1918 г. закрепленная за Западной коммуной. Обращает также на себя внимание, что, по мысли создателей республики, формирование ее государственного аппарата предполагалось осуществить путем внесения лишь «некоторых изменений» в конструкцию Облискомзапа [8, с. 414—415; 93, с. 83]. Планировалось, что «права Ц[ентрального] Б[юро] партии и отделов правительства [Белоруссии] останутся такими же, как бывшего ОК партии и Облискомзапа» [цит. по: 23, с. 62].

О прямой преемственности между Западной областью (коммуной) и вновь создаваемой ССРБ заявил на VI Северо-Западной областной конференции РКП(б) — I съезде КП(б)Б А. Ф. Мясников: «Западная коммуна должна объявить себя Советской Социалистической Белорусской Республикой» [94, с. 15]. Показательно также, что во Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии от Облискомзапа вошло 12 человек, тогда как от Белнацкома и белорусских секций РКП(б) — только 7.

Таким образом, в решении ЦК РКП(б) о провозглашении ССРБ Западная область фактически нашла свое спасение от нависшей угрозы ликвидации, а ее руководители — от потери должностей (чем, видимо, и объясняется их довольно легкое согласие на создание белорусской советской государственности, непримиримыми противниками которой они выступали еще накануне).

Формально Белорусская советская республика провозглашалась независимым, суверенным государством. Однако в реальности расположившееся в Минске Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии находилось в подчинении ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР. Финансирование правительства также осуществлялось из Москвы [29, с. 605; 91, с. 34, 38, 56, 125; 93, с. 111]. Все это свидетельствовало о том, что вновь провозглашенная ССРБ фактически оставалась на правах автономной области в составе РСФСР [111, с. 41]. Ограниченность компетенции правительства проявлялась и в том, что наиболее принципиальные вопросы, выносившиеся на его обсуждение, предварительно рассматривались Центральным бюро КП(б)Б, которое действовало на правах областного органа РКП(б) и являлось (по определению I съезда Компартии Беларуси) «верным оком» ее ЦК. В этой связи нельзя не согласиться с мыслью Н. С. Сташкевича, что партийные комитеты стали теми звеньями механизма власти, которые сохраняли полученную в наследство от империи унитарность, независимо от экспериментов в национально-государственном строительстве. При наличии такого партийно-государственного механизма сохранялось реальное управление из центра всей периферией [105, с. 162].

После провозглашения ССРБ Областной исполнительный комитет Западной коммуны принял 2 января 1919 г. постановление о самороспуске и передаче всех дел Временному рабоче-крестьянскому советскому правительству Белоруссии. Решением правительства от 7 января 1919 г. был упразднен также Минский губернский военно-революционный комитет — высший чрезвычайный орган советской власти в Минской губернии после ухода с ее территории германских войск.

На базе отделов Облискомзапа и Мингубревкома создавались отраслевые органы управления — комиссариаты республики: иностранных дел; национальных дел; народного просвещения; военных дел; финансов; продовольствия; земледелия; внутренних дел; труда; социального обеспечения; здравоохранения; почт и телеграфов; путей сообщения; юстиции; государственного контроля; Совнархоз; ЧК; Комиссия по делам пленных и беженцев (Компленбеж) [39, 19 января; 79, л. 419; 85, л. 8].

Перечень комиссариатов ССРБ в основных чертах воспроизводил структуру центральных органов РСФСР. Отличия были незначительны. В Беларуси не создавался Комиссариат по морским делам, а функции Народного комиссариата торговли и промышленности, предусмотренного Конституцией РСФСР 1918 г., были возложены на республиканский Совнархоз. Созданные при Белорусском правительстве комиссариаты юридически имели такие же права, как и народные комиссариаты РСФСР. Они непосредственно подчинялись правительству Беларуси — временному верховному органу республики [52, с. 159—160].

Однако за короткое время (до образования в конце февраля 1919 г. Литовско-Белорусской советской республики) не все комиссариаты ССРБ успели организационно оформиться и развернуть работу. Так, на основе имеющихся в источниках отрывочных сведений можно утверждать, что Комиссариат по делам национальностей оставался в стадии формирования до начала февраля 1919 г., а потом и вовсе был упразднен.

Ввиду того что Белорусская советская республика не получила международного признания, деятельность ее Комиссариата по иностранным делам фактически свелась к контактам с центральными ведомствами РСФСР по вопросам о возврате в Беларусь учреждений и имущества, вывезенных в годы войны в Россию, а также о сборе сведений о правонарушениях, учиненных немецкими властями на оккупированной территории.

Неясной оставалась роль и компетенция республиканского Комиссариата по военным делам. В Манифесте от 1 января 1919 г. Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии заявило, что вручает защиту завоеваний социалистической революции в республике российской Красной армии, и, в отличие от других национальных регионов (Украина, Поволжье, Северный Кавказ), в ССРБ национальная армия не создавалась. По свидетельству В. Г. Кнорина, «правительство Белоруссии с первого дня своего существования полагало, что военное дело ни при каких условиях не может быть децентрализовано, что оборона всех самостоятельных республик, образовавшихся на окраинах РСФСР, должна быть сконцентрирована в одних руках — в руках Народного комиссариата по военным делам и Реввоенсовета РСФСР. <...> Если в январе [1919 г.] при составлении Временного советского правительства Белоруссии был назначен военным комиссаром республики тов. А. Мясников, то, однако, это было только фикцией, и за все время существования Белоруссии военный комиссар не имел никакого технического аппарата для проведения в жизнь каких бы то ни было заданий». Одну из своих основных задач Комиссариат по военным делам ССРБ видел «в полном содействии военным органам РСФСР, работающим на Западном фронте» [48, с. 56].

По постановлению правительства в соответствии с опытом РСФСР при комиссариатах создавались большие и малые коллегии. Малая коллегия отвечала «за политику комиссариата в целом». Большая коллегия могла включать неограниченное количество ответственных сотрудников комиссариата и являлась совещательным органом. Состав коллегий утверждался на заседаниях правительства. Но до конца января 1919 г. были утверждены «малые» коллегии лишь пяти комиссариатов: социального обеспечения; земледелия; здравоохранения; почт и телеграфов; юстиции [52, с. 164].

На местах в течение января 1919 г. в ССРБ состоялись волостные, уездные и губерnsкие съезды советов, на которых были избраны руководящие органы местных советов.

Тем временем 16 января 1919 г. ЦК РКП(б) без предварительных консультаций с представителями Беларуси принял решение об отделении от ССРБ Витебской, Могилевской и Смоленской губерний [38, с. 91—92]. Несмотря на протест членов правительства ССРБ, поддержанный членами ЦБ КП(б)Б, Москва подтвердила свое решение и объявила о предстоящем объединении Беларуси с Литовской советской республикой.

Свои полномочия Временное рабоче-крестьянское советское правительство Беларуси передало I Всебелорусскому съезду советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (2—3 февраля 1919 г., г. Минск), который принял Конституцию Социалистической Советской Республики Белоруссии.

Конституция утвердила структуру и компетенцию высших органов государственной власти в республике.

Высшим органом государственной власти в ССРБ провозглашался Всебелорусский съезд советов. В период между съездами высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом являлся Центральный исполнительный комитет (ЦИК) советов Белоруссии. Для общего управления делами ССРБ и для руководства отдельными отраслями управления образовались Малый Президиум и Большой Президиум ЦИК.

Малый Президиум (для краткости называемый просто Президиумом ЦИК) осуществлял руководство заседаниями ЦИК, составлял их повестки, инструктировал государственный аппарат в центре и на местах. В периоды между сессиями ЦИК выполнял его функции.

Большой Президиум ЦИК выполнял функции правительства ССРБ — Совета комиссаров. Большому Президиуму ЦИК непосредственно подчинялись комиссариаты. Он был также наделен законодательными полномочиями [49, с. 220]. Как видим, в соответствии с большевистской доктриной Конституция не предусматривала в ССРБ разделения законодательной и исполнительной властей.

Уделяя недостаточно внимания государственному механизму, Конституция ССРБ не регламентировала избирательную систему, в ней не было специальных положений о судебной власти, о местных советах.

Республика, для которой принималась Конституция, рассматривалась ее руководителями как составная часть РСФСР (даже герб и флаг обеих республик были идентичны, их отличала только надпись — «РСФСР» или «ССРБ»).

Под давлением ЦК РКП(б) I Всебелорусский съезд советов определил территорию ССРБ в составе Минской и Гродненской губерний и согласился с принятыми до его открытия решениями съездов советов Могилевской, Витебской и Смоленской губерний о выходе из состава ССРБ, постановив не чинить препятствий их присоединению к РСФСР [43, с. 64; 52, с. 196].

Выполняя, опять же, решения Москвы, в противовес действиям Литовской Тарибы и Белорусской Рады, которые «выступают против рабочих и крестьян Белоруссии и Литвы единым контрреволюционным фронтом», съезд

признал необходимым немедленное слияние Белорусской и Литовской советских республик, поручив проведение в жизнь слияние и организацию единого правительства органу власти, выделенному съездом (т. е. ЦИК советов ССРБ) [35, 4 февраля; 107, с. 233].

Решение об объединении двух республик продублировал затем I съезд советов Литвы (18—20 февраля 1919 г., г. Вильно), который среди прочего постановил, что «советское строительство в Литве, объединенной с Белоруссией, руководствуется Конституцией РСФСР, применительно к условиям Литвы и Белоруссии» [10, с. 172].

В объединенную Литовско-Белорусскую советскую республику вошли Виленская, Ковенская, Минская губернии, часть Гродненской (без Белостокского, Бельского и Сокольского уездов) и $\frac{3}{4}$ Сувалкской (без Сувалкского и Августовского уездов) [44, с. 321].

Объединение двух республик фактически означало ликвидацию ССРБ.

О реальном существовании Социалистической Советской Республики Литвы и Белоруссии (ССРЛиБ, ЛитБел) можно вести речь с момента слияния на заседании в Вильно 27 февраля 1919 г. ЦИК советов Литвы и ЦИК советов Белоруссии в единый орган — Центральный Исполнительный Комитет советов рабочих, малоземельных и безземельных крестьянских и красноармейских депутатов ССРЛиБ. ЦИК ЛитБел стал высшим органом государственной власти республики. Тогда же было сформировано советское рабоче-крестьянское правительство Литвы и Белоруссии — Совет народных комиссаров ССРЛиБ. В состав правительства вошли представители бывших правительств ССР Литвы и ССР Белоруссии, а также работники ЦИК Коммунистической рабочей партии Польши. В период нахождения Совета народных комиссаров ССРЛиБ в г. Вильно (27 февраля — 21 апреля 1919 г.) в его структуре действовал также Малый СНК (Малый совет). Он являлся рабочим органом СНК ЛитБел по подготовке проектов декретов, постановлений и других материалов к заседаниям.

Созданная по инициативе и под пристальным контролем московского центра, Социалистическая Советская Республика Литвы и Белоруссии, как и ее учредительницы — Литовская и Белорусская советские республики, обладала лишь номинальным суверенитетом. Соответственно компетенция и полномочия ее органов власти и управления были ограниченными. В ЛитБел считались обязательными и принимались к исполнению отдельные декреты и другие нормативные акты РСФСР [88, л. 22, 44, 44об.]. СНК Литвы и Белоруссии финансировался правительством РСФСР [10, с. 235—236; 53, с. 206; 86, л. 30об., 31об., 32об., 50]. Ряд решений правительство ЛитБел принимало, руководствуясь постановлениями ЦК Компартии (большевиков) Литвы и Белоруссии, который напрямую подчинялся Центральному комитету РКП(б).

Центральными отраслевыми органами государственного управления в ЛитБел являлись народные комиссариаты (наркоматы) во главе с народными комиссарами (наркомаами): иностранных дел; внутренних дел; юстиции; воен-

ных дел, народного просвещения; финансов; путей сообщения; земледелия; труда; социального обеспечения; почт и телеграфов; продовольствия; здравоохранения; государственного контроля; Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) [9, с. 38; 43, с. 75; 82, л. 24; 86, л. 30; 103, с. 315—318]. При этом некоторые ключевые для суверенного государства ведомства либо вообще бездействовали (наркомат иностранных дел), либо являлись проводниками директив центральных учреждений РСФСР (наркоматы военных дел, путей сообщения, почт и телеграфов и др.).

Небезынтересно, что среди ведомств Литовско-Белорусской республики первоначально отсутствовала ЧК, поскольку руководство ЛитБел считало роль чрезвычайных комиссий как органов борьбы с политическими противниками большевиков исчерпанной и высказывалось за их упразднение. В начальный период существования объединенной республики функции обеспечения государственной безопасности выполняли Народный комиссариат внутренних дел ССРЛиБ и Следственная комиссия при Минском губернском революционном трибунале [3, с. 106; 83, л. 1]. При этом на территории ЛитБел имели обязательную силу распоряжения Всероссийской чрезвычайной комиссии, которые могли быть отменены лишь с согласия самой ВЧК [41, с. 276]. Только в начале мая 1919 г. при НКВД ЛитБел был организован Особый отдел по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, который в своей работе должен был руководствоваться инструкциями ВЧК [3, с. 107—108; 83, л. 1]. А постановлением СНК Литвы и Белоруссии от 13 мая 1919 г. Особый отдел был выведен из подчинения НКВД и реорганизован в Чрезвычайную комиссию (ЧК) по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Совнарком ССРЛиБ [4, с. 145; 84, л. 49; 86, л. 39].

Государственный аппарат на местах был организован в Литовско-Белорусской республике по схеме «уезд—волость—сельсовет». В качестве крупной административно-территориальной единицы сохранилась лишь Минская губерния как своего рода белорусский анклав в составе ЛитБел. На остальной территории республики губернские органы управления (за исключением военных комиссариатов) не функционировали, уезды находились в прямом административном подчинении правительству ЛитБел [53, с. 159]. Для управления Минской губернией и Вилейским уездом Виленской губернии накануне объединения республик был образован Минский губернский военно-революционный комитет. Руководство отдельными отраслями хозяйства и социально-культурного строительства на этой территории осуществляли отделы (комиссариаты) Мингубвоенревкома во главе с комиссарами. Минский губревком стремился решать проблемы через голову правительства ЛитБел, нередко обращаясь непосредственно в СНК РСФСР, а руководство Мозырского и Борисовского уездов вело линию на присоединение к Советской России [32, с. 82].

Как на нежелательное явление в строительстве госаппарата на местах сами руководители ЛитБел указывали на появление бесчисленного количества рев-

комов. При освобождении местностей от оккупантов ревкомы создавались «где надо и где не надо». Хотя многие из них образовывались «самочинно», население смотрело на ревкомы как на органы, назначенные сверху, а поэтому «за все ошибки, а иногда и преступные действия отдельных членов ревкомов народ винил центральную власть» [2, с. 13].

В связи с наступлением по территории ЛитБел польских войск и их внезапным вторжением 19 апреля 1919 г. в столицу республики г. Вильно СНК Литвы и Беларуси принял решение о создании временного чрезвычайного органа гражданской и военной власти — Совета обороны ССРЛиБ, который брал на себя ответственность за дальнейшую судьбу республики.

По решению Совета обороны ввиду непосредственной угрозы оккупации г. Вильно (занят польскими войсками 22 апреля) высшие государственные учреждения республики 21 апреля 1919 г. переехали в г. Двинск (ныне г. Даугавпилс, Латвийская Республика), а 28 апреля — в г. Минск, ставший новой столицей республики [96, с. 155].

В условиях ожесточенных боев за Вильно руководству ЛитБел не удалось провести организованную эвакуацию из города учреждений, ценного имущества, сотрудников. В Минске пришлось заново налаживать центральное управление.

Народные комиссары, не создавая новых аппаратов, взяли на себя руководство отделами (комиссариатами) Минского губернского военно-революционного комитета, распространяя их деятельность на всю республику [10, с. 276; 43, с. 84, 85]. Минский губвоенревком был упразднен, его функции перешли к Совету обороны, СНК и другим центральным органам республики. С этого времени правительство и Совет обороны ЛитБел управляли республикой непосредственно через уездные и городские органы власти.

Находившийся в стадии становления государственный аппарат ЛитБел переключился на решение оборонительных задач, мобилизацию материальных и других ресурсов на войну. В целях обеспечения кадровых потребностей фронта Совнарком ССРЛиБ в мае 1919 г. признал необходимым сократить штаты всех государственных учреждений на 25—50%, шире привлечь для работы в госаппарате женщин, удлинить рабочий день. Сокращению подвергался и местный государственный аппарат. Например, количество членов исполкомов не должно было превышать трех человек [53, с. 192—193].

В связи с наступлением польских войск по направлению к Минску Совет народных комиссаров и ряд наркоматов ЛитБел в мае 1919 г. эвакуировались в Бобруйск [87, л. 44]. При этом Совет обороны оставался в Минске.

Поскольку в ходе военных действий территория ЛитБел неуклонно сокращалась, был поставлен вопрос о целесообразности дальнейшего существования ее высших и центральных органов и литовско-белорусской советской государственности в целом. Прибывший на Западный фронт И. В. Сталин 13 июля 1919 г. предложил распустить правительство и Совет обороны ЛитБел и отко-

мандировать их руководителей в органы фронта [42, с. 16]. ЦК КП(б)ЛиБ выразил несогласие с этим предложением, так как его реализация означала бы, по мнению ЦК, фактическую ликвидацию Литовско-Белорусской республики, что представлялось политически нежелательным [42, с. 16; 43, с. 89—90]. В ответ на запрос со стороны руководства ЛитБел Организационное бюро ЦК РКП(б) признало ликвидацию СНК ЛитБел несвоевременной, но указало на целесообразность ликвидации Совета обороны ЛитБел [42, с. 34; 43, с. 90].

17 июля 1919 г. на совместном заседании ЦИК ССРЛиБ, Минского Совета и Центрального совета профсоюзов Совет обороны Литвы и Белоруссии был ликвидирован, а также решено сократить аппарат комиссариатов, чтобы он фактически не превышал 20% штатного состава [43, с. 90]. Решением ЦИК ССРЛиБ на базе народных комиссариатов республики был создан временный Минский губернский революционный комитет, к которому с 19 июля 1919 г. перешли функции высшего органа власти на свободной от оккупации территории [43, с. 90—91]. Функционирование Совнаркома ЛитБел фактически прекратилось. С 25 июля 1919 г. народные комиссариаты ЛитБел были переименованы в соответствующие отделы Минского губревкома во главе с заведующими.

Прекращение функционирования центральных органов ЛитБел с передачей ведения текущих дел на незанятой противником территории губревкому свидетельствовало о фактической ликвидации Литовско-Белорусской республики [20, с. 418; 53, с. 227].

Несмотря на энергичные меры по организации обороны, 8 августа 1919 г. польские войска захватили Минск. К 20 августа 1919 г. они вышли к р. Березина. 28 августа части советской 16-й армии оставили Бобруйск и закрепились на левом берегу Березины.

В связи с занятием Бобруйска поляками Мингубревком эвакуировался в Смоленск, где и прекратил деятельность. Его функции по управлению неоккупированными уездами ЛитБел перешли к соответствующим учреждениям Витебской и Гомельской губерний. На базе отделов Мингубревкома был создан аппарат Ликвидационной комиссии эвакуированных учреждений Литвы и Белоруссии [53, с. 231].

В сентябре 1919 г. советско-польский фронт стабилизировался по линии рек Западная Двина—Березина—Птичь. Большая часть Беларуси оказалась под польской оккупацией.

Возобновление боевых действий в апреле 1920 г. имело следствием очищение территории Беларуси Красной армией от польских войск. 11 июля 1920 г. советские войска заняли Минск, 14 июля — Вильно. В конце июля 1920 г. Красная армия вышла к этническим границам Польши.

В связи с наступлением советских войск на Западном фронте на повестку дня встали вопросы восстановления органов советской власти, налаживания управления. В соответствии с решением Политбюро ЦК РКП(б) (май 1920 г.)

приказом Реввоенсовета Западного фронта от 9 июля 1920 г. был образован Минский губернский военно-революционный комитет как чрезвычайный орган военной и гражданской власти. По мере освобождения территории Беларуси под управление Минского губревкома перешла и часть уездов Гродненской губернии. До 31 июля 1920 г., т. е. до вторичного провозглашения ССРБ, Мингубвоенревком являлся органом РСФСР [53, с. 364—365, 371]. Мингубвоенревком вел работу по созданию на освобождаемой от поляков территории органов советской власти и разрыванию их деятельности.

12 июля 1920 г. между Литвой и РСФСР был подписан мирный договор, согласно которому Россия передавала Литве Вильно и Виленский край, а также Гродненский, Лидский и Ошмянский уезды [67, с. 28—40; 68, с. 48—55]. Правда, положения договора полностью реализованы не были, так как по условиям советско-польских договоров от 12 октября 1920 г. и от 18 марта 1921 г. Россия эти же белорусские земли переадресовала уже новому «владельцу» — Польше.

Декларацией о провозглашении независимости Социалистической Советской Республики Белоруссии от 31 июля 1920 г. была восстановлена белорусская советская государственность. Территория ССРБ очерчивалась Декларацией лишь в самом общем плане: «Социалистическая Советская Республика Белоруссии определяет свою западную границу по этнографической границе между Белоруссией и примыкающими к ней буржуазными государствами. Граница Социалистической Советской Республики Белоруссии с Советской Россией и Украиной определяется свободным выражением воли белорусского народа на уездных и губернских съездах советов в полном согласии с правительствами РСФСР и ССРУ» [45, с. 236]. Фактически это означало, что Белорусская республика воссоздавалась летом 1920 г. только в составе двух неполных губерний — Минской и Гродненской. Белорусские районы Витебской, Гомельской и Смоленской губерний по-прежнему удерживала за собой РСФСР. А после того, как в августе 1920 г. Красная армия потерпела поражение под Варшавой и польские войска заняли западную часть Беларуси, в составе ССРБ осталось лишь шесть уездов бывшей Минской губернии: Борисовский, Минский, Слуцкий, Бобруйский, Игуменский и Мозырский [25, с. 393, 396; 108, с. 179].

В соответствии с Декларацией от 31 июля 1920 г. Минский губернский ВРК был преобразован в Военно-революционный комитет ССРБ (с местонахождением в Минске), который являлся чрезвычайным высшим органом власти, своего рода временным правительством Советской Беларуси до декабря 1920 г. (до созыва II Всебелорусского съезда советов). В начале октября 1920 г. в связи с приближением фронта Военревком ССРБ и другие правительственные учреждения, а также уездные ревкомы были эвакуированы из Беларуси в г. Рославль Смоленской губ. [9, с. 505; 73, л. 165]. На короткое время (с 15 по 17 октября 1920 г.) Минск вновь был занят польскими войсками. После их ухода ВРК вернулся в Минск и возобновил работу [36, 20 октября].

Несмотря на формально независимый статус ССРБ, ее высший орган власти не обладал верховенством в принятии решений. В административно-организационном плане Военревком ССРБ подчинялся Революционному военному совету (РВС) Западного фронта [75, л. 77]. Политическое руководство деятельностью ВРК Белоруссии осуществлял Центральный комитет КП(б)ЛиБ, затем — Центральное бюро КП(б)Б.

На заседаниях Военревкома ССРБ рассматривались вопросы создания и укрепления советского государственного аппарата, оказания помощи Красной армии, конфискации и реквизиции имущества, продовольственного и жилищного обеспечения, функционирования городского хозяйства, охраны границ Беларуси. Обсуждалась возможность участия ССРБ в мирных переговорах с Польшей, вопрос об установлении экономических связей с Литовской Республикой и др. [43, с. 103].

Структуру ВРК ССРБ составляли отделы, созданные на базе отделов Минского губвоенревкома. 26 августа 1920 г. Военревком ССРБ переименовал отделы в комиссариаты, а заведующих отделами назначил комиссарами [72, л. 102; 95, с. 98]. Всего существовало около 20 отделов (комиссариатов): военный; внутренних дел; земледелия; финансов; продовольствия; труда; просвещения; здравоохранения; социального обеспечения; юстиции; связи; Рабоче-крестьянская инспекция; Совет народного хозяйства; Чрезвычайная комиссия и др. [46, с. 181; 92, с. 79].

Показательно, что среди многочисленных отраслевых ведомств повторно провозглашенной Белорусской советской республики отсутствовал комиссариат по иностранным делам, что лишало ССРБ возможности осуществлять самостоятельную дипломатическую деятельность. (Народный комиссариат иностранных дел ССРБ был организован только в 1921 г., но и тогда его полномочия во многом оставались формальными [102, с. 114—115]).

На местах в качестве временных органов власти создавались уездные и волостные ревкомы, которые организовывали выборы местных советов, а также рабочих комитетов (в имениях и фольварках). По мере образования советов соответствующие ревкомы передавали им власть, а сами объявляли о своем роспуске.

Военревком ССРБ как временный чрезвычайный орган передал свои полномочия II Всебелорусскому съезду советов рабочих, крестьянских, батрацких и красноармейских депутатов (13—17 декабря 1920 г.), который одобрил деятельность ВРК, принял дополнения к Конституции ССРБ и в соответствии с ними сформировал постоянные органы власти республики [36, 16 декабря].

Итак, на начальном этапе становления советского государственного аппарата в Беларуси (1917—1920 гг.) была заложена его основа, исходная модель. Преподносимая официальной идеологией как диктатура пролетариата в форме советов, данная модель в действительности являла собой режим всевластия одной партии — РКП(б) и ее руководящих структур в центре и на местах.

Существенным элементом этой модели также была жестко централизованная «наркоматская» власть, пронизывающая через отраслевые отделы исполкомов разных уровней все сферы общественной жизни сверху донизу. Помимо этого, в экстремальных условиях гражданской войны периодически создавались чрезвычайные властно-управленческие органы и практиковалась «чрезвычайщина» как метод управления государством. Все перечисленные факторы, вместе взятые, отодвигали конституционно законную власть в лице советов на задний план.

Большевистский режим, который установился в рассматриваемые годы, продержался без принципиальных изменений почти весь XX век — вплоть до распада Советского Союза (1991 г.). Сложившиеся тогда политические, управленческие, ментально-психологические особенности и традиции продолжают сказываться и сегодня, накладывают заметный отпечаток на функционирование государственного аппарата и деятельность его кадров в Республике Беларусь. Поэтому обращение к истории зарождения и становления в Беларуси советской властно-управленческой системы, изучение сущностных характеристик ее организационно-структурного построения и функционирования продолжает сохранять свою актуальность.

Источники и литература

1. Актуальныя праблемы станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці: да 90-годдзя ўтварэння БССР. Матэрыялы Рэспубліканскай навукава-тэарэтычнай канф., г. Мінск, 27 лют. 2009 г. — Ч. 2: Гісторыя беларускай дзяржавы (1919 г. — пачатак XXI ст.). — Мінск, 2009. — 181 с.
2. Ангаретис, З. Обзор деятельности Народного комиссариата по внутренним делам Литвы // Звезда. 1920. № 1. 14 января.
3. Анисяев, М. А. Становление военной контрразведки Беларуси, 1918—1935 гг. Минск, 2013. — 379 с.
4. Анисяев, М. Структура органов безопасности в Литовско-Белорусской ССР // Гістарычна-археалагічны зборнік. — Вып. 30. — Минск, 2015. — С. 142—146.
5. Астаповский, В. Е., Божанов, В. А., Малиновский, В. И. История белорусской государственности: Учеб пособие. — Минск, 2002. — 192 с.
6. Беларуская дзяржаўнасць: вопыт XX стагоддзя. Матэрыялы Міжнар. навукава-тэарэтычнай канф., 19 крас. 2003 г., г. Мінск. — Мінск 2004. — 206 с.
7. Беларусь: этапы станаўлення дзяржаўнасці (да 90-годдзя з дня ўтварэння БССР). Матэрыялы Міжнар. навукава-практ. канф., Мінск, 18 снеж. 2008 г. — Мінск, 2009. — 549 с.
8. Борьба за советскую власть в Белоруссии. 1818—1920 гг.: Сб. документов и материалов. — Т. 1: Февраль 1918 г. — февраль 1919 г. — Минск, 1968. — 602 с.
9. Борьба за советскую власть в Белоруссии. 1918—1920 гг.: Сб. документов и материалов. — Т. 2.: Февраль 1919 г. — 1920 г. — Минск, 1971. — 631 с.
10. Борьба за советскую власть в Литве в 1918—1920 гг.: Сб. документов. — Вильнюс, 1967. — 475 с.

11. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: Документы и материалы. — Т. 2: Победа социалистической революции и упрочение советской власти в Белоруссии (октябрь 1917 г. — март 1918 г.). — Минск, 1957. — 1070 с.
12. Вестник Отдела местного управления Комиссариата внутренних дел. — 1918. — № 4.
13. Витебская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1802—1917). — Минск, 2009. — 524 с.
14. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: Вучэб. дапаможнік. — Мінск, 2003. — 319 с.
15. Власть советов: Орган Народного комиссариата внутренних дел. — 1919. — № 1.
16. 2-й съезд советов Западной области. — Смоленск, 1918. — 17 с.
17. Высшие органы государственной власти и центрального управления Белорусской ССР (1944—1964): В 2 ч. — Минск, 2003.
18. Высшие органы государственной власти и центрального управления Белорусской ССР (1965—1991): В 3 ч. — Минск, 2000.
19. Гимпельсон, Е. Г. Советские управленцы, 1917—1920 гг. — М., 1998. — 257 с.
20. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. — Кніга 1. — Мінск, 2011. — 583 с.
21. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. — Кніга 2. — Мінск, 2012. — 625 с.
22. Гісторыя і сучасная арганізацыя дзяржаўных устаноў Беларусі. Дапаможнік. — Мінск 2013. — 274 с.
23. Государственность Беларуси: проблемы формирования в программах политических партий. — Минск, 1999. — 188 с.
24. Государственность на Беларуси: генезис и перспективы. Сб. материалов Республиканской науч.-практ. конф., 30 янв. 2002 г.: В 2 ч. — Брест, 2002.
25. Гришкевич, А. П. Западный фронт РСФСР. 1918—1920: Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. — Минск, 2010. — 494 с.
26. Декреты советской власти. — Т. 1: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. — М., 1957. — 626 с.
27. Декреты советской власти. — Т. 2: 17 марта — 10 июля 1918 г. — М., 1959. — 686 с.
28. Декреты советской власти. — Т. 3: 11 июля — 9 ноября 1918 г. — М., 1964. — 664 с.
29. Декреты советской власти. — Т. 4: 10 ноября 1918 — 31 марта 1919 гг. — М., 1968. — 731 с.
30. Документы и материалы по истории Белоруссии. — Т. 4: Из истории установления советской власти в Белоруссии и образования БССР. — Минск, 1954. — 513 с.
31. Дурденевский, В. Н. Совет Народных Комиссаров // Советское право. — 1922. — № 1. — С. 36—67.
32. Елизаров С. А. Административно-территориальное деление ССРБ (1919 — март 1921 г.) // Беларусь: этапы станаўлення дзяржаўнасці (да 90-годдзя з дня ўтварэння БССР): Матэрыялы Міжнар. навук-практ. канф., Мінск, 18 снеж. 2008 г. — Мінск, 2009. — С. 81—84.
33. Жылуновіч, З. Арганізацыя сіл (Да гісторыі Савецкай Беларусі) // Польша. — 1924. — № 2. — С. 174—177.
34. Звезда. — 1918.
35. Звезда. — 1919.
36. Звезда. — 1920.

37. Звезда (Смоленск). — 1918. — № 1.
38. Знешняя палітыка Беларусі: Зб. дак. і мат. — Т. 1 (1917—1922 гг.). — Мінск, 1997. — 395 с.
39. Иванова, Т. П. Деятельность местных органов управления Витебской губернии в октябре 1917 — марте 1924 гг.: Монография. — Витебск, 2011. — 229 с.
40. Известия Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии. — 1919.
41. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917—1921 гг.): Сб. документов. — М., 1958. — 511 с.
42. Исторический архив. — 1957. — № 6.
43. История государства и права Белорусской ССР. — Т. 1 (1917—1936 гг.). — Минск, 1970. — 607 с.
44. История Литовской ССР (с древнейших времен до наших дней). — Вильнюс, 1978. — 676 с.
45. История Советской Конституции (в документах). 1917—1956. — М., 1957. — 1046 с.
46. Камінскі, М. І. Ваенна-рэвалюцыйны камітэт Беларускай ССР // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. — Т. 2. — Мінск, 1994.
47. Кнорин, В. «Советские» социал-шовинисты // Кнорин В. Г. Избранные статьи и речи. — Минск, 1990. — С. 27—30.
48. Кнорин, В. Г. Восемь месяцев Советской Белоруссии: Сентябрь—октябрь 1919 г. // Кнорин, В. Г. Избранные статьи и речи. — Минск, 1990. — С. 42—63.
49. Конституция Социалистической Советской Республики Белоруссии (принята I Съездом советов ССРБ) // Вішнеўскі, А. Ф., Юхо, Я. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён). — Мінск, 2003. — С. 217—221.
50. КП(б)Б у рэвалюцыях. — Ч. 1 (1903—1921 гг.). — Мінск, 1934. — 266 с.
51. Круталевич, В. А. Рождение Белорусской Советской Республики (На пути к провозглашению республики. Октябрь 1917 г. — декабрь 1918 г.). — Минск, 1975. — 334 с.
52. Круталевич, В. А. Рождение Белорусской Советской Республики (Провозглашение республики. Развертывание национально-государственного строительства. Ноябрь 1918 г. — февраль 1919 г.). — Минск, 1979. — 334 с.
53. Круталевич, В. А. История Беларуси: Становление национальной державности (1917—1922 гг.). — 2-е изд., доп. — Минск, 2003. — 585 с.
54. Круталевич, В. А., Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917—1945 гг.): Вучэб. дапаможнік. — 2-е выд. — Мінск, 2000. — 237 с.
55. Куніцкая, З. А. Абласны выканаўчы камітэт Заходняй вобласці: стварэнне, структура, дзейнасць. Дыс. ... канд. гіст. навук. — Мінск, 2006. — 113 с.
56. Ладзьсеў, У. Ф., Брыгадзін, П. І. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917—1939 гг.). — Мінск, 2003. — 307 с.
57. Ленин, В. И. О задачах пролетариата в данной революции // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 113—118.
58. Ленин, В. И. Государство и революция // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. — Т. 33. — С. 3—328.
59. Ленин, В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. — Т. 34. — С. 287—339.
60. Леонов, С. В. Советская государственность: замыслы и действительность (1917—1920 гг.) // Вопросы истории. — 1990. — № 12. — С. 29—46.

61. Леонов, С. В. Рождение советской империи: государство и идеология, 1917—1922 гг. — М., 1997. — 355 с.
62. Маргунский, С. П. Государственное строительство Белорусской ССР на первом этапе ее развития. — Минск, 1953. — 112 с.
63. Маргунский, С. П. Создание и упрочение белорусской государственности, 1917—1922. — Минск, 1958. — 258 с.
64. Минин, С. Областные объединения // Власть советов: Орган Народного комиссариата внутренних дел. — 1919. — № 1.
65. Минская газета. — 1917.
66. Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1793—1917). — Минск, 2006. — 391 с.
67. Мирный договор между Россией и Литвой, 12 июля 1920 г. // Документы внешней политики СССР. — Т. 3. — М., 1959.
68. Мирный договор между Россией и Литвой, 12 июля 1920 г. [с сокращениями] // Спадчына. — 1993. — № 5.
69. Могилевская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1772—1917). — Минск, 2014. — 814 с.
70. Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе. — Мінск, 2008. — 614 с.
71. НАРБ. — Ф. 35п. — Оп. 1. — Д. 44.
72. Там же. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 10.
73. Там же. — Д. 13.
74. Там же. — Д. 19.
75. Там же. — Д. 60а.
76. Там же. — Ф. 35п. — Оп. 1. — Д. 76.
77. Там же. — Ф. 59п. — Оп. 1. — Д. 11.
78. Там же. — Д. 18.
79. Там же. — Д. 25.
80. Там же. — Ф. 60п. — Оп. 3. — Д. 246.
81. Там же. — Д. 366.
82. Там же. — Ф. 541. — Оп. 2. — Д. 39.
83. Там же. — Ф. 664. — Оп. 1. — Д. 1.
84. Там же. — Ф. 681. — Оп. 1. — Д. 1.
85. Там же. — Ф. 809. — Оп. 1. — Д. 6.
86. Там же. — Ф. 810. — Оп. 1. — Д. 20.
87. Там же. — Д. 21.
88. Там же. — Д. 22.
89. Нестеренко, Е. И., Осмоловский, В. П. Советы Белоруссии, окт. 1917 г. — янв. 1919 г. — Минск: Наука и техника, 1989.
90. Органы государственного управления Белорусской ССР (1919—1967 гг.). — Минск, 1968. — 327 с.
91. 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии. Док. и мат. — Минск, 2005. — 302 с.
92. Петриков, П. Т. Ревкомы Белоруссии. — Минск, 1975. — 285 с.
93. По воле народа: Из истории образования БССР и создания КПБ. Док. и мат. — Минск, 1988. — 254 с.
94. Пратакол I з'езда Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Беларусі. — Мінск, 1934. — 82 с.

95. Революционные комитеты БССР и их деятельность по упрочению советской власти и организации социалистического строительства (июль — декабрь 1920 г.): Сб. док. и мат. — Минск, 1957. — 522 с.
96. Революционные комитеты БССР (ноябрь 1918 г. — июль 1920 г.): Сборник док. и мат. — Минск, 1961. — 459 с.
97. Рудовіч, С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. — Мінск, 2001. — 200 с.
98. Свердлов, Я. М. Избранные произведения: Статьи, речи, письма. — М., 1976. — 367 с.
99. Седьмой (Экстренный) съезд РКП(б). Март 1918 г.: Стеногр. отчет. — М., 1962. — 402 с.
100. Сільчанка, М. У., Басюк, І. А. Асноўныя этапы беларускай дзяржаўнасці: Навуч дапаможнік. — 2-е выд., дап. — Гродна, 1996. — 148 с.
101. Сільчанка, М. У. Беларуская дзяржаўнасць. — Гродна, 1997. — 370 с.
102. Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: Вуч. дап. для факультэта міжнародных адносін. — Ч. 2: Ад канца XVIII да пачатку XXI ст. — Мінск, 2004. — 302 с.
103. Снапкоўскі, У. Дакументы пра місію паўнамоцнага прадстаўніка ЦК РСДРП А. А. Іофе ў Беларусь і Літву (24 студзеня — 6 красавіка 1919 г.) // Ісці на святло лабірынтамі даўніх падзей: Зборнік памяці Віталія Скалабана. — Мінск, 2013. — С. 315—318.
104. Социалистическая законность в деятельности местных советов БССР (1917—1928 гг.): Очерки. — Минск, 1960. — 316 с.
105. Шашкевіч, М. З ідэяй аб нацыянальнай незалежнасці // Проблемы формирования белорусской государственности в XX — начале XXI века: избранные труды Н. С. Шашкевича. — Мінск, 2012. — С. 157—164.
106. Стучка, П. Старый и новый суд // Материалы Народного комиссариата юстиции. — Вып. 2. — М., 1918. — С. 5—15.
107. Съезды советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик: Сб. док., 1917—1936. — Т. 2: Съезды советов советских социалистических республик, 1917—1922. — М., 1960. — 615 с.
108. Хомич, С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo. — Минск, 2011. — 415 с.
109. Хроника важнейших событий истории Коммунистической партии Белоруссии. — Ч. 1. (1883—1918 гг.). — Минск, 1962. — 456 с.
110. Шимукевич, С. Ф. История Беларуси: эволюция органов государственного управления. Пособие. — Минск, 2007. — 90 с.
111. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: Дапаможнік. — Ч. 2. — Мінск, 2003. — 274 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 20.09.2016

Г. В. Запартыка,

*дырэктар Беларускага дзяржаўнага архіва-музея
літаратуры і мастацтва;
e-mail: bdamlim@tut.by*

ВІЛЕНСКИ БЕЛАРУСКИ ГІСТОРЫКА-ЭТНАГРАФІЧНЫ МУЗЕЙ ІМЯ ІВАНА ЛУЦКЕВІЧА І ЯГО ДАКУМЕНТАЛЬНЫЯ ЗБОРЫ Ў БДАМЛІМ

У гэтым годзе адзначаецца 95 гадоў з часу заснавання Беларускага музея імя Івана Луцкевіча ў Вільні. Для Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва гэтая дата была нечакана асвечана сенсацыйнай падзеяй: беларуская эміграцыйная грамадская арганізацыя са Злучаных Штатаў Амерыкі «Фундацыя імя Пётры Крэхэўскага» праз свайго прадстаўніка ў Мінску перадала ў дар архіва-музею калекцыю дакументаў, якія ў свой час захоўваліся ў музеі ці належалі яго заснавальнікам — братам Івану і Антону Луцкевічам. Сярод трыццаці васьмі перададзеных дакументаў — дзевяць лістоў Зоф'і Лычкоўскай, маці Івана і Атона, да сваіх сыноў, лісты Вацлава Ластоўскага ў рэдакцыю газеты «Наша Ніва», лісты Франца Умястоўскага, Яна Шпакоўскага, нашаніўскіх карэспандэнтаў з Мінска, Докшыц і інш. Многа гадоў яны захоўваліся ў адной прыватнай калекцыі, невядомыя гісторыкам і біёграфам беларускіх дзеячаў першай трэці XX ст. З аднаго боку факт перадачы названых дакументаў у склад Нацыянальнага архіўнага фонду прынёс вялікую радасць, з іншага — яшчэ раз напаміну нам пра балючыя страты, што панесла Беларусь з ліквідацыяй свайго легендарнага музея.

Пра Беларускі музей імя Івана Луцкевіча класік беларускай літаратуры Змітрок Бядуля ў свой час напісаў: «Святое гэта месца, бо яно родзіць зярняты прасветы для ўсяго вялікага беларускага народу». Музей меў такі вялікі ўплыў на духоўнае сталенне і нацыянальную свядомасць беларусаў, што і сёння яго лёс і змястоўнае напаўненне яго скарбаў не перастаюць хваляваць вучоных і грамадскасць. З традыцыйнай музейнай установы, арганізаванай па правілах свайго часу, ён ператварыўся ў сцяг нацыянальнай ідэі, стаў своеасаблівым помнікам беларускаму адраджэнню. Беларускі музей назаўсёды застанеца для нас духоўнай крыніцай, адзнакай эпохі беларускай гісторыі, калі закладваліся падмуркі беларускай дзяржаўнасці, выпрацоўваліся грамадскія нормы мовы, узніклі новыя грамадскія рухі і культурныя асяродкі.

Славуты Беларускі музей пачынаўся з прыватнай калекцыі юнага гімназіста Івана Луцкевіча (1881—1919), у будучым вядомага грамадска-палітычнага дзеяча, археолага, краязнаўца, пісьменніка і аднаго з пачынальнікаў беларускага нацыянальнага адраджэння пачатку XX ст. За сваё кароткае жыццё Іван Луцкевіч сабраў багацейшую калекцыю беларускіх рарытэтаў і за год да смерці завяшчаў яе Беларускаму навуковаму таварыству ў Вільні. Пры жыцці зборніка, з-за адсутнасці сродкаў і памяшкання, калекцыя не магла быць сістэматызавана і ўпарадкавана. Толькі ў 1921 г. яна з прыватнай кватэры Луцкевічаў была пера-

везена ў былы Базыльянскі кляштар у Вільні, дзе для яе былі адведзены памяшканні пад захаванне фондаў і экспазіцыю. З гэтага часу і пачынаецца адлік афіцыйнай гісторыі музея як навукова-асветнай установы. З атрыманнем новага статусу ўзмацніўся прыток экспанатаў і дакументальных калекцый у музей, а яго праца набыла сістэмны характар. У 1920-я гг. у музеі былі сфарміраваны аддзелы дагістарычны, этнаграфічны, побытавы, рукапісаў і друкаў. Дагістарычны аддзел музея меў калекцыю сфрагістыкі з 103 пячатак, калекцыі пярсцёнкаў, манет, старажытных крэкжоў, ікон, беларускага лубка віленскіх майстроў XVII—XIX стст. Этнаграфічны аддзел захоўваў калекцыі народнага разьбярства, музычных інструментаў, шклянных вырабаў. Побытавы аддзел меў калекцыі старога адзення, слухцкіх паясоў, старажытнай зброі, альбомы, гравюры, фотаздымкі. Аддзел рукапісаў і друкаў меў крыніцы ад XIV ст. Тут захоўвалася Жухавіцкае Евангелле XIV ст., татарскі рукапіс «Аль-Кітаб» XVI ст., «Літоўскі статут» 1588 г., «Біблія доктара Францыска Скарыны» 1517 г., «Трыодзь кветная» 1491 г., «Аглашэнні Тодара Студзіць», «Слуцкі памяннік» 1513 г., «Актаіх» XV ст., «Віленскае Евангелле» XVI ст., «Апостал» XVI ст., «Трэбнік» 1545 г. і многае іншае. Багатым быў збор старажытных беларускіх грамаў [1].

Працай музея кіравала рада, якая дзейнічала на правах секцыі Беларускага навуковага таварыства. Яе складалі тры сябры: дырэктар Антон Луцкевіч, бібліятэкар Уладзімір Самойла і казначэй Антон Неканда-Трэпка. У 1933 г. А. Луцкевіч падрыхтаваў і выдаў публікацыю па музею.

У Архіве «актаў новых» у Варшаве ў фондзе Міністэрства асветы і вызнанняў РП (ф. 7006) захоўваецца анкета польскіх музеяў за 1937 г. Прысутнічае там і анкета-адказ, запоўненая рукой дырэктара Беларускага музея Антона Луцкевіча. Хоць і належаў музей да Беларускага навуковага таварыства, але, атрымаўшы праз адпаведнае міністэрства ўрадавыя субсідыі, трымаў перад ім справаздачу. Згодна з гэтай анкетай на 1 студзеня 1937 г. музей меў 4228 экспанатаў. Колькасць іх па калекцыях вызначалася наступнымі лічбамі: этнаграфія — 86, выяўленчае мастацтва — 161, скульптура — 65, мастацкія промыслы — 154, нумізматыка — 2492, археалогія — 184. Бібліятэка музея мела 10 555 тамоў кніг і перыядычных выданняў [2]. Да таго ж пры музеі існаваў архіў, які меў у сваіх фондах дакументы рэдакцый газет «Наша Ніва», «Гоман», «Голас беларуса», часопісаў «Крывіч», «Маланка» і інш., а таксама архівы беларускіх партый, камітэтаў, саюзаў, таварыстваў, дакументы Віленскага народнага ўніверсітэта, Беларускага навуковага таварыства, асабістыя дакументы Л. Дубейкаўскага, К. Душ-Душэўскага, П. Жаўрыда, В. Ластоўскага, братаў І. і А. Луцкевічаў, А. Смоліча, Цёткі (А. Пашкевіч) і многіх іншых.

19 верасня 1939 г. Вільня была занята савецкімі войскамі. 10 кастрычніка 1939 г. быў падпісаны «Дагавор аб перадачы Літоўскай рэспубліцы г. Вільні і Віленскай вобл. і аб узаемадапамозе паміж Савецкім Саюзам і Літвой». Паміж гэтымі дзвюма датамі, перад самай эвакуацыяй савецкай адміністрацыі, у Вільні

былі арыштаваны У. Самойла, А. Неканда-Трэпка, Я. Пазняк, В. Багдановіч і іншыя папличнікі справы Беларускага музея. 30 верасня 1939 г. быў арыштаваны і дырэктар музея, старшыня Беларускага навуковага таварыства Антон Луцкевіч. Музей быў фактычна зачынены, а Беларускае навуковае таварыства спыніла сваё існаванне. «У выніку арыштаў, — успамінаў Мар’ян Пецюкевіч, — Беларускі музей быў пазбаўлены кіраўніцтва і працаўніка ў адной асобе, а Беларускае навуковае таварыства — свайго лідэра. На дзвярох Беларускага музэю [...] вісеў замок, і мала хто ведаў, у каго знаходзяцца ключы» [3, с. 80]. У пачатку кастрычніка 1940 г. (праз год!) музей быў перададзены ў падпарадкаванне Інстытута літуаністыкі, які ўваходзіў у сістэму Народнага камісарыята асветы Літвы. Неўзабаве на базе Інстытута літуаністыкі ствараецца Акадэмія навук Літоўскай ССР, і Беларускі музей імя І. Луцкевіча, як структура папярэдніка Акадэміі, пераходзіць у яе падпарадкаванне. У хуткім часе кіраўніцтва Акадэміі навук Літвы прапанавала ўзначаліць музей Мар’яну Пецюкевічу, а ў штаб музея былі залічаны мастак Пётра Сергіевіч, бібліятэкар Янка Шутовіч, музеязнавец Александровіч, мастак і мастацтвазнавец Уладас Дрэма. «Праца нашага сціплага калектыву даволі хутка пачала даваць добрыя вынікі. Нягледзячы, аднак, на такі ненармальны стан музэю (маецца на ўвазе цеснае, цёмнае і вільготнае памяшканне ў базыльянскіх мурах на Вастрабрамскай, 9), мы дазволілі, шляхам выключэння, карыстаць з нашых матар’ялаў вучоным, пісьменнікам і журналістам», — успамінаў М. Пецюкевіч [3, с. 83].

У пачатку вайны, пасля эвакуацыі М. Пецюкевіча і некаторых іншых працаўнікоў музея, яго дырэктарам стаў Я. Шутовіч, а ў калектыве з ім супрацоўнічалі нумізмат Янка Бэкіш, бібліятэкар і сакратар Уладзіслаў Паўлюкоўскі, Уладас Дрэма. На грамадскіх пачатках працавалі Антон Антановіч і Генадзь Цітовіч. Ва ўсе ваенныя гады музей быў адчынены для наведвальнікаў. У 1943 г. ён нават пераехаў у лепшае памяшканне па вул. Св. Ганны, 4, у якім працаваў да сваёй ліквідацыі. Але працаўнікоў музея хвалявала тое, што яго ўнікальныя экспанаты могуць быць вывезены акупацыйнымі ўладамі. І яны ў нейкі момант прынялі рашэнне самае каштоўнае перахаваць у сутарэннях касцёла Св. Міхаіла пад апекай ксяндза Адама Станкевіча. Некаторую частку каштоўнасцей, рызькучыя ўласнай свабодай і жыццём, схавалі ў сваіх дамах. Гэта ў пэўнай ступені вырагавала музейныя скарбы ад рабавання. Даваенны дырэктар музея М. Пецюкевіч у адным з лістоў да Зоські Верас пісаў: «Ня думаю, што ў тэя часы магла праводзіцца якая-коледчы нармальная праца ў музеі. Калі пачало трашчаць на нямецкіх франтах, то нямецкая адміністрацыя загадала рыхтаваць музэй да эвакуацыі ў Нямеччыну. І гэту ганебную ролю, нажаль, давалося выконваць Я. Шутовічу. Экспанаты пакавалі ў скрыні і часова перахоўвалі ў падземеллях касцёла сьв. Міхала ды ў іншых месцах. Калі пад націскам савецкіх дывізіяў гітлераўцы пачалі адступаць, то і скрынкі з экспанатамі Беларускага музэю імя І. Луцкевіча загадалі ладаваць на транспарт і вывезці аж у Кенігсбэрг. І гэта ўжо быў пачатак ліквідацыі музэя. Бо тэя (ня ўсе) экспанаты, якія вярнулі-

ся з Кенігсбэрга ў Вільню, былі падзелены між Менскам і Вільняй. Здаецца, што большая доля з падзелу прыпала літоўцам» [4].

Пасля вызвалення ў ліпені 1944 г. Вільні ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў музей перайшоў у падпарадкаванне спачатку Камітэта па справах мастацтваў Літоўскай ССР, крыху пазней — Наркамата асветы Літоўскай ССР. Новы гаспадар пастанавіў выдзеліць музэю асобны будынак — дом па вул. Касцюшкі, 16. Ордэр на яго быў атрыманы 6 кастрычніка 1944 г. і вельмі хутка, ужо 25 кастрычніка, туды была перамешчана частка экспанатаў. «Але заняць будынак музэю не далі, бо канчаткова ён быў прызначаны іншай арганізацыі. Дырэкцыя музэю пастанавіла бараніцца — адстойваць свае правы на памяшканне пры вул. Касцюшкі, 16. Яна піша 4 лістапада заяву пракурору Літоўскай ССР у Вільні. Адказу ад пракурора ў справе, так важнай для музэю, дырэкцыя не атрымала» [5, с. 39].

Па запрашэнні літоўскага боку 19 лістапада 1944 г. у Вільню прыбыла ўрадавая дэлегацыя БССР з намерам прапанаваць Беларускаму музэю пераехаць у Мінск. Дзеля канчатковага вырашэння гэтага пытання Я. Шутовіч абвясціў аб правядзенні 21 лістапада нарады з удзелам віленскай беларускай грамадскасці. Але 20 лістапада Янка Шутовіч быў арыштаваны (у Вільні ён зноў з’явіўся толькі ў 1956 г.). Беларуская дэлегацыя пакінула Вільню без вынікаў у вырашэнні сваёй прапановы. Праз некалькі дзён Наркаматам асветы Літоўскай ССР быў прызначаны новы дырэктар музея — Юозас Пятруліс. У гэтыя ж дні Саўнаркамам Літвы была ўтворана ліквідацыйная камісія, куды ўвайшлі: старшыня — М. Мешкаўскене (нам. народнага камісара асветы), гісторык Альбінас Даўкша-Пашкявічус, дырэктар музея АН Літвы К. Мякас. 24 лістапада 1944 г. камісія правяла сваё першае пасяджэнне, на якім разглядаліся наступныя пытанні: 1. Прынцыпы адбору экспанатаў; 2. Тэхніка адбору экспанатаў; 3. Апісанне і падрыхтоўка да вывазу экспанатаў; 4. Інвентарызацыя выбраных для вывазу экспанатаў і інш. У пратаколе гэтага пасяджэння ёсць такі запіс: «Усе экспанаты падзялілі на групы: 1) экспанаты, якія маюць адносіны да гісторыі літоўскага народа; 2) экспанаты, якія маюць адносіны да гісторыі беларускага народа; 3) экспанаты, якія маюць адносіны да гісторыі і літоўскага, і беларускага народаў; 4) экспанаты, якія не маюць адносін да гісторыі і беларускага, і літоўскага народаў. Усе экспанаты першай і чацвёртай груп — пасля адбору — пакінуць у Літве. Падрыхтаваць да вывазу, калі такія ёсць, толькі іх дублікаты. Экспанаты другой групы падрыхтаваць да вывазу, пакінуць у Літве іх дублікаты пры ўмове іх наяўнасці». Дзеля выканання пункта 2 парадку дня пасяджэння ліквідацыйнай камісіі былі запрошаны праф. Пакаркліс, праф. Яблонскі, праф. д-р Я. Вальджус, дац. Кулікаўскас, праф. Велюкас, праф. мастак Гудайціс, мастак Дрэма, бібліяграф Пошка, геалаг Чапуліце, музейны работнік Гвітаўжас. Для выканання тэхнічных работ прыцягваліся супрацоўнікі Беларускага музея і Наркамасветы Літвы [5, с. 39—47].

Для ўдзелу ў працы ліквідацыйнай камісіі была запрошана дэлегацыя з Мінска, якую ўзначаліў Усевалад Саблін, чалавек, відавочна, выпадковы і неадведчаны як у музейных справах, так і ў беларусаведных. Сваіх пазіцый дэлегацыя не выпрацавала і спакойна прыняла ўмовы ліквідацыйнай камісіі. Экспанаты, адабраныя для вывазу ў БССР, былі адпаведна апісаны, сфатаграфаваны і зафіксаваны малонкамі; быў зроблены інвентарны акт на дзвюх мовах — літоўскай і рускай. У чэрвені 1945 г. ліквідацыйная камісія правяла апошняе пасяджэнне, каб афіцыйна сцвердзіць акт ліквідацыі. Так Беларускаму музею імя Івана Луцкевіча, рупліва збіраны некалькі дзясяткаў гадоў, перастаў існаваць.

Самая значная частка багаццяў Беларускага музея трапіла ў дзяржаўны сховішчы Літвы. Гісторыка-этнаграфічны музей АН Літвы, Літоўскі дзяржаўны мастацкі інстытут, Бібліятэка АН Літвы (мае беларускі фонд з прынятых ад музея рукапісаў). Тая частка збораў музея, якую складалі дакументальныя фонды беларускіх грамадскіх арганізацый, партый, выдавецтваў, рэдакцый часопісаў і газет, асабістыя дакументы беларускіх нацыянальных дзеячаў і інш., была перададзена Цэнтральному дзяржаўнаму архіву Літоўскай ССР, які, як і ўсе дзяржаўныя архівы на тэрыторыі СССР, уваходзіў у сістэму НКВС. Дыялог паміж архівамі рэспублік аб перадачы дакументаў, якія ў свой час належалі музею, будзе дазволены намнога пазней.

Тым не менш, з багатай спадчыны Беларускага музея імя Івана Луцкевіча ў розныя гады атрымалі матэрыялы Нацыянальнага музея гісторыі і культуры Беларусі, Нацыянальнага мастацкага музея Беларусі, Нацыянальнай бібліятэка Беларусі, Беларускага дзяржаўнага архіў-музея літаратуры і мастацтва, Цэнтральная навуковая бібліятэка імя Якуба Коласа Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Трэба адзначыць, што невялікая колькасць матэрыялаў Беларускага музея пасля яго ліквідацыі засталася ў асабістых зборах былых супрацоўнікаў музея, некаторая частка трапіла ў прыватныя калекцыі аматараў даўніны.

Найбольшая частка архіўных збораў Музея імя І. Луцкевіча захоўваецца ў Беларускаму дзяржаўнаму архіў-музею літаратуры і мастацтва і Рукапісным адзеле бібліятэкі Акадэміі навук Літвы. У 1948 г. В. Абрамавічус, тагачасны загадчык гэтага аддзела, пісаў пра «Фонд вільнюскіх беларусаў» (Ф. 21), які налічвае «2200 розных дакументаў і рукапісаў» [6]. У даведніку ЦБ АН Літвы «Собрание рукописей» значыцца 2306 адзінак захоўвання. Гэта аўтографы твораў, лісты, фатаграфіі М. Багдановіча, К. Буйло, І. Буйніцкага, Я. Быліны, З. Бядулі, М. Васілька, В. Вальтара, У. Галубка, Ц. Гартнага, М. Гарэцкага, Л. Гмырка, А. Гурло, А. Гурыновіча, Я. Драздовіча, В. Дуніна-Марцінкевіча, Я. Журбы, У. Жылкі, М. Забэіды-Суміцкага, М. Засіма, К. Каганца, М. Машары, Б. Мікуліча, Л. Родзевіча, К. Сваяка, М. Танка, Р. Шырмы, Б. Эпімах-Шыпілы і многіх іншых. Нядаўна стала вядома, што яшчэ значная частка дакументальных збораў былога Беларускага музея захоўваецца ў Дзяржаўным архіве Літвы і Інстытуце літаратуры і фальклору АН Літвы. Сярод гэтых дакументаў ужо выяўлены аўтографы Янкі Купалы, Вацлава Ластоўскага, Антона Грыневіча і іншых.

Асноўны комплекс дакументаў Беларускага музея імя Івана Луцкевіча паступіў у БССР з Цэнтральнага дзяржаўнага архіва Літоўскай ССР (дзе зберагаўся як фонд 45с) у адпаведнасці з распараджэннем Архіўнага ўпраўлення Літоўскай ССР ад 13 верасня 1960 г. № 12/3114. Частка дакументаў, у адпаведнасці з профілем, была перададзена ў Цэнтральны дзяржаўны архіў Кастрычніцкай рэвалюцыі і сацыялістычнага будаўніцтва БССР (ЦДАКР, цяпер Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь). У Цэнтральны дзяржаўны архіў літаратуры і мастацтва БССР (цяперашні БДАМЛІМ) паступіла 266 адзінак захоўвання, дакументы якіх ахопліваюць перыяд з 1869 да 1942 г. У акце перадачы ў літаратурны архіў у графе «Заўвагі» ёсць запіс, што справы № 15, 29, 66, 107, 148, 209, 210, 251, 261 пакінуты на захоўванне ў ЦДА Літоўскай ССР, «паколькі ўтрымліваюць прамыя звесткі па гісторыі Літвы» [9].

30 жніўня 1961 г., у адпаведнасці з распараджэннем Архіўнага ўпраўлення пры Савеце Міністраў БССР ад 8 жніўня 1961 г. № 3/45с, з Цэнтральнага дзяржаўнага архіва Кастрычніцкай рэвалюцыі і сацыялістычнага будаўніцтва БССР у Цэнтральны дзяржаўны архіў літаратуры і мастацтва БССР паступіў невялікі збор матэрыялаў былога Беларускага музея пад назвай «Луцкевіч А. — беларускі буржуазны нацыяналіст», усяго 6 адзінак захоўвання за 1915—1918 гг. Годам раней у ЦДАКР яны паступілі таксама з ЦДА Літоўскай ССР, дзе зберагаліся ў фондзе 43с Беларускага нацыянальнага камітэта. У літаратурным архіве гэтыя дакументы былі далучаны да фонду Беларускага музея імя І. Луцкевіча (Ф. 3). У 1984 г. фонд Беларускага музея імя І. Луцкевіча папоўніўся яшчэ адным грунтоўным паступленнем — калекцыйнай фатаграфіяй, якія з 1960 г., неанатаваныя і неапісаныя, захоўваліся ў Цэнтральным дзяржаўным архіве кінафотафонадакументаў БССР. У выніку Цэнтральны дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва БССР атрымаў 226 фатаграфій за 1862—1943 гг., сярод якіх фатаграфіі беларускіх пісьменнікаў, грамадска-палітычных і культурных дзеячаў, удзельнікаў з'ездаў, канферэнцый, урачыстасцей і інш.

Калекцыя дакументаў Беларускага музея імя І. Луцкевіча ў БДАМЛІМ мае тры вопісы, якія ўключаюць 495 адзінак захоўвання (11 354 дакументы). У фондзе захоўваюцца дакументы на англійскай, беларускай, літоўскай, нямецкай, польскай, рускай, французскай, чэшскай і іншых мовах.

Выключную частку калекцыі складаюць дакументы беларускіх культурна-асветніцкіх арганізацый, якія дзейнічалі ў 1920-я—1930-я гг. у Заходняй Беларусі. Асноўнае месца сярод іх займаюць архіўныя матэрыялы ўласна Беларускага музея імя І. Луцкевіча і Беларускага навуковага таварыства (БНТ), пад апекай якога працаваў музей. Захаваліся Статут БНТ 1920 г., а таксама пратаколы пасяджэнняў, спісы ўдзельнікаў, перапіска, фінансавыя дакументы БНТ і музея за 1920—1942 гг. Усе яны маюць вялікае значэнне ў вывучэнні гісторыі і асэнсаванні шыршы дзейнасці і задач Беларускага музея імя І. Луцкевіча. У гэтай жа частцы прадстаўлены статуты, пратаколы, перапіска, даклады і іншыя дакументы Віленскага народнага ўніверсітэта імя А. Міцкевіча, Беларускага

музычна-драматычнага гуртка ў Вільні, Саюза культурна-нацыянальнага адраджэння беларускага народа ў Вільні, Беларускага культурна-асветнага таварыства «Прасвета» ў Вільні, Таварыства беларускай школы, Таварыства беларусазнаўства пры Віленскім універсітэце, Беларускага дабрачыннага таварыства ў м. Стоўбцы, Гуртка беларускай моладзі Віленшчыны і інш. Трэба адзначыць, што Беларускі музей актыўна камплектаваўся дакументамі і замежных беларускіх арганізацый. Пра гэта сведчыць прысутнасць у фондзе матэрыялаў Беларускага культурна-асветнага таварыства «Бацькаўшчына» ў Рызе, Таварыства беларускіх настаўнікаў у Латвіі, Беларускага навукова-культурнага таварыства ў Латвіі, Беларускага культурна-асветнага таварыства ў Літве (Коўна) і інш.

Адно з самых значных частак архіўнага фонду Беларускага музея імя І. Луцкевіча складаюць матэрыялы беларускіх выдавецтваў, выдавецкіх таварыстваў, а таксама часопісаў і газет. Сярод іх трэба назваць Беларускае выдавецкае таварыства (БВТ) у Вільні, БВТ «Загляне сонца і ў наша ваконца» (Пецярбург), БВТ «Мінчук» (Мінск), БВТ «Наша хата» (Вільня), рэдакцыі газет «Наша Ніва», «Гоман», «Змаганне», «Голас беларуса», «Народны зван», «Наперад», рэдакцыі часопісаў «Маланка», «Крывіч», «Саха» і іншыя. Менавіта ў рэдакцыях часопісаў і газет захаваліся аўтографы многіх выдатных прадстаўнікоў беларускай літаратуры, дзеячаў нацыянальнага адраджэння першай чвэрці XX ст., у тым ліку М. Багдановіча, К. Буйло, З. Бядулі, Ц. Гартнага, І. Луцкевіча, Б. Эпімаха-Шыпілы, А. Бурбіса і інш.

Змястоўнай гістарычнай крыніцай з’яўляюцца матэрыялы беларускіх партый, камітэтаў, саюзаў, таварыстваў. Гэта пратаколы, статуты, рэзалюцыі, звароты, перапіска, фінансавыя і іншыя дакументы Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны, Беларускага камітэта ў Вільні, Беларускага цэнтральнага саюза нацыянальных грамадскіх аб’яднанняў, Беларускай сацыялістычнай грамады, Рады Беларускай Народнай Рэспублікі, Міністэрства беларускіх спраў пры Літоўскім урадзе, Беларускага камітэта ў Варшаве, Беларускай вайскавай камісіі, «Беларускага народнага брацтва», Беларускага таварыства Чырвонага Крыжа ў Коўна, Саюза моладзі «Беларускі сакол» у Празе, Аб’яднання беларускіх студэнцкіх арганізацый Заходняй Беларусі і многіх іншых. Значную частку гэтага тэматычнага блока дакументаў складаюць матэрыялы па выбарах беларускіх паслоў у Польскі сейм: дакументы з’езда 1921 г., статут Беларускага пасольскага клуба, спісы кандыдатаў, перапіска і інш.

Унікальную частку архіўнага фонду Беларускага музея складаюць дакументы беларускіх нацыянальных дзеячаў: рукапісы, запісныя кніжкі, лісты, асабістыя дакументы і інш. У большасці выпадкаў яны паступалі ў Беларускі музей ад саміх уладальнікаў. Сярод імён, чые архівы ці іх часткі захаваліся ў зборах музея, Цётка (А. Пашкевіч), А. Грыневіч, Б. Тарашкевіч, Л. Дубейкаўскі, К. Душ-Душэўскі, П. Жаўрыд, В. Ластоўскі, браты І. і А. Луцкевічы, А. Смоліч, А. Неканда-Трэпка і іншыя.

Асобны вопіс фонду Беларускага музея імя І. Луцкевіча ў БДАМЛІМ складаюць фотаздымкі, перададзеныя ў свой час з Цэнтральнага дзяржаўнага архіва кінафотафонадакументаў. Многія з гэтых здымкаў вядомыя і змешчаны ў шматлікіх дакументальных зборніках, энцыклапедыях, асобных публікацыях. На вялікі жаль, частка здымкаў, уключаных у вопіс, застаецца не распазнанай. Аснову вопісу складаюць партрэтныя фотаздымкі беларускіх пісьменнікаў, культурных і грамадска-палітычных дзеячаў: А. Бурбіса, Ф. Вальнца, В. Гадлеўскага, Я. Драздовіча, К. Каганца, В. Ластоўскага, Г. Леўчыка, Л. Родзевіча, Б. Тарашкевіча, Б. Эпімаха-Шыпілы і многіх іншых. Значную колькасць складаюць групавыя здымкі сяброў творчых суполак, беларускіх палітычных партый і арганізацый, удзельнікаў розных з’ездаў, канферэнцый, урачыстасцей, зробленыя фатографамі-аматарамі, а таксама выкананыя ў фотастудыях.

Усе вышэйназваныя дакументы Беларускага музея ў Цэнтральным дзяржаўным архіве літаратуры і мастацтва БССР і тыя, што былі перададзены ў Цэнтральны дзяржаўны архіў Кастрычніцкай рэвалюцыі і сацыялістычнага будаўніцтва БССР, былі аднесены да сакрэтных і да 1989 г. былі закрыты для шырокага выкарыстання, як дарэчы, і ў Цэнтральным дзяржаўным архіве Літоўскай ССР. Толькі невялікая частка архіўных збораў музея (16 адз. зах.) пасля паступлення іх у літаратурны архіў была вылучана ў асобны вопіс № 2 і дазволена для шырокага выкарыстання: аўтографы вершаў Міхася Васілька, Ганны Новік, невялікі фрагмент асабістага архіва Цёткі, унікальнае гектаграфічнае выданне «Гоман» № 2 за 1884 г., статуты некаторых таварыстваў і інш.

З архіўным фондам Беларускага музея імя І. Луцкевіча ў Беларускім дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва працуе шырокае кола даследчыкаў. Гэта абавязвае архівістаў пастаянна клапаціцца пра навуковы ўзровень вопісаў фонду і трымаць увагу на праблеме забеспячэння захавання яго дакументаў. Некалькі гадоў таму вопісы фонду былі актуалізаваны ў адпаведнасці з сучаснымі патрабаваннямі да апісання і захоўвання. Фонд прайшоў поўную каталогізацыю для імянога і сістэматычнага каталогаў, звесткі пра яго ўключаны ў многія даведнікі. У 2011 г. у БДАМЛІМ была завершана праца па стварэнні электроннай копіі карыстання на ўсе дакументы архіўнага фонду Беларускага музея імя І. Луцкевіча. Такім чынам, можна канстатаваць, што Беларускім дзяржаўным архівам-музеям літаратуры і мастацтва праведзены комплекс мерапрыемстваў, якія забяспечваюць гэтаму ўнікальнаму фонду годныя ўмовы захоўвання і шырокае выкарыстанне.

Апошнія дваццаць гадоў неаднаразова ўзнімалася праблема рэканструкцыі музея імя І. Луцкевіча. Пэўныя прапановы і канкрэтныя захады рабіліся як у Мінску, так і ў Вільні: у сталіцы Беларусі абмяркоўвалася тэма навуковай рэканструкцыі музея, у беларускай супольнасці сталіцы Літвы — тэма аднаўлення музея. Зразумела, што аднавіць музей як навукова-асветную ўстанову, якой ён з’яўляўся ў свой час, наўрад ці магчыма. Калі і дапусціць такую ўмову, то ўсё роўна гэта будзе ўжо зусім іншы музей. Найбольш прыймальнай падаецца

ца навуковая рэканструкцыя музея праз выданне анатаваных каталогаў, зборнікаў дакументаў, альбомаў. Гэта дасць магчымасць навукоўцам паспяхова карыстацца адпаведнай інфармацыяй у сваіх даследаваннях, а грамадскасці — убачыць і ўсвядоміць веліч страчанай спадчыны. Першая спроба такой рэканструкцыі была ажыццёўлена музейшчыкамі, архівістамі, гісторыкамі ў 1996 г., калі ў Нацыянальным музеі гісторыі і культуры Беларусі арганізавалі выставу «Спадчына, якая належыць Беларусі», прысвечаную 75-годдзю музея і 115-годдзю нараджэння яго заснавальніка Івана Луцкевіча. На выставе экспанаваліся рэчы, кнігі і дакументы Беларускага музея імя Івана Луцкевіча ў Вільні, якія захоўваюцца ў музеях, архівах і бібліятэках Мінска. Падчас працы выставы быў арганізаваны круглы стол, на якім многія яго ўдзельнікі выступілі за стварэнне каталога матэрыялаў Беларускага музея імя І. Луцкевіча, што зберагаюцца ў розных сховішчах Рэспублікі Беларусь. На вялікі жаль, гэты план так і не быў здзейснены.

Крыніцы і літаратура

1. Інвентарная кніга Музея ім. І. Луцкевіча Беларускага навуковага таварыства ў Вільні // Спадчына. — 1995. — № 2. — С. 95—111; № 3. — С. 138—156.
2. Лабачэўская, В. Новыя звесткі пра зборы Беларускага музея імя Івана Луцкевіча ў Вільні / В. Лабачэўская // Спадчына. — 1995. — № 5.
3. Пецюкевіч, М. Успаміны пра Віленскі музей / М. Пецюкевіч // Спадчына. — 1995. — № 2.
4. БДАМЛМ. — Ф. 318. — Воп. 1. — Адз. зах. 121. — С. 70.
5. Шутовіч, Я. З успамінаў пра Віленскі беларускі музей / Публ. Л. Луцкевіча / Я. Шутовіч // Спадчына. — 1995. — № 1.
6. Абрамавічус, В. Рукапісы беларускіх пісьменнікаў у Літве / В. Абрамавічус // Звязда. — 13.06.1948. — № 117.
7. БДАМЛМ. — Справа фонду № 3. — С. 11.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 04.05.2016

М. Ф. Шумейка,
ведучы навуковы супрацоўнік БелНІИДАД,
кандыдат історычных навук;
e-mail: jesti@inbox.ru

«АКТЫ ЗАПАДНОЙ РОССИИ» КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ «БЕЛОРУССКОГО АРХИВА ДРЕВНИХ ГРАМОТ»: К 170-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ТОМА АЗР

Нам уже приходилось писать об археографической традиции, заложенной в Беларуси гомельским протоиереем отцом Иоанном (И. И. Григоровичем) (1792—1852), подготовившим сборник документов «Белорусский архив древних грамот», первый выпуск которого увидел свет в 1824 г. [11]. Генетически связанная со П. М. Строевым и Н. П. Румянцевым, с одной стороны, И. Даниловичем и И. Онацевичем, с другой, и восходившая еще к М. Догелю, она, как известно, получила продолжение в работе преемников Григоровича в лице М. В. Довнар-Запольского, Д. И. Довгялло и других белорусских археографов, работавших на рубеже XIX—XX в., а также в условиях белорусской советской государственности. Логическим звеном в этой «археографической цепочке», ковавшейся в продолжение более чем столетия, выглядит пятитомное документальное издание, названное в духе существовавшей тогда историографической традиции «Актами, относящимися к истории Западной России, собранными и изданными Археографическою комиссиею» (далее «Акты Западной России»).

Сразу же отметим, что при достаточно исследованных к настоящему времени истории появления этого издания, его структуре, составе документов, уровне археографической подготовки, объеме и качестве научно-справочного аппарата и др., оно продолжает рассматриваться вне контекста незавершенного И. Григоровичем сборника «Белорусский архив древних грамот», мыслившегося гомельским археографом как многотомное издание. Проведенный нами сравнительный анализ состава включенных И. Григоровичем в первый, а также оставшийся неизданным второй выпуск (том) «Белорусского архива древних грамот» с «Актами Западной России» свидетельствует, что 26 документов из «Белорусского архива» оказались вошедшими в «Акты». Обратившись к архивному фонду И. И. и Н. И. Григоровичей, хранящемуся в БГАМЛИ, также обнаруживаем в последнем среди копий грамот, предполагаемых для включения в третий выпуск «Архива», ряд документов, опубликованных в «Актах Западной России». Это, на наш взгляд, дает основание рассматривать данный сборник в качестве своеобразного продолжения «Белорусского архива», а не только видеть в нем использование И. Григоровичем появившейся возможности в связи с его назначением на должность главного редактора актов Петербургской археографической комиссии реализовать имевшиеся «документальные заготовки».

На это обстоятельство прямо указывает сын протоиерея, Н. И. Григорович, опубликовавший в 1864 г. переписку отца с графом Н. П. Румянцевым [6]. В предисловии к ней он отмечает, что со смертью в 1826 г. Румянцева отцу при-

шлось надолго отложить исполнение задуманного масштабного археографического проекта. И лишь с созданием Археографической комиссии И. Григорович встретил с ее стороны сочувствие и «со свойственным ему бескорыстием пожертвовал в Комиссию богатое свое собрание древних актов, относящихся к Западной России, приготовленное им к изданию как вторая часть Белорусских грамот. А для полноты собрания Белорусских актов Комиссия, с согласия отца Иоанна, перепечатала в своих изданиях и первую часть, сделавшуюся тогда очень редкою» [6, с. 37].

Косвенным подтверждением этого же может служить и датированное 26 декабря 1825 г. предисловие самого И. Григоровича к оставшейся неопубликованной рукописи второй части «Белорусского архива древних грамот», в которой составитель, характеризуя значение включенных в нее документов как важных источников для изучения «старинного белорусского языка», «старобытных прав, судопроизводства, учреждений, обычаев», в заключение пишет: «В третьей части Архива будут заключаться грамоты XVII века, с начала онаго. При помощи Божией, уже положено тому начало. Патриотическое участие Государственного канцлера в сем труде и милостивое ободрение его, конечно, помогут и довершить предприятие» [8, л. 2 об.].

К настоящему времени появилось достаточно много исследований о том, как, когда и при каких обстоятельствах были обнаружены рукописи второй части «Белорусского архива древних грамот» и документальные заготовки для третьей, и как они затем оказались в Беларуси [3; 4; 7; 9]. С учетом этого обстоятельства мы отсылаем читателей к ним с тем, чтобы далее сконцентрировать внимание на «Актах Западной России», 170-летие выхода в свет первого тома которых исполняется в нынешнем году.

Как уже отмечалось выше, издание «Актов Западной России» было связано не только с деятельностью И. Григоровича, но и с археографическим проектом П. Строева, оказавшимся, как известно, не завершенным. Планировавшаяся Строевым в начале 1830-х гг. поездка в Витебскую, Могилевскую, часть Минской губерний, как третий этап археографической экспедиции, не состоялась*. Это вызвало появление в 1837 г. подписанного российским императором указа, предписывавшего высылать из белорусских городов в адрес учрежденной в этом же году в Санкт-Петербурге Археографической комиссии древних грамот

* Современный белорусский исследователь ставит под сомнение данное утверждение, приводя в качестве доказательства обнаруженный им документ, из которого следует, что летом 1828 г. состоялось путешествие титулярного советника П. М. Строева в Витебскую губернию с целью приобретения здесь древних рукописей, редких книг и монет, но только у частных владельцев, «а отнюдь не у монастырей и не из библиотек духовного или светского училищного ведомства» [5, с. 28]. Но дело в том, что реализация археографического проекта П. Строева началась лишь весной 1829 г. с его поездки в Архангельск, что, конечно же, не исключает возможности предварительного выезда российского археографа в Витебскую губернию.

и актов. Годом же ранее предшественница этого археографического учреждения, специально созданная в декабре 1834 г. при Министерстве народного просвещения специальная комиссия для издания актов, собранных в ходе экспедиции, издала в четырех томах сборник «Актов, собранных в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук» (далее «Акты Археографической экспедиции»). Поскольку в состав этого издания не могли войти отсутствовавшие во временной комиссии акты и грамоты «западного происхождения», первоочередной задачей годом позже созданной в качестве постоянной Археографической комиссии стало их выявление, обработка и публикация, чем и занялся И. Григорович, ставший не только членом последней в год ее учреждения, но и занявший в следующем, 1838 г., пост главного редактора издаваемых комиссией актов. Последнее обстоятельство давало ему возможность самому определять издательскую политику, чем, разумеется, он не преминул воспользоваться, обратившись к уже имевшимся у него «заготовкам», а также инициируя работу по выявлению и присылке в адрес комиссии из белорусских мест древних грамот и актов.

И. Григорович был не только главным редактором пятитомного издания «Актов Западной России», но и составителем четырех с половиной его томов (вторую часть заключительного тома в связи со смертью Григоровича готовил к печати приглашенный комиссией историк, археолог, этнограф И. П. Тарнава-Боричевский (1810—1887), в прошлом выпускник Минской духовной семинарии и Киевской духовной академии, работавший чиновником особых поручений Главного управления путей сообщения и публичных зданий Министерства путей сообщения); он подбирал документы, вел их археографическую обработку, писал предисловия, составлял комментарии.

В открывавшем первый том предисловии И. Григорович обосновывает причины издания «Актов» тем обстоятельством, что строевской археографической экспедицией не были осмотрены архивы западных губерний. Далее он отмечает круг учреждений духовного и гражданского ведомств, приславших в адрес Комиссии документы. В числе первых фигурируют архивы Могилевской, Минской и Полоцкой епархий, Виленского капитула, библиотеки Киевской духовной академии, Могилевской семинарии; среди вторых называются Белостокское областное правление, Витебская казенная палата, Мстиславский, Волковысский, Слонимский уездные суды, городские магистраты Бреста, Бельска, Велижа, Орши, Гродно, Ковно, Лиды и др.

Помимо этих актов, приобретенных Археографической комиссией путем их присылки из необследованных П. Строевым регионов, в издание вошли и те, которые уже находились в архивах, библиотеках и музеях обеих столиц Российской империи, а также выявленные в зарубежных архивах источники. Среди включенных И. Григоровичем в первый том «Актов» документов превалировали материалы Литовской метрики, хранившиеся тогда еще при 3-м Департаменте Правительствующего сената; в томе присутствовали также документы из

архива греко-униатских митрополитов, Румянцевского музея, Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, Львовского городского архива, библиотеки Оссолинских во Львове и др.

Археографическая часть предисловия предельно краткая: в ней И. Григорович отмечает, что при подготовке «Актов» к изданию составители «руководствовались теми же правилами, что и при «Актах Археографической экспедиции» и «Актах исторических»* [1, с. III].

И. Григорович систематизирует документы по хронологическому принципу с сохранением сплошной нумерации разделов (всего их 18) соответственно правлениям. В первом томе документы объединены в 5 разделов: 1. Государствование Ольгерда (после 1340—1377) (5 документов); 2. Государствование Витовта (1383—около 1429) (29 документов); 3. Государствование Свидригайла и Сигизмунда Кейстутевича (1437—1438) (3 документа) 4. Государствование Казимира Ягеловича (1440—1492) (62 документа); 5. Государствование Александра Казимировича (1492—1506) (128 документов).

Второй том, изданный в 1848 г., представляет собой 6-й раздел, включающий 234 документа периода правления Сигизмунда I Старого (1506—1544).

В третьем томе, увидевшем свет в этом же году, документы объединены в 7—11 разделах, начиная с Сигизмунда II Августа (1544) до «междоцарствия» (1587); в четвертом томе, изданном в 1851 г., документы сгруппированы в 12-й раздел, охватывающий период правления Сигизмунда III (1588—1632) и в заключительном, пятом томе, изданном через год после смерти И. Григоровича, публикуются документы 13—18 разделов, начиная от правления Владислава IV (1632—1648) до Фридриха-Августа II (1697—1699).

Источниковедчески-археографический аспект данной публикации, наряду с политическо-идеологическим, был отмечен в конце 1850-х гг. будущим профессором Санкт-Петербургской духовной академии, историографом и практиком-археографом М. О. Кояловичем, который писал: «Труды эти такого рода, что подобного им по достоинству у нас нет ничего до сих пор. Конечно, есть и в них свои недостатки, но достоинства покрывают их совершенно и составляют необычайное для того времени явление: мы разумею здесь не столько выбор самых актов, что большею частью зависело от случая, сколько собственно примечания к ним редактора [здесь и далее выделено мною. — М. Ш]. В них мы видим всю литературу, объясняющую тот или другой документ. При этих примечаниях драгоценные акты, касающиеся истории Западного края, делают еще драгоценнее, потому что *становятся доступнее для изучения*. Благодаря этим примечаниям они открыли совершенно новую сторону гражданской и особенно религиозной жизни этого края. Ими ниспровергнута бездна заблуждений, перешедших в науку; ими поистине совершен громадный переворот в нау-

* Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. 1—2. СПб., 1841—1842.

ке нашей истории, так что *теперь ни один писатель, касающийся хотя мельком Западного края, не может обойтись без знакомства и справок с Актами Западной России и Дополнением к иностранным актам о России»* [6, с. 5—6].

Процитировавший эту оценку, данную М. О. Кояловичем «Актам Западной России», сын покойного археографа, сам внесший значительный вклад в продолжение дела отца, Н. И. Григорович отмечал: «Мы ничего не преувеличили в этом отзыве о трудах покойного протоиерея Григоровича, основываясь на суждении автора «Литовской церковной унии» М. О. Кояловича, который по своим занятиям имел случай проверить каждую мелочь в этих изданиях замечательного знатока западнорусской истории» [6, с. 6].

И завершая статью, посвященную 170-летию выхода в свет первого тома «Актов Западной России», нельзя не отметить, что этот пятитомный археографический проект, начатый по инициативе белорусского археографа И. Григоровича императорской Археографической комиссией в 1846 г., получил в настоящее время несколько неожиданное продолжение. Речь идет об изданной в 2012 г. в рамках этой серии Шестой книге записей Литовской метрики, подготовленной Институтом российской истории Российской Академии наук [2]. Это было сделано через пять лет после того, как литовские археографы издали эту же книгу, подготовленную в Институте литовской истории [12], что стало «сюрпризом для группы Литовской метрики в ИРИ РАН, которая давно готовила эту рукопись» [10, с. 348]. Здесь, как видим, удачно совпала нумерация объекта публикации (Шестая книга записей) с номером тома серии (т. 6), хотя, безусловно, имеются и существенные различия с точки зрения вида и формы публикаций. Как известно, И. Григорович готовил тематическое издание серийной формы, в то время как современные российские археографы опубликовали пофондовое моноиздание.

Оставляя в стороне разногласия методического и организационного характера, возникшие между российскими и литовскими археографами в ходе подготовки этих публикаций, отметим, вместе с тем, как позитивный факт продолжение в настоящее время начатого еще в середине позапрошлого века первым белорусским археографом документального издания, действительно, пережившего века.

Литература и источники

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — Т. 1. 1340—1506. — СПб.: Тип. 2-го отделения СЕИВК, 1846.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России. — М.; СПб., 2012. — 664 с. Т. 1 (6): Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494—1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики / сост., коммент., впом. указ.: М. Е. Бычкова (отв. сост.), О. И. Хоруженко, А. В. Виноградов; отв. ред. тома С. М. Каштанов; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории.
3. Запартыка, Г. В. І. І. Грыгаровіч / Г. В. Запартыка, А. М. Запартыка // БАШ. — Мінск: БелНДДАС, 2001. — Вып. 2. — С. 261—267.

4. Иванова, О. С. «Находка» третьей части «Белорусского архива древних грамот» И. И. Григоровича в БГАМЛИ / О. С. Иванова // БАШ. — Минск: БелНДЦДАС, 2004. — Вып. 5. — С. 29—34.
5. Клепиков, Н. Е. Культурно-историческое наследие Беларуси периода Российской империи / Н. Е. Клепиков. — Минск: Изд. центр БГУ. — 2008. — 175 с.
6. Переписка протоиерея Иоанна Григоровича с графом Н. П. Румянцевым // Чтения в Обществе истории и древностей российских. — 1864. — Кн. 2. Апрель—июнь. — С. 1—92 (отдельная пагинация).
7. Преображенский, А. А. Коллекция Г. В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края (Краткий обзор) / А. А. Преображенский // Археографический ежегодник за 1958 год. — М., 1960. — С. 267—292.
8. БГАМЛИ. — Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 14. Рукопись второй части «Белорусского архива древних грамот».
9. Трухина, Т. А. Рукопись второй части «Белорусского архива древних грамот» / Т. А. Трухина // Научно-информационный бюллетень Архивного управления при Совете Министров БССР. — Минск, 1961. — № 10. — С. 34—37.
10. Хоруженко, О. И. Современные принципы публикации актов Литовской метрики / О. И. Хоруженко // Археографический ежегодник за 2011 год. — М.: Наука, 2014. — С. 347—364.
11. Шумейко, М. Ф. От «Белорусского архива древних грамот» И. Григоровича к «Белорусскому архиву» М. Довнар-Запольского и Д. Довгялло: к 90-летию создания Историко-археологической (Археографической) комиссии Института белорусской культуры / М. Ф. Шумейко // БАШ. — Минск: БелНДЦДАС, 2015. — Вып. 16. — С. 179—190.
12. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 6: (1494—1506): Užrašymu knyga 6. / par. A. Baliulis. Vilnius, 2007.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 13.06.2016

З. В. Антановіч,

дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта БДУ,

кандыдат гістарычных навук;

e-mail: zinantonowicz@gmail.com

АРХІЎНЫЯ ФОНДЫ ІУДЗЕЙСКІХ АБШЧЫН НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У КАНЦЫ ХVІІІ — ПАЧАТКУ ХХ ст.: ФАРМІРАВАННЕ І СКЛАД ДАКУМЕНТАЎ

Па звестках на 1863 г. на беларускіх землях, пераважна ў Магілёўскай, Гродзенскай і Мінскай губернях, пражывала 463 213 іудзеяў (каля 10,36% насельніцтва Расійскай імперыі) і 1 210 428 чалавек (14,21%) у 1897 г. У канцы стагоддзя значна ўзрасла колькасць прадстаўнікоў веравызнання ў Мінскай губерні (з 9 да 16%) і Віленскай (з 8,6 да 11,8%) і нязначна знізілася ў Магілёўскай (з 13,4 да 12,1% ад агульнай колькасці пражываючых яўрэяў) [1; 2]. Аднак сёння ў айчынных архівах вышэйшых захоўваецца толькі 52 архіўных фонда рэлігійных аб'яднанняў яўрэйскага насельніцтва. Пры гэтым 34 з іх знаходзяцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі (далей — НГАБ), а 16 — Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў г. Гродна (далей — НГАБ у г. Гродна). Сярод іх пяць архіўных фондаў кагалаў, два з якіх дзейнічалі ў Мінскай губерні і тры — у Віцебскай. Таму можна сцвярджаць, што 68% дакументацыі іудзейскіх рэлігійных абшчын захоўваецца ў НГАБ. Амаль 52% матэрыялаў дзейнасці абшчын прадстаўлены архіўнымі фондамі Магілёўскай губерні, 32% — Гродзенскай і па 8% — Мінскай і Віцебскай, што ахоплівае тэрыторыю сучаснай Беларусі. Імі прадстаўлены ўсе тыпы іудзейскіх аб'яднанняў. Пры гэтым з азначаных комплексаў матэрыялаў на сучасным этапе выкарыстоўваюцца амаль выключна прамыя генеалагічныя крыніцы, чым не абмяжоўваецца крыніцазнаўчы патэнцыял фондаў. Па-за ўвагай даследчыкаў застаецца, напрыклад, цікавы факт ужывання прадстаўнікамі веравызнання пераважна польскай мовы на Міншчыне і рускай на Віцебшчыне і Магілёўшчыне [7; 6, с. 361]. Гэта пацвярджаюць звесткі, пададзеныя падчас выбараў прадстаўнікоў мінскай яўрэйскай абшчыны ў органы мясцовага самакіравання ў 1820—1821 гг., калі сярод 27 пазначаных асоб 14 ведалі рускую мову, 13 — польскую, а аб'ёмны карысталіся толькі пяць чалавек [12, арк. 361].

Яўрэйская абшчына напярэдадні падзелаў Рэчы Паспалітай з'яўлялася аўтаномным палітычна ўстойлівым аб'яднаннем з кіраўніцтвам, засяроджаным у кагале, што з'яўлялася часткай сацыяльнай структуры Рэчы Паспалітай [3, с. 30—36]. У Расійскай імперыі яўрэі атрымалі статус мяшчан у выніку адміністрацыйных рэформ 1775 і 1785 гг. Пры гэтым па ўказу Кацярыны II ад 23 снежня 1791 г. была ўсталявана «мяжа аселасці», што абмежавала іх мабільнасць і вызначыла знаходжанне ў беларуска-літоўскіх губернях, Екацярынаслаўскім намесніцтве і Таўрычаскай вобласці [34]. Органам кіравання яўрэйскай абшчыны заставаліся кагалы. Іх паўнамоцтвы распаўсюджваліся на прадстаўніцтва інтарэсаў абшчыны ў стасунках з органамі дзяржаўнай улады, пры-

значэнне членаў абшчыны на пасады рэзчыкаў, натарыусаў, зборшчыкаў падаткаў, адкупшчыкаў і іншае, размеркаванне грашовых збораў паміж членамі абшчыны, складанне іх спісаў, у тым ліку для рэкруцкай павіннасці з 1827 г., замацаванне маёмасных дамоў, вядзенне фінансава-справаздачнай дакументацыі і накладанне пакарання за праступкі маральна-этычнага характару. Кагал узначальваў рабін, які таксама адказваў за вядзенне метрычных кніг [4]. У думе або ратушы азначэння кнігі і фінансавая дакументацыя штогод правяраліся, завяраліся запісам і прымаліся на пастаяннае захаванне з выдачай пасведчання пра гэта яўрэйскай абшчыне [35]. Так, захаваўся рапарт мінскага кагалу аб накіраванні для завярэння і замацавання сямі кніг, з якіх тры, атрыманыя з губернскага праўлення, былі метрычныя аб народжаных, шлюбаваных і памерлых. У чатырох іншых — для прысудаў абшчыны, прыходу і расхода грашовых сум — не вяліся запісы, што ўскладняла справаздачнасць кагалу. Метрычныя кнігі на бягучы год былі вернуты ў кагал паліцэйскай управай 12 студзеня 1835 г. [21, арк. 1—2].

Паводле пастановы ад 19 снежня 1844 г. кагалы ліквідаваліся, і абшчыны непасрэдна падпарадкоўваліся агульнагарадскім адміністрацыйным органам. На практыцы гарадскія органы кіравання даручалі функцыі пасрэднакаў пры зборы падаткаў спецыяльна абраным асобам з ліку яўрэяў, а кіраўніцтва абшчынамі — іх праўленням, што фактычна захоўвала аўтаномію [3, с. 91, 96—100]. Паводле зацверджанага 15 снежня 1844 г. імператарам меркавання Дзяржаўнага савета яўрэйскія таварыствы падзяляліся на класы, ад чаго залежалі памеры каробачнага збору (1 клас — звыш 500 чалавек; 2 клас — звыш 200; 3 клас — звыш 100; 4 клас — менш 100). Акрамя таго, агульны каробачны збор дазвалялася перадаць у арэнду тэрмінам на чатыры гады, а дапаможны збіраўся непасрэдна органамі мясцовага самакіравання [36]. Напрыклад, паводле справаздачы Віцебскага губернскага праўлення па каробачных зборах на тэрыторыі Віцебскай губерні дзейнічала ў 1896—1900 гг. 48 яўрэйскіх таварыстваў, з якіх Віцебскае і Дзвінскае адносіліся да першага класа, Полацкае да другога, 13 — да трэцяга, а астатнія да чацвёртага [33, арк. 61—62]. Аналагічная справаздача за 1897—1901 гг. па Магілёўскай губерні ўключала 84 таварыствы, з якіх 24 належала да першага класу, 18 — другога, 13 — трэцяга [33, арк. 48].

У 1850 г. пры кожнай сінагозе ствараецца спецыяльнае духоўнае праўленне замест кагалу. За гарадскімі думамі, ратушамі і магістратамі замацоўваліся абавязкі па вядзенні алфавітных і паямейных спісаў яўрэяў, рэкруцкіх спісаў, падатных раскладаў і кніг прыходу і расхода грашовых сродкаў, ведамасцей аб недаімках і запазычанасцях, акладныя кнігі каробачнага збору і іншых падаткаў, захаванні копій рэвізскіх сказаў, а таксама кантроль за перамяшчэннямі прадстаўнікоў гэтага веравызнання [37]. Такім чынам матэрыялы справаводства яўрэйскіх абшчын канцэнтраваліся ў названых дзяржаўных органах, разам са справаводствам якіх перайшлі на дзяржаўнае захаванне. У даваенны перыяд ажыццяўлялася перафандзіраванне дакументаў, выключэнне неадпаведных

дзеючай парадыгме матэрыялаў са складу фондаў. Іншыя матэрыялы перадаваліся ў спецыяльныя сховішчы, дзе іх фондавая прыналежнасць страчвалася [5, с. 12—15]. Пазней з іх ліку былі сфарміраваны архіўныя калекцыі, таму вопісы і справы гэтых фондаў малаінфарматыўны для вывучэння гісторыі захоўвання, а выяўленне профільных матэрыялаў працягваецца з 1950-х гг. Пры гэтым папаўненне фондаў адбывалася шляхам вылучэння няпрофільных спраў з фондаў «Мінскае губернскае праўленне» (ф. 299, НГАБ), «Мінская дзяржаўная дума» (ф. 24, НГАБ) і іншых дзяржаўных устаноў [8; 25].

На дадзены момант у асобных фондах айчынных архівах сховішчаў сканцэнтравана каля 1455 спраў яўрэйскіх абшчын. Сярод іх матэрыялы дзейнасці кагалаў складаюць 15%, сінагог — 47%, малітоўных абшчын — 37%. Найбольш раннія дакументы па гісторыі яўрэяў захоўваюцца ў архіўным фондзе «Гродзенскае яўрэйскае таварыства» (ф. 146, НГАБ у Гродна) за 1697—1698 гг. і 1703 г. Метрычныя кнігі аб народжаных, шлюбаваных і памерлых таксама захаваліся за 1764—1765 гг. у фондзе Ваўкавыскага таварыства за 1774 г. — Мінскага яўрэйскага кагалу, які з’яўляецца найбольшым па аб’ёме сярод спадчыны аналагічных устаноў. Найбольш познія дакументы датуюцца 1940 г. і знаходзяцца ў фондзе Гродзенскай сінагогі (ф. 1842, НГАБ у Гродна) [39].

Склад дакументаў архіўных фондаў кагалаў можна падзяліць па змесце на наступныя групы матэрыялаў: арганізацыйна-распарадкага характару (журналы пасяджэнняў кагалу (праўлення), справы аб далучэнні да абшчыны або выдаленні розных асоб з яе спісаў, вядзенне спісаў рэкрутаў, арганізацыя выбараў прадстаўнікоў абшчыны ў мясцовыя органы самакіравання, дзейнасці пахавальнага брацтва, шпіталя і інш.), фінансавая дакументацыя (кнігі прыходу і расхода грашовых сродкаў і ахвяраванняў, справы аб падаткаабкладанні членаў абшчыны, перадачы ў арэнду каробачнага збору і інш.), рэгістрацыя грамадзянскага стану (метрычныя кнігі аб народжаных, шлюбаваных, скасаванні шлюбу і памерлых), статыстычныя крыніцы (ведамасці аб колькасці яўрэяў абшчыны з пазначэннем месца знаходжання), судовыя справы паміж яўрэямі кагалу (аб пабоях, абразах).

Да першай групы адносяцца журналы пасяджэнняў кагалу, якія ў выглядзе асобных адзінак захоўвання не захаваліся. У справах па розных напрамках дзейнасці абшчын захаваліся вопісы з іх па сутнасці кожнай справы. Гэта дазваляе сцвярджаць, што яны афармляліся ў структураванай форме з трох частак: уступ (дата, назва справы), асноўная частка, якая пачынаецца са слоў «Пастанава» (прапіснымі літарамі) і ўключае абгрунтаванне рашэння, і зацвярджэнне апошняга подпісамі членаў праўлення або кагалу. Напрыклад, пастава праўлення мінскай абшчыны аб выдачы 20 руб. была напісана на адваротным аркушы прашэння Двойры Гецавай аб выдзяленні сродкаў для праезду да мужа ў Валагодскую губерню. Цікава, што ёй было выдаткавана 10 руб. на месцы, а астатнія яна павінна была атрымаць у маскоўскага рабіна [32, арк. 1—1 адв.].

Асабовы склад членаў абшчыны меў выключнае значэнне для яе дзейнасці, таму перамяшчэнні яўрэяў дакладна кантраляваліся не толькі з боку дзяржаўных органаў улады, але і кагалам з іх удзелам. Ініцыяваў разгляд адпаведнай справы кагал, якім накіроўваўся на паперы з філігранямі ва ўправу паліцыі рапарт аб перамяшчэнні асоб, не належачых па рэвізіі да гэтай абшчыны і выяўдзены з-пад нагляду паліцыі далучаных да абшчыны асоб. Напрыклад, у 1818 г. 15 чалавек выдаліся з г. Мінска [9, арк. 1—3]. Каб застацца сярод членаў абшчыны і быць зафіксаваным у рэвізскіх сказках, неабходна было аргументаваць прыналежнасць да яе. Такія комплексы складаліся з наступных дакументаў: аб'яўлення, даведак з кагалу і паліцыі. У аб'яўленні адзначаліся прычыны незапісання істца ў папярэдняю рэвізію і просьба ўключыць у бягучую разам з сям'ёй. Так, 25-гадовы пераплётчык Гірша Зелікавіч сцвярджаў, што нарадзіўся і пражывае ў Мінску разам з 24-гадовай жонкай, а падчас мінулай рэвізіі быў непаўналетнім, таму не з'явіўся для запісу [18, арк. 8]. На практыцы з 44 прашэнняў, разгледжаных мінскім кагалам у 1827 г., толькі па 13 было прынята станоўчае рашэнне. Па даведках было даказана, што Мордух Эльмавіч, напрыклад, належыць да мядзельскай абшчыны Віленскага павета [18, арк. 8 адв.].

З 1827 г. з'яўляюцца справы аб наборы рэкрутаў, прадстаўлення пераважна іх спісамі, якія ўключалі, напрыклад, у 1838 г. 710 чалавек [19, арк. 25]. Пры гэтым рэкрута мог замяніць іншы чалавек, як гэта зрабіў па ўласным прашэнні Елья Рубінавіч Фінкель за сям'ю мясцовага мешчаніна Лейзера Фульфавіча Кутеля ў 1835 г., што не з'яўлялася выключэннем [22, арк. 2—3 адв.; 38].

Выбары прадстаўнікоў абшчыны ў мясцовыя органы самакіравання праводзіліся большасцю галасоў. У 1820—1821 гг. сярод 28 чалавек у склад калегіяльных органаў абраны бургамістр Шмуїла Кнобенгаў, ратман Цода Гагоўскі, лаўнікі Янкель Рабіновіч і Евель Маргінштэйн. Пры гэтым адзінагалоснае рашэнне было прынята толькі па кандыдатуры рабіна — Гіршы Міркіна [12, арк. 1—1 адв.]. У 1825 г. у гільдыю гандлю і прамысловасці ад кагалу абіралася пяць дэпутатаў [15, арк. 1—1 адв.].

Кагал, а пазней праўленне, таксама выступала ў якасці пасрэдніка паміж органамі дзяржаўнай улады і членамі абшчыны. Напрыклад, 20 красавіка 1819 г. было распаўсюджана прадпісанне мінскага паліцмейсцера аб неабходнасці ўпарадкавання прыдамавых тэрыторый на працягу тыдня. У прыватнасці, адзначалася, што ў прыналежных яўрэям дамах лесвіцы і адхожыя месцы былі забруджаны, вокны пабіты [11, арк. 1—2 адв.]. У 1825 г. у Мінску былі адкрыты яўрэйскі шпіталь і багадзельня [14].

Да фінансавай дакументацыі кагалаў і праўленняў (другая група матэрыялаў) адносяцца кнігі прыходу і расходу грашовых сродкаў абшчыны, якія складаліся ў форме табліцы. Гэтыя кнігі ў пачатку XIX ст. вяліся на польскай мове і маглi падзяляцца на дзве часткі — для запісу прыходу ахвяраванняў і іх расходу адпаведна або вяліся асобныя кнігі. З другой трэці XIX ст. фінансава-справаздачная дакументацыя стала больш разнастайнай і ўключала кнігі: прыходу і

расходу дабравольных ахвяраванняў з пазначэннем ахвярадаўцаў, запісу збораў грошаў па раскладцы, ахвяраванняў у форме рэчаў з пазначэннем іх выкарыстання. Абшчыны атрымлівалі іх з мясцовых органаў дзяржаўнага кіравання, адпаведна прашнураванымі і замацаванымі подпісамі і пячаткамі іх служачых. Кнігі складаліся ў выглядзе табліцы, часам выкананай тыпаграфскім спосабам. На першым аркушы адзначалася дата (месяц і дзень), імя, прозвішча і саслоўная прыналежнасць ахвярадаўцаў, а таксама сумы. На другім — аналагічныя звесткі, акрамя пазначэння асобы, маглi быць звесткі аб арэнднай плаце, набыцці неабходных прадметаў культуры і інш. [24]. Штомесяц адбываліся рэвізіі рэчаў і сум, якія захоўваліся ў казначэя з запісам у шнуровай кнізе за подпісамі членаў праўлення. Запоўненыя кнігі штогод перадаваліся на захаванне ў архіў гарадской управы або аналагічнай установы, чым абумоўлена іх адсутнасць у архіўных фондах яўрэйскіх устаноў. Другой прычынай з'яўляецца іх незапаўненне кагалам або праўленнем, як гэта было ў 1835 г. у Мінску [23].

Кагалам таксама складаліся спісы падаткаплацельшчыкаў, якія прадстаўляліся ў органы дзяржаўнай улады. Пры гэтым маглi складацца спісы недаімак як асабовыя, так і па цэхах, як у Мінску ў 1820 г. Найбольшай была запазычанасць па падатках у кушнерскім і шаўцовым цэхах (994 руб. 85 кап. і 907 руб. 47 кап. адпаведна) [10, арк. 4—15]. З 1844 г. каробачны збор мог перадавацца ў арэнду, чым карысталіся прадстаўнікі абшчын. Найбольш значным пытаннем у гэтым выпадку з'яўляўся памер вышлат [16].

Архіўныя фонды іудзейскіх абшчын пераважна складаюцца з матэрыялаў рэгістрацыі грамадзянскага стану (трэцяя група) — метрычныя кнігі аб народжаных, шлюбаваных, скасаваўшых шлюб і памерлых. Сярод фондаў синагог і малітоўных таварыстваў яны займаюць звыш за 90% складу. Агульнымі рысамі вядзення метрычных кніг з'яўляецца тое, што яны складаліся ў форме табліц на паперы з філігранямі, а асноўныя звесткі, да якіх адносяцца назвы граф і прозвішчы асоб, дубліраваліся на дзвюх мовах — рускай і ідыш. Колькасць праведзеных абрадаў завяралася штомесяц подпісамі рабіна і членаў малітоўнага праўлення з пазначэннем іх пасадак. Запісы рабіліся, нават калі падзеі не адбываліся. Кнігі штогод правяраліся на наяўнасць выпраўленняў і скажэнняў мясцовымі органамі, пра што рабіўся адпаведны запіс з пазначэннем пасадак служачых. Звычайна імі былі саветнік, сакратар і загадчык стала. Апошняга мог замяніць архіварыус. Пры гэтым метрычныя кнігі паводле практыкі перадавалі на архіўнае захаванне не адразу. Тэрмін іх выкарыстання бягучым справаводствам мог складаць да 30 гадоў, як гэта было паводле адзнак архіварыуса на справах з метрычнымі кнігамі за 1860-я гг., што звязана з ажыццяўленнем функцый мясцовых органаў па вядзенні спісаў яўрэйскага насельніцтва і рэкруцкай павіннасці. Пры гэтым узрост пазначаўся асобна ў першай графе для жанчын, у другой — мужчын, а дата абрада — па хрысціянскім і іудзейскім календарам [29]. У метрычных кнігах аб шлюбаваных асобна адзначаліся ўдаўцы і разведзеныя асобы. Так, у 1839 г. у мінскім кагале бралі шлюб асобы ва ўзросце ад 16 да 42 гадоў.

Сярод іх было 22 удаўца і 7 удоў, 14 разведзеных мужчын і 7 жанчын. Абрады не абавязкова павінен праводзіць рабін, таму ў адпаведнай графе пазначана 73 чалавекі, якія за год правялі 104 шлюбы [26]. Цікавыя звесткі прадстаўляе выдача актаў жаніхом або бацькам нявесты, у якіх пазначаліся фінансавыя ўмовы шлюбу. Так, у 1839 г. звычайна бацькі з абодвух бакоў або з аднаго давалі маладым супружнікам 500 злотых або 150 руб. срэбрам і гарантавалі двух або трохгадовае ўтрыманне сям'і. Аднак здараліся і іншыя выпадкі, калі пры шлюбе парьшцага 18-гадовага халастога мешчаніна Ноты Ноткіна з мінскай мяшчанкай, 21-гадовай удавой Трайнай Любошыцаўнай, далі акт нявесце на 1500 руб., або пры шлюбе купца 2-й гільдыі халастога 19-гадовага Зельмана Гурвіча з 16-гадовай дзяўцай Ханай Рабіновічаўнай, апошняй перадалі акт на 7 тыс. руб. [26, арк. 4 адв., 6]. Метрычныя кнігі аб скасаванні шлюбу выліся аналагічна іншым кнігам рэгістрацыі грамадзянскага стану. Сярод спецыфічных звестак у іх пазначаліся прычыны і іншыя фактары працэсу. Найбольш распаўсюджанымі прычынамі, напрыклад, у 1840 г. былі нянавісьць паміж супружнікамі (30 выпадкаў), рэкруцкі набор (17 выпадкаў) і немагчымасць забяспечыць сям'ю (10 выпадкаў). Сустрэліся і такія матывы, як ссылка ў Сібір або невылечная хвароба супружніка, адсутнасць дзяцей або немагчымасць працягваць сумеснае жыццё. Усяго за год мінскім кагалам было скасавана 69 шлюбаў, 29 з якіх праведзены ахоўнікам рэлігіі Лейбам Бутынскім [31]. Аналіз метрычных запісаў аб памерлых асобах дазваляе абагульняць прычыны іх смерці. Напрыклад, у 1860 г. пераважна прычынамі былі старасць, сухоты, гарачка, чахотка, воспа, пухліны [27].

Пры неабходнасці ў метрычныя кнігі ўносіліся змены, звязаныя пераважна з тэхнічнымі памылкамі пры іх вядзенні. Так, 22 лістапада 1883 г. на падставе паведамлення Мінскай гарадской управы ад 15 лістапада і праведзенага па даручэнні паліцэйскага праўлення адказным за чацвёрты ўчастак г. Мінска следства ў метрычную кнігу аб народжаных унесены запіс аб Хане, дачцы Беркі Гофмана [28, арк. 66 адв.]. Абавязкова адпаведным запісам адзначалася змена веравызнаўчай прыналежнасці, як у дачыненні Сендера Беркава Когана, народжанага 29 лютага 1866 г., які ў 1897 г. перайшоў у праваслаўе [30, арк. 4 адв.].

Статыстычныя крыніцы (ведамасці аб колькасці яўрэяў абшчыны ў горадзе і за яго межамі і інш.) адносяцца да чацвёртай групы крыніц архіўных фондаў іўдзейскіх абшчын. Яны складаліся па запатрабаванні органамі дзяржаўнай улады, а таксама для пацвярджэння праў і абароны інтарэсаў членаў абшчыны ў прыналежнасці да яе, таму іх структура вызначалася ў канкрэтным выпадку [18; 19 і інш.].

Судовыя справы паміж яўрэямі кагалу (аб пабоях, абразах) адносяцца да пятай групы матэрыялаў. Пры іх вядзенні выкарыстоўваўся аналагічны набор дакументаў (прашэнне, апытанне сведак пры неабходнасці, пастанова кагалу або праўлення), колькасць якіх залежала ад складанасці справы. Гэтыя віды спраў захаваліся фрагментарна. Так, у архіўным фондзе мінскага кагалу маецца

пастанова па скарге памочніка рабіна Іцкі Рывікіна і рэзчыка Орка Шэхтэра на мясніка Ёселя Кугеля, які падчас збору падаткаў іх абразіў і пабіў [17]. Іншы выпадак не дазволіў атрымаць станоўчы рэкамендацыйны ліст ад кагалу ў 1825 г. прыставу Карлу Трацынскаму. На атрыманьня ад яго пабоі скардзіўся Янкель Ляндрес. Пакуль апошняя справа не была разгледжана, выдача рэкамендацыі адкладалася [13]. Судовыя паўнамоцтвы кіраўніцтва абшчынай распаўсюджваліся і на перамяшчэнне яе членаў за парашэнні, як гэта адбылося з Іцкам Бейліным, выдаленым у г. Табольск. Пры гэтым, паводле расійскага заканадаўства, калі члены яго сям'і жадаюць застацца, абшчына павінна была ўтрымліваць іх за ўласныя сродкі [32, арк. 56].

Такім чынам, у Расійскай імперыі насельніцтва іўдзейскага веравызнання складала звыш дзясятай часткі ад яго агульнай колькасці. Пры гэтым яно было сканцэнтравана ў значнай ступені на тэрыторыі беларускіх губерняў. Нягледзячы на гэта, архіўныя фонды органаў кіравання іўдзейскімі абшчынамі складаюць толькі каля 0,05% ад агульнай колькасці фондаў канфесіянальных устаноў (1455 спраў). Гэта абумоўлена як працэсам фарміравання гэтых фондаў, так і гісторыяй іх захавання. У першым выпадку неабходна памятаць, што органамі кіраўніцтва яўрэйскімі абшчынамі да 1844 г. былі кагалы з шырокімі адміністрацыйнымі і судовымі паўнамоцтвамі, якія пазней былі заменены на праўленні абшчын з перадачай фінансавай справаздачнасці і спраў аб перамяшчэнні прадстаўнікоў веравызнання ў веданне мясцовых органаў дзяржаўнай улады, што садзейнічала дэцэнтралізаванасці архіваў устаноў. Акрамя таго, на захаванне перадаваліся метрычныя кнігі аб народжаных, шлюбаваных, скасаваўшых шлюб і памерлых. У выніку перадачы спраў са спецыяльных сховішчаў, куды яны трапілі ў першай палове XX ст., выяўлення няпрофільных спраў у архівах сховішчах НГАБ і НГАБ у Гродна на сённяшні момант сфарміравана 52 фонда, у тым ліку прадстаўленых калекцыямі, што сведчыць пра іх штучнае ўтварэнне, пераважна па відавочнай прыкмеце.

Склад дакументаў архіўных фондаў кагалаў падзяляецца па змесце на пяць груп матэрыялаў: арганізацыйна-распарадкага характару (журналы пасяджэнняў кагалу (праўлення), справы аб далучэнні да абшчыны або выдаленні розных асоб з яе спісаў, вядзенне спісаў рэкрутаў, арганізацыя выбараў прадстаўнікоў абшчыны ў мясцовыя органы самакіравання, дзейнасці пахавальнага брацтва, шпіталя і багадзельні і інш.), фінансавога характару (кнігі прыходу і расходу грашовых сродкаў і ахвяраванняў, справы аб падаткаабкладанні членаў абшчыны, перадачы ў арэнду каробачнага збору і інш.), дакументацыя па рэгістрацыі грамадзянскага стану (метрычныя кнігі аб народжаных, шлюбаваных, скасаванні шлюбу і памерлых), статыстычныя крыніцы (ведамасці аб колькасці яўрэяў абшчыны з пазначэннем месца знаходжання), судовыя справы паміж яўрэямі кагалу (аб пабоях, абразах). Пры гэтым звыш за 90% дакументаўнага складу належыць генеалагічным крыніцам. З іншых груп найбольшую цікавасць прадстаўляе арганізацыйна-распарадкавая і судовая дакументацыя, якая

дазваляе ўзнавіць у храналагічных межах захаванасці асабісты склад кіраўніцтва абшчынамі і іх дзейнасць, удзел у грамадскім жыцці. Фінансавыя і статыстычныя крыніцы прадстаўляюць шырокае поле для ацэнкі адпаведных напрамкаў функцыянавання абшчын. Пры гэтым эфектыўнасць выкарыстання дакументнай інфармацыі разгледжаных архіўных фондаў залежыць ад іх далейшай перапрацоўкі, папаўнення і тэматычнай распрацаванасці.

Крыніцы і літаратура

1. Риттих, А. Ф. Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям / А. Ф. Риттих. — СПб.: тип. В. Веллинга, 1864. — С. 1—8.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / изд. Центр. стат. комитетом МВД; ред. Н. А. Тройницкий. — СПб., 1903—1904. — Т. IV. — С. 54—55; Т. V. — С. 74—75; Т. XI. — С. 107—109; Т. XII. — С. 78—79; Т. XXIII. — С. 94—95.
3. Барталь, И. От общины к нации: евреи восточной Европы в 1772—1881 гг. / Барталь И. — М.: Мосты культуры, 2007. — 262 с.
4. Брафман, Я. Книга кагала / Я. Брафман [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://knigkaagal.narod.ru/>. — Дата доступа: 12.01.2016.
5. Документы по истории и культуре евреев в архивах Беларуси: путеводитель / Отв. ред. И. А. Пичугин. — М.: РГГУ, ЕТСА, ИВО, 2003. — 607 с.
6. Живописная Россия и белорусское Полесье. Репринт издания 1882 г. — Минск: БелЭН, 1993. — 550 с.
7. Иоффе, Э. Г. Культура евреев Минска XIX — начала XX века [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://eliv.bsru.by/>. — Дата доступа: 12.01.2016.
8. НГАБ. — Ф. 332. — Справа фонду «Мінскі кагал Мінскага пав. Мінскай губ.».
9. Там жа. — Воп. 1. — Спр. 6. — Справа аб выключэнні асоб са спісаў мінскага яўрэйскага таварыства і далучэнні да яго, 15.05.—23.06.1818 г.
10. Там жа. — Спр. 12. — Справа аб спагнанні падаткаў з мяшчан і цэхавых мінскага яўрэйскага таварыства па ўказе Мінскага губернскага праўлення, 08.12.1819—08.06.1820 гт.
11. Там жа. — Спр. 13. — Справа па прадпісанні мінскага паліцмейсцера кагалу аб распаўсюджванні сярод домаўладальнікаў Парадку падтрымання чысціні, 20.04—02.05.1819 г.
12. Там жа. — Спр. 17. — Справа аб правядзенні выбараў і зацвярджэнні Мінскім губернскім праўленнем прадстаўнікоў мінскай яўрэйскай абшчыны на пасады ў органах мясцовага самакіравання, 15.07.1820—20.11.1821 гт.
13. Там жа. — Спр. 24. — Справа аб выдачы пасведчання мінскага кагалу прыватнаму прыставу Трацьнскому К. аб яго стаўленні да выканання службовых абавязкаў, 20.08.1824, 24.08.1825.
14. Там жа. — Спр. 27. — Справа па акце кагалу аб ахвяраванні сродкаў на абсталяванне і дзейнасць яўрэйскіх шпітэля і багадзельні ў Мінску, 21—29.07.1825 г.
15. Там жа. — Спр. 28. — Справа аб арганізацыі і правядзенні выбараў гандлёвых дэпутатаў ад мінскай яўрэйскай абшчыны, 09.02.—18.06.1825 г.
16. Там жа. — Спр. 37. — Справа аб перадачы ў арэнду мінскім кагалам каробачных збораў з яўрэйскай абшчыны г. Мінска на тры гады з публічных таргоў, 30.04.—05.11.1825 г.

17. Там жа. — Спр. 40. — Пастанова мінскага кагалу па скарзе памочніка рабіна Рьўкіна І. і рэзчыка Шэхцера О. на мясніка Кутеля І. за нанясенне пабояў і абразы, а таксама нявыплату падаткаў, 10.02.1825 г.
18. Там жа. — Спр. 44. — Дакументы (аб'явы, даведкі і інш.), якія былі прадстаўлены ў мінскі кагал для ўключэння розных асоб у рэвізскія казкі мінскіх мяшчан, 19.04.—18.11.1827 г.
19. Там жа. — Спр. 58. — Справа па рапарце дэпутатаў мінскага кагалу ў паліцыю аб зборы падаткаў з мінскай яўрэйскай абшчыны ў 1838 г., 02.03.—08.11.1838 г.
20. Там жа. — Спр. 71. — Справа аб падрыхтоўцы метрычных кніг да праверкі мінскай паліцэйскай управай, 10—12.03.1835 г.
21. Там жа. — Спр. 75. — Справа аб прадстаўленні ў гарадскую ўправу паліцыі для зацвярджэння сямі незапоўненых кніг для запісу народжаных, шлюбованых, памерлых, даходаў і расходаў, 12.01.—06.02.1835 г.
22. Там жа. — Спр. 86. — Справа па прашэнні Фінкеля Е. Р. аб залічэнні яго ў спісы рэкрутаў замест сям'і Кутеля І. В., 26.11.1835 г.
23. Там жа. — Спр. 125. — Рапарты мінскага кагалу ў мінскую ўправу паліцыі аб адсутнасці справаздачнасці па атрыманні і выдачы грашовых сродкаў, 12—25.06.1835 г.
24. Там жа. — Воп. 2. — Спр. 2. — Кніга прыходу і расхода грашовых сум клецкага яўрэйскага таварыства, 1862 г.
25. Там жа. — Ф. 1226. — Справа фонду «Яўрэйскія таварыствы Мінскага пав. Мінскай губ.».
26. Там жа. — Воп. 1. — Спр. 1. — Метрычная кніга мінскага яўрэйскага таварыства аб шлюбованых за 1839 г., 04.01.—28.12.1839 г.
27. Там жа. — Спр. 2. — Метрычная кніга рубяжэвіцкага яўрэйскага таварыства аб памерлых за 1860 г., 08.02.—05.11.1860 г.
28. Там жа. — Спр. 25. — Метрычная кніга мінскага яўрэйскага таварыства аб народжаных за 1836—1838 гг., 08.01.1836—24.12.1838 гт.
29. Там жа. — Спр. 5. — Метрычная кніга стаўбцоўскага яўрэйскага таварыства аб народжаных за 1860 г., 14.01.—17.12.1860 г.
30. Там жа. — Воп. 2. — Спр. 22. — Метрычная кніга мінскага яўрэйскага таварыства аб народжаных за 1866 г., 25.12.1865—24.12.1866 гт.
31. Там жа. — Ф. 1227. — Воп. 1. — Спр. 28. — Метрычная кніга мінскага яўрэйскага таварыства аб скасаванні шлюбу за 1840 г., 03.01.—31.12.1840 г.
32. Там жа. — Воп. 2. — Спр. 1. — Дакументы (прашэнні аб выдачы грашовых сродкаў мяшчанкам Мінскага пав. на праезд да высланых у Сібір мужоў, прыгаворы таварыства аб выключэнні асоб з падаткаплацельшчыкаў з-за адсутнасці магчымасцей спагнання сродкаў, пасведчанні і інш.) аб выдачы грашовых сродкаў мінскага яўрэйскага таварыства, 06.11.1878—20.07.1879 гт.
33. Там жа. — Ф. 1416. — Воп. 3. — Спр. 17800. — Справа аб перадачы з таргоў у адкупное ўтрыманне каробачнага збору па Віцебскай губерні з 1900 г., 1899—1900 гт.
34. О предоставлении евреям прав гражданства в Екатеринославском наместничестве и Таврической области / ПСЗРИ. Собрание первое. — Т. 23. — № 17006. — С. 287.
35. Об учреждении надзора за синагогами и еврейскими молитвенными домами / ПСЗРИ. Собрание второе. — Т. 25. — № 24299. — С. 606—608.
36. Положение о коробочном сборе // ПСЗРИ. Собрание второе. — Т. 19. — № 18545. — С. 876—887.

37. Положение о подчинении евреев в городах и уездах общему управлению с уничтожением еврейских кагалов, 1844 г. / ПСЗРИ. Собрание второе. — Т. 19. — № 18546. — С. 887—890.
38. Рыбчонок, С. А. Этого просят евреи, желающие справедливости / С. А. Рыбчонок // Беларускі археаграфічны штогоднік. — 2000. — Вып. 1. — С. 107—117.
39. Фондавы каталог дзяржаўных архіваў Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://fk.archives.gov.by>. — Дата доступу: 24.01.2016.

Аркула паступіў у рэдакцыю 08.04.2016

А. В. Бурачонок,

дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і найвейшага часу БДУ,

кандыдат гістарычных навук

e-mail: burumag@gmail.com

ЭВАЛЮЦЫЯ ЗАКАНАДАЎСТВА Ў СФЕРЫ ПАДАТКААБКЛАДАННЯ ГАНДЛЮ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XVIII — ПАЧАТКУ XX СТ.

У канцы XVIII ст. у выніку трох падзелаў Рэчы Паспалітай беларускія землі былі ўключаны ў склад Расійскай імперыі. У гэты ж час расійскі ўрад ва ўсёй імперыі пачынае ажыццяўляць палітыку, скіраваную на развіццё прыватна-прадпрымальніцкай ініцыятывы. Першапачаткова ў ажыццяўленні гэтай палітыкі дзяржава прытрымлівалася пазіцыі «залатой сярэдзіны», гэта значыць яна павінна была балансаваць паміж двума магчымымі напрамкамі далейшых дзеянняў. З аднаго боку, улады разумелі, што імперыя не магла развівацца без актыўнай эканамічнай дзейнасці прыватных асоб, таму адбывалася іх стымуляванне да занятку прадпрымальніцтвам. З другога боку, узрастаючая эканамічная моц прыватных прамыслоўцаў і гандляроў уступала ў канфлікт з дзяржаўным сегментам эканомікі, прадстаўнікі якога заканадаўча імкнуліся гэтую ініцыятыву абмежаваць. Аднак з цягам часу ўлады ўсё больш пачынаюць схіляюцца на бок прыватных прадпрымальнікаў, заканадаўча замацоўваючы арганізацыйна-прававыя асновы прадпрымальніцкай дзейнасці ў Расійскай імперыі, у тым ліку і на тэрыторыі Беларусі. Разам з рэгламентацыяй заснавання, карыстання, распараджэння і адчужэння гандлёва-прамысловых прадпрыемстваў адбывалася станаўленне сістэмы падаткаабкладання прыватных прадпрымальнікаў.

Падатковае заканадаўства, у межах якога фарміруецца падатковая сістэма дзяржавы, заўсёды з'яўлялася адным з самых галоўных рычагоў уздзеяння ўрадавых колаў на працэсы, звязаныя з прадпрымальніцкай дзейнасцю прыватных асоб. Менавіта таму некаторыя пытанні, звязаныя з эвалюцыяй заканадаўства ў сферы падаткаабкладання гандлю на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII — пачатку XX ст., знайшлі пэўнае адлюстраванне ў асобных гістарычных даследаваннях. Так, у працах Л. Я. Шэпелева [45; 46] пры аналізе палітыкі ўрада Расійскай імперыі пэўнае месца адведзена праватворчай дзейнасці расійскіх улад у сферы падаткаабкладання. Разам з тым, працы названага даследчыка не ўтрымліваюць канкрэтнай інфармацыі аб зменах у падатковай сістэме ў беларускіх губернях, таму нельга зразумець, ці меліся адметнасці ў падаткаабкладанні гандляроў на тэрыторыі Беларусі ў параўнанні з ўсёй Расійскай імперыяй. Даследаванні А. М. Лютага, В. В. Шведа і Н. І. Палятаевай [5; 44; 29], прысвечаныя аналізу розных аспектаў гандлёвага прадпрымальніцтва ў пэўны час, утрымліваюць звесткі і аб падаткаабкладанні гандляроў на тэрыторыі Беларусі. Аднак гэтыя даследаванні ахопліваюць толькі асобныя гістарычныя прамежкі часу. Для таго, каб сфарміраваць усебаковае разуменне аб тагачаснай сістэме

падаткаабкладання ў беларускіх губернях, неабходна разгледзіць яе эвалюцыю комплексна — з канца XVIII да пачатку XX ст. Дасягнуць жа гэтай мэты можна толькі пры дапамозе падрабязнага аналізу крыніц заканадаўчага характару, якія былі распрацаваны і прыняты ў адзначаны перыяд часу.

Фарміраванне сістэмы абкладання прыватных гандляроў на тэрыторыі Беларусі ўмоўна можна падзяліць на чатыры этапы. 17 сакавіка і 25 мая 1775 г. былі прыняты два заканадаўчыя акты [6, с. 86; 27, с. 145, 146], якія паклалі пачатак першаму этапу новай сістэмы падаткаабкладання гандлёвай сферы. З гэтага часу перавагу ў ажыццяўленні гандлёвай дзейнасці мелі гільдзейскія купцы. Для ўваходжання ў адну з трох гільдэй прадпрымальнік павінен быў аб'явіць аб наяўнасці пэўнага капіталу, з якога штогод спаганяўся працэнтны збор у памеры 1%. Для ўваходжання ў трэцюю гільдэю неабходна было задрэклаваць капітал у памеры не менш 500 руб., у другую — не менш 1 тыс. руб., у першую — не менш 10 тыс. руб. [27, с. 145, 146]. Для павышэння падатковых паступленняў ад прадпрымальніцкай дзейнасці расійскі ўрад у канцы XVIII — пачатку XIX ст. ажыццявіў наступныя мерапрыемствы. Па-першае, былі павялічаны ніжнія межы памеру капіталу для ўваходжання ў кожную з трох гільдэй. Так, з 1785 г. мінімальны капітал для ўваходжання ў трэцюю гільдэю складаў 1 тыс. руб., у другую — 5 тыс. руб., у першую — 10 тыс. руб. [2, с. 368, 369]. У 1794 г. гэтыя сумы былі павялічаны да 2, 8 і 16 тыс. руб., у 1807 г. — да 8, 20 і 50 тыс. руб. адпаведна [26, с. 532; 14, с. 1321]. Па-другое, вырасла працэнтная стаўка падаткаабкладання. Калі ў 1775 г. яна складала 1% ад абвешчанага капіталу, то ў 1797 г. яна павялічылася да 1,25%, у 1810 г. — да 1,75%, у 1812 г. — да 4,75% і ў 1818 г. — да 5,225% [27, с. 145; 21, с. 848; 15, с. 57, 58; 20, с. 184; 10, с. 160].

У сістэме падаткаабкладання, якая склалася ў канцы XVIII — пачатку XIX ст., меліся два асноўныя недахопы. Па-першае, гэта наяўнасць так званага «абвешчанага капіталу», пэўны памер якога даваў права ўступаць у адну з купецкіх гільдэй. Фактычна, у такіх умовах адзінкай абкладання выступалі не канкрэтныя паказчыкі гандлёвай дзейнасці прадпрымальніка (таваразварот, даход ці прыбытак), а абвешчаны ім капітал. Больш таго, закон не прадугледжваў кантролю з боку ўлад за рэальнай велічынёй дадзеных капіталаў [27, с. 146], ствараючы тым самым шырокае поле для магчымых злоўжыванняў. Некаторыя з прадпрымальнікаў маглі зніжаць памер названага капіталу, адпаведна змяншаўся і памер падатку, які патрэбна было заплаціць. Іншыя маглі абвешчачы завышаны ў параўнанні з сапраўдным паказчыкам капітал з мэтай трапіць у пэўную гільдэю і карыстацца правамі, якімі валодалі яе члены.

Па-другое, суб'ектамі абкладання дадзеным падаткам амаль да канца першай чвэрці XIX ст. выступалі выключна асобы, якія знаходзіліся ў адной з трох гільдэй. Безумоўна, купецтва мела пераважнае значэнне ў развіцці гандлёвых адносін як на тэрыторыі Беларусі, так і ў Расійскай імперыі ў цэлым. Але разам з тым, прадстаўнікі мяшчанскага саслоўя таксама мелі пэўныя правы на ажыц-

цяўленне гандлёвых аперацый. Так, у адпаведнасці з Даравальнай граматай гарадам 1785 г. мяшчанам дазвалялася мець гасцінныя двары, а таксама крамы ці амбары пры дамах для захоўвання або продажу прадукцыі, займацца перавозкай тавараў сухім ці водным шляхам [2, с. 360, 361]. Маштабы гандлёвых аперацый для прадстаўнікоў мяшчанскага саслоўя былі абмежаваны, аднак і абкладанне падаткам мяшчан не залежала ад іх намінальных прыбыткаў. Мешчанін, які займаўся гандлем, плаціў падушную подаць у такім жа памеры як і мешчанін, які гандлёвай дзейнасцю не займаўся.

Да 1812 г. фактычна ад гандлёвага абкладання былі вызвалены і прадстаўнікі сялянскага саслоўя. Аднак ужо ў адпаведнасці з Маніфестам ад 11 лютага 1812 г. дзяржаўныя і памешчыцкія сяляне для заняткаў гандлем павінны былі набываць спецыяльныя пасведчанні. Дадзеныя гандлёвыя дакументы падзяляліся на тры тыпы. Дакументы першага тыпу давалі права займацца аптовым гандлем як унутры, так і па-за межамі Расійскай імперыі, другога — аптовым гандлем выключна ў межах імперыі, трэцяга — рознічным гандлем у пэўных гарадах ці паветах. Кошт такіх пасведчанняў складаў 2,5 тыс., 1 тыс. і 400 руб. адпаведна [20, с. 190]. Варта адзначыць, што названыя сумы былі вышэйшымі за памер мінімальнага збору (4,75% ад мінімальнага абвешчанага капіталу) з купцоў першай, другой і трэцяй гільдэй, які ў 1812 г. быў роўны 2375, 950 і 380 руб. адпаведна. Для дзяржаўных і памешчыцкіх сялян асабліва ў беларускіх губернях кошт пасведчанняў быў непамерна высокім. Яшчэ большымі былі штрафы за парушэнне норм закона. Калі факт незаконнай гандлёвай дзейнасці выяўляўся ў першы раз, то прадстаўнік сялянскага саслоўя вымушаны быў заплаціць штраф, сума якога была ў два разы большай за кошт адпаведнага пасведчання, у другі раз — у чатыры разы большай, у трэці раз сялянін пажыццёва страчваў права на занятак гандлёвай дзейнасцю [20, с. 191]. У адпаведнасці з указам ад 4 мая 1822 г. магчымасць займацца гандлем атрымалі прадстаўнікі яшчэ адной катэгорыі сельскага насельніцтва — вольныя людзі [23, с. 190—191]. Варта адзначыць, што вольныя людзі складалі ў заходняй частцы Расійскай імперыі, у тым ліку і на тэрыторыі Беларусі, асобнае саслоўе, і ў адпаведнасці з указам ад 20 кастрычніка 1783 г. [19, с. 1025] атрымалі права запісвацца ў любы стан, у тым ліку і ў купецтва. Аднак тыя, хто пажадаў застацца ў сваім ранейшым стане, з 1822 г. маглі займацца гандлем, за што павінны былі плаціць штогод па 5 руб. звыш падушнай подаці [23, с. 190].

З аднаго боку, можна ўспрымаць прыняцце Маніфеста ад 11 лютага 1812 г. як спробу ўрада абмежаваць гандлёвую дзейнасць некаторых катэгорый сялянства, і тым самым захаваць манаполію купецкага саслоўя ў гандлёвым прадпрымальніцтве. Аднак з другога боку, уяўляецца, што ўлады, акрамя ўсяго іншага, імкнуліся прадухіліць незаконную прадпрымальніцкую дзейнасць прадстаўнікоў купецкага і асабліва дваранскага саслоўя. Справа ў тым, што дваране не мелі права на ажыццяўленне гандлёвай дзейнасці на працягу ўсяго перыяду з канца XVIII да пачатку XIX ст. Першапачаткова ў адпаведнасці з арт. 92 Дара-

вальной граматы гарадам у гільдыю пры абвяшчэнні капіталу ад 1 да 50 тыс. руб. можна было запісвацца ўсім асобам незалежна ад іх сацыяльнага паходжання, полу ці ўзросту [2, с. 367, 368]. Таму ніякіх перашкод для ўваходжання ў любую з трох гільдый для прадстаўнікоў дваранства не было. Аднак 26 кастрычніка 1790 г. быў прыняты ўказ, паводле якога дваранам было забаронена запісвацца ў гільдыі [13, с. 175—181]. Сваю юрыдычную сілу гэты ўказ згубіў з прыняццем 1 студзеня 1807 г. «Маніфеста аб дараваных купецтву новых выгадах, адрозненнях, перавагах і новых спосабах распаўсюджвання і ўзмацнення гандлёвых прадпрыемстваў», у адпаведнасці з якім прадстаўнікі дваранскага саслоўя маглі пры наяўнасці неабходнага капіталу запісацца ў першую ці другую гільдыі і карыстацца ўсімі іх перавагамі [7, с. 973]. Але неабходна звярнуць увагу і на тое, што, маючы патэнцыяльныя гандлёвыя правы, дваране, у большасці сваёй, не асабліва актыўна імкнуліся імі скарыстацца, паколькі занятак гандлем лічыўся справай нікчэмнай і нявартай вышэйшага саслоўя. Для збыгу ж пэўнай прадукцыі яны выкарыстоўвалі сваіх прыгонных, дзякуючы якім да 1812 г. у дадатак да ўсяго прадстаўнікі дваранскага саслоўя пазбягалі спагнання падатку за гандлёвую дзейнасць.

Падатковае заканадаўства ў гандлёвай сферы Беларусі ў канцы XVIII — першай чвэрці XIX ст. дзейнічала па тых жа прынцыпах, што і на астатняй тэрыторыі Расійскай імперыі. Адметнымі нормы былі выключна для асоб яўрэйскага паходжання, якія пачалі займаць значнае месца ў структуры гарадскога насельніцтва беларускіх губерняў пасля ўсталявання мяжы аселасці. 23 чэрвеня 1794 г. быў прыняты ўказ, у адпаведнасці з якім купцы і мяшчане яўрэйскага паходжання павінны былі плаціць падатак у два разы большы ў параўнанні з хрысціянскім насельніцтвам гарадоў [25, с. 532]. Дадзеная дыскрымінацыйная норма была скасавана ў адпаведнасці з указам ад 8 лістапада 1807 г. [14, с. 1321].

Пакладзены ў аснову падаткаабкладання гандлёвага прадпрыемства прынцып саслоўнасці не задавальняў ні купецтва, ні ўрадавыя колы. У пачатку 20-х гг. XIX ст. прадстаўнікі купецкага саслоўя плацілі значна большы падаткі ў параўнанні з сялянамі і асабліва мяшчанамі. Па прычыне гэтага адбываўся адток гараджан з купецкага саслоўя ў мяшчанскае. Пры гэтым былыя купцы, знаходзячыся ўжо ў новым стане, па-ранейшаму працягвалі займацца гандлем у аб'ёмах, якія былі характэрны для трэцяй гільдыі, паколькі мяжа паміж двума відамі гандлёвай дзейнасці не была асабліва выразнай. Акрамя ўсяго іншага, гэта прывяло да змяншэння падатковых паступленняў у дзяржаўную казну [4, с. 118; 43, с. 22].

Пэўным выйсцем у склаўшыхся абставінах стала прыняцце 14 лістапада 1824 г. «Дадатковай пастановай аб усталяванні гільдый і гандлі іншых станаў». Яна была распрацавана пры непасрэдным удзеле тагачаснага міністра фінансаў Расійскай імперыі Я. Ф. Канкрыва і ў выніку паклала пачатак другога этапу ў станаўленні сістэмы падаткаабкладання прыватнага прадпрыемства. У

адпаведнасці з дадзеным нарматыўным актам у дзеючае падатковае заканадаўства быў унесены шэраг змен, якія ў першую чаргу тычыліся тэхнікі падаткаабкладання. Замест ранейшага падатку з абвешчанага капіталу была ўведзена распаўсюджаная ў той час у Заходняй Еўропе патэнтная сістэма. Спагнанне падатку адбывалася шляхам набыцця прадпрымальнікамі адпаведнага патэнту (пасведчання), кошт якога залежаў ад прыналежнасці да пэўнага саслоўя. Так, для купцоў першай, другой і трэцяй гільдый такія пасведчання каштавалі 2200, 880 і 220 руб. адпаведна. Варта адзначыць, што кошт патэнту для купцоў трэцяй гільдыі ў «ільготных» Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай, Магілёўскай і Мінскай губернях, а таксама ў Валынскай, Кацярынаслаўскай, Кіеўскай, Падольскай, Таўрычаскай, Херсонскай губернях і Беластоцкай вобласці складалі 132 руб. [3, с. 593, 610]. З 1827 г. кошт пасведчанняў для купцоў трэцяй гільдыі на тэрыторыі Беларусі зменшыўся да 100 руб. [12, с. 685].

Акрамя таго, з мэтай павелічэння паступленняў у казну ў падатковую сістэму былі ўведзены элементы прагрэсіўнасці. Гэта праявілася ў тым, што акрамя патэнтнага, існаваў білетны збор. Так, пры набыцці пасведчання, гандляр меў права на заснаванне пэўнай колькасці гандлёвых прадпрыемстваў. Калі колькасць гандлёвых устаноў перавышала тую, якую прадпрымальнік мог мець па пэўным гільдзейскім пасведчання, то пры заснаванні прадпрыемства звыш нормы, прадпрымальнік павінен быў набыць дадатковы білет на яго. У беларускіх губернях кошт білетаў для купцоў першай і другой гільдый складалі 75 руб., для трэцяй — 50 руб. [3, с. 591, 610].

Мяшчане для атрымання права на гандлёвую дзейнасць павінны былі набыць адмысловыя мяшчанскія пасведчання. Кошт дадзеных гандлёвых дакументаў у губернскіх гарадах Беларусі складалі 60 руб., у павятовых гарадах і мястэчках — 40 руб. Фактычна гэта сума і з'яўлялася стаўкай па падатку з гандлюючых мяшчан у дадатак да іншых подацей, якімі было абіяжарана мяшчанства. Пры гэтым ім дазвалялася бясплатна ўтрымліваць адно гандлёвае прадпрыемства; для адкрыцця кожнага новага неабходна было набыць адпаведны білет, які каштаваў ад 15 ад 20 руб. у залежнасці ад тыпу горада на тэрыторыі Беларусі. Акрамя таго, выхадцы з мяшчанскага саслоўя маглі займацца гандлёвым прадпрыемствам не толькі ў якасці гандлюючых мяшчан, але і пасадскіх. Апошнія не плацілі спецыяльнага падатку з гандлёвай дзейнасці і мелі права на дробны гандаль. Пасадскія маглі гандляваць у дробных крамах уласна вырабленай рамеснай прадукцыяй (за выключэннем прадметаў раскошы), а таксама на кірмашах таварамі, пералік якіх быў вызначаны названым заканадаўчым актам [3, с. 597—600, 610].

Пасля ўнесены у падатковае заканадаўства змен дваране захавалі права на занятак гандлёвым прадпрыемствам, але толькі ў межах першай гільдыі. Для гэтага прадстаўнікам вышэйшага саслоўя неабходна было набыць адпаведны патэнт [3, с. 589—590]. Аднак ужо з 1827 г. дваранства атрымала права запісвацца ў другую і трэцюю гільдыі [17, с. 1089]. Нягледзячы на гэта, коль-

кась прадстаўнікоў дваранства ў складзе гільдый на тэрыторыі Беларусі працягвала заставацца невялікай. Так, у 1834 г. у трэцяй гільдыі Мінскай губерні налічвалася 4 выхадцы з вышэйшага саслоўя, у другой — 2; у 1835 г. у трэцяй — 4; у другой — 3; у 1838 г. у трэцяй — 15; у 1844 г. у гільдыі быў запісаны толькі 1 дваранін [44, с. 49].

З прыняццем у 1824 г. «Дадатковай пастановы аб усталяванні гільдый і гандлі іншых станаў» была канчаткова легалізавана прадпрымальніцкая дзейнасць сельскага насельніцтва. Прынцып спагнання падаткаў быў такім жа, як і ў дачыненні да гарадскіх саслоўяў. Выхадцы з сялянства, у залежнасці ад таго, у якіх маштабах планавалі займацца гандлёвым прадпрымальніцтвам, павінны былі набыць пасведчанне адной з шасці катэгорый. Пасведчанні першых трох катэгорый давалі магчымасць займацца гандлем у тых жа памерах, што і купцам трох гільдый. Сялянскія пасведчанні чацвёртай катэгорый давалі сельскім жыхарам правы гандлюючых мяшчан. Пры наяўнасці пасведчанняў пятай і шостаі катэгорый сяляне мелі права на ажыццяўленне зусім дробнай гандлёвай дзейнасці, напрыклад, на ўтрыманне карчмы ці пастаялага двара ў невялікім павятовым горадзе і г. д. Кошт пасведчанняў для гандлюючых сялян на ўсёй тэрыторыі Расійскай імперыі быў наступным: 2600 руб. за пасведчанне першай катэгорый, 1100 — другой, 400 — трэцяй, 150 — чацвёртай, 40 — пятай і 25 руб. за пасведчанне шостаі катэгорый. У дадатак да гэтага, за пасведчанні сялян, якія гандлявалі ў гарадской мясцовасці, спаганяліся ўсталяваныя асаблівымі ўказаннямі акцызы і іншыя податкі з гандлёвых кропак на карысць гарадоў. У тым выпадку, калі памер такога збору для пэўнага горада не быў вызначаны, то з гандлюючых сялян на карысць горада спаганялася сума ў памеры 10% ад кошту адпаведнага сялянскага пасведчання [3, с. 601—602]. Відавочна, што падатак з сялянства быў большым у параўнанні з тым, які спаганяўся з гільдзейскага купецтва і гандлюючых мяшчан. Таму 21 снежня 1827 г. быў прыняты ўказ, паводле якога кошт сялянскіх пасведчанняў першых трох катэгорый стаў адпавядаць кошту гільдзейскіх патэнтаў, чацвёртай катэгорый — кошту пасведчанняў гандлюючых мяшчан [17, с. 1088—1089].

Нягледзячы на пэўныя зніжэнні, падатковыя стаўкі для беларускіх сялян былі непамерна высокімі, што не садзейнічала актыўнаму ўцягванню прадстаўнікоў гэтага саслоўя ў гандлёвае прадпрымальніцтва. За 1830—1849 г. у пяці беларускіх губернях былі набыты 444 сялянскія гандлёвыя пасведчанні, а ў 1851—1860 гг. на тэрыторыі Беларусі такіх пасведчанняў было набыта толькі 76 [44, с. 50].

Такім чынам, можна казаць аб тым, што з дапамогай гільдзейскай рэформы 1824 г. урад у пэўнай ступені дасягнуў тых мэт, якія перад сабой ставіў. Была ўсталявана канкрэтная сума падатку з гандлёвай дзейнасці і, больш таго, падатак быў распаўсюджаны на асноўныя саслоўныя групы насельніцтва. Аднак прынцып саслоўнасці, які існаваў пры налічэнні падаткаў, так і не быў канчаткова пераадолены. Аб гэтым сведчыць той факт, што сялянства і купецт-

ва набывалі патэнты на адзін і той жа від дзейнасці па розным кошыце. Яшчэ большую саслоўнасць сістэме падаткаабкладання надаў указ ад 11 ліпеня 1826 г., паводле якога з 1827 г. былі скасаваны сялянскія пасведчанні пятага і шостага разрадаў. Сялянства па-ранейшаму магло займацца дробнай гандлёвай дзейнасцю без спагнання спецыяльнага падатку з яе. У адпаведнасці з гэтым заканадаўчым актам гандлёвыя прадпрымальнікі з ліку мяшчанскага саслоўя таксама былі вызвалены ад набыцця адпаведных пасведчанняў з захаваннем ранейшых гандлёвых праў [12, с. 685]. Такім чынам, з 1827 г. плацельшчыкамі падаткаў з гандлёвай дзейнасці зноў сталі купцы, дваране (пры ўмове ўваходжання ў гільдыі) і сяляне. Разам з тым узнікла яшчэ адна праблема — нераўнамернасць абкладання, пры якой адносна больш буйныя прадпрымальнікі неслі аднолькавы цяжар падаткаў з больш дробнымі. Напрыклад, адзін купец мог прадаць тавараў на суму 50 тыс. руб., другі — на 25 тыс. руб. Нягледзячы на тое што гандлёвыя абароты першага ў два разы большыя, чым у другога, абодва яны павінны былі заплаціць аднолькавы падатак у памеры 880 руб.

Сутнасць склаўшага сістэмы падаткаабкладання гандлёвай справы заставалася амаль нязменнай да 60-х гг. XIX ст. Змяняліся толькі памеры падаткаў. 9 лістапада 1839 г. быў прыняты ўказ, у адпаведнасці з якім змяняўся кошт купецкіх і сялянскіх пасведчанняў. У сувязі з пераходам на срэбраную валюту кошт пасведчанняў для купцоў першай і другой гільдыі з 1 студзеня 1840 г. складаў 660 і 264, для купцоў трэцяй гільдыі — 66 у губернскіх і партовых гарадах і 43 руб. у павятовых і заштатных гарадах. Кошт сялянскіх пасведчанняў першых трох разрадаў адпавядаў кошту гільдзейскіх патэнтаў, пасведчанне чацвёртай катэгорый каштавала ад 18 да 23 руб. у залежнасці ад тыпу горада [18, с. 685; 30, с. 237].

Трэці этап у рэфармаванні сістэмы падаткаабкладання гандлёвай дзейнасці на тэрыторыі Беларусі пачаўся ў першай палове 1860-х гг. 1 студзеня 1863 г. было прынята «Палажэнне аб пошлінах за права гандлю і іншых промыслаў», якое пад той жа назвай, але з удакладненнем некаторых артыкулаў было паўторна прынята 9 лютага 1865 г. У аснове падаткаабкладання гандлёвай сферы захоўвалася патэнтная сістэма. Варта адзначыць, што ў адпаведнасці з новым заканадаўствам гандлёвыя дакументы адрозніваліся не па саслоўнай прыкмеце, а ў залежнасці ад таго, у якіх памерах прадпрымальнік збіраўся ажыццяўляць гандлёвую дзейнасць. Такім чынам, усталёўваліся новыя прынцыпы бессаслоўнасці і роўнасці ўсіх праваздольных грамадзян у занятках гандлем.

Існавалі два асноўныя віды патэнтаў на гандаль — гільдзейскія (купецкія) і прамысловыя. Гільдзейскія ў сваю чаргу падзяляліся на пасведчанні першай і другой гільдыі. Для таго, каб атрымаць права на ажыццяўленне аптовага гандлю любымі таварамі на тэрыторыі ўсёй Расійскай імперыі прадпрымальнік павінен быў набыць пасведчанне першай гільдыі. Гандлёвы дакумент другой гільдыі даваў права на рознічны гандаль любымі таварамі ў межах таго павета, у якім быў набыты патэнт. Прамысловыя пасведчанні падзяляліся на пяць падві-

даў: на дробны, развазны і разносны гандаль, мяшчанскія промыслы, на права быць гандлёвым прыказчыкам. Набыўшы патэнт на дробны гандаль, прадпрымальнік меў права гандляваць у невялікіх крамах пэўнымі таварамі, пералік якіх быў вызначаны заканадаўча. З пасведчаннямі на развазны і разносны гандаль дазвалялася прадаваць мануфактурную і каланіяльную (кава, гарбата, спецыі і г. д.) прадукцыю па-за межамі гарадоў і мястэчак. Пасведчанне на мяшчанскія промыслы набывалася ў тым выпадку, калі адбываўся гандаль рамеснай прадукцыяй, якая была выраблена прадпрымальнікам без выкарыстання наёмнай рабочай сілы. Асобы, якія набывалі пасведчанне на права быць гандлёвым прыказчыкам, маглі кіраваць справамі свайго гаспадара [39, с. 159, 160, 162—165]. Кошт большасці пасведчанняў быў аднолькавым для ўсёй тэрыторыі Расійскай імперыі, за выключэннем гандлёвых дакументаў другой гільдыі і на дробны гандаль*. Гандлёвыя прадпрымальнікі беларускіх губерняў плацілі за пасведчанні першай гільдыі 265 руб., другой гільдыі — ад 25 да 55 руб., на дробны гандаль — ад 8 да 18 руб., на развазны і разносны гандаль 15 і 6 руб. адпаведна, на мяшчанскія промыслы — 2,5 руб., на права быць гандлёвым прыказчыкам першага і другога класа — 20 і 5 руб. адпаведна [31, с. 56]. На працягу 60—70-х гг. XIX ст. названія сумы заставаліся нязменнымі. Аднак у адпаведнасці з заканадаўчымі актамі ад 16 снежня 1880 г. кошт некаторых гандлёвых дакументаў быў павялічаны шляхам уключэння ў яго дадатковай пошліны на карысць дзяржавы. З 1 студзеня 1881 г. у беларускіх губернях за пасведчанне першай гільдыі неабходна было заплаціць 500 руб., другой гільдыі — ад 30 да 75 руб., за права быць гандлёвым прыказчыкам першага класа — 30 руб. [22, с. 754, 755]. У адпаведнасці з заканадаўчымі актамі ад 5 чэрвеня 1884 г. кошт пасведчання першай гільдыі павялічыўся да 565 руб., другой гільдыі — 40—95 руб., на дробны гандаль — 10—25 руб., на развазны гандаль — 16 руб., на права быць гандлёвым прыказчыкам першага і другога класа — 35 і 6 руб. адпаведна [32, с. 195].

Акрамя таго, на кожную асобную гандлёвую ўстанову па пасведчаннях першай, другой гільдыі і на дробны гандаль неабходна было набыць адпаведны білет. Згодна з Палажэннямі 1863 і 1865 гг. за ўсе білеты неабходна было плаціць. Іх кошт залежаў ад віду пасведчання і класа мясцовасці. Так, уласнікі гандлёвых прадпрыемстваў у беларускіх губернях з пасведчаннем першай гільдыі плацілі ад 10 да 25 руб., другой гільдыі — ад 5 да 17 руб., з пасведчаннем на

* Для вызначэння памеру патэнтнага збору ўся тэрыторыя Расійскай імперыі ў залежнасці ад узроўню эканамічнага развіцця была падзелена на пяць класаў мясцовасці. Розныя гарады і паветы беларускіх губерняў адносіліся да розных класаў мясцовасці: II клас — г. Вільня; III клас — Віцебская губерня: г. Віцебск, г. Дынабург, г. Полацк; Гродзенская губерня: г. Гродна, г. Брэст-Літоўск, г. Беласток; Мінская губерня: г. Мінск; Магілёўская губерня: г. Магілёў; IV клас — Віленская губерня: Віленскія і Ашмянскія паветы; Віцебская губерня: Дынабургскі, Дрысенскі, Рэжыцкі паветы; Гродзенская губерня: Гродзенскі, Брэсцкі, Беластоцкі, Бельскі, Сакольскі, Слонімскае паветы; Мінская губерня: г. Пінск; Магілёўская губерня: г. Гомель; V клас — уся астатняя тэрыторыя.

дробны гандаль — ад 2 да 8 руб. за адзін білет [39, с. 160; 31, с. 56]. З 1 студзеня 1881 г. кошт на білеты пры пасведчаннях першай гільдыі павялічыўся да 20—40 руб., другой гільдыі — да 10—25 руб. [22, с. 755]. Згодна з заканадаўчымі актамі ад 5 чэрвеня 1884 г. у беларускіх губернях за білеты пры пасведчаннях першай гільдыі неабходна было заплаціць ад 20 да 45 руб. у залежнасці ад класа мясцовасці [32, с. 195].

Першапачаткова па адным пасведчанням дазвалялася ўтрымліваць неабмежаваную колькасць гандлёвых прадпрыемстваў. Але ўжо 21 лістапада 1866 г. быў прыняты заканадаўчы акт, паводле якога колькасць устаноў, якія можна было мець па білетах пры наяўнасці пасведчання на дробны гандаль, была абмежавана чатырма. У выпадку перавышэння гэтай колькасці патрэбна было набываць яшчэ адзін патэнт. 23 сакавіка 1870 г. былі ўнесены некалькі ўдакладненняў у «Палажэнне аб пошлінах за права гандлю і іншых промыслаў». З гэтага часу ўладальніку пасведчання другой гільдыі дазвалялася мець не больш за дзесяць прадпрыемстваў. Урэшце, у адпаведнасці з заканадаўчымі актамі ад 16 снежня 1880 г. права на ўтрыманне ўстаноў па пасведчаннях першай гільдыі было абмежавана дзесяццю, па другой гільдыі — пяццю і па пасведчаннях на дробны гандаль — трыма [39, с. 160; 9, с. 259; 16, с. 311].

Адным з недахопаў склаўшайся падатковай сістэмы па-ранейшаму заставалася нераўнамернасць у абкладанні, пры якой буйныя гандляры былі аднесены да той жа катэгорыі падаткаплацельчыкаў, што і больш дробныя. Варта адзначыць, што ўлады ведалі аб гэтай сітуацыі, паколькі, нягледзячы нават на павелічэнне падатковых ставак, паступленні ў дзяржаўную казну ад прамых падаткаў былі ніжэйшымі, чым планавалася. Таму міністэрства фінансаў шукала новыя крыніцы паступлення падаткаў, але звярталася да рэфармавання прамога падаткаабкладання з крайняй асцярожнасцю і толькі ў тым выпадку, калі была цвёрдая ўпэўненасць у магчымасці спагнання падатку без шкоды для прамысловасці і гандлю ў адпаведнасці з дасягнутым імі ўзроўнем развіцця. Па меркаванні М. Х. Бунге, які займаў пасаду міністра фінансаў Расійскай імперыі ў 1882—1886 гг., такая магчымасць існавала і выкарыстаць яе з прычыны фінансавых цяжкасцей першай паловы 1880-х гг. было неабходным. Задача заключалася не толькі ў павелічэнні дзяржаўных даходаў, але і ў больш строгай рэалізацыі прынцыпу прапарцыянальнасці гандлёва-прамысловага абкладання. У сваёй запісцы ад 1880 г. М. Х. Бунге, які ў той час з'яўляўся яшчэ намеснікам міністра фінансаў, прапаноўваў усталяваць падатак з прыбытку ад рознага роду прадпрыемстваў. Для рэалізацыі гэтай ідэі міністэрства фінансаў павінна было мець дакладныя звесткі аб дзейнасці і прыбытку такіх прадпрыемстваў, але такая інфармацыя з'яўлялася камерцыйнай тайнай. У 1882 г. М. Х. Бунге даў указанне аб распрацоўцы законапраекта, які прадугледжваў увядзенне новага падатку з даходу гандлёвых і прамысловых прадпрыемстваў. Аднак дадзена прапанова была адхілена Дзяржаўным саветам па прычыне яе «заўчаснасці» і цяжкага ажыццяўлення [46, с. 173].

Міністр фінансаў М. Х. Бунге быў вымушаны звярнуцца да пошукаў іншага вырашэння праблемы. Новыя ідэі зводзіліся да ўсталявання канкрэтнай сумы за пасведчанні і білеты ў залежнасці ад класа мясцовасці (патэнтная сістэма), а для карэкціроўкі памеру падатку, у залежнасці ад абаротаў і прыбыткаў, уводзіліся дадатковыя — працэнтны і раскладачны — зборы. Вынікам гэтай працы стала прыняцце 15 студзеня 1885 г. «Правілаў аб абкладанні гандлёвых і прамысловых прадпрыемстваў дадатковым зборам». У адпаведнасці з новым законам для прадпрыемстваў, якія былі абавязаны публічнай справяднасцю (гандлёвыя дамы і акцыянерна-паявыя кампаніі), быў уведзены дадатковы збор у памеры 3% ад чыстага прыбытку за папярэдні аперацыйны год. На астатнія гандлёва-прамысловыя ўстановы быў распаўсюджаны раскладачны збор. Ён налічваўся для кожнай губерні па-асобку, у залежнасці ад аб'ёму выптворчасці і таваразвароту ў грашовым выражэнні, а таксама ад памеру пошлін за гільдзейскія пасведчанні і білеты. У 1885—1887 гг. раскладачны збор для Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай, Мінскай і Магілёўскай губерняў складаў 12, 17, 19, 11 і 9 тыс. руб. адпаведна [40, с. 10—12; 33, с. 7]. У 1888—1890 гг. яго памер для пяці беларускіх губерняў павялічыўся да 17, 27, 30, 18 і 15 тыс. руб. адпаведна [34, с. 300]. Гэтая сума штогод размяркоўвалася губернскай падатковай прысутнасцю па паветых і гарадах, а далей павятовымі прысутнасцямі паміж асобнымі плацельшчыкамі.

Абкладанне гандлёвага прадпрымальніцтва знаходзілася ў стане пастаянных змен, якія зводзіліся, галоўным чынам, да павелічэння ставак па падатку. Так, з 1 студзеня 1893 г. дадатковы збор з прадпрыемстваў, якія былі абавязаны публічнай справяднасцю, быў павялічаны з 3 да 5% ад чыстага прыбытку. Уладальнікі ж аднаасобных гільдзейскіх прадпрыемстваў павінны былі, акрамя раскладачнага, плаціць дабавачны збор, памер якога для Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай, Мінскай і Магілёўскай губерняў складаў 5500, 6750, 6750, 4000 і 4500 руб. адпаведна [24, с. 703; 35, с. 309]. Асноўнымі задачамі былі павелічэнне дзяржаўных даходаў і ўраўноўванне ў суме абкладання прадпрымальнікаў з іншымі катэгорыямі падаткаплацельшчыкаў. Выкананне першай задачы было відавочным. Толькі ў беларускіх губернях прыбыткі ад прамых падаткаў з гільдзейскіх прадпрыемстваў павялічыліся з 587 тыс. руб. у 1891 г. да 888 тыс. руб. у 1896 г. Прыбыткі ад прамых падаткаў з гільдзейскіх прадпрыемстваў у Еўрапейскай Расіі ў 1891 г. склалі 18 млн 265 тыс. руб., у 1896 г. — 25 млн 177 тыс. руб. [41, с. 22—69; 42, с. 2—61].

Аднак павялічыўшы падатковыя паступленні ў казну, улады не ліквідавалі нераўнамернасці ў абкладанні розных груп прадпрымальнікаў. Акрамя гэтага, значныя недахопы былі характэрны для саміх дзеючых правілаў аб дадатковых зборах — працэнтным і раскладачным. У першым выпадку галоўным было тое, што парадак улёгу прыбыткаў, якія падлягалі працэнтнаму збору, усталяваўся адміністрацыйнай уладай. У другім выпадку заканадаўчым актам незадавальняюча вызначаліся нормы размеркавання ўнутры губерняў. Не было ў законе і

ніякіх указанняў аб спосабе вызначэння абаротаў і прыбыткаў гандлёва-прамысловых прадпрыемстваў, а размеркаванне збору паміж імі павінна было праводзіцца, зыходзячы з меркаваных прыбыткаў, што прыводзіла да залежнасці ад мясцовых падатковых устаноў.

Адзначаныя недахопы выклікалі неабходнасць далейшага рэфармавання сістэмы падаткаабкладання. 8 чэрвеня 1898 г. было прынята «Палажэнне аб дзяржаўным прамысловым падатку». У адпаведнасці з дадзеным заканадаўчым актам прамысловы падатак, як і раней, складаўся з асноўнага і дадатковага збораў. Асноўны збор спаганяўся шляхам набыцця прадпрымальнікам на кожную асобную гандлёвую ўстанову прамысловага пасведчання [37, с. 491, 498]. Такім чынам, з прыняццем названага закона суб'ектам абкладання стала прадпрыемства, а не прадпрымальнік.

Для вызначэння кошту прамысловых пасведчанняў усе гандлёвыя прадпрыемствы былі падзелены на пяць разрадаў. У дадатку да «Палажэння аб дзяржаўным прамысловым падатку» дастаткова падрабязна распісаны ўсе крытэрыі, у адпаведнасці з якімі тая ці іншая гандлёвая ўстанова павінна была быць аднесена да пэўнага разраду. Варта спыніцца на асноўных з іх. Да першага разраду адносіліся гандлёвыя ўстановы, гаспадары якіх маглі займацца аптвым гандлем, да другога — рознічным гандлем, да трэцяга — дробным гандлем, да чацвёртага — дробным гандлем пэўнымі таварамі, пералік якіх быў вызначаны названым Палажэннем, да пятага — развазным і разносным гандлем па-за межамі гарадской мясцовасці. Акрамя таго, гандлёвыя прадпрыемствы першых чатырох разрадаў маглі быць заснаваны для скупкі і далейшага продажу сыравіны на тэрыторыі Расійскай імперыі. Пры гэтым продаж сельскагаспадарчай і лясной сыравіны іх непасрэднымі выптворцамі абкладанню прамысловым падаткам не падлягаў. Уладальнікам гандлёвых прадпрыемстваў першага разраду дазвалялася скупка і продаж сыравіны на суму звыш 300 тыс. руб. у год, другога — ад 50 да 300 тыс., трэцяга — ад 10 да 50 тыс., чацвёртага — да 10 тыс. руб. [37, с. 493; 36, с. 211—213].

Кошт пасведчанняў залежаў не толькі ад разраду гандлёвых прадпрыемстваў, але і іх месцазнаходжання. У сувязі з гэтым тэрыторыя Расійскай імперыі замест ранейшых пяці была падзелена на чатыры класы мясцовасці ў залежнасці ад ступені развіцця ў іх гандлю і прамысловасці. Кошт пасведчанняў на гандлёвыя прадпрыемствы першага разраду незалежна ад класа мясцовасці складаў 500 руб., пятага — 20 руб. на развазны і 6 руб. на разносны гандаль. У беларускіх губернях* за пасведчанне другога разраду неабходна было заплаціць ад 50

* У адпаведнасці з «Палажэннем аб дзяржаўным прамысловым падатку» ад 8 чэрвеня 1898 г. гарады і паветы беларускіх губерняў былі аднесены да трох класаў мясцовасці: II клас — г. Беласток, г. Вільня, г. Мінск; III клас — Віцебская губерня: г. Віцебск, г. Полацк, Дзвінскі павет; Гродзенская губерня: г. Гродна, г. Брэст-Літоўск, г. Слонім, Беластоцкі павет; Мінская губерня: г. Бабруйск, г. Пінск, Мінскі і Навагрудскі паветы; Магілёўская губерня: г. Магілёў, г. Гомель; IV клас — уся астатняя тэрыторыя.

да 100 руб., трэцяга разраду — ад 10 да 15 руб., чацвёртага разраду — ад 4 да 8 руб. [36, с. 217].

Акрамя асноўнага збору, заканадаўчым актам быў прадугледжаны і дадатковы, налічэнне якога для аднаасобных і асацыяраваных прадпрыемстваў адбывалася па-рознаму. Так, прадпрыемствы, абавязаныя публічнай справаздачнасцю, павінны былі плаціць падатак з асноўнага капіталу (у яго выплату залічвалася сума асноўнага прамысловага падатку) і працэнтны збор з прыбытку. Падатак з капіталу быў усталяваны ў памеры 0,15%. Працэнтны збор з прыбытку спаганяўся ў памеры ад 3 да 6% у тым выпадку, калі чысты прыбытак за аперыйны год складаў ад 3 да 10% ад асноўнага капіталу прадпрыемства. Калі чысты прыбытак за мінулы аперыйны год быў большым за 10% ад асноўнага капіталу, то прадпрымальнік павінен быў заплаціць 6% ад усяго прыбытку і 5% з той часткі прыбытку, якая перавышала дзесяціпрацэнтную мяжу. Варта адзначыць, што чысты прыбытак вызначаўся па гадавой справаздачы прадпрыемства як розніца паміж сумай валавога даходу і выдаткамі на гэта прадпрыемства за год. Да апошніх адносіліся выдаткі на кіраванне, утрыманне і эксплуатацыю прадпрыемства, адлічэнні на страхаванне і рамонтныя працы, ахвяраванні дабрачыннага характару і г. д. Уласнікі астатніх прыватнаўласніцкіх прадпрыемстваў, як і раней, павінны былі заплаціць раскладачны збор і, у дадатак да гэтага, працэнтны ў памеры 3,33%. Абкладанню апошнім прыбыткам падлягаў толькі ў тым выпадку, калі ён перавышаў суму трыццацікратнага кошту адпаведнага прамысловага пасведчання [37, с. 504—512].

Варта адзначыць, што «Палажэнне аб дзяржаўным прамысловым падатку» 1898 г. па сваім змесце нагадвала адзін законапраект, які быў распрацаваны ў 1853—1855 гг. і прадугледжваў наступныя меры. Па-першае, планавалася удасканаліць падзел прадпрымальніцкай дзейнасці на катэгорыі ў залежнасці ад тыпу прадпрыемства і яго таваразвароту ці аб'ёму вырабленай на ім прадукцыі. Па-другое, было прапанавана ўвесці дадатковае абкладанне, якое залежала б ад колькасці прадпрыемстваў у кожнай з названых катэгорый. Па-трэцяе, памер збораў павінен быў дыферэнцыравацца ў залежнасці ад эканамічнага развіцця пэўнай мясцовасці. Аднак праект па прычыне сваёй заўчаснасці ў сярэдзіне 1850-х гг. так і не быў прыняты [46, с. 65].

Склаўшыся ў канцы XIX ст. сістэма падаткаабкладання гандлёвага прадпрымальніцтва, нягледзячы на актыўныя спробы яе рэфармавання ў пачатку XX ст. [45, с. 216—220], існавала амаль без змен да Першай сусветнай вайны. Змяняліся толькі памеры падатковых адлічэнняў. У адпаведнасці з заканадаўчымі актамі ад 2 студзеня 1906 г. падатак з асноўнага капіталу прадпрыемстваў, якія былі абавязаны публічнай справаздачнасцю, быў павялічаны з 0,15 да 0,2%. Змяніліся і памеры працэнтнага збору з прыбытку асацыяраваных гандлёвых устаноў. Ён спаганяўся ў памеры ад 3 да 13% у тым выпадку, калі чысты прыбытак складаў ад 3 да 20% ад асноўнага капіталу. У выпадку атрымання больш высокага прыбытку прадпрымальнік павінен быў заплаціць 14% ад усяго пры-

бытку і 10% з той часткі, якая была вышэй дваццаціпрацэнтнай мяжы. Для астатніх прадпрыемстваў працэнтны збор таксама быў павялічаны да 5%, а спаганяўся ён з прыбытку, сума якога ў 20 разоў перавышала кошт адпаведнага прамысловага пасведчання [8, с. 3].

Такім чынам, у выніку актыўнай праватворчай дзейнасці ўрада Расійскай імперыі ў сістэме падаткаабкладання гандлёвага прадпрымальніцтва на тэрыторыі Беларусі адбыліся істотныя змены. І ў першую чаргу змены датычыліся суб'екта абкладання. Першапачаткова ў яго якасці выступаў абвешчаны капітал, памер якога мог не заўжды адпавядаць рэчаіснасці. З цягам часу такім суб'ектам стаў сам гандляр, што ў выніку прывяло да ўзнікнення нераўнамернасці ў абкладанні розных катэгорый прадпрымальнікаў. Дадзеная праблема была пераададлена ў канцы XIX ст., калі падаткі сталі спаганяцца ў залежнасці ад тыпу і памеру гандлёвага прадпрыемства. Больш прагрэсіўным станавіўся і механізм налічэння падаткаў з гандлёвай дзейнасці. На працягу большай часткі разгляднага перыяду ён быў не дыферэнцыраваным (калі не браць у разлік білетны збор), аднак з канца XIX ст. пачалі ўлічвацца рэальныя прыбыткі на гандлёвых прадпрыемствах. Важным дасягненнем праватворчай дзейнасці расійскіх улад у сферы падаткаабкладання стала пераададленне прыняццю саслоўнасці, што ўрэшце дало магчымаць уключэння ў гандлёва-прамысловую сферу вялікай колькасці насельніцтва незалежна ад іх сацыяльнага паходжання. Але нягледзячы на ўсе дасягненні, існаваўшую на тэрыторыі Беларусі ў пачатку XX ст. сістэму падаткаабкладання гандлёвага прадпрымальніцтва нельга назваць дасканалай. У перадаенныя дзесяцігоддзі прадпрымальнікамі і ўрадам неаднаразова прапановаліся праекты па рэфармаванні падаткаабкладання, у прыватнасці — увядзенне падаходнага падатку, але да пачатку Першай сусветнай вайны яны так і не былі рэалізаваны.

Крыніцы і літаратура

1. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства, 19 апреля 1785 г., № 16187 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1-е: в 45 т. — СПб., 1830. — Т. 22. — С. 344—358.
2. Грамота на права и выгоды городам Российской империи, 21 апреля 1785 г., № 16188 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: в 45 т. — СПб., 1830. — Т. 22. — С. 358—384.
3. Дополнительное постановление об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний, 14 ноября 1824 г., № 30115 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: в 45 т. — СПб., 1830. — Т. 39. — С. 588—612.
4. Кашенов, А. Т. Государственная политика в отношении городских предпринимательских слоев во второй половине XVIII — первой половине XIX в. / А. Т. Кашенов // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: сборник статей / под ред. В. А. Скубневского. — Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2005. — С. 115—138.
5. Лютый, А. М. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII — первой половине XIX века / А. М. Лютый. — Минск: Наука и техника, 1987. — 179 с.

6. Манифест о высочайше дарованных разным сословиям милостях, по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскою, 17 марта 1775 г., № 14275 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: в 45 т. — СПб., 1830. — Т. 20. — С. 82—86.
7. Манифест о дарованных кулечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий, 1 января 1807 г., № 22418 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: в 45 т. — СПб., 1830. — Т. 29. — С. 971—979.
8. Об изменении некоторых постановлений о государственном промысловом налоге, 2 января 1906 г., № 27178 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: в 33 т. — СПб., 1909. — Т. 26. — С. 2—4.
9. Об ограничении числа заведений, могущих быть содержимыми по свидетельствам на мелочный торг, 21 ноября 1866 г., № 43875 // ПСЗРИ. Собрание 2-е: в 55 т. — СПб., 1868. — Т. 41. — Отд. 2. — С. 259—260.
10. Об учреждении новых для водяной коммуникации сборов по прилагаемому тарифу, 22 марта 1818 г., № 27314 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: в 45 т. — СПб., 1830. — Т. 35. — С. 159—168.
11. О более равномерном обложении торговли и промышленности, 5 июня 1884 г., № 2282 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: в 33 т. — СПб., 1887. — Т. 4. — С. 339—341.
12. О допущении некоторых облегчений по части гильдейских повинностей, 11 июля 1826 г., № 458 // ПСЗРИ. Собрание 2-е: в 55 т. — СПб., 1830. — Т. 1. — С. 685—686.
13. О запрещении дворянам записываться в гильдии и пользоваться выгодами присвоенными одним купцам, 26 октября 1790 г., № 16914 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: в 45 т. — СПб., 1830. — Т. 23. — С. 175—181.
14. О количестве капиталов, каковое должны объявлять купцы по гильдиям, 8 ноября 1807 г., № 22678 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: в 45 т. — СПб., 1830. — Т. 29. — С. 1321.
15. О мерах к уменьшению государственных долгов; о прекращении выпуска в оборот новых сумм ассигнациями, и о возвышении некоторых податей и пошлин, 2 февраля 1810 г., № 24116 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: в 45 т. — СПб., 1830. — Т. 31. — С. 53—60.
16. О некоторых изменениях в Положении о пошлинах за право торговли и промыслов, 23 марта 1870 г., № 48175 // ПСЗРИ. Собрание 2-е: в 55 т. — СПб., 1874. — Т. 45. — Отд. 1. — С. 310—312.
17. О некоторых облегчениях по гильдейским повинностям, 21 декабря 1827 г., № 1631 // ПСЗРИ. Собрание 2-е: в 55 т. — СПб., 1830. — Т. 2. — С. 1088—1090.
18. О переложении на серебро разных податей и сборов, 9 ноября 1839 г., № 12867 // ПСЗРИ. Собрание 2-е: в 55 т. — СПб., 1840. — Т. 14. — С. 839—840.
19. О предоставлении вольным людям свободы избирать род жизни, кроме крепостного состояния, 20 октября 1783 г., № 15853 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: в 45 т. — СПб., 1830. — Т. 21. — С. 1025.
20. О преобразовании Комиссии погашения долгов, 11 февраля 1812 г., № 24992 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: в 45 т. — СПб., 1830. — Т. 32. — С. 181—193.
21. О сбирании с дворянских имений особых сумм на содержание по губерниям судебных мест; о содержании на счет городов городских полиций; о возвышении подушного оклада; прибавке на купеческие капиталы по ¼ процента, а на мещан по 50 копеек [...], 18 декабря 1797 г., № 18278 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: в 45 т. — СПб., 1830. — Т. 24. — С. 846—850.
22. О размере пошлины с иностранной соли и о некотором возвышении: а) таможенных пошлин с прочих привозных товаров, б) размера платы за складку иностранных това-

- ров, в) сборов с торговых документов, 16 декабря 1880 г., № 61666 // ПСЗРИ. Собрание 2-е: в 55 т. — СПб., 1884. — Т. 55. — Отд. 1. — С. 754—755.
23. О распространении постановления о торгующих крестьянах на вольных людей, 4 мая 1822 г., № 29028 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: в 45 т. — СПб., 1830. — Т. 38. — С. 190—191.
24. О сборах с торговых и промышленных предприятий, 21 декабря 1892 г., № 9181 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: в 33 т. — СПб., 1895. — Т. 12. — С. 703—704.
25. О сборе с евреев, записавшихся по городам в мещанство и купечество, установленных податей вдвое против положенных с мещан и купцов христианского закона разных исповеданий, 23 июня 1794 г., № 17224 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: в 45 т. — СПб., 1830. — Т. 23. — С. 532.
26. О сборе с купчества единовременно в казну с объявленных ими капиталов по одному проценту со ста; о возвышении капиталов, объявляемых для вступления в гильдии и взыскании в доход казны с купеческих капиталов, переходящих к наследникам, единовременно по одному проценту, 23 июня 1794 г., № 17223 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: в 45 т. — СПб., 1830. — Т. 23. — С. 531—532.
27. О сборе с купцов, вместо подушных, по одному проценту с объявленного капитала, и о разделении их на гильдии, 25 мая 1775 г., № 14327 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: в 45 т. — СПб., 1830. — Т. 20. — С. 145—147.
28. О сумме дополнительного раскладочного сбора с торговых и промышленных предприятий, 1 декабря 1887 г., № 4849 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: в 33 т. — СПб., 1889. — Т. 7. — С. 479.
29. Полетаева, Н. И. Купечество Беларуси: 60-е гг. XIX — начало XX в.: монография / Н. И. Полетаева. — Минск: БГЭУ, 2004. — 247 с.
30. ПСЗРИ. Собрание 2-е: в 55 т. — Т. 14. — СПб., 1839. — Отд. 2. — Штаты и табели.
31. ПСЗРИ. Собрание 2-е: в 55 т. — Т. 40. — СПб., 1867. — Отд. 2. — Штаты и табели.
32. ПСЗРИ. Собрание 3-е: в 33 т. — Т. 4. — СПб., 1887. — Штаты и табели.
33. ПСЗРИ. Собрание 3-е: в 33 т. — Т. 5. — СПб., 1887. — Штаты и табели.
34. ПСЗРИ. Собрание 3-е: в 33 т. — Т. 7. — СПб., 1889. — Штаты и табели.
35. ПСЗРИ. Собрание 3-е: в 33 т. — Т. 12. — СПб., 1895. — Штаты и табели.
36. ПСЗРИ. Собрание 3-е: в 33 т. — Т. 18. — СПб., 1901. — Отд. 2. — Штаты и табели.
37. Положение о государственном промысловом налоге, 8 июня 1898 г., № 15601 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: в 33 т. — СПб., 1901. — Т. 18. — Отд. 1. — С. 489—515.
38. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов, 1 января 1863 г., № 39118 // ПСЗРИ. Собрание 2-е: в 55 т. — СПб., 1866. — Т. 38. — Отд. 1. — С. 3—15.
39. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов, 9 февраля 1865 г., № 41779 // ПСЗРИ. Собрание 2-е: в 55 т. — СПб., 1867. — Т. 40. — Отд. 1. — С. 157—175.
40. Правила об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором (процентным и раскладочным), 15 января 1885 г., № 2664 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: в 33 т. — СПб., 1887. — Т. 5. — С. 10—12.
41. Свод данных о торговых сборах в России за 1891 и 1892 годы. — СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1895. — [4], 69 с.
42. Свод данных о торговых сборах в России за 1895 и 1896 годы. — СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1899. — [4], 62 с.
43. Шацилло, М. К. Социальный состав буржуазии в России в конце XIX века / М. К. Шацилло. — М.: ИРИ РАН, 2004. — 265 с.

44. Швед, В. В. Торговля в Беларуси в период кризиса феодализма (1830—1850-е гг.) / В. В. Швед. — Гродно: ПКФ «Орбикс», 1995. — 135 с.
45. Шепелев, Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904—1914 гг.: Проблемы торгово-промышленной политики / Л. Е. Шепелев. — Л.: Наука, 1987. — 272 с.
46. Шепелев, Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблемы торгово-промышленной политики / Л. Е. Шепелев. — Л.: Наука, 1981. — 276 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 14.04.2016

Г. М. Брэгер,

*вядучы навуковы супрацоўнік
адрэда старажытных актаў НГАБ;*

Л. А. Лінская,

старашы навуковы супрацоўнік НМГКБ

**АРХІЎ СЛУЦКАГА ТРАЙЧАНСКАГА
СВЯТА-ТРАЕЦКАГА МАНАСТЫРА
(Т. 2: ДАКУМЕНТЫ 280—412 ЗА 1777—1837 гг.)**

Увазе гісторыкаў-даследчыкаў і ўсіх зацікаўленых прадстаўляецца заканчэнне публікацыі апісання дакументаў Архіва Слуцкага Трайчанскага Св.-Траецкага манастыра, што захоўваецца ў Нацыянальным музеі гісторыі і культуры Беларусі, якая распачата ў мінулых выпусках Беларускага археаграфічнага штогодніка.

Апісаны 135 дакументаў за 1777—1837 гг. (№ 280—412 з 2-га тома калекцыі; у двух выпадках нумары дакументаў паўтараюцца: № 357-bis і 400-bis). Дакументы раскладзены па храналогіі яшчэ ў XIX ст. і аркушы пранумараваны. Аднак з-за няўважлівасці даўніх архівістаў сярод дакументаў трапляюцца не ўваходзячыя ў згаданы перыяд. Так, гэты дакументы за 1681 (№ 319), 1689 (№ 332), 1694 (№ 318), 1717 (№ 340), 1722 (№ 354), 1729 (№ 371), 1753 (№ 372) і 1776 (№ 281 і 355) гг. Адзін з недатаваных дакументаў (№ 373) паходзіць з 2-й пал. XVIII ст.

Змест дакументаў мае даволі разнастайны характар, як і ў папярэдніх выпусках, дзе прадстаўлены прыклады. Дакументы асвятляюць як унутраную палітыку дзяржавы ў дачыненні да праваслаўнага духавенства ВКЛ, так і сацыяльна-палітычную, гаспадарча-эканамічную і судова-адміністрацыйную дзейнасць праваслаўных цэркваў і манастыроў у ВКЛ і прыватнае жыццё святароў, манахаў і царкоўных іерархаў.

280. Ліст архімандрыта Кіева-Пячэрскай Лаўры Засімы да ігумена прыпісанага да лаўры заграўнага Дзяцэлавіцкага Праабражэнскага манастыра іерманаха Мялеця з паведамленнем аб пасылцы ў манастыр казначэя іерманаха Анфіма для заведвання манастырскім скарбам, рэестр якога пры прыёмцы казначэем неабходна даслаць у лаўру. Без месца, 12.01.1777.

Подпіс: архімандрыт Засіма.

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 75 (зыходзячы канцылярыі лаўры). 2 арк. (арк. 616—617; арк. 617 чысты, з адрасам).

281. Квітанцыя духоўнай кансісторыі Кіеўскай мітраполіі, дадзеная слутцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі Паўлу Ваўчанскаму, аб прыняцці ад яго сталовых і міравых грошаў, сабраных з цэркваў Слуцкай архімандрыі на Архіерэйскі дом за 1773—1775 гг. Без месца, 24.09.1776.

Подпісы: катэдральны пісар іерманах (імя не зразумела); падканцылярыст Іван Казымаў (?).

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 276 (зыходзячы кансісторыі). 2 арк. (арк. 618—619; арк. 619 чысты).

282. Тэстыманіяльны ліст празбігара Мазырскай царквы Праабражэння Гасподня Тэадора Міткукевіча, дадзены шляхціцу Тэрэнтэушу Пагарэльскаму, з сведчаннем, што ён сапраўды народжаны ад шляхціцаў малжонкаў Трахіма і Яўфрозыі Лаўрыновічаўны Пагарэльскіх 10.04.1748, хрышчаны ў яго царкве і з'яўляецца прыхаджанінам яго парафіі. Мазыр, 15.05.1777.

Пячатка на чырвоным сургучы і подпіс: Тэадор Міткукевіч, празбігар Праабражэння Пан[скага].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 620—621; арк. 621 чысты, пашкоджаны).

283. Ліст-прэзента мазырскага судовага старосты, асэсара Задворнага суда Я. К. М. ВКЛ Гедэона Яленскага, з паведамленнем кіеўскаму мітрапаліту кс. Габрыэлю Крамянецкаму, аб прызначэнні святаром Мазырскай Пятніцкай царквы Цярэнція Трахімавіча [Пагарэльскага — гл. № 282]. Мазыр, 23.09.1777.

Пячатка на чырвоным сургучы (кепскай якасці) і подпіс: Гедэон Яленскі, староста мазыр[скі], кавалер ордэна С[вятог]а Станіслава.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. з тэкстам не нумараваны, арк. 622 чысты).

284. Выпіс з кнігі Мазырскага гродскага суда ад 13.07.1777, выдадзены 12.12.1777. Скарга Магэуша Анікевіча ад імя сваёй пані мазырскай харужынай Крыстыны з Іпагорскіх-Лянкевічаў Аскерчынай на слупкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Паўла Ваўчанскага і празбігара Мазырскай Спаскай царквы і дэкана Грыгорыя Каранеўскага аб няслушным з іх боку абвінавачванні яе ў гвалтоўным пераводзе царквы і парафіян у яе маентку Міхнавічы ва ўніяцтва, а ў сапраўднасці парафіяне папрасілі яе запрасіць уніяцкага святара да царквы па смерці былога святара Гармона, які і пры жыцці не задавальняў духоўныя патрэбы парафіян. Без месца [Мазыр], 13.07.1777.

Пячатка кустадыйнага мазырскага судовага старосты [Гедэона Яленскага] (Мазырскага гродскага суда).

Подпіс: карыгаваў Стэфан Кульповіч, зем[скі] і грод[скі] п[аве]та Мазыр[скага] р[э]г[і]нт.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 4 арк. (арк. 623—626).

285. а) Ліст-сведчанне капільскага месцага войта Тэадора Бакацкага і капільскіх мяшчан, дадзены на імя [слупкага архімандрыта Паўла Ваўчанскага], якім абвясціць фальшывае сведчанне супраць айца Яна Пьжэвіча, складзенае ў іх адсутнасці айцом Антоніем Гарашэвічам і дасланае да айца архімандрыта. Без месца і даты.

Подпісы (крыжыкамі): Тэадор Бакацкі, войт капільскі месці; Клім Бакуновіч, мешчанін капільскі з юрысдыкціі касцельнай рым[скай]; Ян Гарох; Янка Клебанковіч, з юрысдыкціі касцельнай рымскай.

б) Нататка з загадам разгледзець гэтае сведчанне ў [Слуцкай] кансісторыі. Без месца, 18.11.1777.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 627—628; арк. 628 чысты, з затылкам).

286. Ліст-данясенне адміністратара Мазырскай пратаполіі Грыгорыя Каранеўскага да слупкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Паўла Ваўчанскага аб пасылцы праз новапрысвечанага святара Данііла Каранеўскага грошаў за міра ў колькасці 58 польскіх злотых і 4 капейкі і з просьбай выдаць яму ж міра для Мазырскай пратаполіі. Мазыр, 16.02.1778.

Подпіс: Грыгоры Каранеўскі, адміністратар пратаполіі Мазырскай.

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 629—630; арк. 630 чысты).

287. Ліст-данясенне адміністратара Мазырскай пратаполіі Грыгорыя Каранеўскага да слупкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Паўла Ваўчанскага аб выдачы мазырскім старостам Гедэонам Яленскім па просьбе парафіянаў Мазырскай царквы Вялікамучаніцы Параскевы ліста-прэзенты на святарства гэтай царквы мазырскаму мешчаніну акаліту Цярэнцію Трахімавічу [Пагарэльскаму — гл. № 282] пасля былога святара Лукі Кіуновіча. Мазыр, 26.02.1778.

Подпіс: Грыгоры Каранеўскі, адміністратар пратаполіі Мазырскай.

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 631—632; арк. 632 чысты).

288. а) Дэкрэт палубоўных суддзяў мазырскага бурмістра Яўтыхія Багдановіча і інш. у справе Акініі Верамей і яе дзяцей Карпа і Аўдоціі Кандратавічаў Верамейў з Цярэнціем Трахімавічам [Пагарэльскім — гл. № 282] і Базыльём Носікам, якім вызначылі няслушнасць прэтэнзій скажнікаў да абскаржаных у знявазе гонару Аўдоціі і наконт грошаў. Мазыр, 26.02.1778.

Копіі подпісаў: Яўтыхі Багдановіч, бурмістр Я. К. М. места Мазыра, [суперарбітр]; Станіслаў Шаняўскі, [пісар Мазырскага прыкаморка]; Конан Каза, мешчанін мазырскі, [былы мазырскі бурмістр]; Казімір Град, мешчанін мазырскі; Хведар Андрэеўскі, мешчанін мазырскі, [райца]; Ігнацы Анкудовіч, [пісар палубоўнага суда]; Ян Апока; Шая Маўшовіч, мазырскі арандатар; Шайка Нісановіч; Шолам Ёсялевіч (трое апошніх — па-жыдоўску).

б) Нататка (на арк. 633, на палях) аб падачы мазырскім мешчанінам Цярэнціем Трафімавічам гэтага дэкрэта для актыкацыі ў кнігах Мазырскай магдэбурый. Без месца, 28.02.1778.

Подпіс: Канстанты Кандратовіч, пісар маг[дэбурый] мазыр[скай].

в) Розныя чарнавыя нататкі на размаіттыя тэмы. Без месца і даты (на арк. 634).

Без подпісаў.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 633—634).

289. Пленіпатэнцыйны ліст мазырскіх мяшчан Конана Казы і Яна Носіка, дадзены намесніку Слуцкай архімандрыі Гарасіму Сваткоўскаму, якога ўпаўна-

важваюць спagnaць 688 злотых доўгу са слуцкіх мяшчан Гараска Равякі і Рама-на Фурса. Мазыр, 17.05.1768.

Подпісы: Конан Каза; Ян Носік (абодва крывяжкам); Ян Кандратовіч.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сiгн.: № 44; «Пересматривань». 2 арк. (арк. 635—636; арк. 636 чысты, з затылкам).

290. а) Прыватны ліст (пісьмо) паручніка гусарскай брыгады Бярнарда Аборскага да невядомага адрасата з паведамленнем, што з-за асаблівых прычын не зможа з'явіцца на разбіральніцтва наконт яго кармушскіх зямель, аднак напісаў ліст да смаленскай кашталіянічавай пані Шчыгтавай, каб вывела яго кармушскіх сялян для сведчання меж яго зямель. Бялавічы, 5.09.1778.

Подпіс: Бярнард Аборскі, паручнік брыгады гусар[скай].

б) Нататка на палях аб прадстаўленні ў інстанцыі паноў Шчытоў гэтага ліста перад суддзямі камісіі. Без месца, 22.09.1778.

Подпісы: А. Скірмунт, старшыня камісіі; Ян Валерыян Вольскі, суддзя зем[скі] п[аве]га Мазыр[скага]; Гіляры Рэшка, пісар зем[скі] брэ[сцкі], камісар; Томаш Дунін-Галер(?), GFBPWXL (абрэвіатура не расшыфравана), камісар; Юзаф Студніцкі-Гізберг, камісар; Францішак Гінгаўт, камісар.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 637—638).

291. Універсал караля польскага і вялікага князя літоўскага Станіслава Аўгуста да ўсіх станаў Рэчы Паспалітай з тлумачэннем закона 1776 г. «Тлумачэнне Legis Sumptuariae», якім забараняецца людзям простых саслоўяў ужываць каштоўныя ўпрыгожванні, насіць на баку шаблю, шыць вопратку з дарагіх сукняў і інш. Варшава, 28.04.1778.

Копія подпісу: Станіслаў Аўгуст, кароль.

Тагачасная копія. Філіграні. 2 арк. (арк. 639—640).

Заўвага: дакумент пісан на развароце абодвух аркушаў.

292. Квітацыя Яна Лапіцкага, дадзеная слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі Паўлу Ваўчанскаму, аб атрыманні 200 злотых па другой раце (частцы) паводле абліга, дадзенага 15.03.1767 яго бацьку нябожчыку Лявону Лапіцкаму на пазычаныя ў яго 2 000 злотых ксяндзом Іёвам Семяновічам на ўзнаўленне Слуцкага брацкага Спаскага кляштара. У [Слуцкай] архімандрыі, 15.11.1778 (стары стыль).

Подпіс: Ян Лапіцкі.

Арыгінал. Пол. м. Без філіграні. 2 арк. (арк. 641—642; арк. 642 чысты).

293. а) Рэляцыйны квіт снерала Я. К. М. Навагрудскага ваяводства Рафала Паўловіча аб падачы копіі позваў-мандатаў Я. К. М. у Задворны Асэсарскі суд Я. К. М. ВКЛ ваўкавыскаму маршалку Яну Быхаўцу ў Грозаве, а таксама навагрудскай кашталіянавай Марыяне Незабьтоўскай і яе ўнуку Міхалу Незабьтоўскаму ў месце Нясвіжу па справе старшага Віленскага і Грозаўскага праваслаўных манастыроў Гіяцынта Пэльтынскага і яго манахаў. Без месца, 2 і 3.03.1779.

Подпіс: Рафал Паўловіч, снерал Я. К. М. в[аяводства] Н[авагрудскага].

б) Нататка аб актыкацыі гэтага квіта ў кнігах Навагрудскага гродскага суда. Без месца, 5.03.1779.

Подпіс: Абуховіч, р[эгент] г[родскі] в[аяводства] Н[авагрудскага].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сiгн.: № 61. 2 арк. (арк. 643—644; арк. 644 чысты, з затылкам).

294. а) Аблігацыйны ліст малжонкаў Міхала і Апалоніі з Мелянтовічаў Беляжоўскіх, дадзены намесніку Слуцкай архімандрыі Ларыёну Мінкевічу на пазычаныя ў яго 350 злотых з тэрмінам вяртання пазыкі 8.04.1780 (стары стыль). Слуцкая архімандрыя, 8.04.1779.

Копія подпісаў: Міхал Беляжоўскі, абываталь слуцкі; Апалонія з Мелянтовічаў Беляжоўская (крывяжкам).

б) Обліг паручніка Я. К. М. Тадэуша Палонскага з абавязкам выплочваць ратамі (часткамі) 400 злотых, пазычаных Міхалам і Апалоніяй Беляжоўскімі ў намесніка слуцкай архімандрыі Ларыёна Мінкевіча. Сялко, 30.07.1780.

Копія подпісу: Тадэуш Палонскі, пар[учнік] Я. К. М.

в) Квіт Ларыёна Мінкевіча аб атрыманні ад паручніка Я. К. М. Тадэуша Палонскага 306 злотых у лік яго абліга (№ 294-б). [Слуцкая] архімандрыя, 22.04.1786.

Копія подпісу: ксёндз Ларыён Мінкевіч.

г) Ліст паручніка Я. К. М. Тадэуша Палонскага, дадзены намесніку Слуцкай архімандрыі Ларыёну Мінкевічу, што, аплаціўшы за Міхала і Апалонію Беляжоўскіх 306 злотых, мае вярнуць рэшту 100 зл., а таксама 79 злотых за гадзіннік 7.01.1787 (стары стыль). [Слуцкая] архімандрыя, 22.04.1786.

Копія подпісу: Тад[эуш] Палонскі, пар[учнік] Я. К. М.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 645—646; арк. 646 чысты).

295. Указ духоўнага сабора Кіева-Пячэрскай лаўры ігумену прыпіснога замежнага Дзяцелаўіцкага Праабражэнскага манастыра іераманаху Мялеціно з паведамленнем аб пасылцы ў манастыр двух экзэмпляраў Указа Свяцейшага Сінода з формай, як трэба ў цэрквах падчас богаслужэння ўвазносіць імёны Яе Імператарскай Вялікасці і Іх Імператарскіх Высокасцей. Без месца, 2.06.1779.

Подпісы: намеснік іераманах Каліст; саборны старац і пісар іераманах Венядыкт; рэгент іераманах Іякім; падканцэлярыст Васілей Белашэў.

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. Стар. сiгн.: № 1010 (зыходзячы канцэлярыі). 1 арк. (арк. 647).

296. Ордэр архімандрыта Кіева-Пячэрскай лаўры Засімы да ігумена прыпіснога замежнага Дзяцелаўіцкага Праабражэнскага манастыра іераманаху Мялецію з загадам адправіць назад у лаўру іераманаху Паісія, якога лаўра паслала ў манастыр на дапамогу для вырашэння пазямельнай спрэчкі з пані Шчыгтавай і панам Лябецкім. Без месца, 28.04.1780.

Подпіс: архімандрыт Засіма.

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. Стар. сiгн.: № 930 (зыходзячы канцэлярыі). 2 арк. (арк. 648—649; арк. 649 чысты).

297. Пункты скаргі прабітара Ляскавіцкай царквы св. Мікалая фундацыі паноў Красінскіх Дзімітрыя Смоліча (са сведчаннем парафіян) на крыўчанскага старосту Казіміра Валодзьку аб захопе фондушавай сенажаці, рабаванні царкоўнага быдла, коней і авечак і інш. шкодах, накіраваныя на імя [случкага архімандрыта Паўла Ваўчанскага]. Без месца і даты [1780 г.].

Подпісы парафіян (крыжыкамі): Амялян Міхайлавец; Малахі Паўлокец; Самусь Паўлокец; Грыгоры Міхайлавец; Гаўрыл Гарбуз; Назар Галончыц.

Подпіс: Дзімітры, прабітар ляскаўскі.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 650—651).

298. Ліст-данясенне случкага архімандрыта Паўла [Ваўчанскага] у духоўную кансісторыю Кіеўскай мітраполіі аб атрыманні ўказа кансісторыі ад 23.01.1779 разам з дасланымі богаслужэбнымі кнігамі, якія раздадзены ў адпаведныя царквы, з якіх атрыманы распіскі, дасылаемыя ў кансісторыю з гэтым данясеннем. Без месца, 10.05.1780.

Подпіс: Павел, архімандрыт случкі.

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 652).

Заўвага: пад тэкстам у аркушы круглая дзірка, магчыма, на месцы пячаткі архімандрыта.

299. а) Ліст-абавязцельства баслаўскага папавіча Базыля Сасіноўскага, дадзенае духоўнаму праўленню Слуцкай архімандрыі, што па атрыманні іерэйства на царкву Св. Сімяёна Столпніка ў сяле Баслаўцы мае выконваць усе царкоўныя абрады, духоўныя патрэбы парафіян і загады духоўнага кіраўніцтва. Без месца і даты.

Подпіс: Базыль Сасіноўскі, папавіч баслаўскі (пол. м.).

б) Нататкі некаторых святароў са сведчаннем дакладнасці дадзенага абавязцельства Базылём Сасіноўскім. Без месца, 9.03.1781.

Подпісы: Данііл Балкоўскі, прабітар уваскр[асенскі] случкі; Данііл Пецялкевіч, прабітар раждзественскі случкі; Герасім Славутовіч, прабітар царквы Іванаўскай Слуцкай.

Арыгінал. Рус. / стб. м. Без філіграні. 2 арк. (арк. 653—654; арк. 654 чысты).

300. а) Ліст-абавязцельства восаўскага папавіча Яна Гаховіча, дадзенае духоўнаму праўленню Слуцкай архімандрыі, што па атрыманні іерэйства на царкву Пакравы Прасвятой Багародзіцы ў сяле Восава на частцы свайго бацькі Іаана Гаховіча мае выконваць усе царкоўныя абрады, духоўныя патрэбы парафіян і загады духоўнага кіраўніцтва. Без месца і даты.

Подпіс: Ян Гаховіч, папавіч восаўскі.

б) Нататкі некаторых святароў са сведчаннем дакладнасці дадзенага Янам Гаховічам абавязцельства. Без месца, 9.03.1781.

Подпісы: Данііл Балкоўскі, прабітар уваскрасенскі случкі; Данііл Пецялкевіч, прабітар раждзественскі случкі; Герасім Славутовіч, прабітар царквы Іванаўскай Слуцкай.

Арыгінал. Рус. / стб. м. Без філіграні. 2 арк. (арк. 655—656; арк. 656 чысты).

301. а) Ліст-абавязцельства крынскага папавіча Грыгорыя Смоліча, дадзенае духоўнаму праўленню Слуцкай архімандрыі, што па атрыманні іерэйства на царкву Сабор Архістратыга Міхаіла ў сяле Крынкі на частцы свайго бацькі Іаана Смоліча мае выконваць усе царкоўныя абрады, духоўныя патрэбы парафіян і загады духоўнага кіраўніцтва. Без месца і даты.

Подпіс: Грыгорый Смоліч, папавіч крынскі.

б) Нататкі некаторых святароў са сведчаннем дакладнасці дадзенага Грыгорыем Смолічам абавязцельства. Без месца, 9.03.1781.

Подпісы: Данііл Балкоўскі, прабітар уваскрасенскі случкі; Данііл Пецялкевіч, прабітар раждзественскі случкі; Герасім Славутовіч, прабітар царквы Іванаўскай Слуцкай.

Арыгінал. Рус. / стб. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 658—659; арк. 659 чысты).

302. а) Ліст-абавязцельства восаўскага папавіча Базыля Гаховіча, дадзенае духоўнаму праўленню Слуцкай архімандрыі, што па атрыманні іерэйства на царкву Пакравы Прасвятой Багародзіцы ў сяле Восава на частцы свайго бацькі Андрэя Гаховіча мае выконваць усе царкоўныя абрады, духоўныя патрэбы парафіян і загады духоўнага кіраўніцтва. Без месца і даты.

Подпіс: Базылій Гаховіч, папавіч восаўскі.

б) Нататкі некаторых святароў са сведчаннем дакладнасці дадзенага Базылём Гаховічам абавязцельства. Без месца, 9.03.1781.

Подпісы: Данііл Балкоўскі, прабітар уваскрасенскі случкі; Данііл Пецялкевіч, прабітар раждзественскі случкі; Герасім Славутовіч, прабітар царквы Іванаўскай Слуцкай.

Арыгінал. Рус. / стб. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 660—661; арк. 661 чысты).

303. Выпіс з пратакола Пінскага гродскага суда, выданы 2.10.1781. Рэляцыя енерала ЯКМ Навагрудскага ваяводства Тэадора Грыспіновіча аб прэзентацыі ігуменам праваслаўнага Дзяцэлавіцкага манастыра кс. Мялеціушам Бувайлавым у канцылярыі Пінскага гродскага суда сумы 250 злотых, прысуджанай дэкрэтам Асэсарскага суда 26.04.1781 спадкаемцам Яруты Шышовага, ваялянскім падданым пінскага харужага кн. Францішка Друцкага-Любецкага. Без месца, 1.10.1781.

Пячатка кустаныйная Пінскага гродскага суда (пінскага старосты Бенядыкта Марыконі).

Подпіс: згодна з пратаколам — Лявон Радзевіч, нам[еснік] грод[скі] п[аве]та Пін[скага].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: F. 8, № 28. 1 арк. (арк. 657).

304. Асекурацыйны скрыпт камаровіцкага ўніяцкага адміністратара кс. Юзафа Пракаповіча, дадзены случкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай праваслаўнай мітраполіі Паўлу Ваўчанскаму, што ён не па сваёй воле захапіў да ўніяцтва капліцу ў Галоўчыцах, а па загаду галоўчыцкага падстаросты жамойц-

кай старосцінай пані Хадкевічавай пана Грабоўскага і петрыкаўскага ўніяцкага пароха кс. Каржэўскага, а зараз вяртае капліцу пад кіраўніцтва гарадзячэцкага праслаўнага пароха кс. Пантэлемона Пльшэўскага. Без месца, 22.04.1782.

Подпіс: Ксёндз Юзаф Пракаповіч, адміністратар камаровіцкі.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 662—663; арк. 663 чысты, з затылкам).

305. а) Рэстр грашовых сум, атрыманых Слуцкім кляштарам Праабражэння Гасподня ад Слуцкага жыдоўскага кагалу і розных асоб у 1779—1781 гг., а таксама рэстр грашовых выдаткаў на адбудову згарэўшай кляшторнай царквы Праабражэння Гасподня. Без месца, 30.11.1781.

б) Нататка аб выдачы айцу Пратасію 100 зл. на патрэбы Спасакага кляштара і фальварка. Без месца, 24.04.1782 (стары стыль).

Без пячатак і подпісаў.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 664—665).

306. Прыватны ліст (пісьмо) невядомай асобы (са Слуцкай архімандрыі) да жамойцкай старосцінай пані Хадкевічавай, як калятаркі, з просьбай вярнуць пад духоўную ўладу праслаўнага гарадзячэцкага празбітара Панцеляймона Пльшэўскага прыпісную царкву св. Юрыя ў сяле Галоўчычы, захопленую ва ўніяцтва ўніяцкім камаровіцкім капланам кс. Юзафам паводле загаду галоўчыцкага ўраднага пана Грабоўскага. Слуцк, 3.05.1782 (стары стыль).

Без пячаткі і подпісу.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 666—667).

307. Ліст-вызнанне гарадзячэцкага празбітара айца Панцеляймона Пльшэўскага ва ўрадзе Слуцкай архімандрыі аб захопе ва ўніяцтва яго прыпіснай царквы ў в. Галоўчычы Петрыкаўскага графства ўніяцкім камаровіцкім святаром паводле загаду галоўчыцкага ўраднага пана Грабоўскага. Без месца, 3.05.1782.

Подпіс: Панцеляймон Пльшэўскі, празбітар гарадзячэцкі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 668).

308. Прыватны ліст (пісьмо) паручніка Т. Дразьжылоўскага да [случкага архімандрыта Паўла Ваўчанскага] з паведамленнем аб адсылцы да Морачы ліста афіцыяла Пінскай і Тураўскай дзяцэзіі кс. Бародзіча, які ліст мае пераслаць морачкі ўраднік да архімандрыта. Лахва, 7.06.1782.

Подпіс: Т. Дразьжылоўскі, паручнік.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 669—670, арк. 670 чысты).

309. а) Ліст-ордэр архімандрыта Кіева-Пячэрскай лаўры Засімы да ігумена прыпіснова да лаўры Дзяцэлавіцкага Праабражэнскага манастыра іераманаха Мялецця з паведамленнем аб пастрыжэнні 17.03.1782 у манаста ў лаўры ў саборнай Успенскай царкве 17 чалавек, а таксама з просьбай аб унясенні іх імёнаў у сінодзік і маленні за іх. Без месца, 18.03.1782.

Подпісы: Архімандрыйт Засіма; канцылярыст Максім Прозараў.

б) Рапарт [ігумена Дзяцэлавіцкага манастыра Мялецця] архімандрыту Кіева-Пячэрскай лаўры Засіме аб атрыманні згаданага ордэра і выкананні апісаных просьб. Без месца, май 1782 г. (без чысла; ордэр атрыманы ў манастыры 16.05.1782).

Без подпісу.

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. Стар. сігн. (ордэр): № 698 (зыходзячы канцылярыі лаўры). 2 арк. (арк. 671, 673).

310. а) Рапарт з Дзяцэлавіцкага манастыра [кіева-пячэрскаму] архімандрыту і духоўнаму сабору аб адсылцы з манастыра ў Кіева-Пячэрскую лаўру паслушніка Івана Бруеўскага паводле ўказа духоўнага сабора лаўры ад 20.04.1779. Без месца, 12.05.1782.

б) Рапарт з Дзяцэлавіцкага манастыра [кіева-пячэрскаму] архімандрыту і духоўнаму сабору аб выдаткаванні казённых з лаўры грошаў на розныя судовыя патрэбы манастыра ў 1779—1781 гг. Без месца, 12.05.1782.

Без подпісаў.

Арыгінал (бруднапіс). Рус. м. Фрагмент філіграні. 1 арк. (арк. 672).

311. Выпіс з кніг Навагрудскага гродскага суда, 17.03.1783. Ліст-сведчанне сялян в. Вялікі Ямінск Кірэя Грэшэні і Карнея Пракаповіча, дадзены случкаму архімандрыту Паўлу Ваўчанскаму, аб гатовасці прысягнуць, што мінскі суддзя пан Араноўскі захапіў сена і вулі, якія належыць вёсцы Малы Ямінск Слуцкай архімандрыі. Малы Ямінск, 3.03.1783.

Пячатка кустандыйная Навагрудскага гродскага суда.

Подпіс: карыгаваў Абуховіч, р[эгент] г[родскі] в[аяводства] Н[авагрудска]-га.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 82-й. 2 арк. (арк. 674—675).

312. а) Ліст-атэстацыя ўрада Слуцкай магдэбурьі, выданы Яну Кнафу, які служыць у Лахве пану Дразьжылоўскаму, паручніку міліцыі віленскага ваяводы кн. [Караля Станіслава] Радзівіла, што ён паходзіць з бацькоў Феліцыяна Кнафа, немца-шаўца, і Дамінікі Яцкаўны Рамановічаўны, абываталькі места Слуцка. Слуцк, 22.03.1783.

Пячатка кустандыйная ўрада Слуцкай магдэбурьі (Пегас).

Подпісы: Томаш Няпрэцкі, лянтвойт маг[дэбурьі] места Слуцка; Міхал Няпрэцкі, пісар маг[дэбурьі] Слуцкай.

б) (на арк. 676) Пачатак тэксту папярэдняга дакумента, памылкова тут напісаны.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. з тэкстам дакумента не нумараваны; арк. 676 без затылка).

313. а) Ліст-кантракт ігумена Дзяцэлавіцкага манастыра Мялеціуша Бувайлава, дадзены жыду Ёселю Маўшовічу, на гадавую арэнду Дзяцэлавіцкай карчмы, якая належыць манастыру. Дзяцэлавіцкі манастыр, 27.07.1785.

Подпісы: кс. Мялеціуш Бувайлаў, ігумен кляштара Дзяцэлавіцкага (пол. м.); Дзяцэлавіцкага манастыра аканом іераманах Грыменці (?) (рус. м.).

б) (на арк. 678) Чарнавья нататкі на рускай мове.
Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 677—678).

314. Выпіс з кніг Мінскага земскага суда, 8.10.1785. Дэкрэт суда Мінскай магдэбурый ў справе мінскага цэха муляраў з віленскімі мулярамі Янам Буткевічам, Крыштафам Насевічам і Ваўжынцам Ланцэвічам, які забараняе апошнім выконваць працы ў Мінску і наваколлі без дазволу мінскага цэха паводле ранейшых каралеўскіх прывілеяў і дэкрэтаў. Без месца, 16.05.1785.

Пячатка кустадыйнай Мінскага земскага суда.

Подпіс: згодна з кнігамі — Мікалай Каменскі, нам[еснік] зем[скі] в[аяводств]а Мін[скага].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 679—680).

315. Выпіс з кніг Мінскага земскага суда, 10.10.1785. Ліст-пасведчанне ўраднікаў Мінскага магістрата, дадзены старшаму праваслаўных Віленскіх і Мінскага манастырoў кс. Гіяцынту Пелкінскаму, з пацвярджэннем разбурэння муроў шматлікіх будынкаў ў месце Мінску з-за няўмелай працы мясцовых муляроў і дазвалам запрасіць кваліфікаваных муляроў з іншых месц для аднаўлення раней згарэўшай мураванай царквы Мінскага манастыра. Мінск, 6.08.1785.

Пячатка кустадыйнай Мінскага земскага суда.

Подпіс: згодна з кнігамі — Мікалай Каменскі, нам[еснік] зем[скі] в[аяводств]а Мін[скага].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: 48; № 35. 4 арк. (арк. 681—684).

316. Падарожны ліст камандуючага Варонежскім лёгаконным палком генерал-маёра Івана Салагуба, дадзены ігумену Дзяцэлавіцкага манастыра Мялецію Бувайлаву-Лясніцкаму, які адпраўляецца па справах у Варшаву, з просьбай да ўсіх ураднікаў Польшчы не перашкаджаць яго паездцы. Тураў, 19.04.1786.

Пячатка куродымная і подпіс: Яе Імператарскай Вялікасці Усеміласцівейшай Гасударыні маёй ад арміі генерал-маёр, камандуючы Варонежскім лёгаконным палком і ордэна Святога Станіслава кавалер г[аспадзін] Іван Салагуб.

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 77 (зыходзячы канцэлярыі палка). 1 арк. (арк. 685).

317. Выпіс з кніг Вінніцкага гродскага суда Брацлаўскага ваяводства, 12.06.1786. Ліст з'ездавага суда ў в. Казакія Юзафгродскага ключа Брацлаўскага ваяводства ў справе кіеўскага кашталіяна кн. Аляксандра Любамірскага, смаленскага чашніка Юзафа Пазнанскага, вінніцкага гродскага інстыгатара Антонія Чарніцкага і інш. аб выслуханні сведкаў бакоў па памежных спрэчках. Казакія, 17.05.1786.

Пячатка кустадыйнай Вінніцкага гродскага суда (вінніцкага старосты Станіслава Панятоўскага); (на арк. 686) гербавы штамп аплаты падатку.

Подпісы: карыгаваў Няліцкі, РГВ (рэгент гродскі вінніцкі); згодна з актамі — Ваглеўскі.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: «Ненужное дьло». 4 арк. (арк. 686—689).

318. Выпіс з кніг Навагрудскага земскага суда, 19.07.1786. Ліст фальцаграфіні рэнскай княжны Людовікі Караліны Радзівілаўны да ўсіх старостаў, падстаростаў, рэвізораў і іншых ураднікаў яе маёнткаў аб безумоўным выкананні папрабаванняў, выкладзеных у ардынацыях і іншых дакументах яе нябожчыка бацькі, кантроль за чым ўскладзены на калішкага падчашага, аканома яе маёнткаў [Станіслава] Незабітоўскага. Бжэг, 22.03.1694.

Пячатка кустадыйнай Навагрудскага земскага суда.

Подпісы: Ян Равінскі, прэ[зідэнт]-суддзя з[е]м[скі] в[аяво]дст[ва] Наваг[рудскага]; Феліцыян Данейка, суддзя зем[скі] в[аяво]дст[ва] Наваг[рудскага]; Міхал Бярновіч, суддзя зем[скі] в[аяводств]а Н[авагрудска]га; Міхал Рэйтэн, пісар зем[скі] в[аяводств]а Наваг[рудскага]; карыгаваў Ігнаці Туганоўскі, рэгент зем[скі] в[аяводств]а Наваг[рудскага].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 690—691).

319. а) Пункты (пералік папрабаванняў) да ўгоды паміж падданымі в. Слаўковічы Слуцкага княства і падданымі в. [Малы] Ямінскі [Слуцкага манастыра] Святой Тройцы аб мяжы на балоце і праве ўласнасці на тры астравы, складзеныя асобамі, якія ніжэй падпісаліся. Слуцк, 22.07.1681.

Подпісы: Юзаф Рудніцкі, намеснік старчыцкі, Аляксандр Сабалеўскі, адміністратар доўскі і скавыльшынскі.

б) Нататка аб актыкацыі навагрудскім ротмістрам Міхалам Усакоўскім вышэйзгаданага дакумента ў кнігах Навагрудскага земскага суда. Без месца, 19.07.1786.

Подпісы: Ян Равінскі, прэ[зідэнт]-суддзя з[е]м[скі] в[аяво]дст[ва] Наваг[рудскага]; Феліцыян Данейка, суддзя зем[скі] в[аяво]дст[ва] Наваг[рудскага]; Міхал Бярновіч, суддзя зем[скі] в[аяводств]а Н[авагрудска]га; Міхал Рэйтэн, пісар зем[скі] в[аяводств]а Наваг[рудскага]; згодна з актамі — Ігнаці Туганоўскі, рэгент зем[скі] в[аяводств]а Наваг[рудскага].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 10; № 120; 1. 2 арк. (арк. 692—693; арк. 693 чысты, з затылкам).

320. Рэстр грашовых даходаў за 1786 г. Слуцкай архімандрыі з корчмаў, млыноў, чыншаў і інш., а таксама Слуцкіх Траецкага і св. Геліяша, Грозаўскага Мікольскага і Морацкага княштароў, пададзены слуцкаму архімандрыту перад яго выездам у Кіеў. Без месца, 11.12.1786.

Без пячатак і подпісаў.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 694—695; арк. 695 чысты, з затылкам).

321. Выпіс з паточнага пратакола Навагрудскага гродскага суда. Працэс (скарга) перанятаўскага (трэба — пераяслаўскага) і барыспольскага біскупа, слуцкага архімандрыта Вікторыя Садкоўскага, намесніка Слуцкай катэдры Прафірыя і намесніка Грозаўскага манастыра св. Яна Лаўрэнція Бухалоўскага

на старшага Віленскіх кляштараў Гіяцынта Пелпінскага, які, будучы старшым Грозаўскага манастыра, забраў манастырскія рэчы і дакументы, якія захоўваліся ў навагрудскага каштальніча Тэадора Незабьтоўскага, і частку дакументаў спаліў. Без месца, 24.02.1787.

Пячатка кустадыйна Навагрудскага гродскага суда.

Подпісы: Ян Паўловіч, енерал ЯКМ в[аяводств]а Наваг[рудскага]; карыгавуў Абуховіч, г[родскі] н[амеснік] в[аяводства] На[вагрудск]ага.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 696).

322. Прыватны ліст (пісьмо) невядомай асобы з [Кіеўскай духоўнай кансісторыі] да нейкага Аляксея Аляксеевіча ў Слуцк, якім інфармуе аб рэзальцыі кіеўскага мітрапаліта на яго просьбы аб прысьлыцы грошаў для паездкі ў Кіеў, аб складзе рывніцы для вандроўкі і асобах для суправаджэння. Без месца, 5.04.1787.

Без подпісаў.

Тагачасная копія. Рус. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 697—698).

323. Прыватны ліст (пісьмо) пераяслаўскага епіскапа, каад'ютара Кіеўскай мітраполіі Віктара да невядомага графа з просьбай зноў хадайнічаць перад расійскім паслом у Польшчы графам Стакельбергам, каб ён на наступным Сойме вырашыў п'яганне Дзяцэлавіцкага манастыра аб захопе яго зямель навакольнымі панамі. Кіеў, 20.04.1787.

Подпіс: Віктар, епіскап пераяслаўскі, каад'ютар мітраполіі Кіеўскай.

Арыгінал (?). Рус. м. Фрагмент філіграні. 2 арк. (арк. 699—700).

324. Выпіс з рэестраў Задворнага Асэсарскага суда ЯКМ ВКЛ, выдадзены 30.04.1783:

а) Запісы чатырох актараў у справе па ўзаемных скаргах старшага Віленскіх праваслаўных кляштараў Гіяцынта Пелкінскага, пінскага і тураўскага ўніяцкага біскупа, каад'ютара мітраполіі ўсёй Русі Гедэона Дашкевіча-Гарбацкага і апата Гарадышчскага бенедыктынскага кляштара Станіслава Баргламея Латкоўскага. Без месца, 26.04.1783.

б) Дэцьзія (пастанова) Задворнага суда ЯКМ ВКЛ пры актараце Гарадышчскага кляштара аб накіраванні справы на вырак Пінскага земскага суда. Без месца, 26.04.1783.

Пячатка кустадыйна Вялікай Канцылярыі ВКЛ.

Подпісы: Алякс[андр] кн[я]зь Сапега, канц[лер] ВКЛ; Ян Яленскі, пісар дэкр[этовы] ВКЛ; згодна з рэестрамі — Антоні Фр[анцішак] Тамашэвіч, судоў ЯКМ Задвор[ных] Асэсарскіх ВКЛ рэгент.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 701—702).

325. Вопіс перададзеных з Кіеўскай Акадэміцкай Богаяўленскай царквы ў архіерэйскую рывніцу Слуцкай архімандрыі царкоўных рэчаў паводле рэзальцыі члена Свяцейшага Правячага Сінода, кіеўскага і галіцкага мітрапаліта, архімандрыта Кіева-Пячэрскай лаўры Самуіла ад 29.05.1787. Без месца, 8.06.1787.

Копія подпісу: Віктар, епіскап пераяслаўскі, каад'ютар мітраполіі Кіеўскай.

Тагачасная копія. Рус. м. Філіграні. 8 арк. (арк. 703—710; арк. 710 чысты).

326. Ліст-кантракт слуцкага катэдральнага намесніка іераманаха Парфірыя жыду Іцку Шмойлавічу на арэнду на адзін год Морацкай карчмы з Ананчыцкім шынкам, якія належаць Слуцкай архімандрыі. Слуцк, 1.01.1788.

Копія подпісу: іераманах Парфірый, намеснік катэдральны слуцкі.

Тагачасная копія. Рус. м. Філігрань. Стар. сін.: № 194. 1 арк. (арк. 711).

327. а) Указ расійскай імператрыцы Кацярыны Другой да ўсіх яе падданных з паведамленнем аб нараджэнні яе ўнучкі вялікай княжны Кацярыны Паўлаўны і з загадам ва ўсіх справах яе імянаваць Яе Імператарскай Высокасцю. Царскае Сяло, 21.05.1788.

Копія подпісу: Кацярына.

б) Нататка аб накіраванні гэтага ўказа ў [Слуцкую] Катэдральную Свята-Траецкую царкву. Без месца і даты.

Арыгінал (друк). Рус. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 712).

328. Прыватны ліст (пісьмо) начальніка Старчыцкага манастыра іераманаха Іова да ігумена Дзяцэлавіцкага Праабражэнскага манастыра Мялеція з паведамленнем аб немагчымасці выканаць яго просьбу ў сувязі няведання часу прыбыцця архіпастыра ў Слуцк. Слуцкая катэдра, 23.10.1788.

Пячатка на чырвоным сургучы (на адвароце арк. 714, разламная напалам) і подпіс: іераманах Іоў, м[а]н[ас]т[ры] Старчыцкага начальнік.

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 713—714; арк. 714 чысты, з адрасам).

329. Ліст пагостскага арандатара жыда Анеся (?) Евелёвіча, дадзены пану Базылю Кахановічу, на пазычаныя ў яго 40 чырвоных злотых з тэрмінам вяртання пазыкі ў 1789 г. Горкі, 25.02.1789.

Подпіс А. Евелёвіча па-жыдоўску.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 715—716; арк. 716 чысты, з затылкам).

330. Ліст-сведчанне ваўкавыскага ротмістра Андрэя Францішка Шастакоўскага, пленіпотэнта ігумена Грозаўскага кляштара св. Яна Багаслова Парфірыя Брэзінскага, ад імя ігумена аб гатовасці па патрабаванні кампартаваць (прадставіць у судзе) бібліятэку, перададзеную некалі нябожчыкам навагрудскім каштальнічам Тэадорам Незабьтоўскім на захаванне былому старшаму Грозаўскага кляштара нябожчыку Гіяцынту Пелкінскаму, паводле дэкрэта Ваўкавыскага земскага суда. Без месца, 6.04.1789.

Подпіс: Андрэй Фран[цішак] Шастакоўскі, р[отмістр] ваў[кавыскі].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сін.: № 55. 1 арк. (арк. 717).

331. Выпіс з кнігі Мазырскага гродскага суда, выдадзены 28.12.1791. Скарга мазырскага бурмістра Эліяша Аніскі і пісара Мазырскай магдэбурый Тэадора

Кандратовіча ад імя свайго і адміністраара Мазырскай праваслаўнай прагапопіі, святара Спаскай царквы Грыгорыя Каранеўскага і іншых мазырскіх святароў, а таксама мазырскіх магдэбурскіх ураднікаў і мяшчан-хрысціян, на ўсіх жыдоў, мазырскіх абываталюў, аб няслушным абвінавачванні скажнікаў ва ўчыненні бунту супраць шляхты Мазырскага павета. Без месца, 11.04.1789.

Пячатка кустадыйна Мазырскага гродскага суда (мазырскага старосты Яна Яленскага).

Подпіс: згодна з кнігамі — Стэфан Кульповіч, зем[скі] і грод[скі] п[аве]та Мазыр[скага] р[э]г[е]нт.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 4 арк. (арк. 718—721).

332. Ліст Яна Метьскага, мецяеўскага старосты фальцграфіні рэйнскай княжны Радзівілаўны, накіраванага калішскім падчашым, аканомам маёнткаў той жа Радзівілаўны Станіславам Незабытоўскім, угодлівай пастановы ў справе пана Абрамовіча, цяперашняга застаўніка маёнтка Морач Слуцкай архімандрыі, і пана Хамянтоўскага, былога застаўніка таго ж маёнтка. Морач, 11.05.1689.

Подпіс: Ян Метьцкі, стар[оста] наясн[ейшай] кн[я]жны яе мл[асц]і мецяеўскі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сін.: 20.; № 6; № 20; 1817-го г. № 15-й; 8. 2 арк. (арк. 722—723; арк. 723 чысты, з затылкам).

333. Тарыфа дымоў і жыхароў в. Цярушкі, а таксама табель даходу грошаў з фальв. Цярушкі Слуцкага жаночага кляштара св. Эліяша. Без месца, 5.09.1789.

Без подпісаў.

Тагачасная копія. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 724).

334. Асекурацыйны ліст Ваўжынца Васілеўскага, рэвізора маёнткаў віленскага ваяводы кн. [С. К. Радзівіла], дадзены Базылію Кахановічу, на пазычаныя ў яго 60 чырвоных злотых з тэрмінам вяртання пазыкі 23.04.1789. Нясвіж, 6.09.1788.

Подпісы: Ваўжынец Васілеўскі, р[э]візор маёнткаў я[го] а[святчонага] кн[я]з[я] я[го] м[і]лас[ці] в[аяво]ды віле[нскага]; Ян Вінцэнт Друцкі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 725).

335. а) Выпіс з паточнага пракакола Навагрудскага гродскага суда, выдадзены 24.10.1789. Працэс (скарга) Базылія Кахановіча, рэвізора маёнткаў віленскага ваяводы кн. [С. К. Радзівіла], на Бартламея Непакойчыцкага, старосту княства Слуцкага, аб невяртанні двух коней, пазычаных для паездкі. Без месца, 23.10.1789.

б) (на адвароце) Нататка аб вяртанні коней. Без месца, 2.11.1789.

Пячатка кустадыйна Навагрудскага гродскага суда.

Подпіс: згодна з пракаколам — Адам Казлоўскі, нам[есні]к г[родскага] в[аяводства] Н[авагрудскага].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 726).

336. Асекурацыйны ліст мазырскага стручашага Адама Ануфрыя Бауфала-Дарашкевіча, дадзены касіру Слуцкай архімандрыі кс. Пратасію Невяроўскаму, з абавязцельствам сумленна адпрацоўваць атрыманья 30 чырвоных злотых, будучы пленіпотэнтам у справах духавенства Слуцкай архімандрыі. Слуцк, 27.11.1789.

Подпіс: Адам Ануфрыя Бауфал-Дарашкевіч, струч[чашы] п[аве]та Мазыр[скага].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сін.: 13. 2 арк. (арк. 727—728; арк. 728 чысты).

337. Позва навагрудскага ваяводы Юзафа Несялоўскага пераяслаўскаму і барыспольскаму біскупу, каад'ютару Кіеўскай мітраполіі, слуцкаму архімандрыту Вікторыю Садкоўскаму, намесніку Слуцкай архімандрыі Парфірыю Б[рэ]зінскаму, касіру Слуцкай архімандрыі Пратасію Невяроўскаму і ўсім манахам Слуцкага Трайчанскага манастыра на майскія рочкі Навагрудскага гродскага суда ў [1790] г. у справе Юзафа Бабрэні-Тэрлецкага, былога прафесара рыгорыкі Слуцкай праваслаўнай семінарыі, аб няслушным абвінавачванні ў кепскім выкананні абавязкаў пленіпотэнта Слуцкай архімандрыі па адшуканні згодзея Томаша Беркі, які абкрадваў царквы Слуцкай архімандрыі. Без месца і даты [1790 г.] (апошні аркуш дакумента не захаваўся).

Пячатка і подпісы не захаваліся.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 3 арк. (арк. 729—731).

338. Выпіс з судовага пракакола Пінскага гродскага суда. Экзамен (дапрос) дзяцелявіцкага ігумена Мясцёўша Бувайлава паводле дэкрэта Пінскага гродскага суда ад 20.03.1790 па пытаннях, складзеных пінскім ігуменам Юрыем Яноўскім, аб дзейнасці Мясцёўша і намесніка Слуцкай архімандрыі Парфірыюша ў Пінскім манастыры. Без месца, 22.03.1790.

Без пячаткі.

Подпіс: згодна з пракаколам — Ад[ам] Ігн[аці] Шырма, зем[скі] і грод[скі] п[аве]та Пін[скага] рэгент.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 732—733).

339. Прашэнне Пятра Вінаградскага, які знаходзіцца пры справах Слуцкай духоўнай кансісторыі, да ігумена Слуцкага Траецкага манастыра Парфірыя аб звальненні яго з пасады ў сувязі з неатрымліваннем за сваю працу жалавання, а таксама аб выдачы яму атэстата, пэўных грошаў за працу з 1785 г. і пашпарта для паездкі да сваякоў на Украіну ў мястэчка Чыгрын. Без месца, 18.05.1790.

Подпіс: які знаходзіцца пры справах Слуцкай духоўнай кансісторыі Пётр Вінаградскі.

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 734—735; арк. 735 чысты).

340. а) Тарыфа дымоў Слуцкага княства (прыватных, духоўных і інш. маёнткаў і вёсак) паводле аб'юраты 1690 г. і зверкі 1717 г. з паказаннем колькасці знішчаных дымоў. Без месца і даты [1717 г.].

Подпісы: Анд[рэй] Эрнест Кобер, NXTPR (абрэвіатура не расшыфравана); Томаш Волян; Міхал Бенкін, падскарбі кня[ст]ва Слуцкага.

б) Нататка аб актыкацыі Казімірам Маркоўскім гэтай тарыфы ў кнігах Навагрудскага гродскага суда. Без месца, 7.04.1717.

Подпіс: Ян Антоні Бронец, падстароста і рэгент гродскі в[аяводс]тва Навагрудска[г]а.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 736—737).

341. а) Позва Ваўкавыскага земскага суда ігумену Грозаўскага манастыра Прахірью Брэзінскаму і яго манахам у справе мінскага кашталяна Шымона Забелы і яго жонкі Барбары Завішанкі, а таксама яе непаўнагадовых дзяцей ад першага шлюбу навагрудскіх падкаморычаў Незабітоўскіх, аб вяртанні бібліятэкі, якая належыць Незабітоўскім. Без месца, 12.01.1791.

б) Рэляцыйны квіт вознага ЯКМ Навагрудскага ваяводства Яна Аршанскага аб падачы згаданай пазвы манахам Грозаўскага праваслаўнага манастыра. Без месца, 26.01.1791.

Подпіс: Ян Аршанскі, возны ЯКМ в[аяводства] Н[авагрудскага].

Арыгінал (возненская копія). Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 195. 1 арк. (арк. 738).

342. Універсал камісараў і намесніка Слуцкай Свята-Траецкай архімандрыі да ўсіх праваслаўных кляшторных ігуменаў і пратапопаў у ВКЛ аб скліканні іх у Слуцк на 20.02.1791 для выбараў кіраўніцтва і сябраў духоўнай кансісторыі Літоўскай правінцыі паводле загаду соймавага і канфедэрацкага маршалкаў, зацверджанага на Вальным сойме 29.12.1790. Слуцкая Свята-Траецкая архімандрыя, 27.01.1791.

Без пячаткі і подпісаў.

Тагачасная копія. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 127. 1 арк. (арк. 739).

343. Інструктаж для рэвізора эканамічнага Слуцкага княства [Базылія] Кахановіча па яго абавязках захавання княжацкага скарбу, праверкі рээстраў і рапартаў маянтковых аканоміаў і скарбовых кніг, рэвізавання фальваркаў і інш. Слуцк, 6.09.1791.

Копія подпісу: Рох Рудніцкі-Сіпайла, камор[нік] ВКЛ, камісар.

Тагачасная копія. Пол. м. Без філіграняў. 2 арк. (арк. 740, 743; арк. 743 чысты, з затылкам).

344. Аналагічны інструктаж (гл. № 343) для таго ж рэвізора. Слуцк, 3.03.1791.

Без подпісу.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 8. 2 арк. (арк. 741—742; арк. 742 чысты).

345. а) Позва Міхалу Незабітоўскаму ў эксдывізарска-таксатарскі суд у Грозаве па справе намесніка Слуцкай архімандрыі Парфірыя Брэзінскага і манахаў Грозаўскага Свята-Мікалаеўскага праваслаўнага манастыра аб захопе да

маёнтка Грозаў манастырскай фондушавай зямлі Вайнашоўскай. Без месца, 22.07.1791.

б) Рэляцыйны квіт енерала ЯКМ Ашмянскага (або Аршанскага) павета Юзафа Шушкевіча аб падачы згаданай пазвы Міхалу Незабітоўскаму ў маёнтку Грозаў. Без месца, 22.07.1791.

Подпіс: Юзаф Шушкевіч, енерал ЯКМ П. А. (павета Ашмянскага або Аршанскага).

в) Нататка аб прадстаўленні вышэйзгаданым енералам свайго квіта перад эксдывізарска-таксатарскім судом. Без месца, 22.07.1791.

Подпіс: Я. Сьльвястровіч, с[уддзя] з[емскі] стар[адубскі], эксдывізар.

Арыгінал (енеральская копія). Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 67. 1 арк. (арк. 744).

346. Ардынэс Вайсковай камісіі Рэчы Паспалітай Абодвух Народаў да генералаў войска ВКЛ, выдадзены ў сувязі са скаргамі генеральнага пленіпотэнта праваслаўнага духавенства пана Дарашкевіча, аб забароне закватэравання афіцэраў і жаўнераў у праваслаўных кляштарах і плябаніях, а таксама аб пакрыцці страт духавенству. Варшава, 29.01.1791.

Пячатка кустандыйная Вайсковай камісіі Рэчы Паспалітай Абодвух Народаў.

Копія подпісаў: Ксаверы Браніцкі, гетман вялікі каронны, старшыня; Юзаф Несялоўскі, ваявода навагрудскі; Людвік Карсніцкі, кашталян вяльоньскі; Цэlestыян Чапліц, былы лоўчы каронны; Тадэуш Дэмбоўскі, староста янкоўскі; Юзаф Яленскі, палкоўнік войскаў літ[овскі]х; Мікалай князь Радзівіл; Юры Забела; Юзаф Швыкоўскі, са станаў сенатарскага, рыцарскага і вайсковага камісары.

Подпіс: згодна з арыгіналам — Езяркоўскі, сак[ратар] вайск[овы].

Арыгінал (сакратарская копія). Пол. м. Філіграні. 2 арк., змацаваныя пячаткай (арк. 745—746; арк. 746 чысты).

347. а) Позва намесніку Слуцкай архімандрыі Прафірыю Брэзінскаму і манахам Грозаўскага манастыра св. Мікалая, а таксама трыбунальскаму суддзі Юзафу Трыцінскаму, у эксдывізарска-таксатарскі суд у Грозаве ў справе ковенскага харужага Міхала Незабітоўскага, а таксама крэдытараў нябожчыка Тэадора Незабітоўскага, аб захопе манастыром сенажацей і няслушным карыстанні ставам маёнтка Грозаў. Без месца і даты.

б) Рэляцыйны квіт енерала ЯКМ Навагрудскага ваяводства Антонія Чартоцкага аб падачы гэтай пазвы згаданым вышэй асобам. Без месца, 1.07.1791.

Подпіс: Антоні Чартоцкі, енерал ЯКМ в[яво]дс[тва] Наваг[рудскага].

Арыгінал (енеральская копія). Пол. м. Без філіграні. Стар. сігн.: № 68. 1 арк. (арк. 747).

348. а) Супліка (скарга) манахін праваслаўнага манастыра св. Геліяша ў Слуцку да [віленскага кашталяна Мацея Радзівіла] аб нявыплаце напращыгу

васьмі гадоў манастыру грашовай ануаты з княжацкага скарбу паводле фундушу. Без месца і даты.

Копія подпісаў: Антаніна Валашанка, ігумення; Яўгенія Бялькевічаўна, намесніца; Васіліса Ціжоўна, законніца; Настазія Вечараўна, законніца.

б) Рэзалюцыя віленскага кашталяна Мацея Радзівіла на згаданую супліку аб вырашэнні пытання манастыра наконт ануаты. Слуцк, 3.03.1792.

Копія подпісу: Мацей кн[язь] Радзівіл, кашталян віл[енскі], апякун.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 748—749; арк. 749 чысты, з затылкам).

349. Квітацыя камісараў Навагрудскай цывільна-вайскавай парадкавай камісіі, выдадзеная манахіням Слуцкага кляштара св. Геліяша, аб прадстаўленні кляштарам са свайго маёнтка Цярушкі з ліку падданных двух кантаністаў у рэгімент войска ВКЛ у Навагрудку. Навагрудак, 14.05.1792.

Пячатка кустадыйнай Навагрудскай цывільна-вайскавай парадкавай камісіі (вельмі слаба прыціснута); гербавы штамп аб аплаце падатку за паперу.

Подпісы: М. Багдашэўскі, ротмістр (?), прэзід[энт] кам[ісіі]; Стэфан Раецкі, ц[ывільна-]в[айскавай] кам[ісіі] камісар; Ян Ануфры Яновіч, ЦВПВНК (цывільна-вайсковы парадкавы ваяводства Навагрудскага камісар); Юзаф Вівульскі, хар[ужы] [...]; Т[омаш(?)] Чачот, кам[ісар] ц[ывільна-]в[айскавай] в[аяводства] На[вагрудска]г[а] і рэгент.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 750—751; арк. 751 чысты, з затылкам).

350. Пашпарт Слухарэскай цывільна-вайскавай і парадкавай камісіі, выдадзены намесніку Слуцкай архімандрыі Парфірыю Брэзінскаму, для бесперашкоднага яго праезду да розных мясцін па ўласных справах. Слуцк, 5.06.1792.

Пячатка куродымная Слухарэскай цывільна-вайскавай і парадкавай камісіі; гербавы штамп аб аплаце падатку за паперу.

Подпісы: Алаізі Раманоўскі, ц[ывільна-]в[айскавай] кам[ісіі] п[аве]та Слухарэск[ага] пр[эзідэнт]; Фелікс Трцінскі, ц[ывільна-]в[айскавай] кам[ісар] п[аве]та Слухарэскага; Станіслаў Яблонскі, кам[ісар] ц[ывільна-]в[айскавай] і п[арадкавай] п[аве]та Слухарэскага; Ян Франкоўскі, капітан р[эгімент]а 8-га, ц[ывільна-]в[айскавай] камісар.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сінг.: № 165. 2 арк. (арк. 752—753; арк. 753 чысты, з затылкам).

351. Выпіс з пратакола Найвышэйшай Кансісторыі грэцка-ўсходняй (праваслаўнай) рэлігіі ў Каралеўстве Польскім і ВКЛ з загадам манахам Пінскага кляштара св. Богаяўлення даслаць рапарт з інфармацыяй аб смерці ігумена Пінскага і Дзяцелаўскага кляштараў, рэктара пінскіх школ кс. Мялеціўша Бувайла-Лясніцкага, а таксама аб пасылцы камісараў для апісання на рээстр рухомах рэчаў і кніг нябожчыка. Пінск, 9.08.1792.

Пячатка кустадыйнай Найвышэйшай Кансісторыі грэцка-ўсходняй рэлігіі ў Каралеўстве Польскім і ВКЛ.

Копіі подпісаў: ксёндз Пратазы Невяроўскі, асэсар, старшыня; кс. Грыгоры Лойка, асэсар; кс. Тэадор Юзафовіч, асэсар; Панталеон Іллікевіч-Корбут, асэсар; Тэадор Тэадаровіч, асэсар; Ян Тэадаровіч, судоў задворных ВКЛ і Кан[сісторыі] Найвышэйшай асэсар.

Подпіс: згодна з пратаколам — Ян Кагадоўскі, канцэлярыст Н[айвышэйшай] К[ансісторыі].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 754).

352. Выпіс з пратакола Вайскавай камісіі Абудвух Народаў з загадам рэгенту ліквідацыі і касы камісіі пану Асмялоўскаму скласці рахунак грошаў, дэпанаваных у касе камісіі слуцкім архімандрытам кс. Шадкоўскім і іншымі духоўнымі асобамі. Варшава, 14.08.1792.

Пячатка кустадыйнай Вайскавай камісіі Рэчы Паспалітай Абудвух Народаў.

Подпісы: Рагалінскі, рэгент в[айскавы(?)]. кар[онны]; чьгтаў Насікевіч.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 755—756; арк. 756 чысты).

353. Выпіс з пратакола Найвышэйшай Кансісторыі грэцка-ўсходняй (праваслаўнай) рэлігіі ў Каралеўстве Польскім і ВКЛ з загадам намесніку польскіх парафій кс. Брэзінскаму і манахам Слуцкай архімандрыі абавязць законнікаў Морацкага манастыра сумленна выконваць свае абавязкі па рэлігійнай адукацыі парафіян. Пінск, 3.08.1792.

Пячатка кустадыйнай Найвышэйшай Кансісторыі грэцка-ўсходняй рэлігіі ў Каралеўстве Польскім і ВКЛ.

Копіі подпісаў: кс. Пратазы Невяроўскі, асэсар, старшыня; кс. Грыгоры Лойка, асэсар; Тэадор Юзафовіч, асэсар; Панталеон Іллікевіч-Корбут, асэсар; Тэадор Тэадаровіч, асэсар.

Подпіс: згодна з пратаколам — Ян Кагадоўскі, канцэлярыст Н[айвышэйшай] К[ансісторыі].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 757).

354. а) Супліка святароў праваслаўных Пагосцкай, Старобінскай і Ізрашоўскай цэркваў да слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі аб гвалтоўным заснаванні ў 1722 г. езуітамі Слуцкага калегіума ў сваёй застаўнай в. Бранчыцы Пагосцкай парафіі ўніяцкай царквы, да парафіі якой незаконна далучылі вёскі Бранчыцы, Пивошы, Капацэвічы, Лістападавічы і Жабін, захопленыя ад згаданых вышэй праваслаўных парафій. Без месца і даты (пасля 1722 г.) (арк. 758—759).

Подпісы: Міхал Пыжэвіч, прабітар царквы Пагосцкай; Лявонці П'яновіч, прабітар царквы Пагосцкай; Базылі Бабарыка, прабітар царквы Старобінскай; Харламбі Лісіца, прабітар цар[квы] Ізрашоўскай.

б) Пераклад вышэйзгаданай суплікі на рускую мову. [19 ст.] (арк. 760—761; тэкст на адвароце арк. 761).

Арыгіналы. Пол. м. (а), рус. м. (б). Філіграні. 4 арк. (арк. 758—761; арк. 759 чысты, з затылкам; арк. 760 чысты).

355. а) [Выпіс з кніг] духоўнага ўрада Слуцкай архімандрыі вызнання Адарыі Пятракаўны Мясойдаўны, архімандрыцкай падданай з юрысдыкі Трайчань, аб продажы сваёй малярывнай зямлі, двух моргаў, у полі за Трайчанамі абываталю Трайчанскай юрысдыкі Стэфану Марціновічу за 50 злотых. Слуцкая архімандрыя, 30.12.1776.

Подпіс: Адарыі крыжыкам.

Пячатка на чырвоным сургучы (пашкодзана) і подпіс: ксёндз Іларыён Мінкевіч, намеснік архімандрыі Слуцкай.

б) Нататка аб апрабачыі (засведчанні) згаданага вышэй дакумента намеснікам Слуцкай архімандрыі Парфірыем Брэзінскім. [Слуцкая] архімандрыя, 3.03.1792.

Подпіс: кс. Парфіры Брэзінскі, нам[еснік] арх[імандрыі] Слуц[кай].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 762—763; арк. 763 чысты).

356. Ліст-пасведчанне вялікага кароннага канцлера кн. Антонія Сулкоўскага, выдадзены кс. Яну Радзімоўскаму, пленіпотэнту мінскага арцыбіскупа, слускага архімандрыта кс. Садкоўскага, які едзе да Варшавы для адшукання і перавозкі архіва кс. Садкоўскага да свайго гаспадара, аб яго добранадзейнасці і сумленнасці. Гродна, 18.06.1793.

Пячатка на чырвоным сургучы і подпіс: Ан[тон]і кн[язь] арды[нат] Сулкоўскі, КВК (канцлер вялікі каронны).

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 10. 2 арк. (арк. 764—765; арк. 765 чысты, з затылкам).

357. Ліст-абавязальства іерадыякана Дарафея, які прыехаў у Слуцкі катэдральны Свята-Траецкі манастыр з Бельскага Мікалаеўскага манастыра, аб недапушчэнні са свайго боку п'янства і сварак з брацёй пад пагрозай пакарання і пазбаўлення духоўнага сана. Без месца, 26.06.1793.

Подпіс: іерадыякан Дарафей.

Арыгінал. Рус. м. Без філіграні. 1 арк. (арк. 766).

357-bis. Выпіс з кніг Мінскага земскага суда, 18/7.10.1793 (новы / стары стыль). Пленіпатэнцыйны ліст мінскага, ізяслаўскага і брацлаўскага арцыбіскупа, каад'ютара Кіеўскай мітраполіі, архімандрыта Слуцкага кляштара Віктара Садкоўскага, дадзены віленскаму ротмістру Себестыяну Шыманскаму, на выдзене спраў Мінскага Петрапаўлаўскага манастыра ў земскім і гродскім судах Мінскага ваяводства. Слуцкая катэдра, 16.10.1793.

Пячатка кустадыйна Мінскага земскага суда.

Подпіс: згодна з аўтэнтыкам і кнігамі — Ігнаці Кудзіновіч, шам[белян] Д[вара] Поль[ска]га, рэгент зем[скі] в[аяводс]т[ва] Мін[скага].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: б. 2 арк. (арк. 767—768).

358. Выпіс з паточнага пратакола Слуцкага канфедэрацкага суда, выдадзены 26.10.1793 (стары стыль). Асведчанне случарэскага падкаморыя Міхала Бярновіча супраць пераяслаўскага і барыспольскага біскупа, каад'ютара Кіеўскай мітраполіі, слускага архімандрыта Віктара Садкоўскага і намесніка

Слуцкай архімандрыі Цыпрыяна Астроўскага аб няслушным з іх боку абвінавачванні, быццам ён разам з былым намеснікам Слуцкай архімандрыі кс. Брэзінскім патаемна ўчыніў абмен землямі свайго маёнтка Грозаў з фундушавымі землямі Грозаўскага манастыра св. Яна і інш. шкоды. Без месца, 12.02.1793.

Пячатка кустадыйна Слуцкага земскага суда (26.10.1793).

Подпіс: згодна з пратаколам — Алаізі Чарноцкі, ЗПСР (земскі павета Слуцкага рэгент).

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 9; № 11 (абедзве закрэсленыя); № 7; 76. 4 арк. (арк. 769—772).

359. Рэскрыпт Камісіі паліцыі Слуцкага павета, якая заступае земскі суд, выдадзены 29.11.1793 (стары стыль). Указ мінскага губернатара генерал-маёра Няплюева ад імя мінскага, заслаўскага і брацлаўскага генерал-губернатара генерал-паручніка Тутолміна аб дазvole мясцовым жыхарам выплочваць падаткі ў дзяржаўны скарб асігнацыямі тым жа наміналам, як і меднымі манетамі. Мінск, 17.11.1793 (стары стыль).

Пячатка кустадыйна Слуцкага земскага суда.

Подпісы: Він[цэнт] Рэцкі, С[лучарэскай] Д. пал[іцыі] камісар; Фран[цішак] Парай-Ражанскі, камісар.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 775).

360. Прыватны ліст (пісьмо) мінскага арцыбіскупа Віктара Садкоўскага да невядомай асобы (Міхала Бярновіча?) з павадамленнем, што гэтая асоба мае паперы ў справе з біскупам кс. Быкоўскім даставіць у Мінск паводле выраку Слуцкага гродскага суда без турбот, бо кс. Парфіры Брэзінскі арцыбіскупам адхілены з пасады намесніка Слуцкай катэдры і арыштаваны. Слуцк, 15.11.1793 (стары стыль).

Подпіс: Віктар Садкоўскі, арцыбіскуп мінскі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 773—774; арк. 774 чысты).

361. Ордэр генерал-губернатара Мінскай, Ізяслаўскай і Брацлаўскай губерній генерал-паручніка Цімафея Тутолміна да слускага гараднічага маёра Ведзля з загадам не забараняць Слуцкаму Трайчанскаму манастыру гандляваць хлебам і іншымі харчамі ў слускім прадмесці Трайчань мясцовым абываталям, а таксама сачыць, каб тавары не набывалі перакупшчыкі для перапродажу ў Слуцку. Без месца, 30.11.1793.

Копія подпісу: Цімафей Тутолмін.

Тагачасная копія. Рус. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 840 (зыходзячы канцылярый); № 54. 1 арк. (арк. 776).

362. Выпіс з пратакола Слуцкага зямлянскага ліквідатарскага суда, выдадзены 9.02.1794 (стары стыль). Дэкрэт у справе Слуцкіх цэркваў Праабражэння Гасподня і Саборнай з Слуцкім жыдоўскім кагалам аб спагнанні з апошняга пазычаных грошаў на карысць цэркваў. Без месца, 23.05.1792.

Копія подпісу: згодна з пратаколам — Алаізы Чарноцкі, рэгент зем[скі] п[авет]а Слуцкага.

Тагачасная копія. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 17. 2 арк. (арк. 777—778; арк. 778 чысты, з затылкам).

363. Ліст-сведчанне пленіпётэнтаў Слуцкай архімандрыі альшанскага пра-тапопа кс. Яна Радзімоўскага і ротмістра Паморскага ваяводства Міхала Людвіка Бжостка-Куяўскага, дадзены мінскаму, ізялаўскаму і брацлаўскаму арцыбіскупу, каад'ютару Кіеўскай мітраполіі, слуцкаму архімандрыту кс. Віктару Садкоўскаму, аб іх намаганнях па вяртанні з Варшавы ў Слуцк архіваў Слуцкай архімандрыі і атрымання з Кароннага і Літоўскага скарбаў грошаў, прысуджаных кс. В. Садкоўскаму. Слуцк, 23.04.1794.

Тры пячаткі на чырвоным сургучы, заклееныя паперай.

Подпісы: кс. Ян Радзімоўскі, пратапоп альшанскі; Міхал Людвік з Карсентына Бжостэк-Куяўскі, р[отмістр] в[аяводства] Памор[скага]; Лявон Скарбэк-Рагазінскі, камор[нік] п[аве]та Ашм[янскага]; Пётр Невяроўскі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: 16. 2 арк. (арк. 779—780; аркушы пашкоджаны).

364. а) Позва ў Мінскі гродскі суд мазырскаму струкчашаму Адаму Ануфрыю Багудалу-Дарашкевічу па скарзе мінскага арцыбіскупа, слуцкага архімандрыта Віктара Садкоўскага аб занясенні струкчашым у кнігі Слуцкага гродскага суда няслушнага скаргі на арцыбіскупа аб быццам бы няслушным прыцягванні струкчашага да суда. Без месца, красавік 1794 г. (без чысла).

б) Рэляцыйны квіт вознага Мінскага ваяводства аб прыбіцці вышэйзгаданай пазвы да дзвярэй Мінскага гродскага суда ў сувязі з неадшуканнем А. А. Багудала-Дарашкевіча. Без месца, 3.04/23.03.1794 (новы / стары стылі).

Без пячатак і подпісаў.

Тагачасная копія. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: 20. 2 арк. (арк. 781—782; арк. 782 чысты, з затылкам).

365. Падаўчы ліст случарэскага земскага суддзі Яна Кандратовіча аб падачы ва ўладанне мінскаму арцыбіскупу, слуцкаму архімандрыту Віктару Садкоўскаму і Грозаўскаму Свята-Янскаму манастыру фальв. Слабодка, які трымаў траадыйскі біскуп Мікалай Быкоўскі, паводле дэкрэта Мінскага гродскага суда ад 6.03.1794 (стары стыль). Без месца, 7.04.1794 (стары стыль).

Пячатка на чырвоным сургучы і подпіс: Ян Кандратовіч, суддзя зем[скі] п[аве]та Слуцка[скага].

Друкаваныя гербовыя штампы аб аплаце падатку (у верхнім правым куце аркушаў).

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 25 (закрыслена); 23. 2 арк. (арк. 783—784; арк. 784 чысты, з затылкам).

366. Указ Правячага Сената паводле Указа Расійскай імператрыцы ў Сенат ад 23.06.1794 аб прыпыненні раздачы прыватным асобам казённых зямель у новых расійскіх губернях з мэтай іх продажу за грошы для папаўнення дзяржаўнай казны. Санктпецярбург, 30.06.1794.

Подпіс: з друкаваным чытаў капіст Кірыл Крычэўскі.

Тагачасная афіцыйная копія. Рус. м. Фрагмент філіграні. 1 арк. (арк. 785).

367. Квітацыйны і касацыйны ліст ротмістра Навагрудскага ваяводства Аляксандра Маравіцкага, дадзены мінскаму арцыбіскупу, слуцкаму архімандрыту Віктару Садкоўскаму і старшаму Грозаўскага Свята-Мікольскага манастыра Ізаіілу Квятніцкаму, аб вяртанні манастыру фальварка Залашанскага, няслушна застаўленага ротмістру кс. Парфірыем Брэзінскім, які падчас арышту арцыбіскупа ў Варшаве гвалтоўна захапіў манастыр і выгнаў Квятніцкага. Без месца, 19.07.1794 (стары стыль).

Без пячатак і подпісаў.

Арыгінал (чарнавы варыянт). Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 786—787).

368. а) Позва ў Слуцкага гродскі суд арцыбіскупу новадалучаных да Расіі краёў Віктару Садкоўскаму па скарзе мазырскага струкчашага Адама Ануфрыя Багудала-Дарашкевіча аб неаплаце арцыбіскупам яго паездкі ў Гродна і назад па справах Слуцкай архімандрыі. Слуцк, 13/24.02.1794 (стары / новы стылі).

б) Рэляцыйны квіт вознага Аляксандра Петражыцкага аб падачы згаданай пазвы В. Садкоўскаму ў Слуцку. Без месца, 13/24.02.1794 (стары / новы стылі).

Подпіс: Аляксандр Петражыцкі, в[озны] пав[ятовы?] (край аркуша абарваны).

Арыгінал (вознесенская копія). Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: 14. 1 арк. (арк. 788).

369. Прыватны ліст (пісьмо) мінскага архіепіскапа Віктара да мінскага генерал-губернатора Цімафея Іванавіча Тутолміна з просьбай пералічыць архімандрыцкую вёску Пухавічы ў Слуцкі павет, у якім знаходзяцца ўсе ўладанні Слуцкай архімандрыі, таму што з-за далучэння гэтай вёскі для аплаты падаткаў да мястэчка Азарычы Мазырскага павета ўзніклі пэўныя цяжкасці. Слуцк, 4.11.1794.

Копія подпісу: Віктар, архіепіскап мінскі.

Тагачасная копія. Рус. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 930 (зыходзячы канцылярыі). 2 арк. (арк. 789—790).

370. а) Рапарт камісара Маладэцкага з вылічэннем грашовых даходаў і расходаў, а таксама ведамасць вырабленага паташу, па паташовым будам у літоўскіх і вальнскіх маёнтках падкаморыя ВКЛ Дамініка Радзівіла за 1792—1794 гг. Без месца і даты.

б) Нататка В. Срапінскага, што арыгінал гэтага рапарта аддаў харужаму Каменскаму, а вышэйзгаданую копію даслае Альцкаму ўраду. Ляхва, 2.10.1798.

Подпіс: В. Срапінскі.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 791—792).

371. Ліст-обліг слуцкага мешчаніна і кушнера Максіма Барышнікевіча, дадзены слуцкаму архімандрыту, генеральнаму намесніку Кіеўскай архіепіскапіі Тэадзію Ваўковічу, на пазычаныя ў яго 100 злотых пад заставу трох сярэб-

раных жаночых пасаў, з тэрмінам вяртання грошаў і выкупу пасаў 1.05.1729. Без месца і даты [1729 г.].

Подпісы: Максім Барышнікевіч (крыжыкам); Міхал Ваўковіч; Ян Малевіч.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: 35. 1 арк. (арк. 793).

372. Апісанне розных шкод і крыўд, г. зн. захопаў фундушавых вёсак і зямель, нявыдачы паводле фундушаў штогадовых грошаў, воску, мёду, неўзнаўлення згарэўшых цэркваў і інш., здзейсненых калятарамі Радзівіламі і інш. асобамі прыватнаму духавенству ў Слуцкім і Капыльскім княствах. Без месца і даты (пасля 1753 г.).

Без пячаткі і подпісу.

Арыгінал (?). Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 794—795).

373. Дадатковыя пункты да суспікі прыватнаму духавенству Слуцкай архімандрыі, накіраванай кіеўскаму мітрапаліту, з апісаннем розных крыўд і шкод. Без месца і даты (2-я пал. XVIII ст.).

Без подпісаў.

Копія. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 796—797).

374. Пералік прэтэнзій прыватнаму духавенству Слуцкай архімандрыі да скарбу князей Радзівілаў аб нявыплаце грошаў за ўжыванне фундушавай маёмасці цэркваў і манастыроў і затрыманні грашовых ануаў, а таксама да розных асоб аб невяртанні ў тэрмін пазычаных на аблігі грошаў, захопах фундушавых зямель і інш., з пазначэннем грашовых сум па кожным пункце. Без месца і даты [1778 г.].

Без подпісаў.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: 86; № 49. 4 арк. (арк. 798—801; арк. 801 чысты, з затылкам).

375. Рэестр парафіянаў парафіі Капаткевіцкай Пакроўскай царквы Мазырскага павета, а таксама прыпісной парафіі Цялешчавіцкай царквы Архістратыга Міхаіла, пад пастырствам празбігараў Іаана і Аляксандра Пігулеўскіх. Без месца і даты (канец XVIII ст.).

Без подпісаў.

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. 4 арк. (арк. 802—805).

376. Прыватны ліст (пісьмо) слускага пратапопа Іаана Алазора да нейкага Васілія Іванавіча з падзякай аб інфармацыі аб перамене па службе слускага архімандрыта, а таксама з паведамленнем аб коштах прададзеных некаторых рэчаў і рамонце Слуцкай Мікалаеўскай царквы. Мінск, 17.12.1800.

Подпіс: Іаан Алазор, пратапоп слуцкі.

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 806—807).

377. а) Зрэчны ліст слускага мешчаніна, майстра суконнай фабрыкі Готфрыда Шуберта аб уступцы Базылію і Апалоніі з Байкоўскіх Кахановічам дома

з пляцам у месце Слуцку на Віленскай вуліцы пры Іллінскім дзявочым кляштары, які дом у ніх жа і купіў 25.05.1794. Слуцк, 31.01.1802.

Друкаваны гербавы штамп аб аглаце падатку (у верхнім куце арк. 808).

Подпісы: Готфрыд Шуберт (па-нямецку); Ян Гутоўскі; Ігнацы Ігнатовіч.

б) (на палях на арк. 808) Нататка аб актыкацыі Г. Шубертам зганага дакумента ў кнігах Слуцкага месцага магістрата. Без месца, 31.01.1802.

Подпісы: Міхал Надольскі, старшыня Слуцкага м[есц]кага магістрата; бургамістр Пётр Чыж (рус. м.); радца Ігнацы Паўловіч; лаўнік Тэадор Рэўтовіч.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 808—809; арк. 809 чысты).

378. Выпіс з кніг Слуцкага месцага магістрата, 31.01.1802. Зрэчны ліст слускага мешчаніна, майстра суконнай фабрыкі Готфрыда Шуберта аб уступцы Базылію і Апалоніі з Байкоўскіх Кахановічам дома з пляцам у месце Слуцку на Віленскай вуліцы пры Іллінскім дзявочым кляштары, які дом у ніх жа і купіў 25.05.1794. Слуцк, 31.01.1802.

Пячатка куродымная Слуцкага месцага магістрата; друкаваны гербавы штамп аб аглаце падатку (у верхнім куце арк. 810).

Подпіс: згодна з кнігамі — Стан[іслаў] Рэйводскі-Байкоўскі, кал[ежскі] рэг[істратар], пісар Сл[уцкага] м[есцкага] магістрата].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 810—811).

379. Выпіс з кніг Слуцкага месцага магістрата, 5.02.1802. Дароўны ліст рахмістраў маёнткаў князя [Дамініка] Радзівіла Базылія і Апалоніі з Байкоўскіх Кахановічаў Слуцкаму Іллінскаму дзявочаму кляштару і яго старшай панне Бенядыкце на дом з пляцам у месце Слуцку на Віленскай вуліцы побач з кляштарам. Без месца, 5.02.1802.

Пячатка куродымная Слуцкага месцага магістрата; друкаваны гербавы штамп аб аглаце падатку (у верхнім куце арк. 812).

Подпіс: згодна з кнігамі — Стан[іслаў] Рэйводскі-Байкоўскі, кал[ежскі] рэг[істратар], пісар Сл[уцкага] м[есцкага] магістрата].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 812—813).

380. а) Дароўны ліст рахмістраў маёнткаў князя [Дамініка] Радзівіла Базылія і Апалоніі з Байкоўскіх Кахановічаў Слуцкаму Іллінскаму дзявочаму кляштару і яго старшай панне Бенядыкце на дом з пляцам у месце Слуцку на Віленскай вуліцы побач з кляштарам. Без месца, 5.02.1802.

Друкаваны гербавы штамп аб аглаце падатку (у верхнім куце арк. 814).

Подпісы: Базылі Кахановіч; Апалонія Кахановічавая; Юзаф з Кантёміра Тэрпілоўскі, чаш[нік] п[аве]та Ковен[скага], адвакат; Ігнацы Чайкоўскі, рэг[істратар] губер[нскі]; Ян Гутоўскі.

б) (на палях на арк. 814) Нататка аб актыкацыі зганага дакумента Кахановічамі ў кнігах Слуцкага месцага магістрата. Без месца, 5.02.1802.

Подпісы: Міхал Надольскі, старшыня Сл[уцкага] м[есцкага] магістрата]; ратман Ігнацы Паўловіч; лаўнік Тэадор Рэўтовіч.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 814—815; арк. 815 чысты).

381. а) Адкрыты ліст-абвестка віленскага ваяводы кн. Міхала Радзівіла ад імя непаўнагадовага падкаморыча ВКЛ кн. Дамініка Радзівіла, як яго апекуна, да мінскага арцыбіскупа, слуцкага архімандрыта кс. Іова Пацёмкіна з паведамленнем аб жаданні выкупіць у прызначаны тэрмін фальв. Морач Мазырскага пав., які знаходзіцца ў застаўным валоданні кс. арцыбіскупа. Нясвіж, 1.12.1801.

Копія подпісу: Міхал Радзівіл, в[ая]в[о]да вілен[скі], апякун.

б) Рэляцыйны квіт вознага Слуцкага пав. Аляксандра Петражыцкага аб падачы згаданай абвесткі кс. І. Пацёмкіну ў фальв. Морач. Без месца, 9.01.1802.

Подпіс: Аляксандр Петражыцкі, возны павета Слуцкага.

Друкаваны гербавы штамп аб аплаце падатку (у верхнім куце арк. 816).

Арыгінал (афіцыйная копія). Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 4. 2 арк. (арк. 816—817; арк. 817 чысты, з затылкам).

382. а) Аблігацыйны ліст рахмістра маёнткаў кн. Радзівілаў Базылія Кахановіча, дадзены шамбеляну былога Польскага Двара Станіславу Гаўсовічу, на пазыку ў апошняга 300 польскіх злотых з тэрмінам вяртання доўга 1.08.1803 (стары стыль). Без месца, 1.08.1802.

Друкаваны гербавы штамп аб аплаце падатку (у верхнім куце арк. 818).

Подпісы: Базылі Кахановіч; Вінцэнты Сапліца, камор[нік] слон[імска]; Паўлін Гжэгажэўскі, камор[нік] п[аве]та Наваг[рудскага].

б) Нататка (унізе арк. 818) аб вяртанні паводле гэтага абліга 100 злотых. Без месца і даты.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 4-мо; Do актыкасу № 1-мо. 2 арк. (арк. 818—819; арк. 819 чысты, з затылкам).

383. а) Ліст-кантракт слуцкага пратапопа кс. Яна Белазора, дадзены Базылю і Апалоніі з Байкоўскіх Кахановічам, рахмістрам маёнткаў падкаморыча ВКЛ кн. Дамініка Радзівіла, з дазволу мінскага і літоўскага арцыбіскупа, каад'ютара Кіеўскай мітраполіі, слуцкага архімандрыта кс. Іова Пацёмкіна на пяцігадовую арэнду фондушавага фальв. Мікульцы з в. Папоўцы Слуцкай царквы св. Мікалая, які яны перад гэтым ужо арандавалі 10 год. Мінск, 9.10.1804.

Подпісы: Ксёндз Ян Белазор, пратапоп слуцкі (пол. м.); тытулярны саветнік Марк Іванаў сын Флёраў; тытулярны саветнік Цімафей Еўдакімаў (абодва па-руску).

б) Нататка аб яўцы і запісу згаданага кантракта ў кнізе Мінскай духоўнай кансісторыі. Без месца, 29.10.1804.

Подпісы: ключар протаіерэй Фёдар Ізэфовіч; сакратар Пётр Невяроўскі; канцэлярыст Грыгоры Адамацкі.

Арыгінал (?). Пол. м. (а), рус. м. (б). Філігрань. 2 арк. (арк. 820—821).

384. а) Позва мінскаму арцыбіскупу Іову Пацёмкіну, маёру расійскіх войск Міхалу Паліцыну, брэсцкаму кашталяну Юзафу Шчыгу, былому мазырскаму маршалку Юзафу Шчыгу, троцкаму ваяводзе кн. Юзафу Радзівілу і іншым сумежнікам маёнткаў альцкага і нясвіжскага ардыната кн. Дамініка Радзівіла ў Віленскі галоўны суд 2-га дэпартаменту ў справе кн. Д. Радзівіла аб парушэнні

меж і захопе зямель яго маёнткаў Ленін, Лахва, Семагостычы, Малешава і Юрковічы Мазырскага пав. Без месца і даты [1806 г.].

б) Рэляцыйны квіт вознага Мазырскага пав. Адама Качаноўскага аб падачы згаданай пазвы мінскаму арцыбіскупу кс. І. Пацёмкіну ў Морачы Мазырскага пав. Без месца, 4.04.1806.

Копія подпісу: Адам Качаноўскі, возны павета Мазырскага.

Тагачасная копія. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: «Не очень нужное дело». 2 арк. (арк. 822—823).

385. Інвентар (апісанне) зямель, замененых паміж фондушавымі маёнткамі царкваў і кляштаруў Слуцкай і Грозаўскай архімандрыі і маёнткамі Слуцкага і Капыльскага княства сапраўднага камергера Імператарскага Двара кн. [Дамініка Радзівіла]. Без месца, 1.03.1810.

Подпісы: Т. Навіцкі, генер[альны] плен[іпотэнт](?) Я[го] А[свячоная] кн[язя] ардын[ата]; Тадэуш Марціноўскі, камор[нік] мазыр[скі], з боку Ар[дынацыі]; з боку Я[го] А[свячоная] Кн[язя] М[іласці] — Міхал Мацкевіч, харужы зем[скі] віцеб[скі]; архімандрыт Ісаія (па-руску).

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 11 арк. (арк. 824—834; арк. 833, 834 чыстыя; старая пагінацыя: арк. 1—9, чыстыя аркушы не пагінаваны).

386. а) Праект замены вёсак і зямель паміж Слуцкім Свята-Траецкім кляштарам і [Слуцкім княствам] сапраўднага камергера Імператарскага Двара кн. Дамініка Радзівіла. Горкі, 19.05.1809 (арк. 835—837).

б) Дадатак да праекта замены зямель, пададзенага 9.07.1808 умацаванаму княжацкага скарбу двараніну Скарба ВКЛ п. Тамашэўскаму. Без месца, 8.03.1810 (арк. 838—839).

в) Пленіпатэнцыйны ліст Адміністрацыі маёнткаў і спраў нясвіжскага і альцкага ардыната, камергера Імператарскага Двара кн. [Дамініка Радзівіла] мінскаму каморніку п. Дрыжынскаму на здзяйсненне абмежавання зямель Ардынацыі ад зямель Слуцкай архімандрыі паводле прынятага праекта. Без месца, 29.05.1810 (арк. 842).

Без подпісаў.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 8 арк. (арк. 835—842; арк. 840—841 чыстыя).

387. а) Пленіпатэнцыйны ліст Адміністрацыі маёнткаў і спраў нясвіжскага і альцкага ардыната, камергера Імператарскага Двара кн. [Дамініка Радзівіла] мінскаму каморніку п. Дрыжынскаму на здзяйсненне абмежавання зямель Ардынацыі ад зямель Слуцкай архімандрыі паводле прынятага праекта. Без месца, 29.05.1810.

Копія подпісаў: Ян Адамовіч, генеральны пленіпотэнт; згодна з пратаколам — сакратар Хрыз[астом] Дамбовіч.

б) Нататка аб актыкацыі адвакатам Вінцэнтам Сапліцай, слонімскаму каморнікам, ліста (а), праекта (в) і дадатку (г) у кнігах Слуцкага земскага павятовага суда. Без месца, 17.06.1810.

Копіі подпісаў: Ігнацы Даманскі, суддзя з[емскі] с[луцкі]; Крыштаф Петра-
золін, п[адсудац] з[емскі] с[луцкі]; Беньдыкт Балтуць, пісар з[емскі] п[авятовы];
Ігнацы Баранцэвіч, рэгент.

в) Праект замены вёсак і зямель паміж Слуцкім Свята-Траецкім кляштар-
рам і [Слуцкім княствам] сапраўднага камергера Імператарскага Двара кн. Дамі-
ніка Радзівіла. Горкі, 19.05.1809 (арк. 843—846).

г) Дадатак да праекта замены зямель, пададзенага 9.07.1808 умацаванаму
княжацкага скарбу двараніну Скарба ВКЛ п. Тамашэўскаму. Без месца,
8.03.1810 (арк. 846—848).

д) Нататка аб зацвярджэнні з абодвух бакоў згаданых праекта і дадатку.
Мінск, 12.03.1810 (арк. 848).

Копіі подпісаў: Міхал Мацкевіч, харужы зем[скі] віцеб[скі]; архімандрыт
Ісаія (па-руску); Станіслаў Тамашэўскі, двар[анін] б[ы]лога Скар[ба] Літ[оўска]-
га, пленіпотэнт; з подліннымі сведчыў — сакратар А. Савіцкі; з подліннымі [...]
чытаў — павыгчык Фёдар Прорвіч (двое апошніх — па-руску).

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 558 (зыходзячы
канцэлярыі Слуцкага земскага павятовага суда). 10 арк. (арк. 843—852; арк.
849—852 чыстыя).

388. Выпіс з кніг Слуцкага земскага павятовага суда, 17.06.1810. Дакумен-
ты а), в), г) і д) пад № 387.

Друкаваны гербавы штамп аб аплаце падатку (у верхнім куце арк. 853—
855).

Пячатка на кустодыі Слуцкага земскага павятовага суда.

Подпісы: згодна з кнігамі — Ігнацы Баранцэвіч, рэгент зем[скі] п[аве]та
Слуцкага, [...]; чытаў Ігнацы Кунцэвіч.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 275 (зыходзячы канцэлярыі).
6 арк. (арк. 853—858; аркушы пашкоджаны).

389. Выпіс з сумарыйнага рээстра Слуцкага земскага павятовага суда акта-
рата (пераліку цяжэбных бакоў) і дэцызіі (выкладу справы) па скарзе брата і
сястры Базыля і Агапы Кахановічаў на Апалонію Кахановічавую і яе дзяцей
Яна, Францішку, Тэрэсу, Марыю і Настазію Кахановічаў аб нявыплаце ім
100 рублёў, запісаных іх бацькам нябожчыкам Базылём Кахановічам. Без
месца, 11.10.1810.

Пячатка кустадыйнага Слуцкага земскага павятовага суда.

Подпісы: згодна з рээстрамі сум[арыйнымі] — (подпіс неразборлівы);
чытаў — Францішак Агільбі, зем[скі] п[аве]та Слуцкага рэгент.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 859—860).

390. а) Позва ў Слуцкі земскі павятовы суд разам з арыштам рухомай маё-
масці Агаце Кахановічаўне, яе мачасе Апалоніі з Байкоўскіх Базылевай Каханові-
чавай і дзеціям апошняй Яну, Францішцы, Тэрэсе, Марыі і Анастазіі Каханові-
чам у справе купцоў 3-й гільдыі Максіма і Пелагіі Нехаеўскіх аб грашовым доў-

гу, які застаўся павінны нябожчык Базылі Кахановіч капітану расійскіх войскаў
Яну Бараноўскаму. Без месца, 24.10.1810 (дакумент без пачатку).

б) Рэляцыйны квіт вознага Слуцкага павета Стэфана Навіцкага аб падачы
згаданай пазвы разам з арыштам рухомасці панам Кахановічам у фальв. Бялянны
за месцам Слуцкам. Без месца, 27.10.1810.

Подпіс: Стэфан Навіцкі, возны павета Слуцкага.

Арыгінал (возненская копія). Пол. м. Без філіграні. 2 арк. (арк. 861—862;
арк. 862 чысты, з затылкам).

391. Спіс царкоўных богаслужэбных рэчаў і кніг, перададзеных з Дзятла-
віцкага (Дзяцелавіцкага) Праабражэнскага манастыра на захоўванне ў Слуцкі
Свята-Траецкі манастыр. Без месца, 30.05.1811.

Без пятака і подпісаў.

Арыгінал (тагачасная копія?). Рус. м. Філіграні. 6 арк. (арк. 863—868).

392. Табліца да геаметрычнага плана фальв. Морацкага і вёсак Морач і
Ананчычы Мазырскага павета, якія належаць Слуцкаму Траецкаму манастыру,
з пазначэннем якасці і колькасці зямельных угоддзяў. Без месца, 1811 г.

Без пятака і подпісаў.

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 869).

393. Геаметрычны план фундушаванага фальварка Чэрнікоўшчына Слуцка-
га павета Мінскай губерні, складзены каморнікам Мазырскага павета Тадэву-
шам Марціноўскім. Без месца, 1811 г.

Подпісы: Тадэвуш Марціноўскі, камор[нік] п[аве]та Мазыр[скага]; гэты
план прымаю — Стэфан Робаш.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 1 арк. (in folio), перакладзены напалам
(арк. 870).

394. Мапа фундушаванага фальварка Чэрнікоўшчына Слуцкага павета Мінс-
кай губерні, складзены каморнікам Мазырскага павета Тадэвушам Марціноў-
скім. Без месца, 1811 г.

Подпіс: Тадэвуш Марціноўскі, каморнік п[аве]та Мазырскага.

Арыгінал. Пол. м. Фрагмент філіграні. 1 арк. (in folio), перакладзены напа-
лам, не пагінаваны.

395. Кантракт праўлення Слуцкага Траецкага манастыра, зацверджаны
12.08.1816 мінскім і літоўскім архіепіскапам Анатоліем, з слуцкім мешчанінам
жыдам Вульфам Меяровічам на пяцігадовую арэнду дома ў месце Слуцку, які
належаць Слуцкаму жаночаму Спаса-Іллінскаму манастыру, з штогадовай
аплатай арэнды манастыру па 8 рублёў серабром. Без месца, 25.08.1816.

Без пятака і подпісаў.

Тагачасная копія. Рус. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 871—872; арк. 872 чысты, з
затылкам).

396. Кантракт праўлення Слуцкага Траецкага манастыра, зацверджаны
мінскім і літоўскім архіепіскапам, слуцкім архімандрытам Анатоліем, з слуцкімі

мяшчанамі жыдамі Янкелем Вульфавічам і Оркай Янкелевічам на пяцігадовае права шынкавага продажу гарачага віна (гарэлка) у частцы Трайчан, называемай Падгурак, якая належыць Слуцкаму жаночаму Спаса-Іллінскаму манастыру, з штогадовай аплатай манастыру гэтага права па 50 рублёў серабром. Без месца, 15.08.1816.

Копіі подпісаў: тытулярны саветнік Пётр Грыгор'еў сын Падчакаеў; Міхаіл Лазарэвіч.

Подпіс: Орка Янкелевіч.

Арыгінал (копія, дадзеная Орку Янкелевічу). Рус. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 873—874).

397. а) Кантракт праўлення Слуцкага Траецкага манастыра, зацверджаны мінскім і літоўскім архіепіскапам, слцкім архімандрытам Анатоліем, з слцкім мешчанінам жыдам Лейбам Юдавічам Цэрушым на шасцігадовую арэнду карчмы з пахатнай і сенажатнай зямлёй у вёсцы Цярушкі, якая належыць Слуцкаму Траецкаму манастыру, з штогадовай аплатай арэнды манастыру па 180 рублёў серабром. Слуцк, 18.01.1817.

Копія подпісу: Лейба Юдавіч Цэрушы (у арыгінале подпіс быў па-жыдоўску).

б) Падпіска таго ж Л. Ю. Цэрушага, дадзеная Слуцкаму Спаса-Іллінскаму дзвячому манастыру, на працяг арэнды той жа карчмы ў вёсцы Цярушкі на старых умовах і аплаце. Без месца, 23.04.1823.

Без подпісу.

Тагачасная копія. Рус. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 875—876).

398. а) Позва ў Слуцкі земскі павятовы суд ротмістру Пінскага павета Францішку Ражанскаму, брату і сястры Базылю і Агаце Кахановічам у справе Апалоніі Кахановічавай і яе дзяцей Яна, Францішкі, Тэрэсы, Марыі і Настазіі Кахановічаў аб быццам бы няслушнай прэтэнзіі першых да другіх пра доўг у 100 рублёў, пазычаны мужам Апалоніі нябожчыкам Базылём Кахановічам у свайго сына Базыля Кахановіча. Без месца, 17.09.1810.

Без пячаткі і подпісаў.

Друкаваны гербавы штамп аб аплаце падатку (у правым верхнім куце на арк. 877).

б) Рэляцыйны квіт вознага Слуцкага павета Адама Банкоўскага аб падачы копіі згаданай пазвы Ф. Ражанскаму ў яго двары ў месце Слуцку, а брату і сястры Кахановічам у фальварку Паўла Салаўевіча, размешчаным на месцай зямлі за месцам Слуцкам. Без месца, 20.09.1810.

Подпіс: Адам Банкоўскі, в[оз]ны п[аве]та Слуцкага.

в) Нататка аб сазнанні А. Банкоўскім згаданага квіта ў кнігах Слуцкага земскага павятовага суда. Без месца, 21.09.1810.

Подпіс: прыняў — Ігнацы Баранцэвіч, р[эге]нт з[емскі] п[аве]та С[луцкага].

г) Выпіс з кнігі Слуцкага земскага павятовага суда, 21.09.1810. Рэляцыйны квіт вознага Слуцкага павета Адама Банкоўскага аб падачы копіі згаданай пазвы Ф. Ражанскаму ў яго двары ў месце Слуцку, а брату і сястры Кахановічам у фальварку Паўла Салаўевіча, размешчаным на месцай зямлі за месцам Слуцкам. Без месца, 20.09.1810.

Пячатка кустадыйнага Слуцкага земскага павятовага суда.

Подпіс: карыгаваў І. Баранцэвіч, р[эге]нт з[емскі] п[аве]та С[луцкага].

Арыгінал (вознесенская копія). Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 877—878).

399. Выпіс з паточнага пратакола Слуцкага земскага павятовага суда. Асведчанне столаначальніка Слуцкага земскага ніжняга суда Адольфа Тэрпілоўскага ад імя капітанавай Польскіх войскаў Тэадоры з Лапіцкіх Дружылоўскай аб згубе ёю абліга, на які межавы суддзя Слуцкага павета, шамбелян былога Польскага Двара Вінцэнты Раецкі пазычыў у яе ў 1825 г. 9000 польскіх злотых. Без месца, 3.03.1827.

Друкаваны гербавы штамп аб аплаце падатку (у правым верхнім куце на арк. 879).

Пячатка кустадыйнага Слуцкага земскага павятовага суда.

Подпіс: узгадніў з пратаколам — Ігнацы Кунцэвіч, рэгент з[емскі] п[аве]та С[луцкага].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сінг.: № 133 (зыходзячы канцэлярыі). 2 арк. (арк. 879, 883; арк. 883 чысты, з паметкай на адвароце простым алоўкам пач. XX ст.: «Бумага XIX столет[ія]»).

400. а) Прыватны ліст (пісьмо) Вінцэнта Раецкага да паручніка былых Польскіх войскаў Вінцэнта Мараўскага з паведамленнем аб адшуканні звестак пра свой абліг на суму 9000 злотых, пазычаную ў капітанавай Дружылоўскай у 1825 г. Бокшыцы, 2.03.1827.

Копія подпісу: Вінцэнты Раецкі.

б) Нататка аб актыкацыі В. Мараўскім копіі згаданага ліста ў кнігах Слуцкага земскага павятовага суда. Без месца, 3.03.1827.

Друкаваны гербавы штамп аб аплаце падатку (у правым верхнім куце на арк. 880).

Пячатка кустадыйнага Слуцкага земскага павятовага суда.

Подпіс: прыняў — Ігнацы Кунцэвіч, слцкі зем[скі] [...] (неразборліва) рэгент.

Арыгінал (афіцыйная копія прыватнага ліста). Пол. м. Філігрань. Стар. сінг.: № 14 (уваходзячы канцэлярыі). 2 арк. (арк. 880, 882; арк. 882 чысты).

400-bis. Прыватны ліст (пісьмо) Вінцэнта Раецкага да паручніка былых Польскіх войскаў Вінцэнта Мараўскага з паведамленнем аб адшуканні звестак пра свой абліг на суму 9000 злотых, пазычаную ў капітанавай Дружылоўскай у 1825 г. Бокшыцы, 2.03.1827.

Пячатка на чырвоным сургучы (пашкоджана) і подпіс: Він[цэнт] Раецкі.

Арыгінал. Пол. м. Фрагмент філіграні. 1 арк., перакладзены напалам (арк. 881; другая палова аркуша з адрасам, не пагінавана).

Заўвага: дакументы 399, 400 і 400-bis сшыты разам у адзін сшытак.

401. Кантракт праўлення Слуцкага Траецкага манастыра, зацверджаны мінскім і літоўскім архіепіскапам, слуцкім архімандрытам Анатоліем, з купцамі трэцім гільдыі жыдамі Зельманам і Таўбай Паляковымі, мужам і жонкай, на трохгадовую арэнду драўлянай карчмы ў манастырскім маёнтку Трайчаны са штогадовай аплатай манастыру арэнды па 850 рублёў серабром. Без месца, 12.07.1821.

Копія подпісаў: Зельман Гіршавіч Поляк, Таўба Палякова (абодва па-польску).

Тагачасная копія. Рус. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 884—885; арк. 885 чысты, з затылкам).

402. а) Кантракт праўлення Слуцкага Траецкага манастыра, зацверджаны мінскім і літоўскім архіепіскапам, слуцкім архімандрытам Анатоліем, са слуцкай мяшчанкай жыдоўкай Рыўкай і яе сынам Хаімам Вольфавічам на шасцігадовую арэнду для жылля дома ў Слуцку, які належыць Слуцкаму жаночаму Спаса-Іллінскаму манастыру, са штогадовай аплатай арэнды манастыру па 8 рублёў серабром. Без месца, 1.08.1821.

Копія подпісаў: протаіерэй Павел Бараноўскі; Слуцкай Саборнай Успенска-Мікалаеўскай царквы святар Васілій Дашкевіч; з подлінным звяраў — пісьмавадзіцель дьякан Іаан Міхайлоўскі.

б) Кантракт Слуцкага Спаса-Іллінскага дзявочага drugaclasнага манастыра, дазволены указам № 1409 Мінскай духоўнай кансісторыі ад 8.07.1815, з жыдоўкай Спрындай Вольфавай на дзесяцігадовую арэнду манастырской зямлі ў Трайчанах на Падгурку паблізу Стэфанаўскай царквы са штогадовай аплатай арэнды манастыру па 3 рублі серабром. Без месца, 23.07.1815.

Копія подпісаў: жыдоўка Спрында Вольфава (у арыгінале падпісалася па жыдоўску); з подлінным звяраў — пісьмавадзіцель дьякан Іаан Міхайлоўскі.

Тагачасная копія. Рус. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 886—887).

403. Ліст мінскага архіепіскапа Анатоля да ігумена Слуцкага Траецкага манастыра Іоны даслаць яму з манастырскага архіва арыгіналы дзевяці дакументаў, копіі якіх маюцца ў кнізе копіі усіх манастырскіх дакументаў, якія патрэбны да Морацкай судовай справы. Без месца, 27.11.1821.

Копія подпісу: Анатолій, архіепіск[ап] мінскі.

Тагачасная копія. Рус. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 888—889; арк. 889 чысты).

404. а) Ліст мінскага архіепіскапа Анатоля да ігумена Слуцкага Траецкага манастыра Іоны з просьбай адшукаць найхутчэй у манастырскім архіве арыгінал выпису з кніг Слуцкага замкавага суда ад 9.09.1695 апрабацыйнага ліста віленскага ваяводы, вялікага гетмана ВКЛ Казіміра Яна Сапегі, дадзены Слуцкай архімандрыі на ўсе яе маёнткі і правы, і даслаць архіепіскапу. Без месца, 15.12.1821 (арк. 890).

Пячатка на чырвоным сургучы, верагодна, Мінскай духоўнай кансісторыі, кепскай якасці і пашкоджана (на адвароце арк. 893).

Копія подпісу: Анатолій, арх[іепіскап] мінск[і].

б) Спіс дзевяці дакументаў па Морацкай справе, арыгіналы якіх мінскі архіепіскап Анатолій прасіў даслаць слуцкага ігумена Іону (гл. № 403). Без месца і даты (арк. 891—892; аркушы перакладзены так, што спіс пачынаецца на арк. 892).

Без подпісаў.

Тагачасная копія. Рус. і пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 499 (зыходзячы кансісторыі); 12. 4 арк. (арк. 890—893; арк. 893 чысты, з адрасам).

405. Кантракт праўлення Слуцкага Траецкага манастыра, зацверджаны мінскім і літоўскім архіепіскапам, слуцкім архімандрытам Анатоліем, паміж Слуцкім дзявочым Спаса-Іллінскім манастыром і мастаком Адамам Тарасевічам на стварэнне ў вялікую царкву манастыра іканастаса з 64 абразамі паводле зацверджанага праекта. Без месца, 1.11.1822.

Копія подпісу: жыхар мястэчка Глуска дваранін Адам Тарасевіч.

Подпіс: з подлінным верна — ігумення Паладзія (пол. м.).

Тагачасная копія, засведчаная ігуменняй Слуцкага Спаса-Іллінскага манастыра Паладзіяй. Рус. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 894—895).

406. Выпіска з прыватнага ліста (пісьма) Вінцэнта Пяткевіча да свайго бацькі Юзафа Пяткевіча з паведамленнем, што паперы панюў Кахановічаў разам з рээстрам выдаў пану Мараўскаму. Без месца і даты (унізе прыпіска, што ліст атрыманы на пошце ў Слуцку 23.03.1825).

Подпіс: Гэтую выписку з майго ліста, што даслоўна выпісана, засведчаю — Юзаф Пяткевіч.

Тагачасная засведчаная копія. Пол. м. Без філіграні. 2 арк. (арк. 896—897; арк. 897 чысты, з затылкам).

407. а) Рапарт святара Морацкай Успенскай царквы Стэфана Бабарыкіна мінскаму і літоўскаму архіепіскапу, архімандрыту Слуцкага Траецкага манастыра Анатолю аб атрыманні ім пасланных праўленнем Слуцкага Траецкага манастыра двух дакументаў, датычных зямель Морацкага манастыра. Без месца, 24.09.1825.

Подпіс: святар Стэфан Бабарыкін.

б) Нататка архіепіскапа Анатоля з загадам захоўваць гэты рапарт сярод іншых папер. Без месца, 30.09.1825.

Подпіс: Анат[олій], арх[імандрыт] м[інскі].

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 898; чысты аркуш не нумараваны).

408. а) Рапарт праўлення Слуцкага Траецкага манастыра мінскаму і літоўскаму архіепіскапу, архімандрыту Слуцкага Траецкага манастыра Анатолю аб прадстаўленні яму двух сярэбраных падносаў, якія захоўваюцца ў манастыры сярод іншых рэчаў нябожчыка слуцкага архімандрыта Ісаі, а трэці паднос быў

аддадзены былому прэфекту Мінскай семінарыі Занчэўскаму паводле ўказа Мінскай духоўнай кансісторыі ад 9.08.1823. Без месца, 15.07.1827.

Подпісы: іераманах Аўтаноля (?); Слуцкага сабора святар Васілій Дашкевіч; пісьмавадзіцель Міхаіл Карсакевіч.

б) Нататка мінскага архімандрыта Анатоля аб атрыманні згаданых двух падносаў для карыстання ў Мінскім архіерэйскім доме. Без месца, 16.07.1827.

Подпіс: Анатолій, арх[іепіскап] мінскі.

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 391 (зыходзячы канцылярыі). 2 арк. (арк. 899—900; арк. 900 чысты).

409. а) Позва ў Мінскую палату грамадзянскага суда Барбары з Рыхліцкіх Вінцэнтавай Раецкай і яе дачцэ Вікторыі, Станіславу Марцінкевічу, нашчадкам нябожчыка Францішка Ражанскага, Яну Раецкаму і іншым нашчадкам і крэдыторам нябожчыка шамбеляна былога Двара Польскага Вінцэнта Раецкага ў справе дзяцей таго ж В. Раецкага Яна, Фларыяна, Ізабэлі, Канстанцыі і Ганны Раецкіх аб праве атрымання ў спадчыну па смерці В. Раецкага застаўнай сумы на радзівілаўскім маёнтку Бокшыцы Слуцкага павета. Без месца, 4.10.1832.

б) Рэляцыйны квіт вознага Слуцкага павета Станіслава Грынявіцкага аб падачы згаданай пазвы старшай Слуцкага кляштара св. Эліяша Апалоніі Кахановічавай. Без месца, 7.10.1832.

Подпіс: Станіслаў Грынявіцкі, возны па[ве]та Слуцкага.

Друкаваны гербавы штамп аб аплаце падатку (у верхнім правым куце на арк. 901).

Арыгінал (вознесенская копія). Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 901—902).

410. Прыватны ліст (пісьмо) нейкай Рабесовай да [старшай Слуцкага кляштара св. Эліяша Апалоніі Кахановічавай] са скаргай на яе дачку аб здзяйсненні ёю розных прыкрасцей і абраз яе дзеўкам. Слуцк, 21.03.1831.

Подпіс: пані дабрадзеікі найніжэйшая слуга — Рабесова.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 903—904).

411. а) Цыркуляр міністра ўнутраных спраў Расійскай імперыі генерал-ад'ютанта графа Закрэўскага мінскаму грамадзянскаму губернатару аб правілах адпявання і пахавання нябожчыкаў, памерлых ад халеры. Саратаў, 5.10.1830 (арк. 905).

б) Другі экзэмпляр таго ж цыркуляра (арк. 906).

Штамп Беларускага дзяржаўнага музея. № 883.

Друкаваная адбітка. Рус. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 905—906).

412. а) Рапарт праўлення Слуцкага Траецкага манастыра мінскаму і гродзенскаму архіепіскапу, архімандрыту Слуцкага Траецкага манастыра Ніканору аб складанні і прадстаўленні архіепіскапу вопісу найважнейшых і найпатрэбнейшых дакументаў, якія захоўваюцца ў рызніцы гэтага манастыра. Без месца, 7.07.1837.

Подпісы: выконваючы абавязкі аканома іераманах Платон; казначэй іерадьякан Гедзон; пісьмавадзіцель Якаў Кіпрыяновіч.

б) Рэзалюцыя аб захоўванні вопісу пры дакументах. Без месца, 31.07.[1837].

Без подпісу.

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 121 (зыходзячы канцылярыі); «по архивной описи № 32-й». 2 арк. (арк. 907—908; арк. 908 чысты).

Артыкул паступіў у рэдакцыю 12.05.2016

В. Л. Носевич,

директор Белорусского научно-исследовательского центра
электронной документации,
кандидат исторических наук;
e-mail vn@archives.gov.by

О ДАТИРОВКЕ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ СОЗДАНИЯ ЛЕТОПИСНОГО «СПИСКА РУССКИХ ГОРОДОВ ДАЛЬНИХ И БЛИЖНИХ»

Текст, начинающийся фразой *А се имена всем градом рускым, далним и ближним*, включен в ряд летописных сводов и сборников XV—XVII вв. Из опубликованных он представлен в датируемой серединой XV в. рукописи Новгородской Первой летописи по Комиссионному списку [1, с. 475—477], в датируемой 1470-ми годами рукописи Новгородской четвертой летописи [2, с. 623—624], в Уваровском списке Свода 1518 г. [3, с. 163—164], в Воскресенской летописи по одноименному списку середины XVI в. [4, с. 240—241], в сборнике Новгородского Софийского собора 1602 г. [5, с. 98—99]. В российской историографии за ним закрепилось название «Список русских городов дальних и ближних» (сокращенно — Список).

М. Н. Тихомиров провел в начале 1950-х годов основательный источниковедческий анализ этого текста [6]. Он признал высокую степень достоверности Списка и локализовал на карте 304 из упомянутых в нем 358 городов, отметив, что *дальнейшие изыскания в этой области, несомненно, покажут еще большую достоверность Списка, как источника по географии конца XIV — начала XV в.* При локализации городов в литовской части Списка М. Н. Тихомиров опирался в основном на труд М. К. Любавского, в котором историческая география Великого Княжества Литовского была освещена к тому времени наиболее детально [7].

Для датировки источника основными реперами послужили упоминания в перечне болгарских и валашских городов Тырнова (*Тернова*) и Видина (*Видычева*), захваченных турками соответственно в 1393 и 1398 гг., и наличие каменных укреплений в Пскове и Порхове, строительство которых упоминается в летописных сообщениях соответственно под 1384 и 1387 гг. При этом среди псковских городов нет упоминания Опочки, построенной в 1414 г., но есть Коложа, разрушенная в 1406 г. Косвенным аргументом служит наличие в Списке самостоятельного перечня смоленских городов, что может указывать на время до присоединения Смоленска к ВКЛ. Наличие такого же перечня киевских городов автор объяснил так: *Киевское княжество составляло особое владение литовского князя Скиргайло, называвшего себя по договору 1392 г. титулом «великого князя Русского». Скиргайло умер около 1395 г., в этом же году войска Витовта в первый раз захватили Смоленск.* Но отдельный перечень вольнских городов, в состав которых включены и некоторые турово-пинские и галицкие, не нашел столь же правдоподобного объяснения. М. Н. Тихомиров вынужден

был ограничиться общей фразой: *Это может служить указанием на то время, когда вольнские и галицкие города представлялись еще как единое целое.*

В целом время создания Списка исследователь определил *позже 1387 г. (построения каменной крепости в Порхове) и до 1406 г. (разорения Коложи), вернее же всего, между 1387 и 1392 гг.* Он предложил и объяснение критерия, которым руководствовался составитель Списка: *в основу определения, что считать русскими городами, был положен принцип языка. Молдавские (волошские) города вошли в Список, вместе с русскими, украинскими и белорусскими, ввиду общности того языка, на котором велась письменность Молдавии и Валахии в средневековье. Собственно литовские и польские города в Список не вошли по этой же причине.*

Наиболее вероятным местом возникновения текста М. Н. Тихомиров счел Новгород, поскольку самый ранний из сохранившихся списков включен в новгородский летописный свод (в протограф которого он вошел, по мнению М. Н. Тихомирова, в 1430-е гг.). При этом он отметил, что в киевской части фигурирует форма *гроди*, нехарактерная для новгородского написания, но часто встречающаяся в документах ВКЛ. Это указывает на использование составителем Списка источников тамошнего происхождения. Возможным видом таких источников он счел хождения или дорожники, которыми руководствовались религиозные паломники.

Затем происхождение Списка было затронуто в статье А. Н. Насонова [8] и его же труде по истории русского летописания [9, с. 276—277]. Автор связал возникновение Списка с церковной средой, для которой в конце XIV — начале XV в. особую актуальность имел вопрос о единстве церковной митрополии на Руси. Нехарактерное для русской письменной традиции отнесение к русским городам болгарских, молдавских и валашских им было объяснено тем обстоятельством, что владевший ими молдавский господарь именно в это время признавал церковную зависимость от Галича.

Эту идею подхватил и развил Е. П. Наумов [10]. Отметив недостаточность аргументации М. Н. Тихомирова о языковом критерии отнесения к русским городам дунайской части Списка, он счел версию А. Н. Насонова наиболее правдоподобной, лишь уточняя, что городами, кратковременно отнесенными к Галичской епархии, владел не господарь Молдовы, а иной правитель — Мирча Валашский. Он же указал на важный датирующий момент: в Списке при упоминании Тырнова отмечено, что там находятся мощи Св. Параскевы-Петки: *Терновъ, ту лежить святаа Пятница.* Между тем, после падения Тырнова ее мощи были перенесены в Видин, столицу Видинского болгарского царства, и произошло это незадолго до крестового похода Сигизмунда Венгерского (1396 г.). В целом, по Е. П. Наумову, *именно в данный период (т. е. в 1394—1396 гг.) создавалась в представлениях некоторых деятелей православной церкви схема такого последовательного подчинения Болгарии, Молдавии, Галича и*

Киева в смысле канонической церковной юрисдикции, нашедшая свое отражение в Списке русских городов.

Е. П. Наумов указал и возможного инициатора составления Списка — митрополита Всея Руси Киприана, использовавшего для подкрепления собственных притязаний (заметим, отвечавших и планам экспансии Польши и Литвы на юге) и названную схему канонической зависимости, и неурегулированность церковных отношений в Галиче, Молдавии и Болгарии, и слабость и непрочность власти Константинопольской патриархии в этих новых ее митрополиях. Он обосновал это предположение ссылкой на датированное январем 1397 г. письмо патриарха Антония, в котором тот упрекает Киприана в притязаниях на Галич (куда Киприан вопреки патриаршей воле рукоположил епископа) и Мавровлахийскую митрополию (именно в ее состав входили перечисленные в Списке дунайские города).

После того как патриарх отверг притязания Киприана на дунайские города, Список утратил политическую актуальность для митрополита, но сохранил ценность как уникальный комплекс географических, историко-культурных и военно-оборонительных сведений. Этим объясняется его сохранение и позднейшее включение в летописные своды. Сопоставляя Список с перечнями правителей, которым он сопутствует в некоторых сборниках, Е. П. Наумов пришел к выводу, что он вошел в реконструируемый летописный свод 1409 г.

А. В. Подосинов поддержал версию о Киприане как инициаторе создания Списка [11]. Непроясненным, по его мнению, остался вопрос о месте создания. Версию М. Н. Тихомирова о новгородском происхождении он счел недостаточно обоснованной. Более правдоподобно вскользь высказанное Б. А. Рыбаковым замечание о том, что формулировка *a se Zaleskii* любую северную версию исключает. Следует искать автора где-то на Киевщине или на Волыни, для которого и Москва, и Новгород всегда были Залесской землей [12, с. 32]. Но высказанное самим А. В. Подосиновым предположение, что традиция именованная северной части Руси Залесьем зародилась в Смоленске, базируется на слишком зыбкой основе. Еще менее убедительными выглядят его попытки показать, что именно в Смоленске находится та ментальная ось, на которую нанизано перечисление городов.

В. Л. Янин, основываясь на сведениях о городах новгородско-литовского и московско-литовского порубежья, поставил уже утвердившуюся датировку Списка под вопрос [13, с. 61—70]. По его мнению, проблему создает отнесение к числу литовских городов целого ряда поселений в Ржевской волости: собственно Ржевы (*Пустая Ржева на Волге*), Сижки, Туда, Осечена, Горышона, Рясны, Селука (*Вселука*) и др. Эти пункты неоднократно упоминаются при описании борьбы между ВКЛ и Московским княжеством за контроль над верховьями Волги в 1350—1370-е гг. В то время Ржевская волость неоднократно переходила из рук в руки, но, по мнению В. Л. Янина, окончательно была закреплена за Москвой в 1381 г. не дошедшим до нас соглашением Дмитрия Москов-

ского с Кейстутом. О существовании этого соглашения свидетельствует текст более позднего *докончания* Василия Темного с великим князем литовским Казимиром 1449 г., в котором граница между московской Ржевской волостью и литовскими владениями определена, как было *при великом князи Кестуты*. Между тем Кейстут мог заключить такое соглашение лишь до своего поражения в усобище с Ягайлой, а после этого города Ржевской волости не могли определяться как литовские. В начале 1390 г. новый московский князь Василий Дмитриевич передал Ржеву своему дяде Владимиру Андреевичу Серпуховскому, и в дальнейшем она не переходила под контроль Литвы до конфликта Василия Темного с Казимиром в 1448 г.

Но при датировке Списка временем ранее 1381 г. возникает противоречие с фактами, указанными М. Н. Тихомировым и не вызвавшими возражений у других исследователей. В. Л. Янин предположил, что сведения о наличии каменных укреплений в Пскове и Порхове могли быть вставлены в Список позже его создания. Он сослался на явный случай редактирования в одном из поздних вариантов Списка: в сборнике Новгородского Софийского собора добавлен Ивангород, основанный в 1492 г. В других вариантах также есть разночтения: в самом раннем Комиссионном списке не упомянуты каменные стены в Орешке и Опоке, которые появляются в версии Новгородской четвертой летописи и повторяются во всех остальных. Но тут же В. Л. Янин признал, что укрепления в Орешке были возведены еще в 1352 г., потому в данном случае следует предполагать не сознательное редактирование протографа, а случайные пропуски в одном из списков.

Само написание *Пустая Ржева* В. Л. Янин также счел результатом позднего редактирования, притом неудачного. Ржева на Волге (нынешний город Ржев) никогда не называлась Пустой. Такое название закрепилось за другой Ржевой, расположенной на юге Новгородской земли (на ее месте теперь существует город Новоржев), причем возникло оно лишь после разорения этой волости в 1435 г. самими новгородцами за неуплату дани. Предполагаемый редактор Списка, зная о наличии формы «Пустая Ржева», якобы вставил ее в текст, но ошибочно отнес не к новгородской, а к московской Ржеве.

При всем уважении к авторитету В. Л. Янина, это предположение чересчур рискованно. Доверие к русским летописям как историческим источникам базируется на общем выводе, что они крайне редко подвергались сознательному исправлению. Летописная традиция требовала максимально точного воспроизведения оригинала, в крайних случаях переписчик мог вставить собственные комментарии, но не трогал основной текст. Поздняя вставка Ивангорода — исключение из правил, потому и присутствует лишь в одном из вариантов. Если же принять форму *Пустая Ржева* как результат редактирования, это порождает больше проблем, чем решает. Если переписчик знал, что одна из двух Ржев стала называться Пустой, и посчитал нужным внести такое уточнение в канонический текст, то почему он не отразил и тот наверняка известный

ему факт, что она не осталась под властью Литвы? И почему он не сделал другие актуализирующие правки — скажем, не убрал исчезнувшую Коложу? Гораздо перспективнее оставаться на той позиции, что Список в целом отражает время своего создания, и отражает с очень высокой точностью.

Это не означает, что текст Списка не мог редактироваться в процессе его составления. Столь масштабный для своего времени проект требовал огромной подготовительной работы, предварительной фиксации сведений в некоем аналоге картотеки, которая могла случайно или намеренно тасоваться. Этим можно объяснить неоднократные нарушения порядка перечисления городов, отмечаемые всеми исследователями. Если предполагать, что составитель имел перед глазами карту, эти сбои выглядят необъяснимыми. Но предположение о записях на разрозненных листках, которые могли уточняться независимо друг от друга, делает ошибки более понятными.

Вероятно, вставками в процессе составления следует объяснять и немногочисленные анахронизмы: присутствие Тмутаракани, Немиги, Глотическа и т. п. Кто-то из сановных «рецензентов», возможно — сам Киприан, просматривая предварительные материалы, мог выразить недоумение, почему в Списке отсутствуют названия, упоминаемые в хорошо известной ему «Повести временных лет». Непосредственный составитель добавил названные пункты, факт исчезновения которых не мог проверить на месте. Но после того как Список был вписан в летописный свод, дальнейшее исправление его стало невозможным — именно потому он столь точно донес до нас реалии своего времени. И представляется достаточно убедительным, что временем этим была середина 1390-х годов.

Следовательно, мнение о том, что название «Пустая Ржева» возникло лишь после 1435 г., следует признать ошибочным. Это название применялось к одной из одноименных крепостей намного раньше, и только в этом случае составитель Списка мог ошибиться, приписав его верхневолжской Ржеве вместо новгородской.

Общий вывод о высокой достоверности Списка подтверждается при обращении к его литовской части, которая детальному анализу до сих пор не подвергалась. На территорию ВКЛ приходятся три самостоятельных перечня: помимо собственно литовских, на ней перечислены киевские и волыньские города. В одном контексте с ними следует рассматривать и небольшой перечень смоленских городов, поскольку включение Смоленской земли в состав ВКЛ началось именно в интересующее нас время.

В этих перечнях обращает на себя внимание ряд «странностей». Из белорусских городов, известных в домонгольское время, отсутствуют Волковыск и Слоним, что на фоне присутствия Немиги и Глотическа особенно бросается в глаза. Белая, отторгнутая от Смоленского княжества при Ольгерде, выступает в качестве литовского города, тогда как Мстиславль (*Мстиславль на Вехре*) фигурирует в числе смоленских, хотя уже в 1386 г. был под властью Литвы. На нео-

бычное отнесение Пинска к волыньским городам обратил внимание уже М. Н. Тихомиров. Некоторые литовские и киевские города локализуются вперемешку: литовский Горваль находится между киевскими Речицей и Рогачевом, а киевский Копыль — между литовскими Ключеском и Случеском.

При детальном рассмотрении такие случаи лишь подтверждают высочайшую точность и достоверность Списка. Отсутствие Волковыска и Слонима объясняется тем, что они упоминаются не в «Повести временных лет», широко известной в XIV в. (именно тогда она была включена в различные летописные своды), а в галицко-волыньской летописи, которая дошла до нас лишь в одном своде — Ипатьевском. Вполне возможно, что создателям Списка она не была известна. Сами же эти поселения в ту пору переживали упадок и, видимо, не воспринимались современниками в качестве городов. Судя по археологическим материалам, отложение культурного слоя на волковыском замчище прекращается в середине XIV в. [14, с. 23], поиски же оборонительных сооружений в Слониме того времени вообще не дали результатов [15, с. 27, 30].

Копыль зачислен в киевские города, поскольку туда был переведен из Киева Владимир Ольгердович, о чем сообщает нам «Летописец великих князей литовских» (по Супрасльскому списку): *Того жь лета на осен князь виликии Витовт выведе его ис Киева и дасть ему Копыл, а на Киеве посади князя Скиргайла* [16, с. 62]. Правда, не очень понятно, на осен какого года произошли эти события. Среди польских историков в конце XX века вопрос о княжении Скиргайлы в Киеве стал предметом дискуссии [17; 18; 19, s. 167; 20]. Один из ее участников, Я. Тенговский, в итоге склонился к осени 1394 г. — за несколько месяцев до смерти Скиргайлы [21, s. 82—83, 102—103]. Этому не противоречит последнее упоминание Владимира в качестве киевского князя в феврале 1394 г. — в акте поручительства за его брата Андрея Ольгердовича [22, s. 32].

Тем самым существенно сужается датировка Списка — он был завершён уже после того, как Владимир переместился в Копыль, а Скиргайло — в Киев, но до смерти Скиргайлы (наступившей, по хорошо аргументированной датировке О. В. Лицкевича, в январе 1395 г. [23]), после которой выделение киевских городов в особую категорию потеряло смысл.

Я. Никодем продолжает сомневаться в том, что Скиргайло успел реально получить власть над Киевом (на мой взгляд — без веских оснований). Но даже он признает, что в годах 1392—1394 можно говорить о *соправлении Витовта и Скиргайлы в Лумве* [24]. А значит, должен был существовать и документ, закреплявший условия такого соправления и перечень владений, которые Скиргайло получил или должен был получить в качестве компенсации за утрату статуса наместника Ягайлы — примерно такой, как известный привилей 1387 г. о пожаловании ему Трокского княжения [25, с. 74—78; 26, с. 50—54], и более детальный, чем сохранившаяся трехсторонняя декларация Ягайлы, Скиргайлы и Витовта о предстоящем перераспределении власти, датированная декабрем 1392 г. [27, s. 17—18].

Именно этот не дошедший до нас документ представляется вероятным источником для киевской части Списка. Исполнитель заказа Киприана мог ознакомиться с ним в Киеве, при дворе Скиргайлы. После отравления Скиргайлы этот документ был, вероятно, уничтожен по приказу Витовта, но составитель Списка успел его использовать. А значит, и местом составления Списка следует считать Киев, и даже более конкретно — тот самый двор митрополита у храма Св. Софии, где Скиргайло получил отравленную чашу из рук митрополитичьего наместника.

Принадлежность Горваля к литовским, а не киевским городам может быть объяснена на основании догадки Я. Тенговского об идентичности Юрия, сына Ивана-Войдата Кейстуовича, с князем Юрием Толочко. Этот загадочный князь упоминается в 1391 г. как прежний владелиц Стрешинской волости, пожалованной Виленскому капитулу [28, s. 33—35; 21, s. 202—203]. Сама по себе эта догадка довольно рискованна, но ее правдоподобие существенно возрастает именно из-за способности объяснить маленькую «странность» Списка, которым Я. Тенговский не пользовался. Стрешин находится по соседству с Горвалем и вполне мог быть частью изначальной Горвальской волости. Видимо, он был пожалован Войдату в придачу к Новгородку, его основному уделу, а впоследствии перешел к его сыну. Косвенным указанием на это послужит отсутствие этого пункта в перечне русских волостей, пожалованных Скиргайле в 1387 г. — к тому моменту у Горваля уже был иной владелиц.

После эмиграции Юрия в Пруссию вместе с Витовтом в конце 1389 г. его владения были конфискованы, что дало Ягайле возможность в 1391 г. отделить от Горваля Стрешин и подарить его виленским каноникам. Обретя власть в 1392 г., Витовт вернул племяннику остаток Горвальской волости, а в качестве компенсации за Стрешин добавил Березинскую землю, отлученную от соседнего Рогачева. После смерти Юрия эта земля должна была вернуться под контроль рогачевского наместника, но каноники сумели добиться ее присоединения к уже принадлежащему им Стрешину. Именно эти события можно разглядеть за скупыми строками документа 1399 г.: *Дали есмо землю каноником виленским на имя Березинская къ Стрешину, што были есмо дали князю Юрию Толочку, от Рогачева отоимя* [28, s. 64—66]. Так что Горваль был причислен к литовским городам вполне оправданно — он являлся вотчиной одного из Кейстуовичей. Его экстерриториальность по отношению к сопредельным волостям сохранилась и после смерти Юрия Толочко, когда Горваль был пожалован виленскому наместнику Вайтеху Монивиду или его сыну Яну, в завещании которого упоминается в 1458 г. [29].

Тот же Я. Тенговский обосновал предположение, что Пинск в интересующее нас время принадлежал Юрию Наримонтовичу, который получил его после своего брата Василия, владевшего им в 1380-е гг. С ним Я. Тенговский отождествляет князя Юрия Пинского, свидетеля на договоре Витовта в 1398 г. [21, s. 36, 39]. Если же вспомнить, что изначальной вотчиной Юрия

Наримонтовича был Белз, от притязаний на который он не отказывался до конца жизни, то зачисление Пинска в ряд волыньских городов перестает быть неразрешимой загадкой.

Само выделение волыньских городов в отдельную категорию объяснить сложнее. Не исключено, что причина хотя бы частично кроется в альянсе между Витовтом и Юрием Наримонтовичем, о котором сообщает нам «Летописец великих князей литовских» по Слуцкому списку: *А князь же великий Витовт совет сотвори со князми своими, со князем Юрьем Наримонтовичом Бельским* (явно имеется в виду Белз. — В. Н.) *и со князем Ивановь Олгимонтовичом, и поиде в Литву и сяде в Вилни, в Литве, на великом княжены* [16, с. 71]. Для летописца несомненна значительная роль, которую Юрий сыграл в обретении Витовтом власти над ВКЛ. Поэтому оправданно полагать, что после этого вплоть до своей смерти (последовавшей в конце 1398 г. или чуть позже) он пользовался особым статусом. Этот статус вполне мог быть закреплен не дошедшим до нас письменным соглашением, в котором перечислялись волыньские и пинские владения Юрия в ВКЛ, а также объекты его притязаний в польской части Волыни. Это соглашение, в свою очередь, могло лечь в основу волыньской части Списка, подобно тому, как в основу киевской легло соглашение со Скиргайлой. Исчезновение в дальнейшем всех упоминаний об этих соглашениях можно объяснить стремлением Витовта стереть из общественной памяти тот период, когда его власть не была единоличной.

Но этот вывод сугубо предварителен и требует дальнейшего уточнения. Кое-какие факты с ним не согласуются. Часть городов, отнесенных к волыньским, представляли собой вотчину самого Витовта — это прежде всего Берестье и подляшский Брянск (*Брынеск*), но также и Луцк, пожалованный ему еще в бытность удельным князем. Почему эти города не фигурируют среди литовских, предстоит еще объяснить.

По-прежнему непонятно, почему к волыньским городам были причислены Львов, Галич и другие центры, входившие в состав Польского королевства и включенные впоследствии в Русское воеводство. И с географической, и с политической точки зрения логичнее было бы объединить их в одну группу с подольскими, которые во всех вариантах, кроме Комиссионного списка (явно дефектного в этом месте), названы польскими. Надеюсь, что знатокам истории Западной Украины удастся найти разгадку. Могу лишь предположить, что она кроется в подробностях отношений между Юрием Наримонтовичем, Владиславом Ягайлой и Земовитом Мазовецким — фактическим владельцем Белза в данный период.

Что касается Мстислава, он в ту пору принадлежал, видимо, Семену Ольгердовичу, недавнему князю Великому Новгороду. Дата начала его княжения в Мстиславе точно не известна. Летопись под 1392 г. сообщает о его убийстве из Новгорода, откуда он *поехаша в Литву къ своим братым* [1, с. 382]. По мнению большинства исследователей, именно после этого он получил Мстиславль. Но в

1396 г. в грамоте полоцкого наместника Монтигирда упоминается мир, заключенный ранее с Ригой князем Семеном (*што есте со княземъ съ Семеномъ мир оузяли и с мужи полочаны*) [26, с. 64—65]. Это дало основание В. Мацеевской предполагать правление Семена Ольгердовича между 1392 и 1396 гг. в Полоцке [30, s. 25], с чем согласился Я. Тенговский [21, s. 119]. Представляется все же, что при Витовте в Полоцке правили не удельные князья, а наместники, первым из которых (предшественником Монтигирда) был князь Семен Дмитриевич Друцкий. Следующего полоцкого наместника, который фигурирует в грамоте 1409 г. как князь Иван Семенович [26, с. 114—118], есть все основания считать его сыном. Таким образом, говорить о княжении в Полоцке Семена Ольгердовича не приходится, а предположение о его правлении во Мстиславле с 1392 г. выглядит наиболее правдоподобным. Православное вероисповедание и прочные связи с Русью, как и в случае с его старшим братом Владимиром, не позволили составителю Списка отнести его удел к литовским городам. Вместо этого он был определен по своей исторической принадлежности к Смоленску.

Столь прекрасная осведомленность составителя Списка в политических и конфессиональных реалиях своего времени заставляет с большой осторожностью подходить к решению проблемы, поставленной В. Л. Яниным: почему в документе, составленном в конце 1394 г., многочисленные крепости Ржевской волости упомянуты в числе литовских, а не залесских городов, если с 1390 г. они принадлежали Владимиру Серпуховскому, а *докончание* 1449 г. ссылаются на их подчиненность Москве со времен Кейстута?

У перечня литовских городов на пограничье с Московским княжеством наверняка тоже был какой-то документальный источник. Возможно, за основу был взят один из тех утраченных документов времен Ольгерда, существование которых обосновал О. В. Лицкевич [31]. В таком случае этот источник был уже изрядно устаревшим и требовал актуализации. Но, в отличие от таких княжеских резиденций, как Пинск, Мстиславль или Копыль, упоминавшиеся в нем мелкие городки на границе с Москвой не были непосредственно знакомы ни составителю Списка, ни его заказчику. Сам факт наличия этих поселений в качестве «русских городов» они не смогли проигнорировать, но вот возможность уточнить, не изменилась ли с момента упоминания их принадлежность, имелась далеко не всегда. Потому эта часть Списка получилась не столь выверенной, как остальные.

Подведем общие итоги:

1. Непосредственной причиной создания Списка послужило желание митрополита Киприана очертить оптимальную в его представлении территорию метрополии Всяя Руси: полностью или частично православные города Великого Княжества Владимирского, Великого Княжества Литовского, Великого Новгорода и Пскова, Польского королевства, Молдавского и Валахского господарств (с временно подчиненной последнему частью Болгарии).

2. Наиболее вероятным временем составления черного варианта Списка представляется период княжения в Киеве Скиргайлы Ольгердовича (последняя четверть 1394 — самое начало 1395 г.), а местом — киевский двор митрополита, где была возможность ознакомиться с перечнем подвластных Скиргайле киевских городов.

3. Список составлялся образованным и хорошо ориентирующимся в географии исполнителем, вероятно — монахом или священником достаточно высокого ранга, который опирался на все доступные ему летописные и акты источники и осуществлял по мере сил их актуализацию. Его возможности в этом были все же ограничены, чем и объясняется ряд хронологических несоответствий, в основном в отношении малоизвестных либо давно исчезнувших поселений.

4. В целом продуманный, но неоднократно нарушаемый порядок перечисления городов позволяет предполагать, что составитель пользовался не картой, а неким подобием картотеки, в которой некоторые записи в процессе работы перепутались.

5. Можно полагать, что уже составленный список просматривался и редактировался лично Киприаном, который наверняка останавливался в своем киевском дворе по дороге в Галич в 1395 г. Этот момент следует считать датой окончательного оформления Списка, после чего он больше не подвергался намеренным правкам вплоть до своей фиксации в предполагаемом летописном своде 1409 г.

6. Несмотря на ряд неточностей, Список является ценнейшим источником по исторической географии Руси конца XIV века.

Л и т е р а т у р а

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. — 642 с.
2. Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. — М., 2000. — Т. IV. — Ч. 1. — XXXVIII, 686, [1] с.
3. Уваровский список Свода 1518 г. // Полное собрание русских летописей. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 163—188.
4. Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. — СПб., 1856. — Т. VII. — X, 345, [2] с.
5. Срезневский, И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках / И. И. Срезневский. — СПб., 1867. — [4], 88 с.
6. Тихомиров, М. Н. «Список русских городов дальних и ближних» / М. Н. Тихомиров // Исторические записки. — М.: Издательство АН СССР, 1952. — Т. 40. — С. 214—259.
7. Любавский, М. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства / М. Любавский. — М., 1892. — VIII, 884, С, VI с.
8. Насонов, А. Н. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник / А. Н. Насонов // Проблемы источниковедения. — М.: Издательство АН СССР, 1961. — Т. IX. — С. 354—355.
9. Насонов, А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования / А. Н. Насонов. — М.: Наука, 1969. — 555 с.

10. Наумов, Е. П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» / Е. П. Наумов // Летописи и хроники: Сборник статей, 1973 г. — М.: Наука, 1974. — С. 150—163.
11. Подосинов, А. В. О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних» / А. В. Подосинов // Восточная Европа в древности и средневековье. — М.: Наука, 1978. — С. 40—48.
12. Рыбаков, Б. А. Древние русы / Б. А. Рыбаков // Советская археология. — М.: Издательство АН СССР, 1953. — № 17. — С. 23—104.
13. Янин, В. Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII—XV веков / В. Л. Янин. — М.: Издательство МГУ, 1998. — 215 с. (Глава четвертая: К вопросу о дате составления обзора «А се имена градом всем русским, далним и ближним». С. 61—70).
14. Зверуго, Я. Г. Древний Волковыск X—XIV вв. / Я. Г. Зверуго. — Минск: Наука и техника, 1975. — 144 с.
15. Археалогія Беларусі. — Минск: Беларуская навука, 2001. — Т. 4. Помнікі XIV—XVIII стст. — 597 с.
16. Полное собрание русских летописей. — М.: Наука, 1980. — 306 с. — Т. 35. Летописи белорусско-литовские / Составитель и редактор тома Н. Н. Улащик.
17. Tęgowski, J. Kiedy zmarł Skirgiełło? / J. Tęgowski // Społeczeństwo i polityka do XVII wieku: Księga pamiątkowa ku czci profesora doktora Wacława Odyńca w 70-lecie urodzin. — Olsztyn, 1994. — S. 59—64.
18. Powierski, J. Czy Skirgiełło był księciem Kijowskim? / J. Powierski // Społeczeństwo i polityka do XVII wieku: Księga pamiątkowa ku czci profesora doktora Wacława Odyńca w 70-lecie urodzin. — Olsztyn, 1994. — S. 65—78.
19. Wasilewski, T. Skirgiełło / T. Wasilewski // Polski Słownik Biograficzny. — Warszawa; Kraków, 1997—1998. — Т. 38. — S. 167—170.
20. Nikodem, J. Rola Skirgiełły na Litwie do 1394 roku / J. Nikodem // Scripta minora. — Poznań, 1998. — Т. II. — S. 83—129.
21. Tęgowski, J. Pierwsze pokolenia Gedyminowiczów / J. Tęgowski. — Poznań; Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 1999. — 320 s.
22. Akta unji Polski z Litwą 1385—1791 / Wydali S. Kutrzeba i W. Semkowicz. — Kraków: Nakładem Polskiej Akademji Umiejętności i Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1932. — LVI, 571 s.
23. Ліцкевіч, А. У. Атручэнне князя Скіргайлы ў Кіеве (1395 год): Гістарычны каментарый і праблема аўтарства другой часткі «Летапісца вялікіх князёў літоўскіх» / А. У. Ліцкевіч // Arche. — 2012. — № 3. — С. 8—52.
24. Nikodem, J. Uposażenie młodszych Olgierdowiczów. Przyczynek do biografii Skirgiełły / J. Nikodem // Białoruskie Zeszyty Historyczne. — Białystok, 2001. — № 15. — S. 5—25. (Цит. по электронной версии: http://kamunikat.fontel.net/www/czasopisy/bzh/15/15art_nikodem.htm).
25. Грамоты XIV ст. / Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-показчики М. М. Пешак. — Київ: Наукова думка, 1974. — 219 с.
26. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. / Составитель А. Л. Хорошкевич. — М.: Институт истории СССР, 1977. — Вып. I. — 228 с.
27. Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Т. II. Codex epistolaris saeculi decimi quinti / Ex antiquis libris formularum, corpore Naruszeviciano, autographis archivisque

- plurimus collectus opera A. Sokolowski, J. Szujski. — W Krakowie: Nakładem Akademii Umiejętności Krakowskiej, 1876. — Т. 1. 1384—1492. — LXX, 158, 368, [2] s.
28. Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskiej / Wydali ks. J. Fijałek i W. Semkowicz. — W Krakowie, 1932—1948. — Т. I (1387—1507). — 771 s.
 29. Semkowicz, W. Przywileje Witolda dla Moniwida / W. Semkowicz // Ateneum Wileńskie. — 1923. — № 2. — S. 256—258.
 30. Maciejewska, W. Dzieje ziemi Połockiej w czasach Witolda (1385—1430) / W. Maciejewska // Ateneum Wileńskie. — 1933. — R. VIII (za r. 1931—1932). — S. 1—56.
 31. Лицкевич, О. В. Ольгердиана: о некоторых фальсификатах и утраченных документах Великого княжества Литовского (литовско-московских договорах 1340—1380-х гг.) / О. В. Лицкевич // Здабыткі: Дакументальныя помнікі на Беларусі. — Мінск: НББ, 2011. — Вып. 13. — С. 87—108.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 16.05.2016

А. А. Савинов,
юрисконсульт, стажер младшего научного сотрудника
отдела документоведения Белорусского научно-исследовательского
института документоведения и архивного дела;
e-mail: savinovrecord@mail.ru

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ФОНОДОКУМЕНТА. СОВРЕМЕННЫЕ ЦИФРОВЫЕ ФОРМАТЫ ФОНОДОКУМЕНТОВ

Человечество за годы существования звукозаписи накопило огромное количество фоновых документов, в том числе и уникальных. Все они, записанные на разных носителях (граморигиналах, грампластинках, магнитных лентах, цифровых носителях) — часть исторического наследия. Очень часто мы сталкиваемся с необходимостью использования записей в работе (как, например, запись речевой информации, содержащая управленческие решения для дальнейшего их претворения в жизнь).

За прошедшие десятилетия произошли колоссальные изменения как носителей звуковых документов, так и качества их записи. Однако до сих пор ученые в некоторых случаях относятся несерьезно к фоновым документам как к объекту исследований. Основной причиной этого, как мы считаем, является бытовое и крайне потребительское отношение к фоновым документам и их носителям. Единственным учреждением на территории Беларуси, которое осуществляет комплексное изучение фоновых документов, является Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов (БГАКФФД), который находится в г. Дзержинске.

Работ, посвященных именно теме истории развития фоновых документов, в настоящий момент на территории Республики Беларусь практически не существует, однако есть ряд трудов и источников, связанных с ней. Это различные статьи, посвященные архивному хранению фоновых документов (в том числе и цифровых); научно-популярные работы, посвященные практическому использованию звуковой информации (воспроизведение, запись и реставрация звука).

Мысль о сохранении, консервации звуковых образов возникла очень давно. Но только в конце 1877 г. Томасом Эдисоном был продемонстрирован первый действующий аппарат для записи и воспроизведения звука — фонограф. Запись производилась на оловянной фольге, покрывающей поверхность цилиндра-валика. Специальная игла, связанная с мембраной, при записи формировала в фольге специальную дорожку, глубина которой соответствовала громкости звука. Звуковые колебания, воздействующие через мембрану на иглу, усиливались предварительно с помощью рупора. При воспроизведении та же игла двигалась по канавке, углубления которой преобразовывались с помощью мембраны и рупора в звуковые колебания. В первых фонографах валик приводился в движение с помощью рукоятки. Недостатки данных аппаратов очевидны: нестабильность частоты вращения валика приводила к искажению звука, запись на оловянной фольге быстро изнашивалась и т. д. Но основным пре-

пятствием для широкого распространения фонографов была сложность изготовления копий фонограмм. Работы над совершенствованием фонографа продолжались вплоть до 1920-х гг. XX в., пока он не был вытеснен более современным аппаратом механической записи — граммофоном, появившемся в 1888 г. Изобретателем граммофона стал американец Э. Берлинер, но сама идея записи на диске и изготовления затем матрицы и копий была высказана еще в 1877 г. французским изобретателем Ш. Кро. В первых образцах запись звука велась на диске, покрытом сажей, причем колебания иглы совершались не в вертикальном, как в фонографе, а в поперечном направлении. Затем извилистая звуковая дорожка, расположенная на диске по спирали, закреплялась лаком, после чего можно было изготавливать матрицу и копии — грампластинки. Как и в фонографе, преобразование механических колебаний иглы в акустические волны проводилось с помощью связанной с иглой мембраны и рупора. Это изобретение позволило наладить массовое производство грампластинок и граммофонов. Система записи была также чисто механической, со всеми присущими ей недостатками. Чтобы получить достаточную громкость звука, звуковая дорожка на пластинке должна была обеспечить большую амплитуду колебаний иглы, а это вело к увеличению площади, занимаемой одной дорожкой на пластинке. Поэтому длительность звучания одной стороны грампластинки диаметром 30 см не превышала 4—5 минут.

С 1925 г. начинается электронная эра звукозаписи. Пластинки стали записываться в студии с помощью электронного рекордера. С появлением ламповых усилителей граммофон потерял рупор и стал намного ближе к современному проигрывателю пластинок. Частота вращения диска, приводимого в движение электродвигателем, составляла 78 оборотов в минуту, радиус кривизны конца иглы звукоснимателя равнялся 63,5 мкм. Грампластинки изготавливались из шеллачной массы. Хотя качество звучания электронного проигрывателя по сравнению с граммофоном резко повысилось, время произведения осталось тем же (для одной стороны пластинки).

В 1948 г. в США была разработана долгоиграющая пластинка. Так как громкость звука определялась теперь мощностью усилителя и громкоговорителя, то отпала необходимость в большой амплитуде колебаний иглы. Стало возможным уменьшить площадь, занимаемую дорожкой записи на пластинке. Для производства долгоиграющих пластинок стал использоваться новый материал — хлорвинил, позволяющий формировать узкую дорожку записи с требуемой точностью. Радиус закругления иглы стал 25,4 мкм. Время воспроизведения одной стороны пластинки диаметром 30 см увеличилось до 20—30 минут при снижении скорости вращения до 33, 3 оборотов в минуту.

В 1957 г. был разработан стандарт на стереофоническую запись «45 на 45». Сигналы двух звуковых каналов по этому стандарту записываются на боковых стенках звуковой канавки пластинки под углом 45 градусов. Плот-

ность записи стереофонической пластинки повысилась вдвое по сравнению с первыми монофоническими долгоиграющими дисками.

Чем определяется плотность записи на единицу поверхности для грам-пластинки и что это такое?

Плотность записи — это показатель, определяющий, насколько «быстрые» изгибы звуковой дорожки можно записать и воспроизвести с грам-пластинки. Рассмотрим процесс записи диска-оригинала. Звуковые колебания, преобразованные с помощью микрофона в электрический сигнал и усиленные электронным устройством, воздействуют через электромеханический преобразователь на алмазный резец рекордера, вырезающего канавку на поверхности диска. Ясно, что звуковому сигналу с самой большой частотой соответствует наиболее извилистая дорожка, оставляемая резцом на поверхности диска. При этом, если диск вращается быстро, изгибы дорожки будут более плавными, чем при вращении с меньшей скоростью.

Итак, можно сделать вывод, что носитель звуковой информации (в данном случае — грам-пластинка) с большей плотностью записи на единицу поверхности по сравнению с носителем с меньшей плотностью записи позволяет записать и воспроизвести звуковую программу большей продолжительности и (или) с лучшим качеством за счет расширения частотного диапазона.

Первые граммофоны и патефоны имели узкий частотный диапазон воспроизведения — от 200—300 Гц до 3—4 кГц. Этого было достаточно для «опознания» исполнителя, но о естественности звучания говорить не приходилось. Жесткая игла, связанная с мембраной, требовала сглаженной звуковой канавки, так как не могла следовать за ее резкими изгибами. Увеличение же частоты вращения диска для расширения частотного диапазона привело бы к недопустимому сокращению времени звучания. Появление более совершенных звукоснимателей с большой гибкостью подвеса иглы и малой прижимной силой позволило обеспечить надежное следование иглы по звуковой дорожке современной грам-пластинки. При скорости вращения 33,3 оборота в минуту долгоиграющая пластинка обеспечивает воспроизводимый диапазон частот от 30 Гц до 20 кГц [3, с. 6—8].

Это позволяет сделать вывод, что, во-первых, основной целью является стремление к повышению качества, максимальное приближение воспроизводимого звука к естественному звучанию. Во-вторых, снижение расхода носителя записи равнозначно увеличению времени звучания программы при одинаковом размере дисков. При объединении этих двух требований становится ясно, что для их удовлетворения необходимо увеличить плотность записи на единицу поверхности носителя. Развитие грамзаписи показывает, что тенденция увеличения плотности записи неуклонно соблюдается при переходе к каждому следующему этапу ее развития.

Важными являются также требования снижения износа носителя и иглы, уменьшения искажения звука за счет неравномерности вращения диска (дето-

нации), деформации пластинки и «неидеальности» следования иглы по канавке, повышения устойчивости к запыленности и загрязнению носителя, удобства и простоты эксплуатации системы. Чтобы вновь созданная система звукозаписи оказалась жизнеспособной, она должна обеспечить существенное улучшение, по крайней мере, нескольких из перечисленных параметров и, прежде всего, качества звучания. Появление новой системы связано с необходимостью замены всего парка устаревших носителей и устройств.

Несмотря на то, что виниловые пластинки как носители фоноинформации появились очень давно, в последнее время они набирают все большую популярность, в первую очередь среди молодежи. Причин множество:

1) Кто-то просто отдает дань «последнему пиксу» моды.

2) Некоторые считают прослушивание виниловых пластинок процессом необычным и завораживающим.

3) У кого-то просто возникает чувство ностальгии по невозвратному прошлому.

4) Есть даже те, кто искренне считает, что качество записи на виниловых пластинках на порядок выше и звучание более естественное, чем на CD и DVD дисках.

Доказательством этому могут послужить многочисленные интернет-магазины, в которых осуществляется продажа проигрывателей винила и самих виниловых пластинок. Именно поэтому можно сказать, что данный носитель звуковой информации становится все более и более актуальным.

Следующим этапом в развитии аудиодокумента явилось создание и последующее распространение магнитной ленты как носителя звуковой информации.

Магнитная звукозапись была изобретена В. Паульсеном в 1898 г. При этом звуковые сигналы записывались на проволоку. В качестве магнитного носителя проволока имела следующие недостатки: она размагничивалась, присутствовало влияние соседних витков друг на друга (так называемый копир-эффект), зачастую скручивалась. В 1930-е гг. была решена проблема записи на магнитную ленту. Сначала магнитный слой наносился на бумажную основу, затем она была заменена на пластмассовую. В 1940-е гг. запись на ленту была значительно усовершенствована, усиленно развивались технологии, и в конце десятилетия первые магнитофоны появились на рынке. С появлением ЭВМ магнитофоны стали выполнять роль внешних запоминающих устройств.

Развитие магнитной записи имеет очевидное сходство с развитием механической записи. С одной стороны, вся история магнитной записи представляет собой непрерывную гонку за возможно более широким диапазоном частот записи или большей частотой записи компьютерных данных в единицу времени, с другой стороны — неизменное стремление уменьшить расход носителя за счет увеличения плотности записи на единицу его поверхности. Только в случае магнитной записи звуковой сигнал преобразуется не в изгибы дорожки, а в

«картинку» распределения намагниченности поверхности магнитной ленты. При этом записываемому сигналу с самой высокой частотой соответствует наименьший размер участка намагниченной ленты. Размер или длина этого участка, а значит, и плотность записи зависят от скорости движения ленты относительно головки записи.

Появление новых материалов для магнитных головок, улучшение свойств носителя способствовали развитию высокоплотной магнитной записи. Первые студийные магнитофоны работали при скорости движения ленты 76,2 см/с. Затем стали появляться магнитофоны со скоростью 38,1 и 19,05 см/с. Последнее значение скорости сохранялось все время пользования катушечными магнитофонами наряду со скоростью 9,5 см/с. Переворот в технике магнитной звукозаписи произвело появление кассетных магнитофонов со скоростью движения ленты 4,75 см/с, имеющих малые габаритные размеры и питание от батарей. Данные магнитофоны впервые были разработаны в середине 1960-х гг. фирмой Philips и имели компакт-кассету с магнитной лентой шириной 3,81 мм. Рядом фирм уже после появления компакт-кассет были предложены другие типы кассет. Хотя многие из них имели лучшие характеристики, они не получили распространения, так как эти преимущества были малозаметны.

Однако возможности качества записи ограничиваются свойствами канала прямой записи-воспроизведения (пары головка-лента). Как и в случае механической аналоговой записи, дальнейшее улучшение параметров сопровождается непропорционально большими затратами, ведущими к резкому повышению цен на аппараты. Все это говорит о том, что нельзя добиться существенного улучшения качества записи с одновременным уменьшением расхода магнитной ленты, используя традиционные методы аналоговой магнитной звукозаписи. Именно это побудило перейти к цифровой записи звука на магнитной ленте.

История магнитной цифровой звукозаписи началась в 1965 г., когда японской радиовещательной корпорацией NHK были начаты исследования, а в 1967 г. проведены опыты по цифровой звукозаписи. В качестве магнитофона использовался модифицированный видеоманитофон, имеющий две вращающиеся магнитные головки и работающий на ленте шириной 25,4 мм. Звуковой сигнал, представленный в цифровой форме, записывался в полосе частот видеозаписи. Частота дискретизации (процесса, в результате которого аналоговый сигнал преобразуется в цифровую форму) [1, с. 197] составляла 40 кГц. Работы получили высокую оценку, и было признано целесообразным продолжить исследования в этом направлении.

В 1970 г. началось ускоренное внедрение цифровой магнитной звукозаписи в студиях. В основном это были модифицированные видеоманитофоны формата U-matic с лентой шириной 19 мм. В том же году в ряде стран начата разработка цифровых магнитофонов с неподвижными головками, обладающих повышенной надежностью по сравнению с видеоманитофонами благодаря низкой скорости движения ленты относительно головки. Для записи применя-

лись блоки головок, одновременно записывающие до 32 дорожек. В 1972—1977 гг. был разработан целый ряд таких магнитофонов. Все они были несоместимы друг с другом. Применялись блоки головок, имеющие от 9 до 32 дорожек, различные типы лент шириной 6,3; 12,7; 25,4 мм. Частоты дискретизации выбирались также самые различные: 32; 35,7; 48; 50; 52 кГц.

В 1975 г. фирмой Sony были начаты работы по исследованию возможности цифровой записи звука на бытовой видеоманитофон, использующий кассету шириной 12,7 мм. Фирма шла по пути создания приставки к видеоманитофону, преобразующей звуковой сигнал в цифровой, а затем — в псевдотелевизионный, что позволило на любой видеоманитофон записывать вместо видеопрограммы высококачественную звуковую программу. В 1977 г. такая приставка, получившая название ИКМ-процессора, поступила в продажу. Через год был выпущен ИКМ-процессор, предназначенный для профессионального использования и применяющийся совместно с видеоманитофонами формата U-matic. Вскоре фирмой Sony был разработан комплекс БИС, и выпущена на рынок новая приставка, стоимость которой снизилась в 3 раза по сравнению с первым ИКМ-процессором. Уже в этой комбинации ИКМ-процессора и видеоманитофона достигался расход ленты меньший, чем у высококачественного аналогового магнитофона, работающего на скорости 38,1 см/с. При этом качество записи было несравненно выше любого аналогового магнитофона.

В июне 1983 г. состоялась конференция по системам цифровой магнитной записи. В работе конференции приняла участие 81 фирма, в том числе 60 японских. Для выработки требований к системе были созданы две рабочие группы, задачей которых была разработка этих требований к цифровым магнитофонам со стационарной S-DAT (Stationary head Digital Audio Tape) и с вращающейся R-DAT (Rotary head Digital Audio Tape) головками.

После двух лет работы эта группа закончила формирование технических требований к S-DAT и R-DAT. Для выработки проекта международного стандарта в сентябре 1985 г. был сформирован исследовательский комитет DAT.

В начале 1987 г. почти все крупные японские фирмы начали продажу цифровых звуковых магнитофонов с вращающимися головками R-DAT. Успех формата R-DAT объясняется, с одной стороны, более высокой плотностью записи на единицу поверхности по сравнению с S-DAT. Кассета R-DAT при меньших, чем у кассеты S-DAT, размерах обеспечивает двухчасовое воспроизведение по сравнению с 1,5 часами у S-DAT. Качество же звучания отдельных магнитофонов идентичное и несравненно превосходит качество записи любого аналогового магнитофона. Частотный диапазон воспроизведения — от 5 Гц до 22 кГц, коэффициент искажений — менее 0,005%, отношение сигнал-шум — не менее 92 Дб. С другой стороны, производство R-DAT магнитофонов, лентопротяжный механизм (ЛПМ) которых имеет большое сходство с ЛПМ видеоманитофонов формата Video-8, базируется на важных достижениях техноло-

гии их производства. Стандарт Video-8 был утвержден как международный в 1985 г. [3, с. 6—8].

Любой аналоговый звук, будь то он записан на магнитной ленте или грампластинке, можно оцифровать. Если записывать звук через микрофон, то он переводится в электрический сигнал, напряжение которого непрерывно зависит от времени. Это напряжение называется аналоговым представлением звука. Оцифровка звука делается с помощью измерения напряжения сигнала во многих точках оси времени, перевода каждого измерения в числовую форму и записи полученных чисел в файл. Этот процесс называется сэмплированием или отбором фрагментов. Звуковая волна сэмплируется, а сэмплы (звуковые фрагменты) становятся оцифрованным звуком. Устройство сэмплирования звука называется аналого-цифровым преобразователем (АЦП или, по-английски, ADC, analog-to-digital converter).

Разницу между звуковой волной и ее сэмплами можно сравнить с разницей между обычными часами с циферблатом, в которых стрелки вращаются непрерывно, и электронными часами, в которых показания дисплея меняются скачками каждую секунду.

Поскольку звуковые сэмплы являются числами, их легко редактировать. Однако основное назначение звуковых файлов состоит в их проигрывании и прослушивании. Это делается с помощью перевода цифровых сэмплов в электрическое напряжение, которое непрерывно подается на динамики. Устройство для выполнения этой процедуры называется цифро-аналоговым преобразователем (ЦАП или DAC, digital-to-analog converter). Очевидно, более высокая скорость сэмплирования дает лучшее представление звука, но это же приводит к увеличению числа сэмплов (звуковых фрагментов) и к росту объема звукового файла. Следовательно, основная проблема сэмплирования состоит в определении оптимальной скорости отбора сэмплов.

Диапазон слышимых частот лежит в интервале от 16—20 Гц до 20—22 кГц. Он зависит от возраста и других физических особенностей человека. Если необходимо оцифровать звук с высокой точностью, то скорость сэмплирования должна быть достаточно высокой и равняется $2 \times 22\,000 = 44\,000$ Гц. Поэтому высококачественный оцифрованный звук основан на скорости сэмплирования 44 100 Гц.

Также на качество сэмпла влияет и сам размер звукового фрагмента. Каждый сэмпл — это число, но насколько большим оно может быть? Обычно на практике сэмплы состоят из 8 или 16 бит, но высококачественные звуковые карты допускают использование 32 бит. 8-битовое сэмплирование является более грубым, чем 16-битовое. В результате будет произведено лучшее сжатие, но более бедное воспроизведение [16, с. 309—312].

Рассмотрим материальные носители звуковой информации в цифровом формате.

Компакт-диск — новый этап в развитии техники звукозаписи, который является на данный момент одним из самых распространенных материальных носителей фонодокумента.

В 1977 г. фирмами Philips и Sony была начата разработка цифровой пластинки компакт-диска (CD). В 1979 г. были сформированы общие технические требования для цифровой системы записи на компакт-диск.

В системе «Компакт-диск» запись звуковых сигналов, преобразованных в цифровую форму, осуществляется с помощью микроскопических углублений (пит), наносимых на поверхность компакт-диска по спиральной дорожке при тиражировании. Считывание сигнала при воспроизведении осуществляется при помощи отраженного от поверхности диска лазерного луча. Далее отраженный луч преобразуется в электрический сигнал, который поступает в формирователь цифрового сигнала, а также используется для управления положением считывающей головки и частотой вращения диска. Цифровой сигнал подвергается специальной обработке, после чего преобразуется в аналоговую форму и поступает на вход проигрывателя компакт-диска.

По сравнению с грампластинкой компакт-диск имеет значительные преимущества по всем показателям. Применение цифровых методов обработки сигнала обеспечило практически не искаженное звуковое воспроизведение. Уровень искажений, вносимых при преобразовании звукового сигнала из цифровой формы в аналоговую, оказывается ниже порога слышимости человеческого слуха. Запыленность, царапины на компакт-диске практически не влияют на качество воспроизведения. Имея диаметр всего 120 мм (по сравнению с 30-сантиметровым гигантом компакт-диск кажется карликом), он обеспечивает более часа звучания. Благодаря бесконтактному (с помощью луча лазера) воспроизведению отсутствует проблема износа носителя. Детонация звука полностью устраняется использованием цифровых методов обработки звукового сигнала. Так как кроме звуковой программы на компакт-диске записана также дополнительная информация о времени звучания фрагментов, порядковых номерах фрагментов и т. п., становится возможным выбор воспроизведения в любой последовательности отдельных фрагментов программы. Компакт-диск не требует столь бережного обращения, как грампластинка [3, с. 6—8].

Существуют и определенные разновидности компакт-дисков по возможности записи / переписи на них звуковой информации:

CD-R, DVD-R, HD-DVD и BlueRay предназначены только для однократной записи. Они используются для архивной записи звука в студийных условиях в любых форматах. Поверхность этих дисков покрывается светочувствительным покрытием на основе органического красителя, у которого при записи под воздействием лазерного излучения меняется коэффициент пропускания в соответствии с записываемой цифровой информацией.

CD-RW и DVD-RW предназначены для многократной записи. Перезаписываемые диски отличаются тем, что запись на них можно стереть и произвести

повторно несколько раз. Для обеспечения возможности записи и стирания информации покрытие изготавливается из материалов, которые под воздействием нагревания лазерного излучения могут переходить из кристаллического состояния в аморфное (т. е. состояние твердого тела, характеризующееся изотропией физических свойств, обусловленное неупорядоченным расположением атомов и молекул) [1, с. 197] и обратно. Такие оптические диски часто применяются в студиях для монтажа фонограмм вместо магнитных дисков [2, с. 6].

Соответственно данный цифровой носитель имеет свои форматы звукозаписи, речь о которых пойдет ниже.

Формат файла определяет структуру и особенности представления звуковых данных при хранении на запоминающем устройстве ПК. Для устранения избыточности аудиоданных используются аудиокодеки, при помощи которых производится сжатие аудиоданных. Выделяют три группы звуковых форматов файлов:

- 1) аудиоформаты без сжатия;
- 2) аудиоформаты со сжатием без потерь;
- 3) аудиоформаты с применением сжатия с потерями.

Особняком стоят модульные музыкальные форматы файлов. Созданные синтетически или из сэмплов заранее записанных живых инструментов, они, в основном, служат для создания современной электронной музыки (MOD). Также сюда можно отнести формат MIDI, который не является звукозаписью, но при этом с помощью секвенсора (аппаратное или программное устройство для записи и воспроизведения MIDI-сообщений) [2, с. 6] позволяет записывать и воспроизводить музыку, используя определенный набор команд в текстовом виде [4].

Итак, остановимся подробнее на самых распространенных цифровых форматах воспроизведения звуковой информации:

1) CD-DA (англ. Compact Disc Digital Audio, также называемый англ. Audio CD и Red Book) — международный стандарт цифровой звуковой системы «компакт-диск», представленный фирмами Philips и Sony [5].

2) Audio Interchange File Format (AIFF) — формат аудиофайлов, применяемый для хранения звуковых данных на персональных компьютерах и на других электронных аудиоустройствах [6].

3) FLAC (англ. Free Lossless Audio Codec) — популярный свободный кодек, предназначенный для сжатия аудиоданных без потерь [7].

4) MIDI (англ. Musical Instrument Digital Interface — цифровой интерфейс музыкальных инструментов) — стандарт цифровой звукозаписи на формат обмена данными между электронными музыкальными инструментами [8].

5) MOD — формат файлов, разработанный для создания, хранения и воспроизведения музыкальных композиций на ПК Amiga. Свое название получил от того, что стал первым форматом, хранящим свои фрагменты (например, семплы) в других файлах (принцип модульности). Файлы этого формата име-

ют, как правило, расширение .mod. Расхожее мнение о том, что на Amiga файлы имеют расширение mod. в начале имени, в корне не верно — в среде композиторов на Amiga существует такая традиция, но в AmigaOS расширения файлов не используются, поэтому на Amiga расширения (любого) может и не быть вовсе [9].

6) MPEG-1 Audio Layer II (сокр. MP2, иногда называется Musicam) — один из трех форматов (уровень 2) сжатия звука с потерями, определенных в стандарте MPEG-1. Применяется в цифровом радиовещании DAB и устаревшем стандарте Video CD, который в 90-е гг. использовался для распространения фильмов на оптических компакт-дисках и существовал до широкого распространения DVD [10].

7) MP3 (более точно, англ. MPEG-1/2/2.5 Layer 3; но не MPEG-3) — это кодек третьего уровня, разработанный командой MPEG, лицензируемый формат файла для хранения аудиоинформации [11].

8) MPEG-4 Part 14 или MP4, официально известный как формат, являющийся частью стандарта MPEG-4. Используется для упаковки цифровых видео- и аудиопотоков, субтитров, постеров и метаданных, которые определены группой специалистов MPEG. Как и большинство современных медиаконтейнеров, MPEG-4 Part 14 предусматривает возможность осуществлять потоковое вещание через Интернет, дополнительно к файлу передаются метаданные, содержащие необходимую для вещания информацию. Контейнер позволяет упаковывать несколько видео-, аудиопотоков, а также субтитров [12].

9) Wave form Audio File Format (WAVE, WAV, от англ. wave form — «форма сигнала») — формат файла-контейнера для хранения записи оцифрованного аудиопотока. Этот контейнер как правило используется для хранения несжатой информации. Однако контейнер не налагает каких-либо ограничений на используемый алгоритм кодирования [13].

10) Monkey's Audio — популярный формат кодирования цифрового звука без потерь качества звучания. Кодек распространяется в виде бесплатного одноименного программного обеспечения для Microsoft Windows, а также плагинов к популярным медиаплеерам. Файлы Monkey's Audio используют следующие расширения: .ape для хранения аудио- и .apl для хранения метаданных. Несмотря на то, что кодек распространяется бесплатно вместе с исходным кодом, Monkey's Audio не является свободным, так как его лицензия накладывает значительные ограничения на использование [14].

В заключение хочется сказать, что фонодокументы в своем развитии прошли очень долгий путь, прежде чем достичь высокого качества записи. Также постоянно менялись и совершенствовались сами носители аудиодокументов: от валика фонографа Томаса Эдисона до современных цифровых носителей звуковой информации. Человечество стремилось не только улучшить качество звучания, но и увеличить его продолжительность при одновременном уменьшении

затрат на сами носители звуковой информации. Таким образом можно выделить 2 этапа в развитии носителей фонодокументов:

1. Аналоговый, который в свою очередь делится на 2 подэтапа:

1.1. Период пластинок (шеллачные и виниловые пластинки). Валики Томаса Эдисона не выделены как отдельный этап в истории развития фонодокументов, так как не получили широкого распространения;

1.2. Период магнитных лент (катушечные ленты и ленты компакт-кассет);

2. Цифровой период (различные CD, DVD-диски, персональный компьютер).

Жесткую градацию периодов с точностью до года выделить нельзя, так как эти этапы сменяли друг друга не в одночасье, а постепенно. То есть имел место следующий факт: в конкретный исторический период широко пользовались сразу двумя видами носителей фонодокументов.

Литература и источники

1. Большая иллюстрированная энциклопедия в 32 томах. Т.9. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 501 с.
2. Вологдин, Э.И. Стандарты и системы цифровой звукозаписи / Э.И. Вологдин. — СПб., 2012. — 156 с.
3. Золотухин, И. П. Цифровые звуковые магнитофоны / И. П. Золотухин, А. А. Изюмов, М. М. Райзман. — Томск: Радио и связь, Томский отдел, 1990. — 160 с.
4. Разновидности цифровых аудиоформатов. — Режим доступа: <http://mmorpgbb.ru/foegwoeg/> Цифровые звуковые форматы#.D0.A0.D0.B0.D0.B7.D0.BD.D0.BE.D0.B2.D0.B8.D0.B4.D0.BD.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B8.D1.86.D0.B8.D1.84.D1.80.D0.BE.D0.B2.D1.8B.D1.85.D0.B0.D1.83.D0.B4.D0.B8.D0.BE.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.B0.D1.82.D0.BE.D0.B2. — Дата доступа: 06.02.2014.
5. Разновидности цифровых аудиоформатов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mmorpgbb.ru/foegwoeg/CDDA>. — Дата доступа: 06.02.2014.
6. Разновидности цифровых аудиоформатов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mmorpgbb.ru/foegwoeg/AIFF>. — Дата доступа: 06.02.2014.
7. Разновидности цифровых аудиоформатов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mmorpgbb.ru/foegwoeg/FLAC>. — Дата доступа: 06.02.2014.
8. Разновидности цифровых аудиоформатов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mmorpgbb.ru/foegwoeg/MIDI>. — Дата доступа: 06.02.2014.
9. Разновидности цифровых аудиоформатов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mmorpgbb.ru/foegwoeg/MOD>. — Дата доступа: 06.02.2014.
10. Разновидности цифровых аудиоформатов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mmorpgbb.ru/foegwoeg/MP2>. — Дата доступа: 06.02.2014.
11. Разновидности цифровых аудиоформатов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mmorpgbb.ru/foegwoeg/MP3>. — Дата доступа: 06.02.2014.
12. Разновидности цифровых аудиоформатов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mmorpgbb.ru/foegwoeg/MP4>. — Дата доступа: 06.02.2014.
13. Разновидности цифровых аудиоформатов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mmorpgbb.ru/foegwoeg/WAV>. — Дата доступа: 06.02.2014.
14. Разновидности цифровых аудиоформатов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mmorpgbb.ru/foegwoeg/APE>. — Дата доступа: 06.02.2014.

15. Секвенсор [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zver.ucoz.org/publ/stati_muzykantam/osnovnyye_ponjatija/sekvenser/10-1-0-78. — Дата доступа: 07.02.2014.
16. Сэломон, Д. Сжатие данных, изображений и звука / Сэломон Д. — Москва: Техносфера, 2004. — 367 с.

Артикул поступил в редакцию 25.05.2016

Ю. В. Нестерович,

старший научный сотрудник Центра исследований
белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси;
кандидат исторических наук

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ АРХЕОГРАФИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В археографии, вследствие обилия, частоты употребления заимствуемых терминов и их модификаций, многослойной координации понятийного аппарата археографии с базисными терминами смежных дисциплин, непротиворечивое изложение достигаемо наиболее трудно среди таких наук. Метатеоретическое исследование понятий и терминов археографии занимает особое место для межинтеграции базовых терминов наук, относимых к наукам о документальной информации и смежных с ними дисциплин. Подчеркивается интегрирующая роль археографии не только среди гуманитарных, но и технических и естественных научных дисциплин [1, с. 3]. В Республике Беларусь терминоведческая работа в области археографии ведется учеными БелНИИДАД. С 2000-х гг. развитие терминов и понятий археографии вышло на уровень формирования терминосистемы.

В терминоведении превалирует выделение основным различием *между терминологией и терминосистемой характер их формирования*. Терминология складывается в целом стихийно, а терминосистема формируется сознательно (но не искусственно) в упорядоченную совокупность взаимосвязанных терминов, соотносимых с понятийным аппаратом определенной предметной области. Единицей терминологии выступают преимущественно *предтермины* (т. е. лексемы, используемые для обозначения сформировавшихся понятий, но не отвечающие в целом требованиям, предъявляемым к терминам научной методологией), а единицами терминосистемы — *термины*. Построение терминосистемы как научной дисциплины предполагает охват терминами всей сетки базисных понятий, относительно которых формируются определения, задающие значение термина для непротиворечивого употребления в соответствующем дискурсе. В археографии до 2000-х гг. такой охват терминами понятий, как и терминоведческие исследования, отсутствовали. При построении терминосистемы исключаются прототермины — лексемы, возникшие в донаучный период развития знания, но используемые в науке, и квазитермины — предтермины, для которых затягивается их замена терминами [2]. В терминологии археографии к ним относятся, например, «археографическая деятельность», «легенда», «минута». В непротиворечиво упорядоченной терминосистеме устраняются полисемия и синонимия, допускаемая в *переходный период* ее формирования. В археографии, например, имеет место синонимия таких терминов и предтерминов, как «эдиция», «публикаторство», «публикаторская работа». При обилии вхождения в терминологию научной дисциплины терминов других областей знаний, и недостаточной соотнесенности терминов, возникновении

противоречий при попытке уточнения содержания термина (это касается терминов «публикация текста», «текст исторического документа» и др.), сформированная терминосистема может включать термины, обозначающие недостаточно сформированные либо расплывчатые понятия. Наличие синонимии в терминосистеме показывает на отсутствие весомой разработки понятийного аппарата либо на неэффективную разработку его в логическом аспекте.

Терминосистема археографии включает, наряду с заимствованными терминами и их модификациями, термины, обозначающие понятия археографии как системы знаний, охватывающие теоретические основы, методологию, методологию эдиции ИД (исторических документов) и уточненные понятия, используемые при осуществлении практической деятельности в сфере ретроэдиции. Современный этап построения ее по характеру развития терминов — *переходный*, по направленности охватывает *нормализацию и оптимизацию терминологии*, предвещающей унификацию терминов. Такая терминоведческая работа производится на современном этапе построения терминосистемы в условиях явлений реальной конкуренции терминов*, например, терминов «документальная, археографическая, ретроэдиторская публикация», недостаточной ясности ряда определяемых понятий. Это касается, например, термина «публикация исторического источника». Учитывая, что термины «текст», «(исторический) документ», «произведение», «(письменный) источник», нередко употребляются в эквивалентном значении. Это касается и термина «публикация архивного документа», учитывая несоотнесенность терминов «документ», «архивный документ», «документ Национального архивного фонда». Сложность непротиворечивого соотношения заключается в *различии стадийных форм* (создания и функционирования) документа, законодательного акта, произведения, архивного документа. Стадийными формами документа (минимум, управленческого) выступают: его проект — подлинник — дубликат — заверенная копия; законодательного акта: его проект — подлинник — официальная публикация его текста. Произведение, реализуясь в ряде текстов, имеет стадийными формами в аспекте содержания, минимум вариант, редакцию. Стадийные формы приемлемо выделять и по отношению к архивному документу: архивный оригинал, его рабочая, резервная, страховая, пользовательская копия (могущий иной раз составлять дело архивного фонда, архивной коллекции). Имеющий стадийные формы документ, законодательный акт, находясь на архивном хранении, может быть представлен рядом архивных документов. В качестве ИИ (исторического источника) рассматривают и отдельный документ, законодательный

* От реальной отличаем формальную конкуренцию терминов — терминоситуацию, в которой конкурирующий термин неточен, слабо мотивирован (и соответственно, не претендует на включение в терминосистему). Это касается, напр. употребляемого в [3] термина «научный аппарат документов», конкурирующего с термином «археографическое оформление».

акт (ставший архивным документом), произведение, и комплекс его стадийных форм.

Терминорбота направлена и на устранение явлений немотивированного и неточного терминования. Так, в литературе по археографии в качестве квазисинонима к термину «археограф» распространен термин «публикатор». Он заимствован из издательского дела, где имеет значение «человека, владеющего авторским оригиналом и (или) подготовившего его для выпуска издательством». При этом термин «авторский оригинал» употребляется в значении значительной части объема его — «оригинала произведения», но не касается ИД. Соответственно, заимствование термина «публикатор» в терминосистему археографии предполагает его модификацию — предтермин «публикатор исторических документов».

Формирование терминосистемы археографии многослойно и трудоемко в связи с тем, что в нее включаются не только термины ретроэдиции (например, «археографическое оформление») и изучающей ее археографии, но и иных сфер практической деятельности, смежных с ней, иных научных дисциплин, в частности, издательского дела и текстологии (например, «научно-справочный аппарат», «автограф», «редакция текста»). Вследствие обилия заимствуемых терминов и частого логического подчинения базисных понятий археографии *понятиям других наук*, непротиворечивое формирование ее терминосистемы предполагает осуществление уточнения базисных понятий собственной генерации в *междисциплинарном поле*. Сложность такого уточнения заключается в том, что у заимствованных археографией терминов и их модификаций имеются гиперонимы (т. е. общие термины) в других областях знаний, что в формируемой терминосистеме археографии понятия, логически сравнимые, перекрещиваются с понятиями других научных дисциплин, что существует необходимость многоступенчатого соотношения понятий в междисциплинарном поле. Так, для уточнения базисного понятия археографии — понятия текста публикуемого ИД, — его следует соотносить с формируемыми в лингвистике, литературоведении, теории текста, семиотике понятиями текста, произведения, знаковой системы и др. Другое базисное понятие ее, обозначаемое как «исторический документ», следует соотносить с понятиями источниковедения и документоведения — понятиями исторического источника (далее — ИИ) и документа. В документоведении понятие текста документа соотносится не только с его понятиями — понятиями документа, структуры и формуляра документа, реквизитов, но и с понятиями информатики и лингвистики — понятиями информационного элемента, знака и др. Понятие документа и производные от него понятия, в целях устранения противоречий, необходимо соотносить с понятиями теории информации, информологии, правоведения — понятиями информации, социальной информации, правового акта и др. В данной ситуации возрастает роль документологии — области знаний, обобщающей теории, базисные понятия, терминосистемы наук о документальной информации и

смежных с ними дисциплин [4]. А. Е. Рыбаков, проследившая происхождение и эволюцию термина «документ», рассматривает последний в качестве экспликата (уточняющего понятия) к понятию ИД [5]. В концепции трансформации документа в ИИ, в качестве экспликата понятия ИД берется понятие ИИ [6]. Один из логических выводов из построений данной концепции такой: ИИ приобретает статус ИД, будучи опубликованным. Этому соответствует взятие экспликатом понятия ИД и понятия публикации. Выделение (*обоснованное*) нескольких экспликатов для понятия ИД показывает сложность его уточнения. Совмещая данные подходы, формируем *атпроксимировано* значение термина «исторический документ» в терминосистеме археографии (здесь существенно то, что, став объектом терминоведческого и эпистемологического изучения, лексема «исторический документ» утратила статус *предтермина*): ИД — продукт деятельности с закрепленной информацией (подлинник законодательного акта, официальная публикация его, проект, подлинник, дубликат, копия документа, утратившего оперативные функции, авторский оригинал, вариант нарративного произведения и т. д.), ставший предметом источниковедческого изучения и предметом ретроэдиции. *Публикация ИД* — результат эдиции ИД, включенный в печатное, электронное издание.

В условиях несоотнесенности базисных понятий и результатов их дифференциации и межинтеграции, их окончательное терминование затягивается. Другой особенностью современного этапа формирования терминосистемы археографии является наличие конкуренции значительного ряда обозначений (синонимов) базисных понятий и поиск оптимума их терминования. Методологически правильно обосновывать такой оптимум, исходя из соотношения понятий, в том числе не отдавая предпочтение традиционному терминованию. Например, в Методических рекомендациях по публикации исторических документов, изданных БелНИИДАД в 2014 г., параллельно употребляются эквивалентные по значению терминологические «археографический», «эдиционный» (в терминах «специальная археографическая подготовка», «эдиционная деятельность», «сфера, направление эдиционной деятельности»), терминов «археограф» и «публикатор» [7].

Предпосылки построения терминосистем археографии, соответствующие начальному этапу ее формирования, возникают в 2000-е гг. В. П. Козлов представил в ряде работ ([8; 22]) вариант терминосистемы археографии, основанный на расширении понятийного аппарата, существенной модификации и инновации (введении значительного ряда новых) терминов, сопровождаемой их тематической группировкой. Им представлен достаточно полный охват сетки базисных понятий археографии. В целом введение им новых терминов терминоведчески приемлемо оценивать как попытку замены предтерминов терминами (при этом некоторые терминовации скорее предстают терминоидами, напр. «стратиграфия документа»). Предложенный им вариант терминосистемы вызвал его отторжение у ряда теоретиков археографии (С. М. Каштанова и др.),

хотя имеет место и позитивная оценка (И. И. Глебовой). В самом деле, введение им большинства терминов не явилось закономерным итогом развития терминологии археографии, а обобщение понятий не имело синтетического характера. Тем не менее, попытка построения терминосистемы археографии В. П. Козловым явилась прецедентом, после которого ведение терминоведческих исследований без ориентированности на построение терминосистемы является методологически неправильным [9]. Положительным сдвигом в рассматриваемом направлении является выполнение в БелНИИДАД НИР, посвященной комплексному изучению проблем терминологии и понятийного аппарата археографии и базовых терминов смежных научных дисциплин. В ней обобщен опыт развития терминов и понятий археографии, констатированы предпосылки построения ее терминосистемы [10]. Результаты исследований по систематизации терминологии археографии, оптимизации, унификации терминов, соотношения и уточнения понятий, устранения смещения понятий представлены учеными БелНИИДАД в десятках научных работ, вышедших в отечественных и зарубежных изданиях в 2000—2010-х гг. (до 2008 г. см.: [11, с. 15—19]). Их содержание отражает сложности начального и переходного этапов формирования ее терминосистемы.

Проделанная на начальном этапе формирования терминосистемы археографии терминологическая работа создает на современном этапе предпосылки ее формирования в соответствии с *нормами научной методологии* [12]. Особенностью формирования терминосистемы археографии является модернизация и введение ряда новых базовых терминов. Это обусловлено «расширением» как понятийного аппарата теории археографии, так и уточнением устоявшихся понятий (прежде всего, представленных в [13]) и оптимизацией терминов и наиболее мотивированным выбором лексем, используемых в методике эдиции ИД. Так, при разработке концепций ретроэдиции ИИ как социокультурного явления, понятийный аппарат археографии приращается новыми понятиями (и их обозначениями) — трансляции ИИ, сферы эдиционной деятельности и др. [14; 15]. Особенностью ее формирования выступает и необходимость соотношения международных терминов и терминологии, укоренившейся в советской археографии. В постсоветских странах используется многозначный термин «археография», служащий одновременно обозначением поиска, описания, подготовки ИИ к опубликованию и наименованием научной дисциплины. В западной науке для обозначения практической деятельности по подготовке ИИ к опубликованию употребляется термин «эдиция» [16]. Гармонизация международной и постсоветской терминологии археографии при построении терминосистемы однозначно требует замены термина и терминологического элемента «археография», терминологического элемента «археографический», употребляемых в значении терминов с терминологическими «эдиция». Такая замена не охватывает термины, в которых терминологический элемент «археографический» употребляется в *значении соответствия правилам, вырабатываемым археографией*, например, термин

«археографическая публикация». Отмеченная гармонизация осложняется многозначностью слова «эдиция», употреблением его в качестве термина в книговедении, а в последнее десятилетие — обоснованием украинскими книговедами научной дисциплины с наименованием «эдициология», изучающей историю, теорию, методику и организацию редакционно-издательского дела. В ее рамках интернациональная лексическая единица «эдиция» — исходный термин, причем денотат его охватывает и процессы изготовления и распространения издательской продукции [17]. В этих условиях востребована модификация обозначения подготовки ИИ к опубликованию — «эдиция ИД». В литературе по археографии востребован (а при изложении в междисциплинарном поле и необходим) термин «ретроэдиция», охватывающий обозначение эдиции ИД и эдиции неординарных литературных произведений («памятников письменности»), осуществляемой текстологами. Лексему «ретроэдиторский» в археографии использовал А. Д. Степанский [18]. Она позволяет демаркировать обозначение основных процессов практической деятельности, которая изучается археографией, от процессов, изучаемых книговедением. Исходя из этого, формируется координация ряда понятий и их обозначений: *Археография* — научная и учебная дисциплина, изучающая практику, методику, историю и теорию эдиции ИД, разрабатывающая правила (нормы и требования) ее осуществления, а также принципы камеральной работы с ИД. *Эдиция ИД* — осуществляемая в соответствии с вырабатываемыми в археографии правилами подготовка ИД к введению в общественный оборот через печатное и электронное издание, включение в электронный информационный ресурс. *Ретроэдиционная деятельность* — подготовка ИИ, неординарных литературных произведений к опубликованию в комплексе с организационной и деловой деятельностью, предваряющей, сопровождающей, завершающей ее осуществление. *Сфера ретроэдиционной деятельности* — сфера подготовки ИИ и неординарных литературных произведений к опубликованию, включающая эдиционную деятельность, ученых, архивистов, осуществляющих ее, условия и результаты ее осуществления, полевую эвристику и камеральную работу, связанные с ретроэдицией.

Трансформация предтермина в термин в рамках унификации и оптимизации терминов осуществляется различными способами. В случае уточнения понятия она может заключаться в модификации лексической единицы при сохранении значения. Обосновывается модификация термина «археографический заголовок» в термин «эдиторский заголовок» [19]. Иной раз такая трансформация происходит как изменение значения, которым наделяется лексическая единица, сопровождаемое дифференциацией и межинтеграцией понятий. Это касается термина «неисправность ИД». Более сложная терминоситуация сложилась с употреблением терминов «археографическое оформление», «археографическая легенда» и конкурирующих с ними терминов. Принятие во внимание полисемии термина «археография» и замены терминологического

«археографический» терминологическим «ретроэдиторский», здесь недостаточно. Поскольку восходящий к прототермину терминологический элемент «легенда» метафоричен. А включающие его языковые выражения выступают профессионализмами. Используемый взамен его в [20] термин «археографическое описание», исходя из автологического и фактического значения, имеет *более широкий* референт. Охватывая не только результаты критики ИИ, а и библиографические данные к опубликованному ИД, обозначение места хранения ПД, архивный шифр. Выделяя в оформлении ИД такие информационные элементы, и дифференцируя понятие, обозначаемое «легенда к ИД», формулируем: *Описание ИД* — элемент оформления ИД и / либо предисловия, включающий результат внешней критики ИИ, изучения внешних признаков ИД, характеристики бытования его в социальной среде. Трансформация предтермина в термин в рамках унификации терминов может носить конвенциональный характер выбора наиболее точного из конкурирующих терминов. В советском и постсоветском дискурсе (в том числе, в [13]) понятие элемента заголовка к ИД, представляющего собой краткое (сжатое либо развернутое) раскрытие содержания публикуемого ИД, обозначается недостаточно точно — «обозначение содержания», и утрированно — «содержание». Распространено не только в международной, а и в отечественной нормативно-методической литературе (напр., в [21]) обозначение его термином «экстракт». Формируя оптимум терминологии в междисциплинарном поле, предпочтителен термин «резюме ИД». Хотя это не согласуется с допущением в актовой археографии в заголовке к актам составления не только резюме, но и аннотации к ним.

Уточнение содержания понятий в соответствии с современной научной парадигмой и общепринятыми системами научных знаний и метазнаний — один из аспектов построения терминологической системы. В «Методических рекомендациях по публикации документов и материалов по истории Беларуси 1917—1991 гг.» БелНИИДАД 2014 г. [7, с. 42] внесено неточное определение термина «регест», данное в Правилах 1990 г. [13, с. 75], — «формализованное изложение содержания документа с сохранением его языка и по возможности структуры». Оборот «формализованное изложение» неадекватен принятым в логике трактовкам формализации, из следования которым его приемлемо наделять значением изложения содержания в точных понятиях и утверждениях. Метод формализации направлен на замену вывода содержательного предложения выводом формулы, его выражающей. Точнее излагать о «точном безоценочном» изложении семантического содержания. Это соответствует фактографированию как выделяемому в информационной деятельности способу переработки информации. Более того, определение «регеста» в Правилах 1990 г. несоразмерно определениям, данным в них «пространному регесту» и «краткому регесту», оно их не обобщает. Оно, а равно и определения производных терминов, следует формировать учитывая понятийный аппарат информатики и сферы информационной деятельности. Регестирование ИД соответствует главным образом

аналитико-синтетической обработке информации (АСПИ), представленной резюмированием как формой репродуктивного реферирования, но не переходящим в продуктивное реферирование. Результат АСПИ в регесте представлен резюме как формой реферата. *Регест* — имеющее различную степень свертываемости информации резюме публикуемого ИД, излагаемое содержание ИД точно и безоценочно, с учетом (сохранением) стиля и расположения ИЭ публикуемого ИД, сопровождаемое указанием места хранения ИД и описанием ИД, а при необходимости — цитированием текста.

Современный этап формирования терминологической системы археографии происходит в условиях значительного расширения ее понятийного аппарата, вызванного осмыслением явлений ретроэдитии в эпоху информатизации, системным подходом к ее формированию, связанным с необходимостью полного охвата явлений ее предметной области. Он характеризуется обилием синонимов, конкуренцией обозначения понятий археографии. Это соответствует характеру современного этапа формирования терминологической системы археографии — переходному, в котором основными направлениями терминологической работы выступают нормализация и оптимизация терминов. В дальнейшей терминологической работе основное внимание следует уделять устранению негативных явлений переходного этапа, трансформации предтерминов в термины, направлять ее на непротиворечивое соотношение базисных понятий в условиях междисциплинарной проекции построения терминологической системы.

Л и т е р а т у р а

1. Шумейко, М. Ф. Белорусская археография в XIX—XX вв. (Проблемы теории, истории, методологии). — Минск: БелНИИДАД, 2007. — 498 с.
2. Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — 256 с.
3. Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII—XVIII стст, перыяд Вялікага княства Літоўскага) / аўт.-склад. А. І. Груша. — Мінск: БелНДДАС, 2003. — 168 с.
4. Несцярковіч, Ю. В. Документалогія: на пути к трансдисциплінарнаму знанню / Ю. В. Несцярковіч // Научные и технические библиотеки. — 2014. — № 6. — С. 81—97.
5. Рыбаков, А. Происхождение и эволюция термина «документ» / А. Рыбаков // Архивы и делопроизводство. — 2013. — № 5—6.
6. Несцярковіч, Ю. В. Концепція трансфармацыі дакумента в гістарычнай крыніцы і карэляцыя паняццяў гістарычнай крыніцы і гістарычнага дакумента / Ю. В. Несцярковіч // Архіварыус. Зб. нав. паведамл. і арт. — Вып. 11. — Мінск, 2013. — С. 129—140.
7. Методычныя рэкамендацыі па публікацыі дакументаў і матэрыялаў па гісторыі Беларусі 1917—1991 гг. / сост.: В. С. Позняков и др. — Минск: БелНИИДАД, 2014. — 90 с.
8. Козлов, В. П. Основы теоретической и прикладной археографии. / В. П. Козлов — М.: РОССПЭН, 2008. — 224 с.

9. Нестерович, Ю. В. Терминология и понятийный аппарат / Ю. В. Нестерович // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Вып. 10. — Мінск: БелНІІДАД, 2009. — С. 298—302.
10. Терминологический словарь по археографии: отчет о НИР (заключ.). — Мінск: БелНІІДАД, 2008. — 231 с.
11. Археаграфічныя даследаванні і распрацоўкі ў Рэспубліцы Беларусь (1991—2008 гг.): бібліягр. паказ — Мінск: БелНДЦДАС, 2010. — 89 с.
12. Нестерович, Ю. В. Предпосылки формирования терминосистемы археографии и документо-знания и интерференция понятий / Ю. В. Нестерович // Терминология документо-знания та суміжних галузей знання: зб. наук. праць / за заг. ред. В. В. Бездрабко. — Вып. 7. — Київ: Четверта хвиля, 2013. — С. 31—37.
13. Правила издания исторических документов в СССР. — М.: Главное архивное управление при Совете Министров СССР, 1990. — 188 с.
14. Нестерович, Ю. В. Некоторые вопросы теории и терминоведения археографии, связанные с интерференцией содержания понятий / Ю. В. Нестерович // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Вып. 10. — Мінск: БелНДЦДАС, 2009. — С. 186—196.
15. Нестерович, Ю. В. Об определении социокультурного («общественного») статуса археографии / Ю. В. Нестерович // Вестник архивиста. — 2005. — № 5—6. — С. 20—25.
16. Королев, Г. И. Иностранные интерпретации статуса теории и методики публикации исторических источников / Г. И. Королев // Археографический ежегодник за 1989 год. — М.: «Наука», 1990. — С. 38—50.
17. Шатрова, М. Б. Эдициология как книговедческая дисциплина / М. Б. Шатрова // Библиотекосведение. — 2013. — № 2.
18. Степанский, А. Д. Археография: термин, объект, предмет / А. Д. Степанский // Отечественные архивы. — 1996. — № 3.
19. Нестерович, Ю. В. Заголовок к историческому документу (терминологический аспект) / Ю. В. Нестерович // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Вып. 12. — Мінск: БелНДЦДАС, 2011. — С. 156—164.
20. Метадчыныя рэкамендацыі па публікацыі польскамоўных дакументаў XVI—XIX стст. / склад. А. І. Шаланда. — Мінск: БелНДЦДАС, 2012. — 45 с.
21. Метадчыныя рэкамендацыі да публікацыі лацінскіх дакументаў XIII—XIV стст. / аўт.-склад. А. А. Жлупка. — Мінск: БелНДЦДАС, 2005. — 59 с.
22. Казлоў, У. П., Міхальчанка, А. М. Навуковыя пытанні археаграфіі як навуковай дысцыпліны // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Вып. 2. — Мінск: БелНДЦДАС, 2001. — С. 5—41.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 22.03.2016

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

В. Г. Бухерт,

*старший научный сотрудник Архива Российской академии наук,
кандидат исторических наук,
e-mail: buhert-1955@mail.ru*

«ПО СВОИМ ВЗГЛЯДАМ, УБЕЖДЕНИЯМ НИКОГДА НЕ БЫЛ ЦЕРКОВНИКОМ»

К биографии Б. Н. Жуковича

Борис Николаевич Жукович — архивист и историк, младший брат известного историка П. Н. Жуковича*, родился 27 июля 1874 г. в г. Пружаны Брестского уезда Гродненской губернии в семье православного священнослужителя Н. М. Жуковича**. Образование Б. Н. Жукович получил в Жировицком духовном училище, Литовской духовной семинарии в Вильне и, затем, в 1895—1899 гг. — в С.-Петербургской духовной академии [1].

4 апреля 1905 г. Б. Н. Жукович стал членом Комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода, с 1906 г. он преподавал историю в Василеостровской женской гимназии Ведомства учреждений императрицы Марии, а в 1908 г. был назначен помощником синодального архивариуса.

Б. Н. Жукович принял активное участие в подготовке «Описания документов архива западнорусских униатских митрополитов» (СПб., 1897—1907. Т. I—II), которая велась под эгидой Комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода. Научное значение этого издания состоит в том, что оно открыло историкам доступ к такому первоисточнику для изучения церковной истории, «который чужд всякого пристрастия и преувеличения и проливает свет истины на межконфессиональные споры» [2, с. 54]. Документы архива западнорусских униатских митрополитов, охватывающие большой исторический период (с 1470 г. по 1871 г.) содержат ценный материал не только для церковной, но и для гражданской истории земель, составляющих территорию современных Белоруссии, Польши, Литвы, Украины.

Выход в свет двух томов «Описания» — результат «напряженнейшей многолетней и действительно колоссальной работы» [2, с. 54] прежде всего С. Г. Рункевича***, но не стоит преуменьшать заслуг и его сотрудника — магистранта С.-Петербургской духовной академии Б. Н. Жуковича, которым лично были описаны несколько десятков документов для второго тома (содер-

* Жукович Платон Николаевич (1857—1919) — историк, профессор Петербургской духовной академии (1894—1918), чл.-корр. Российской АН (с 1918 г.).

** Жукович Николай Михайлович (1827—1906) — протоиерей (с 1878 г.) Александровского собора (Пружаны).

*** Рункевич Степан Григорьевич (1867—1924) — историк, архивист. (См. о нем: Щеглов, Г. Э. С. Г. Рункевич — церковный историк и архивист // Труды Историко-архивного института. — М., 2007. — Т. 37. — С. 45—50; Он же. Степан Григорьевич Рункевич (1867—1924). Жизнь и служение на переломе эпох. — Минск, 2008).

жавшего материалы за 1701—1839 гг.), «составивших в общей сложности до семи печатных листов» [2, с. 53]. Б. Н. Жукович самостоятельно занялся подготовкой и третьего тома «Описания» и том уже был отдан в печать, но события 1917 г. помешали осуществить это издание [2, с. 53]*.

Участвовал Б. Н. Жукович и в подготовке «Описания архива Александроневской лавры за время царствования Петра Великого» (СПб., Пг., 1903—1916. Т. I—III). В этой работе принял непосредственное участие и С. Ф. Платонов**.

Кроме того, Б. Н. Жукович составил биографии некоторых западнорусских духовных лиц для «Русского биографического словаря».

В бывшем архиве Св. Синода Б. Н. Жукович продолжал работать по 1926 г., занимаясь по-прежнему разборкой и описанием документов архива западнорусских униатских митрополитов и попутно консультируя исследователей, приезжавших из Белоруссии и Украины. Затем он перешел в Рукописное отделение библиотеки Академии наук СССР, а с 1931 г. стал работать в Историко-археографическом институте Академии наук СССР.

22 декабря 1933 г. Б. Н. Жукович был арестован в Ленинграде по т. н. делу «евлогиевцев», по которому были арестованы священники главных храмов Ленинграда, церковные активисты-миряне и даже два епископа — Сергей*** и Валериан****.

25 февраля 1934 г. Б. Н. Жукович был приговорен к заключению в лагерь на три года и отправлен на Дальний Восток, но 22 октября 1935 г. его, как инвалида, вынуждены были досрочно освободить, однако вернуться в Ленинград он не смог и поселился в г. Малая Вишера (Ленинградская обл.).

Б. Н. Жукович обратился за помощью к В. Д. Бонч-Бруевичу*****, написавшему 23 января 1936 г. письмо к Председателю ЦИК СССР М. И. Калинин

* Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (БелНИИДАД) издал указатель «белорусских» дел, включенных в третий, подготовленный Б. Н. Жуковичем, том «Описания документов архива западнорусских униатских митрополитов». (См.: Архіў уніяцкіх мітрапалітаў. Дакументы да гісторыі царквы ў Беларусі XV—XIX стст. у фондзе «Канцэлярыя мітрапаліта грэка-ўніяцкіх царкваў у Расіі». Даведнік — Мінск, Полацк, 1999).

** Платонов Сергей Федорович (1860—1933) — историк, академик Российской АН (с 1920 г.).

*** Сергей (Стефан Иванович Зенкевич) (1885—1938) — епископ Рыбинский, викарий Ярославской епархии (с 1933 г.).

**** Валериан (Василий Несторович Рудич) (1889—1938) — епископ Кирилловский, викарий Новгородской епархии (с 1931 г.).

***** Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873—1955) — управляющий делами Совета народных комиссаров РСФСР (1917—1920), директор Государственного литературного музея (1933—1939), Музея истории религии и атеизма АН СССР (с 1946 г.).

ну*, в котором он просил рассмотреть вопрос о снятии с Б. Н. Жуковича судимости с тем, чтобы открыть ему путь к продолжению научной работы в Ленинграде, в которой Б. Н. Жукович так весомо себя проявил. К своему письму В. Д. Бонч-Бруевич приложил автограф заявления Б. Н. Жуковича на имя М. И. Калинина от 25 декабря 1935 г. Это заявление интересно, прежде всего тем, что в нем Б. Н. Жукович, аргументируя необходимость скорейшего снятия с него судимости, довольно подробно рассказал об основных вехах своей биографии, в том числе и о своей научной деятельности. Несмотря на заступничество В. Д. Бонч-Бруевича, добиться снятия судимости Б. Н. Жуковичу, по-видимому, не удалось, и он не вернулся в Ленинград, а поселился в Новгороде, где работал сторожем артели и где 19 марта 1938 г. был снова арестован. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 11 июня 1938 г. Б. Н. Жукович был приговорен по ст. 58-1а УК РСФСР к высшей мере наказания и расстрелян в Ленинграде 28 июня 1938 г. [3].

№ 1

В. Д. Бонч-Бруевич — М. И. Калинин

23 января 1936 г.

Председателю ЦИК СССР

М. И. Калинин

Дорогой Михаил Иванович

Пересылаю Вам доставленное мне заявление на Ваше имя. Названного Б. Н. Жуковича я немного знал раньше до революции по работам в Рукописном отделении Академии наук. Но хорошо знаю его труды и работы по описанию архивов. Они значительны. В чем его дело, за что он был осужден мне совершенно неизвестно.

Может быть Правительство найдет возможность снять с него судимость. Работой в музеях и архивах он и сейчас может быть полезен, так как имеет большие знания и опыт в этом трудном деле.

С коммунист[ическим] прив[етом].

Вл. Бонч-Бруевич.

НИОР РГБ. Ф. 369 (В. Д. Бонч-Бруевич). К. 158. Д. 21. Л. 48. Автограф, черновик.

* Калинин Михаил Иванович (1875—1946) — советский государственный и партийный деятель, Председатель ВЦИК (с 1919 г.), ЦИК (с 1922 г.), Президиума Верховного Совета СССР (с 1938 г.).

№ 2

Б. Н. Жукович — М. И. Калинин

Председателю Комиссии по делам частных амнистий
Михаилу Ивановичу КалининБориса Николаевича Жуковича,
научного работника, историка

Заявление

Прошу о снятии с меня судимости и восстановлении моего права жительства в Ленинграде; я сообщаю при этом о себе и своем деле следующие сведения.

Родился в 1874 г. в Пружанах б[ывшей] Гродненской губернии, в Белоруссии.

Высшее историко-филологическое и археолого-археографическое образование, а также весь свой непрерывный 33-летний трудовой стаж (1901—[19]33 гг.) провел в б[ывшем] Петербурге-Петрограде, ныне Ленинграде. Сначала служил, работал преемственно в Синодальном архиве — Центрархиве — Ленинградском отделении центрального историч[еского] архива по 1926 г., где заведовал и описывал рукописные материалы Западнорусского «униатского» архива XVI—XIX вв. на белорусском, украинском, латинском, польском и итальянском языках*. Когда на основании Рижского мирного договора Польша требовала передачи ей, между прочим, и этого архива, я подал докладную записку о неосновательности такого требования с исторической и современной точек зрения, и этот архив остался и поныне в Ленинграде для исследования по нему прошлого Белоруссии и Украины. Изучив содержимое этого богатого, большого архива и других сродных ему белорусско-украинских материалов, помогал соответствующими указаниями приезжавшим в Ленинград заниматься историей Белоруссии и Украины.

Затем с лета 1926 г. я работал в Рукописном отделении [Библиотеки] Всесоюзной академии наук, где, по счастливому для меня совпадению, мне поручено было исследование и описание подобных же белорусско-украинских материалов Доброхотовского** и других рукописных собраний, которыми в это время усиленно занимались историки и этнографы Белоруссии и Украины. Кроме того, здесь я заинтересовался очень богатым, разнообразным собранием «нелегальных» революционных изданий: книг, брошюр, журналов газет и листовок; занимался просмотром, разбором их, особенно не вполне еще упорядоченных коробок с листовками, прокламациями разных партий; удовлетворял и

* См.: Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. СПб., 1897—1907. — Т. I—II.

** Павел (в миру Прокопий Нилович Доброхотов) (1814—1900), епископ Вологодский и Устюжский (1866—1869), Псковский и Порховский (1869—1882), Олонецкий и Петрозаводский (1882—1897), собиратель рукописей, грамот, печатных книг.

запросы занимавшихся этого рода литературой в читальном зале Рукописного отделения библиотеки. Когда по поводу 200-летия Библиотеки Академии наук устраивалась юбилейная выставка, мне поручено было организовать отдел вышеуказанных революционных изданий со времени декабристов до революции 1917 г. По этому отделу давал объяснения посетителям выставки.

Далее с 1931 г. работал в Историко-археографическом институте Всесоюзной академии наук по истории русской промышленности XVIII—XIX вв., подготавливая архивные материалы для следующих изданий института: 1) Социальный состав рабочих на русских мануфактурах первой половины XVIII в.**, 2) Большой Московский Суконый Двор XVIII — первой полов[ины] XIX в.**, 3) Крестьянская мануфактура XVIII — нач[ала] XIX в.***, 4) Рабочие волнения на мануфактурах XVIII в., а также 5) Библиографический словарь историков народов СССР****. Первые 3 из вышеназванных изданий уже вышли из печати в 1934—[19]35 гг. Остальные готовятся к печати.

Одновременно с 1926 г. работал в ленинградских архивах и библиотеках по заданиям Белорусской академии наук на темы: 1) Промышленность в Белоруссии XVIII—XIX вв., 2) Крестьянские движения в Белоруссии XIX в., в частности во время Польского восстания 1831—[18]32 гг., 3) Проекты крестьянской реформы в Белоруссии 1850—60 годов, 4) Революционные белорусские издания 1860—80 гг. («Мужицкая правда», «Гомон» и др.), 5) Литовский Статут XVI в., 6) Ученые кружки Бобровского***** и Киркора***** в Белоруссии XIX в., 7) Политика русского правительства в Польше конца XIX и нач[ала] XX в., 8) Белорусский фольклор и др.

Исполнял научные поручения для ЛОКА (Ленингр[адского] отделения Коммунистич[еской] академии), наприм[ер]: 1) Итоги XVII в. русской истории по сочинениям виднейших русских историков, 2) Законодательство 1696—1725 гг. по крестьянскому вопросу, 3) Печатные издания и рукописные материалы о русских фабриках и заводах с XVII [в.] до половины XIX века.

По части издания, под общей редакцией М. Горького, «Истории фабрик и заводов» оказывал содействие руководством по архивным материалам истори-

* См.: Труды Историко-археографического института АН СССР. — Т. XI. — Ч. IV. Социальный состав рабочих первой половины XVIII века. — Л., 1934.

** См.: Труды Историко-археографического института АН СССР. — Т. XIII. — Ч. V. Московский Суконый Двор. — Л., 1934.

*** Труды Историко-археографического института АН СССР. — Т. XV. — Ч. I. Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в. — М.; Л., 1935.

**** См.: Труды Историко-археографического института АН СССР. — Т. VII. Материалы для библиографии по истории народов СССР XVI—XVII вв. — Л., 1933.

***** Бобровский Павел Осипович (1832—1905) — генерал, ректор Военной академии.

***** Киркор Адам Карлович (1819—1886) — историк, этнограф, археолог.

ку из среды ленинградских рабочих Н. П. Паялину*, написавшему уже историю бывш[его] Семяниковского, ныне имени Ленина, металлургического завода в Ленинграде и работающему над историей Ярославской полотняной фабрики с 1721 г.

Работал и в педагогической области, около 20 лет (1906—[19]25) преподавал историю в учебных заведениях Ленинграда.

Не уклонялся и от общественных нагрузок по профессиональной линии. Состоя членом Союза работников просвещения с 1918 г. по Секции научных работников, был председателем Домового комитета в 1920-х годах; за общественную работу в ИАИ была присуждена в академической газете «За социалистическую науку» в 1933 г. премия.

22 декабря 1933 г. был арестован. 25 февраля [19]34 г., без вызова в суд, без допроса свидетелей, осужден тройкой ОГПУ к заключению в ИТЛ на 3 года по ст. 58 п. 10—11.

Осужден по недоразумению, — это мое глубокое убеждение, соответствующее действительности.

Ибо, во-первых, (вероятно, по 11-му пункту) меня причислили к церковникам, приписали участие в какой-то неведомой мне, не существующей в действительности организации или группе их. Но ни в каких церковных организациях, группах, обществах, кружках и т. п. я никогда не участвовал. По своей деятельности, работам, — о чем выше сказано, — и по своим взглядам, убеждениям никогда не был церковником. Мало того, я издавна, — еще со времени студенчества, — сомневающийся, не верующий, каким остался и поныне. Это хорошо известно всем, близко знающим меня, которые могли бы подтвердить правдивость этих моих слов, если бы они были вызваны во время следствия в качестве свидетелей. Может быть, поводом причислить к церковникам послужило мое происхождение. В приговоре ОГПУ так и написано было: «сын священника» такой-то и т. д., т. е. только эта квалификация по происхождению, — в которой я лично не повинен, ибо разве от воли данного человека зависит родиться в той или иной среде, — оставлена мне, и игнорируются те квалификации, которые добыты разносторонним образованием, личным сознательным трудом, работами всей жизни.

Я действительно сын священника, умершего еще в 1906 г. Но в семье этого священника была полная свобода религиозных и политических взглядов. Даже из времени самой ранней юности не помню случая какого-либо принуждения. Две мои старшие сестры кончили Высшие Бестужевские курсы в б[ывшем] Петербурге по естественно-математическим наукам. Третья сестра во время обучения в старших классах б[ывшей] Гродненской гимназии была замешана в политическом деле, сидела в тюрьме, была исключена из гимназии. Из

* Паялин Николай Петрович (1883—?) — историк. (См.: Паялин, Н. П. Завод имени Ленина. 1857—1918. — М., 1933).

двух старших умерших братьев один был мелким чиновником, а другой профессор русской истории. В нескольких верстах от нашего родного города Пружан на хуторе Каменица жила интересная супружеская пара, сосланные «социалисты и нигилисты» (как их называли в том городе). Он (Ф. С. Микусь), сын бедного крестьянина из пригородной деревни Плебанцы, ученик моего отца по уездному училищу, благодаря своим выдающимся способностям кончивший потом гимназию с золотой медалью и Петербургский университет, оказывал юридическую помощь крестьянам окрестных деревень; а она родом из Петербурга, бывшая курсистка, давала медицинскую помощь, делала метеорологические наблюдения, занимаясь белорусским фольклором. Из горожан они бывали только в нашей семье, как и мы ездили к ним на хутор подле небольшого леса. Во время прогулок в этом лесу он любил беседовать о естествознании, о дарвинизме, о марксизме. То было время (конец прошлого века) выхода в свет легальных марксистских журналов «Начало», «Новое слово», «Жизнь»; время возникновения в Петербурге и других городах «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с разногласиями между «экономистами» и «политиками»; время I съезда РСДРП в Минске, время горячих споров тогдашних «марксистов» с «народниками» на собраниях Вольного экономического общества в Петербурге, на которых бывало много и студентов, бывал и я и рассчитывал о всем этом своему собеседнику, лишенному тогда права жить в Петербурге. — Это первые или одни из первых, оставшихся в памяти, впечатлений, интересов из поры ранней юности. И еще одно, совсем другого рода воспоминание хранит память: о слезах матери, когда приближалось время уплаты по долгам, а платить было нечем, потому что родители старались дать детям высшее, тогда дорогое, образование; скудных средств не хватало. . .

Что касается, во-вторых, 10-го пункта 58 ст., следовательно указывал, совершенно, по моему мнению, не относящееся сюда, а именно, что 8 или 9 лет тому назад я прочитал в заграничном журнале «Варшавский вестник» заметку, что проф[ессор] Глубоковский*, член-корреспондент Академии наук, получив от нее заграничную командировку, еще в 1918 году уехал за границу (в Болгарию) и не вернулся. По объяснению следователя, я сам, как научный сотрудник имел право читать заграничный журнал, но не имел право сообщать об этом другим; а я о той заметке сообщил своей племяннице, которая, очевидно, передала ее своим знакомым, и вышло, таким образом, распространение этой заметки. Но, — насколько помню после столь долгого времени, — в ней кроме этого факта, притом же общеизвестного, ничего больше не было. Для проверки своей памяти просил следователя дать мне прочитать эту заметку теперь. Просьбы он не исполнил, а старался доказать, что в этом распространении можно усмотреть признак агитации; но я не видел его тогда, не вижу и теперь. Роль агитатора сов-

* Глубоковский Николай Никанорович (1863—1937) — богослов-библеист, историк церкви, профессор Петербургской духовной академии (с 1894 г.), чл.-корр. Петербургской АН (с 1909 г.).

сем не подходит и к моему личному характеру уединенного, замкнутого, скромного научного работника, проводившего время, кроме своей маленькой 9-метровой комнаты, больше в архивах и библиотеках Ленинграда, среди книг и рукописей, чем в обществе людей.

Агитатором против социалистической революционной власти никогда не был и не могу им быть по своим взглядам, убеждениям. Консервативные, реакционные, контрреволюционные взгляды и деятельность всегда были мне чужды. Напротив, — еще со времени студенчества, с бурного периода студенческих и рабочих волнений в конце прошлого и начале нынешнего столетия был сторонником левых, революционных группировок студенчества, участвовал в его демонстрациях на Казанской площади б[ывшего] Петербурга. По поводу самосожжения Ветровой* в Петропавловской крепости был инициатором протеста студентов (первым подписавшись под протестом) против выступления редакции С.-П[етер]б[ургского] «Церковного вестника» по этому делу. И после всегда примыкал к трудовой, либеральной, демократической интеллигенции, хотя формально ни к каким политическим партиям никогда не принадлежал. Участвовал в массовых демонстрациях во время революции 1905 и [19]17 гг. В забастовке многих служащих после Октябрьского переворота не принимал участия.

Таким меня знали и прежние сослуживцы, и ученики и ученицы мои, и знакомые и родные. Таким остался я и до сих пор.

Еще с давнего времени социализм, с историей которого я знаком и по своим теоретическим интересам, и по преподаванию истории в учебных заведениях, социализм (пусть в виде утопического социализма) был и моим идеалом в мечтах о счастливом будущем человечества. И мне ли теперь быть против того, что мечта моей юности становится настоящей действительностью, очевидной реальностью в дни моей старости? Нет, никогда.

Поэтому сознательно, убежденно сочувствовал и сочувствую социалистической Советской власти, поставившей труд, в том числе и умственный, научный труд, превыше всего (по принципу: «от каждого по способности, каждому по труду»); сочувствовал не на словах только, но содействовал в меру своих сил, успехам ее и на деле, на работе своим честным, добросовестным, ревностным, самоотверженным трудом в любимой и доступной мне области исторических работ в архивах и библиотеках Ленинграда.

Наша родина — как выше указано, — б[ывшая] Гродненская губерния, входит ныне в состав Западной Белоруссии в пределах Польши. Мои сестры, о которых тоже упомянуто выше и о которых также спрашивал меня следователь, всю свою жизнь там на родине живут, и одна из них до сих пор учительствует в б[ывшем] Брест-Литовске, а другая при ней на пенсии, нервноболезная

* Ветрова Мария Федосеевна (1870—1897) — революционная народница, член «Группы народолюбцев», сожгла себя в знак протеста против тюремного режима.

еще со времени сидения в тюрьме в конце прошлого века. Естественно и понятно, что с ними, самыми близкими для меня людьми, такими же одинокими, как и я, у меня была лично-родственная переписка обычно открытками. И следователь, надо думать, вполне убедился, что кроме этой переписки, никаких других сношений с границей, — ни письменных, ни иных, — ни с кем и никогда у меня не было и нет.

На Дальнем Востоке был с апреля [19]34 г. до октября [19]35 г. Из этих полтора года около 5 месяцев проболел местными болезнями — цингой и малярией. Остальное время работал по культурно-воспитательной части, например, писал учебные программы для разных кружков, приводил в порядок местный архив, редактировал стенную газету, писал для нее статьи: «Октябрьская революция и наука», «О книгах по истории и географии Д[альней]-В[осточного] края», «Впечатления» об этом крае и т. п.; вел коллективную читку газет с комментариями; делал и некоторые посильные физические работы, как-то: борьба с вредителями капусты, сбор разных семян. . .

В декабре [19]34 г. врачебной комиссией активирован как инвалид по старости (мне 62 года) и болезням (миокардит, одышка, атеросклероз, рахит, последствия цинги на ногах и зубах) на основании 458 ст. УПК. Этот врачебный акт в апреле [19]35 г. утвержден контрольной комиссией из Хабаровска в составе начальника санчасти и местного прокурора. На основании постановления Особого совещания при НКВД СССР в Москве от 16 сент[ября] [19]35 г. в порядке статьи 458 УПК досрочно освобожден 22 окт[ября] [19]35 г.

С Дальнего Востока направился в Ленинград, чтобы привести хотя в некоторый порядок свои рукописные и печатные материалы, которые в мое отсутствие приведены были в хаотическое состояние. Так как остаться в Ленинграде не оказалось возможным, направился в Малую Вишеру, как ближайший из возможных к Ленинграду город, где живу с ноября [19]35 г. Здесь работы, хотя сколько-нибудь подходящей к моим специальностям и силам, нет и не предвидится. Нет, в связи с этим, и средств к жизни, которые всегда, еще со времени студенчества добывал личным трудом. И личной семьи, как определенной материальной опоры нет у меня. Есть только племянницы, племянники и вдова брата, живущие в Ленинграде.

Да в Ленинграде, в привычных, хорошо знакомых мне архивно-библиотечных условиях его, мог бы еще по-прежнему поработать для Весоюзной и Белорусской академий наук; свой уже, вероятно, недолгий остаток жизни (идет 7-ой десяток ее) смог бы, мне думается, еще использовать на продолжение и окончание начатых до [19]34 г. таких работ: 1) Архивы Мануфактур-коллегии и конторы и Комиссии о коммерции, как первоисточник для истории русской промышленности, 2) О формировании рабочего класса на русских мануфактурах XVIII в., 3) Социально-национальные отношения в Белоруссии XVIII в. (до разделов Польши), 4) Белорусский помещик и крестьянин по архиву Дубровен-

ского имени XVII—XIX вв., 5) Предшественники Белорусского словаря Носовича*.

Эти работы, которые могут быть исполнены, закончены только в Ленинграде при помощи его архивных материалов, дали бы мне и средства к жизни.

Поэтому кончаю тем, с чего и начал: прошу Вас о снятии с меня судимости и восстановлении моего права жительства в Ленинграде, где жил 40 лет с 1894 г.

25 декабря 1935 г.

Б. Жукович

Адрес: Ленинградская область, г. Мал[ая] Вишера, 2-я Поперечная ул., д. № 32.

НИОР РГБ. Ф. 369. К. 158. Д. 21. Л. 49—54об. Машинопись, подпись и приписка — автограф.

Литература

1. Пятидесятилетие высочайше учрежденной комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода 1865—1915. — Пг., 1915. — С. 332—333.
2. Щеглов, Г. Э. Архив западнорусских униатских митрополитов и история его описания // Труды Историко-архивного института. — М., 2005. — Т. 36. Архивы русской православной церкви: пути из прошлого в настоящее.
3. Ленинградский мартиролог 1937—1938. Книга памяти жертв политических репрессий. — СПб., 2009. — Т. 10. — С. 155.

Артыкул пастуіў у рэдакцыю 22.02.2016

* Носович Иван Иванович (1788—1877) — этнограф, фольклорист и лексикограф. (См.: Носович, И. И. Словарь белорусского наречия. — СПб., 1870).

Г. В. Самойленко,

*заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы и истории культуры
Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя;
доктор филологических наук, профессор*

ДОКУМЕНТЫ Ф. БОГУШЕВИЧА В ОТДЕЛЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ОБЛАСТНОГО АРХИВА В НЕЖИНЕ

Как известно, жизнь классика белорусской литературы Францишка Богушевича (1840—1900) тесно связана с Украиной — более 15 лет он прожил на Черниговщине. В 1865 г. недавний повстанец 1863—1864 гг. поступил в Нежинский юридический лицей князя Безбородко — одно из учебных заведений известной Нежинской высшей школы, основанной представителями влиятельного рода землевладельцев, государственных деятелей и меценатов. В Чернигове и Конотопе начиналась юридическая карьера будущего литератора. С 18 января 1869 г. по 15 сентября 1870 г. Ф. Богушевич занимал разные юридические должности в Черниговской палате уголовного и гражданского суда. 17 июня 1874 г. приказом № 30 по ведомству Министерства юстиции он был назначен исполняющим обязанности, а с 6 января 1882 г. — судебным следователем первого участка Конотопского уезда Нежинского окружного суда, где он работал 10 лет. В уездном городе Конотоп насчитывалось в это время более 2 тыс. дворов, в которых проживало около 9 тыс. человек. Работа Ф. Богушевича была связана с разбором различных бытовых и имущественных дел конотопских мещан, а также крестьян. 14 марта 1884 г. Ф. Богушевич был освобожден со службы в связи с болезнью по его просьбе с правом носить в отставке мундир в соответствии с должностью. Кроме этого, указом Правительствующего Сената 11 августа 1884 г. за № 79 он был повышен в связи с выслугой в надворные советники.

В черниговских архивах отложился комплекс документов, связанный с этим периодом его биографии. Часть из них, хранящаяся в Государственном архиве Черниговской области и связанная со службой Ф. Богушевича в Черниговской земской управе, была в свое время введена в научный оборот*. Но в Отделе Черниговского областного архива в Нежине (далее — ОЧОАН) сохранились документы, которые значительно дополняют украинский период жизни Ф. Богушевича. Основной их комплекс сохранился в фондах учреждений, с которыми и была связана биография поэта: 1359 (Нежинский юридический лицей князя И. Безбородко), 343 (Нежинский уездный предводитель дворянства) и 358 (Нежинский окружной суд).

По составу документы можно условно разделить на официально-служебные и лично-служебные. В первую группу включаются университетские ведомости об успеваемости будущего писателя, послужные списки, служебные

* Новое о жизни Франца Богушевича. Подготовка к публикации И. И. Рабинович // Советские архивы. — 1971. — № 4. — С. 91—93.

аттестаты и отзывы, уведомления о получении чинов и наград, характеристика служебной деятельности и моральных качеств Ф. Богушевича со стороны руководителя Нежинского окружного суда Э. Ф. Бострема, а также жителей и городской управы Конотопа. Эти документы важны для реконструкции профессионального становления и служебной карьеры Ф. Богушевича, его личностных качеств, понимания общественной оценки его деятельности. В отношении к своим обязанностям Ф. Богушевич проявил гражданскую принципиальность, честность, внимание к простым людям, в частности, к сельскому населению, которое ощущало несправедливость крестьянской реформы 1861 г. и раздела земли.

Группу лично-служебных материалов составляют исходящие от самого Ф. Богушевича докладные записки, прошения, ходатайства, переписка и т. д. Этот комплекс ценен и интересен тем, что позволяет раскрыть некоторые экзистенциальные моменты и факторы биографии поэта, усилия по преодолению им жизненных вызовов. Так, прошения в адрес лицейской и сословно-дворянской администрации г. Нежина раскрывают сложное материальное положение Богушевича-учащегося, ставившее под вопрос возможность окончания образования. Эти документы характеризуют такую личностную черту Ф. Богушевича, как высокое трудолюбие, интенсивное занятие репетиторством — типичным для тех условий заработком малообеспеченных студентов.

Еще один важный аспект биографии — состояние здоровья Ф. Богушевича. Документы показывают, что ранение, полученное им в период восстания 1863—1864 гг., и серьезные легочные заболевания не только осложнили профессиональную деятельность Ф. Богушевича, но и стали решающим фактором его переезда на родину. Об этом свидетельствуют прошения о предоставлении отпусков, о необходимости лечения, врачебные заключения, ходатайства о переводе на работу в Беларусь.

В архиве сохранились также важные документы, связанные с семейной жизнью Ф. Богушевича — его женитьбой на дворянке Габриеле Михайловне Шкленник 15 сентября 1874 г., а также о рождении его детей — дочери Констанции и сына Томаша.

Публикуемые материалы дадут возможность читателям и исследователям жизни и творчества основоположника белорусской реалистической литературы уточнить и расширить факты его биографии и личности.

Документы печатаются в соответствии с нормами современной орфографии, сокращения раскрыты в квадратных скобках.

1. Прощение Ф. Богушевича о поступлении в Нежинский юридический лицей. 7 мая 1865 г.

Его Превосходительству господину директору Нежинского лицея графа Кушелева-Безбородко и Гимназии, действительному статскому советнику и кавалеру Егору Павловичу Стеблину-Каменскому.

Дворянина Франца Казимира сына Богушевича.

Прощение.

Желая ревностно заняться приспособлением себя к государственной службе по гражданской части, честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство дозволить мне поступить в число студентов Лицея Кушелева-Безбородко, вверенного Вашему Превосходительству.

При сем честь имею представить документы:

а) свидетельство С.-Петербургского университета;

б) копию Указа о дворянстве;

в) метрическое свидетельство.

Г. Нежин.

1865 года мая 7 дня.

Жительство имею в г. Нежине в доме Мукиной.

Франц Казимиров Богушевич

Резолюция: Представить личное дело о поведении при университете.

ОЧОАН. Ф. 1359. Оп. 1. Ед. хр. 662. Л. 64.

2. Прощение Ф. Богушевича директору Нежинского юридического лицея об освобождении от оплаты за учебу в лицее. 11 мая 1867 г.

Его Превосходительству господину директору лицея князя Безбородко и Нежинской гимназии, действительному статскому советнику и кавалеру Егору Павловичу Стеблин-Каменскому.

Студента Лицея князя Безбородко Франца Казимира сына Богушевича.

Прощение.

Не имею никаких средств внести узаконенную плату за право слушания лекций в Лицее князя Безбородко на текущее полугодие, осмеливаюсь утрудить Ваше Превосходительство всепокорнейшей просьбой об увольнении меня от упомянутой платы. При сем честь имею представить свидетельство уездного предводителя дворянства, за № 279 от 9-го декабря 1865 года, о моей несостоятельности.

Г. Нежин.

1866 года февраля 4-го дня.

Франц Казимиров сын Богушевич

Свидетельство от предводителя дворянства за № 279 от 9-го декабря 1865 г. получил 11 мая 1867-го года.

*Фр. Богушевич**

ОЧОАН. Ф. 1359. Оп. 1. Ед. хр. 662. Л. 68.

* *Дописано в конце документа.*

3. Прощение Ф. Богушевича нежинскому предводителю дворянства о выдаче ему свидетельства о материальной несостоятельности.

10 декабря 1865 г.

Его Высокородию господину нежинскому уездному предводителю дворянства.

Студента Нежинского лицея Франца Казимира сына Богушевича.
Прощение.

Не имея никаких средств к жизни, я положительно не в состоянии продолжать образование на собственный счет; крайняя моя бедность заставляет меня просить начальство о получении стипендии, но для этого необходимо свидетельство Вашего Высокородия о бедности, а посему осмеливаюсь утруждать всепокорнейшей просьбой о снабжении меня таковыми. При сем имею представить засвидетельствование от трех гг. дворян вверенного Вашему Высокородию уезда о крайней моей несостоятельности.

Г. Нежин, декабря 10-го, 1865 года.

Жительство имею в г. Нежине в д. Вакуленки.

Франц Казимирович Богушевич

ОЧОАН. Ф. 343. Он. 1. Ед. хр. 355. Л. 43.

4. Свидетельство дворян Нежинского уезда о материальной несостоятельности Ф. Богушевича. 30 ноября 1865 г.

Мы, нижеподписавшиеся дворяне Чернигов[ской] губернии Нежинского уезда, сим свидетельствуем, что студент Нежинского лицея дворянин Франц Казимиров сын Богушевича, как нам известно, действительно не состоятелен и не только не может внести узаконенной платы за право слушания лекций, но не в состоянии содержать на свой счет и продолжать воспитание, что и утверждаем собственноручными подписями.

Г. Нежин.

1865 г., ноября 30 дня.

Помещик, штаб-ротмистр Николай Милорадович

Помещик, поручик конной артиллерии Михаил Фальковский

*Помещик, отставной поручик Киевского гусарского полка Константин ... **

ОЧОАН. Ф. 343. Он. 1. Ед. хр. 955. Л. 44.

5. Свидетельство нежинского уездного предводителя дворянства о материальной несостоятельности Ф. Богушевича. 9 декабря 1865 г.

Дано сие свидетельство от нежинского уездного предводителя дворянства студенту Лицея кн. Безбородко Францу Казимирову Богушевичу в том, что он, Богушевич, не имея совершенно никакого состояния, не может продолжить

* Фамилия не разобрана.

образование на собственный счет. В чем удостоверяю подписью и приложением по должности моей печати.

Г. Нежин.

1865 года, декабря 9-го дня.

Нежинского уезда предводитель дворянства надворный советник
и кавалер

Почка

Письмоводитель Лосина

ОЧОАН. Ф. 1359. Он. 1. Ед. хр. 701. Л. 10.

6. Прощение Ф. Богушевича директору Нежинского юридического лицея о назначении ему стипендии. 11 мая 1867 г.

Его Высокородию господину директору Лицея кн. Безбородко и Нежинской гимназии, статскому советнику и кавалеру Егору Васильевичу Гудиме.

Студента Лицея кн. Безбородко Франца Казимира Богушевича.

Прощение.

Быв в 1-м курсе Лицея, я обращался к начальству о назначении мне стипендии со второго полугодия; но так как вакансии не оказалось, то и получил отказ. Поступив во 2-й курс, я нашел возможность кое-как содержаться репетиторским трудом, и поэтому счел неуместным беспокоить начальство моей просьбой о стипендии; на будущее же время, желая посвятить более времени собственному образованию, я не предвижу никакой возможности обеспечить свое существование трудом так скудно вознаграждаемым и требующим более, чем я могу посвятить на этот предмет времени. От родных я не получаю никакого пособия по несостоятельности их; между тем как кроме обыкновенных расходов на прожитие, я, больной, должен нести расходы на излечение. Все эти обстоятельства заставили меня утруждать просьбой Ваше Высокородие о назначении мне стипендии на будущее время.

Г. Нежин.

1867-го, мая 11 дня.

При сем честь имею представить свидетельство о несостоятельности от г. уездного предводителя дворянства за № 279.

Студент Франц Казимиров сын Богушевич

ОЧОАН. Ф. 1359. Он. 1. Ед. хр. 701. Л. 9.

7. Ходатайство правления Нежинского юридического лицея перед попечителем о штатном содержании материально несостоятельных студентов. 7 сентября 1867 г.

7 сентября 1867 г.

Г. почетному попечителю Лицея кн. Безбородко.

Студенты Лицея кн. Безбородко 2-го курса: Вороной Иван, Небудкин Матвей и 3-го курса: Базилевич Дмитрий, Свяцкий Иван, Ярошевский Петр, Кульжинский Пантелеймон, Адамовский Михаил, Громько Григорий, Богушевич Франц и Барвинский Ананий по недостаточному их состоянию затрудня-

ются в содержании себя, а потому просят о принятии их на штатное содержание.

Так как выше поименованные студенты действительно бедственного состояния, оказывают хорошие успехи в науках и есть вакантные штатные места, то правление Лицея имеет честь почтительнейше просить Ваше Сиятельство о разрешении принять выше наименованных лиц на штатное содержание.

Директор ...

ОЧОАН. Ф. 1359. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 70.

8. Выписка из ведомости экзаменационных испытаний студентов 3-го курса Нежинского юридического лицея. 1868 г.*

5. Богушевич Франц.

Богословие — католик**.

Энциклопедия законовещения 3,5.

Государственные законы 3.

Законы о финансах 4.

Гражданские законы 3.

Законы государств[енного] благоустройства 3,5.

Уголовные законы 3,5.

Полицейские законы 3.

Русская история 3,5.

Статистика 3,5.

Русская словесность 3,5.

Практ[ическая] рус[ская] словесность 3,5.

Французский язык — Немецкий язык 4.

Годичное сочинение 4.

Сумма 45,5.

Средний вывод 3,50.

Поведение отличное.

Классный чин XII.

ОЧОАН. Ф. 1359. Оп. 1. Ед. хр. 649. Л. 151.

9. Выписка о выдаче аттестата об окончании Нежинского юридического лицея и присвоении классного чина Ф. Богушевичу. Август 1868 г.

Список бывших студентов Лицея князя Безбородко, коим по окончании полного курса учения и по утверждении попечителем Киевского учебного округа выданы аттестаты с правом на классные чины.

* В Нежинском юридическом лицее применялась 4-балльная оценка знаний.

** Католическое богословие преподавалось в российских университетах наравне с православным до 1863 г. После католики могли быть освобождены от лекций и испытаний по православному богословию по заявлению, которое подавалось при поступлении в учебное заведение.

Имена и фамилии студентов	Когда поступил в Лицей	Когда утвержден в праве на классный чин	Какого класса удостоверение	Время выдачи аттестата и за каким номером
4. Богушевич Франц	29 мая 1865 г.	26-го июля 1868 года	XII класса	Выдан аттестат 1868 г. 17 августа № 401

ОЧОАН. Ф. 1359. Оп. 1. Ед. хр. 662. Л. 88 об.

10. Переписка Ф. Богушевича с директором Нежинского юридического лицея о пересылке документов в Чернигов. Август 1868 г.

Его Превосходительству господину директору Лицея кн. Безбородко и Нежинской гимназии, статскому советнику и кавалеру Егору Васильевичу Гудиме.

Кончившего курс наук в Лицее кн. Безбородко Франца Казимировича Богушевича.

Прошение.

Состоя в настоящее время на службе в г. Чернигове, покорнейше прошу Ваше Превосходительство выслать мои документы в г. Чернигов, по жительству моему, в дом Мухи, при чем честь имею присовокупить, что если окажутся за мною книги библиотеки Лицея и студенческой, то обязуюсь возвратить их стоимость немедленно.

Г. Нежин. 14 августа 1868 г.

Франц Казимиров Богушевич

№ 416

Августа 1868 г.

Г. окончившему курс наук в Лицее князя Безбородко Францу Казимировичу Богушевичу.

Вследствие просьбы Вашей честь имею препроводить при сем документы: метрическое свидетельство о рождении Вашем, копию указа о дворянском происхождении, свидетельство о поведении, увольнительное свидетельство из университета и аттестат об окончании Вами курса наук в Лицее князя Безбородко, покорнейше о получении этих документов меня уведомить*.

Директор ...

Его Превосходительству господину директору Лицея князя Безбородко и Нежинской гимназии.

Кончившего курс наук в Лицее князя Безбородко Франца Казимировича сына Богушевича.

Отзыв.

* Так в тексте.

Сим честь имею довести до сведений Вашего Превосходительства, что документы мои: метрическое свидетельство, копия указа о происхождении, свидетельство о поведении и увольнительное из университета, а также аттестат об окончании мною курса наук в Лицее, при отношении Вашего Превосходительства от 19 августа 1868 г. с № 416, получены мною сего 21 августа.

1868 г., авг. 21-го дня.

Г. Чернигов

Франц Богушевич

ОЧОАН. Ф. 1359. Оп. 1. Ед. хр. 662. Л. 65, 79, 86.

11. Формулярный список Ф. Богушевича. 25 июня 1874 г. — 4 марта 1885 г.

Формулярный список о службе и [сполняющего] д[олжность] судебного следователя I участка Борзенского уезда, коллежского секретаря Франца Богушевича*

Окт. 18 дня 1874 года.

Чин, имя, отч., фам., должность, лет отроду, вероисповед., знаки отличия и получаемое содержание. Коллежский секретарь Франц Казимирович Богушевич, судебного следователя I участка Борзенского [Конотопского] уезда, тридцати одного [41] года от роду, вероисповедания римско-католического, получал(ет) в год: жалования 400 р. [1000], столовых 400 р. [500] и на канцелярские [квартирные] расходы 200 руб. в год [от земства]. [Имеет ордена Св. Станислава 3-й степени и Св. Анны 3-й степ.].

2. Из какого звания происходит: из дворян.

3—4. Есть ли имяне у него самого и у родителей: Виленской губернии Ошмянского уезда за родителями его пахотной, сенокосной и лесной земли до 200 десятин.

5—6. У жены, буде женат: нет.

7, 8—9. Где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях.

Годы, месяцы.

По окончании курса наук в Лицее князя Безбородко с правом на чин XII класса, в службу вступил по прошению в Черниговское губернское правление канцелярским чиновником тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года декабря восемнадцатого дня.

18 дек. 1868 г.

По постановлению губернского правления от 22 января 1869 года определен и [сполняющим] д[олжность] помощника делопроизводителя сего правления пятого стола.

22 янв. 1869 г.

* В формулярном списке сделаны исправления карандашом, которые даются в квадратных скобках.

Указом Правительствующего Сената от 10 апреля 1869 года за № 7450 утвержден в чине губернского секретаря со старшинством с двадцатого декабря 1868 года.

20 дек. 1868 г.

Согласно прошению его и предложения черниговского губернатора перемещен из оного правления в Черниговскую палату уголовного и гражданского суда с зачислением кандидатом на должность судебного следователя.

16 июня 1869 г.

По распоряжению палаты командирован к исправлению должности судебного следователя I участка Кролевецкого уезда с 30 июня по 25 октября 1869 года, а с 4 ноября того же года по 15 сентября 1870 года исправлял должность судебного следователя II участка Стародубского уезда.

После того командирован с 1 декабря 1870 г. в помощники судебному следователю II участка Черниговского уезда

7 января 1871 года.

Потом согласно прошения уволен от службы по болезни.

4 марта 1871 г.

Приказом по ведомству Министерства юстиции 21 июля 1871 г. за № 51 назначен и. д. судебного следователя 3 участка Грязовецкого уезда Вологодской губернии.

19 июля 1871 г.

Приказом по ведомству Министерства юстиции 7 мая 1872 года за № 40 переведен и. д. судебного следователя I участка Борзенского уезда.

28 апр. 1872 г.

Определением департамента герольдии Правительствующего Сената от 18 октября 1873 года произведен за выслугу лет в коллежские секретари со старшинством с 3 июля 1872 г.

10. Был ли в походах. Не был.

11. Был ли в штрафах, под следствием. Не был.

12. Бывал ли в отпусках, когда и на сколько. Был в отпуске с января месяца 1871 года на два месяца и до окончания срока по прошению увольнения в отставку.

[1 сент. 1874 на 21 день и с 21 марта 1876 на 28 дней и в срок явился.

В 1877 году с 10 августа по 27 сентября, в срок явился.

В 1880 году с 20 июня на 1 месяц, в срок появился, по случаю болезни неявка признана судом законна.

В 1881 году с 11 июля по 11 августа.

В 1882 году с 8 июля по 8 августа.

В 1883 г. с 21 августа на 28 дней,

с 28 ноября на 28 дней закончившийся срок]*.

* Эти даты, взятые в скобки, были дописаны карандашом и затем обведены чернилами.

13. Был ли в отставке. Был в отставке с 4 марта по 19 июня 1871 без награждения.

14. Холост или женат, на ком, имеет ли детей.

[Женился 15 сентября 1874 г. первейшим браком на дворянке Габриэлле Михайловне Шкленник, имеет дочь Костанцию, родившуюся 2 октября 1875 года; жена и дети вероисповедания римско-католического, имеет сына Томаша, родившегося 29 декабря 1881 года]*.

Приказом по ведомству Министерства юстиции от 17 июня 1874 года за № 30 назначен и[сполняющим] д[олжность] судебного следователя I участка Конопотского уезда в округ Нежинского окружного суда с 20 июня 1874 г.

За отлично-усердную службу всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Станислава 3-й ст. 31 декабря 1876 г.

По случаю разрешенного отпуска судебному следователю 2-го участка Конопотского уезда заведовать временно этим участком с 21 июня по 5 августа 1877 года.

По случаю разрешения отпуска служебному следователю 2-го участка Конопотского уезда заведовать временно этим участком с 18 июля по 4 сентября 1879 года.

Высочайшим приказом по Министерству юстиции от 6 января 1882 г. назначен служебным следователем в округе того же окружного суда.

6 янв. 1882 г.

За отлично-усердную службу всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Анны 3-й степени. 15 мая 1883 г.

Высочайшим приказом по Министерству юстиции от 14 марта за № 17 уволен от службы согласно предложению с правом ношения в отставке мундира, означенной должности присваеваемого. 14 марта 1884 г.

Указом Правительствующего Сената от 11 августа 1884 г. № 79 произведен за выслугу лет в надворные советники со старшинством с 3 июля 1882 г.

ОЧОАН. Ф. 358. Он. 1. Ед. хр. 327. Л. 3—5.

12. Аттестат Нежинского окружного суда о служебной деятельности Ф. Богушевича. 1882 г.

Аттестат.

Из Нежинского окружного суда.

[Выдан] по указу Его Императорского Величества коллежскому секретарю Францу Казимировичу Богушевичу, служившему судебным следователем I участка Конопотского уезда округа сего суда в том, что он, как видно из формулярного и служебного списка, происходит из дворян, имеет отроду 41 год, вероисповедания римско-католического. Имеет ордена: Св. Станислава 3-й ст. и Св. Анны 3 степени. Получал содержание: жалованья 1000 руб., столовых 500 р. и квартирных по определению от земства.

* Далее документ дописан другим почерком.

Родители имеют до 200 десятин пахотной, сенокосной и лесной земли в Ошмянском уезде Виленской губернии. Имения благоприобретенного у него и у жены родового и благоприобретенного нет. По окончании курса наук в Лицее князя Безбородко с правом на чин XII класса в службу вступил по прошению в Черниговское губернское правление канцелярским чиновником тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года декабря восемнадцатого.

По постановлению губернского правления от 22 января 1869 г. определен и. д. помощника делопроизводителя сего правления 5 стола. Указом Правительствующего Сената от 10 апреля 1869 г. за № 7450 утвержден в чине губернского секретаря со старшинством с 20 декабря 1868 года.

Согласно прошению его и предложению Чернигов. губернатора перемещен из оногo правления в Чернигов. палату уголовного и гражданского суда с зачислением кандидатом на должность судебного следователя 1869 года июля 16.

По распоряжению палаты командирован к исправлению должности судебного следователя I участка Кролевецкого уезда с 30 июля по 25 октября 1869 года, а с 7 ноября того же года по 15 сентября 1870 года исправлял должность судебного следователя II участка Стародуб. уезда.

Командирован в помощь судебному следователю II участка Чернигов. уезда с 1 декабря 1870 г. по 4 января 1871 года.

Согласно прошению уволен от службы по болезни 1871 года марта 4. Приказом по ведомству Министерства юстиции от 21 июня 1871 г. за № 51 назначен и. д. судебного следователя II-го участка Грязовецкого уезда Вологодской губернии.

Приказом по ведомству Министерства юстиции от 17 июня 1874 года за № 30 назначен и[сполняющим] д[олжность] судебного следователя I участка Конопотского уезда в округ Нежинского окружного суда с 20 июня 1874 г.

За отлично-усердную службу всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Станислава 3-й ст. 31 декабря 1876 г.

По случаю разрешенного отпуска судебному следователю II-го участка Конопотского уезда заведовать временно этим участком с 21 июня по 5 августа 1877 года.

По случаю разрешения отпуска служебному следователю II-го участка Конопотского уезда заведовать временно этим участком с 18 июля по 4 сентября 1879 года.

Высочайшим приказом по Министерству юстиции от 6 января 1882 г. назначен служебным следователем в округе того же окружного суда. 6 янв. 1882 г.

За отлично-усердную службу всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Анны 3-й степени 15 мая 1883 г.

Высочайшим приказом по Министерству юстиции от 14 марта за № 17-м уволен от службы согласно предложению с правом ношения в отставке мундира, означенной должности присваемого, 14 марта 1884 г.

Указом Правительствующего Сената от 11 августа 1884 г. № 79 произведен за выслугу лет в надворные советники со старшинством с 3 июля 1882 г.

ОЧОАН. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 67.

13. Прошение Ф. Богушевича в Нежинский окружной суд о разрешении вступить в брак. 26 августа — 22 сентября 1874 г.

26 авг. 1874 г. № 1270. Г. Конотоп.

В Нежинский окружной суд.

Представление.

Предложив вступить в брак с дворянкой Габриэлей Михайловой Шкленник, честь имею покорнейше просить суд разрешить мне вступление в брак и отпуск на 21 день с 1 сентября для поездки в Виленскую и Киевскую губернии. Дела 1-го участка на время отпуска моего могут быть поручены судебному следователю 2-го участка Конотопского уезда г. Иваненке.

Лист гербовой бумаги рублевого достоинства при сем представляется.

При этом честь имею донести, что отпусками, состоя в должности судебного следователя с 1871 года, я не пользовался.

И. д. судебного следователя 1-го участка Конотопского уезда Ф. Богушевич

22 сентября 1874 г. № 1421. Г. Конотоп.

В Нежинский окружной суд.

Имею честь донести суду, для внесения в формулярный список, что разрешенный мне судом брак с дворянкой Габриэлей Михайловной Шкленник состоялся 15 сентября.

И[сполняющий] д[олжность] судебного следователя Богушевич

ОЧОАН. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 13, 14.

14. Представление Ф. Богушевича в Нежинский окружной суд о рождении и крещении дочери Констанции. 2 января 1879 г.

М[инистерство] ю[стиции]. Судебный следователь Нежинского окружного суда по 1-му участку Конотопского уезда. Января 2 дня 1879 г. № 3. Г. Конотоп.

Его превосходительству господину председателю Нежинского окружного суда.

Представление.

Представляя при сем метрическую справку за № 22 о рождении и крещении дочери моей Констанции, имею честь покорнейше просить Ваше Превос-

сходительство сделать распоряжение о внесении ее в формулярный список о моей службе.

И. д. судебного следователя Богушевич

ОЧОАН. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 35.

15. Запрос Министерства юстиции председателю Нежинского окружного суда о служебной деятельности и моральных качествах Ф. Богушевича 30 июня 1875 г.

Конфиденциально

И[сполняющий] д[олжность] управляющего канцелярией Министерства юстиции.

Милостивый государь, Эрнест Федорович.

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сообщить сведения о служебной деятельности и нравственных качествах и[сполняющего] д[олжность] судебного следователя I участка Конотопского уезда, округа Нежинского окружного суда, коллежского секретаря Богушевича и мнение Ваше о том, может ли он с пользою для службы по способностям и направлению занять должность члена окружного суда.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

№ 8438

30 июня 1875 года.

Его Превосходительству Э. Ф. Бострему*.

ОЧОАН. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 21.

16. Сообщение Нежинской городской управы в Нежинский окружной суд о выражении городской думой благодарности Ф. Богушевичу. 10 января 1876 г.

№ 28

1876 года, января 10 дня.

В Нежинский окружной суд Конотопской городской управы.

Гласные городской думы в заседании ее 9 ноября 1875 года заявили, что большинство жителей города Конотопа весьма сочувственно относятся к полезной деятельности исправляющего должность судебного следователя Нежинского окружного суда г-на Богушевича, усиленным трудом которого несомненно обязаны водворившейся с некоторого времени безопасности и спокойствия относительно крамол, которые так часто повторялись до прибытия г-на Богушевича в город Конотоп, что жители находились в совершенной опасности. Такая безукоризненная честность и полезная деятельность г-на Богушевича, по мне-

* В ответном письме Э. Ф. Бострем сообщает, что по своему трудолюбию и направлению мыслей Ф. Богушевич достоин занять должность члена окружного суда. Неразборчивый почерк не дает возможности точно воспроизвести документ.

нию их, заслуживает выражения полной признательности жителей города Конотопа, по выслушании чего дума постановила: выразить искреннюю благодарность города Конотопа исправляющему должность судебного следователя г. Богушевичу через Нежинский окружной суд за его безукоризненную и полезную деятельность по службе следователя в городе Конотопе, о чем городская управа имеет честь сообщить Окружному суду на его распоряжение для доведения до сведения начальству и покорнейше просить о последующем уведомить городскую управу.

Городской голова *Горовой*
Секретарь ...

ОЧОАН. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 20.

17. Сообщение Ф. Богушевича председателю Нежинского окружного суда о получении грамоты на награждение орденом св. Станислава. 13 апреля 1877 г.

13 апр[еля] 1877 года. № 303. г. Конотоп. Камера в доме Иванухи.

Господину председателю Нежинского окружного суда.

Согласно предписанию Вашего Превосходительства от 12 апреля за № 573 имею честь донести, что грамота на всемиловитейше пожалованный мне орден св. Станислава 3-ей степени получена.

И[сполняющий] д[олжность] судебного следователя Богушевич.

ОЧОАН. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 21, 22, 27.

18. Переписка по поводу назначения Ф. Богушевича должности члена Нежинского окружного суда. 2—9 января 1879 г.

Января 2 дня 1879 г. № 2. г. Конотоп.

Его Превосходительству господину председателю Нежинского окружного суда.

Представление.

Представляя Вашему Превосходительству согласно циркуляру Министерства юстиции от 28 апреля 1876 года за № 7034 докладную записку на имя господина министра юстиции о предоставлении мне должности члена окружного суда, имею честь всепокорнейше просить содействия Вашего Превосходительства в удовлетворении моего ходатайства, если оно будет признано того достойным.

И[сполняющий] д[олжность] судебного следователя Богушевич

Резолюция: Богушевич по своим способностям и усердию по службе является вполне достойный просимой им должности.

№ 74. 9 янв. 1879 года.

В канцелярию Министерства юстиции.

Препровождая при сем согласно циркулярного распоряжения г. министра юстиции от 28 апреля 1876 г. за № 7034 докладную записку исправляющего

должность судебного следователя 1-го участка Конотопского уезда коллежского секретаря Богушевича вместе с копией формулярного и служебного списка, имею честь присовокупить, что, по моему мнению, г. Богушевич по своим способностям и усердию к службе является вполне достойным просимой им должности.

ОЧОАН. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 36, 37.

19. Ходатайство Ф. Богушевича о переводе на вакансию в Сувалкском окружном суде. 3 апреля 1882 г.

Его Превосходительству господину председателю Нежинского окружного суда.

Судебного следователя по 1-му участку Конотопского уезда Богушевича.

Докладная записка.

Долговременная служба в должности следователя с 1869 года в Вологодской и Черниговской губерниях, с 1874 г. в Нежинском окружном суде осмеливают меня утруждать Ваше Превосходительство всепокорнейшей просьбой принять благосклонное участие в моем ходатайстве о предоставлении мне должности члена на открывшуюся ныне вакансию в Сувалкском окружном суде.

Если моя просьба будет признана Вашим Превосходительством уважительной, то покорнейше прошу настоящее мое ходатайство представить в Министерство юстиции*.

Г. Конотоп

1882 г., апреля 3-го дня

Судебный следователь Богушевич

ОЧОАН. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 49, 50.

20. Прошение Ф. Богушевича в Нежинский окружной суд о предоставлении отпуска для лечения. 26 ноября 1883 г.

В Нежинский окружной суд.

Судебного следователя I-го участка Конотопского уезда Богушевича.

Прошение.

Нуждаясь в отпуске для излечения болезни и в поездке для медицинских советов, имею честь представить суду медицинское свидетельство о болезни ** и

* 7 апреля 1882 г. председатель Нежинского окружного суда направил в Министерство юстиции прошение, в котором отмечал, «что ходатайство г. Богушевича по его нравственным качествам и служебной деятельности вполне заслуживает уважения».

** К прошению приложено свидетельство старшего врача Курско-Киевской железной дороги о том, что Богушевич страдает хроническим катаром дыхательных путей и расширением легких. Однако в деле хранятся: свидетельство Ошмянского уездного врача Л. Волчанского от 17 июля 1880 г. о болезни «дыхательных путей в столь серьезной форме, что при настоящем положении его здоровья не может ни предпринимать путешествия на место служения, ни занимать служебных обязанностей впредь до выздоров-

гербовую марку, покорнейше прося освободить меня от служебных обязанностей на время болезни и разрешить отлучку в г. Вильну для получения медицинского совета и пользования у врачей, исследовавших меня ранее.

1883 г., ноября 26 дня.

Судебный следователь Богушевич

ОЧОАН. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 60.

21. Прошение Ф. Богушевича в Нежинский окружной суд о выдаче документов в связи с увольнением от службы. 23 марта 1884 г.

В Нежинский окружной суд.

Бывшего судебного следователя Франца Казимировича Богушевича.

Прошение.

Имею честь донести суду, что так как я от службы согласно прошению моему уволен и следственный участок мною сдан был кандидату на судебную должность г. Демьяненко еще 30 ноября 1883 г., то я выбываю из г. Конотопа в г. Вильно. При этом имею честь покорнейше просить суд выдать мне в возможной скорости аттестат от службе и копию формулярного списка, а также другие мои документы, сделав распоряжение о высылке их в город Вильно в окружной суд.

Г. Конотоп.

1884 г. марта 23-го дня.

Марки прилагаются.

Коллежский секретарь Ф. Богушевич

22. Аттестат о службе Ф. Богушевича. 1884 г.

Приказом по ведомству Министерства юстиции от 7 мая 1872 года за № 40 переведен и. д. судебного следователя первого участка Борзенского уезда.

Определением Департамента герольдии Правительств. Сената от 18 октября 1873 г. произведен за выслугу лет в коллежские секретари со старшинством с 3 июля 1872 года.

Приказом по ведомству Министерством юстиции от 17 июня 1874 г. за № 30 причислен к Департаменту Минист. юстиции с откомандированием к и. д. судебного следователя I-го участка Конотопского уезда в округ Нежинского окружного суда с 20 июня 1874 года. [...]*

В штрафах, под следствием не состоял, походах против неприятеля и в самих сражениях не был.

ления: для более или менее успешного лечения понадобится более месяца времени», а также от 13 августа 1880 г. о лечении Богушевича. Здесь же находится представление об отпуске на 1 месяц с 11 июля по 11 августа 1881 года «вследствие расстроенного здоровья и домашних обязательств» (Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 40, 43, 45, 46).

* Далее в тексте повторяются сведения формулярного списка по день увольнения Ф. Богушевича.

В удостоверение вышеизложенного и выдан сей аттестат ему, г. Богушевичу, за подписью с приказом*.

ОЧОАН. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 60, 61, 66, 67 об.

23. Из указа о присвоении Ф. Богушевичу чина надворного советника. 11 августа 1884 г.

Указом Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената от 11 августа 1884 года, за № 79 произведен за выслугу лет со старшинством в надворные советники бывший судебный следователь 1-го участка Конотопского уезда коллежский секретарь Франц Богушевич.

ОЧОАН. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 73.

Артыкул наступіу у редакцію 29.06.2016

* На л. 68 дела — отметка о том, что документы были направлены присяжному поверенному округа Виленской судебной палаты Богушевичу 17 апреля, а вручены ему под расписку 18 апреля 1884 г.

В. С. Пазднякоў,
загадчык аддзела археаграфіі
Беларускага навукова-даследчага інстытута
дакументазнаўства і архіўнай справы,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: vpmiensk@gmail.com

**ГЕНЕАЛАГІЧНЫЯ ЗАМЕТКІ ПРА РОД КНЯЗЁў ВІШНЯВЕЦКІХ
І СПРАВА АСТРОЖСКАЙ АРДЫНАЦЫІ
МАЛЬТЪЙСКАГА ОРДЭНА
(НЕВЯДОМЫ МІНСКІ РУКАПІС КАНЦА XVII ст.)**

Генеалогія князёў Вішнявецкіх высветлена гісторыкамі. Доўгі час Вішнявецкія выводзілі сябе ад вялікага князя літоўскага Альгерда праз яго сына Карыбута і ўнука Фёдара (апошні жыў у пачатку XV ст.). Такая генеалогія была пацверджана гісторыкамі XVI ст. М. Стрыйкоўскім і Б. Папроцкім і стала быццам кананічнай. Яна не падвяргалася сумненню да XIX ст. Аднак у 1867 г. выйшла праца К. Стадніцкага «Браты Уладзіслава Ягайль», дзе традыцыйная генеалогія была адкінута; аўтар нават пачаў сумнявацца ў іх княскім паходжанні, выводзячы Вішнявецкіх ад баярына Дзяніса Мукасея [1, s. 107—109]. Аднак А. Банецкі, а пасля аўтарытэтныя знаўцы княскіх генеалогій К. Ажароўскі і Ю. Вольф давялі, што Вішнявецкія паходзілі ад князя Фёдара Несвіцкага, які жыў у канцы XIV ст. і валодаў горадам Несвіч на Валыні (цяпер сяло ў Луцкім раёне Валынскай вобласці Украіны) [2, s. 552, 606]. Пры гэтым генеалагічную сувязь Вішнявецкіх з князем Карыбутам даследчыкі не здолелі прасачыць і адкінулі яе як неверагодную. Адным з аргументаў было тое, што ў Уваскрасенскім летапісе XVI ст. адзначана, што род князя Карыбута скончыўся на яго сынах.

Этапнай працай у даследаванні гэтай праблемы стаў артыкул Н. А. фон Баўмгартэна 1910 г. Даследчык даказаў, што князі Фёдар Несвіцкі і Фёдар Карыбутавіч — адна і тая ж асоба [3]. Пазней да такой жа высновы прыйшоў Ф. Равіта-Гаўронскі [4]. Князь Фёдар праз сына Васіля меў унукаў Васіля, Сямёна і Салтана. Першы з іх пры падзеле бацькавай спадчыны атрымаў горад Збараж і стаў родапачынальнікам князёў Збаражскіх. Яго сын Міхаіл валодаў горадам Вішняўцом і пачаў тытулавацца князем Вішнявецкім. Далейшы радавод Вішнявецкіх добра вядомы аж да выгасання гэтага княскага роду ў XVIII ст.

Найбольш значным прадстаўніком роду (з пункту гледжання кар’еры, як гэта ацэньвалі ў свой час шляхецкія ідэолагі) быў князь Міхал Вішнявецкі, кароль польскі і вялікі князь літоўскі ў 1669—1673 гг.

У Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі захоўваецца цікавая справа, датychная радаводу Вішнявецкіх. Зберагаецца яна ў фондзе князёў Радзівілаў (фонд 694, вопіс 4, справа 5778). Гэта збор розных дакументаў, якія звязаны з Вішнявецкімі і іх уладаннямі. Акрамя генеалагічных заматак, якія публікуюцца ніжэй, тут ёсць копія фундаша на Сялецкі манастыр пад Брагінным (выдадзены Крысцінай Вішнявецкай у 1632 г. і пацверджаны каралём Міхалам Вішнявец-

кім у 1673 г.), адзін са спісаў знакамітай сатырычнай «Грамовы Мясешкі» і рэестры дакументаў пра ўкраінскія маёнткі Вішнявецкіх. Відавочна, рукапіс паходзіць з украінскіх або паўднёвабеларускіх зямель, дзе князі Вішнявецкія мелі значныя зямельныя ўладанні. Як рукапіс апынуўся ў архіве Радзівілаў? Пэўна, у выніку заключэння шлюбных саюзаў, якімі гэтыя магнатскія роды былі павязаны не адзін раз.

Публікуемья генеалагічныя заметкі напісаны на польскай мове (вельмі благой, але гэта, можа, грэх перапісчыка), аўтар іх не пазначаны. Твор падзяляецца на тры часткі. Першая называецца «Выпіскі з розных аўтараў пра сваяцтва князёў іх міласцяў Вішнявецкіх з князямі Астрожскімі», другая — «Як польскія каралі ў генеалогію князёў Астрожскіх уваходзяць», трэцяя — «Генеалогія князёў іх міласцяў Вішнявецкіх». Як бачна, адной з мэт аўтара было святліць сваяцкія сувязі Вішнявецкіх з Астрожскімі. З якой прычыны гэта спатрэбілася? Род князёў Астрожскіх у мужчынскім калене згас у 1620 г., і паўстала пытанне пра нашчадкаў іх вялізных зямельных уладанняў. Князь Януш Астрожскі стварыў са сваіх маёнткаў вялізны маярат, які атрымаў назву Астрожскай ардынацыі. Яна была пакінута ў спадчыну князю Аляксандру Заслаўскаму, будучаму ваяводзе брацлаўскаму і кіеўскаму, які быў жанаты на дачцэ Януша Астрожскага Ефрасінні. Ефрасіння памерла ў 1628 г., А. Заслаўскі — у 1629 г. Іх сын Уладзіслаў Дамінік Заслаўскі стаў наступным уладаром Астрожскай ардынацыі, юрыдычна — першым астрожскім ардынатам. Другі астрожскі ардынат, князь Аляксандр Януш Заслаўскі памёр бяздзетным у 1672 г. Згодна са стагутама, Астрожская ардынацыя павінна была перайсці ў распараджэнне Мальтыйскага ордэна, дакладней, у трыманне мальтыйскага рыцара з Рэчы Паспалітай, якога б абраў для гэтай мэты сойм. Гэтага не адбылося. Князь Дзімітр Ежы Вішнявецкі, каронны польны гетман, у другім шлюбе муж Тэафілы Заслаўскай — сястры нябожчыка А. Я. Заслаўскага, сілай захапіў Астрожскую ардынацыю. Пачалася доўгая барацьба розных магнатскіх групак за права валодаць гэтым маёнткам, у якую быў уцягнуты сойм Рэчы Паспалітай і нават замежныя манаршыя двары. Вось у такіх умовах і з’явіліся генеалагічныя заметкі, якія падкрэслівалі родавыя сувязі Вішнявецкіх з Астрожскімі. Князь Д. Е. Вішнявецкі ў першым шлюбе быў жанаты з Марыянай Замойскай (гэта першыя дзве асобы, названыя ў радаводных заметках), дачкой чарнігаўскага кашталяна Здзіслава Замойскага. Аднак Марыяна не была дачкой Кацярыны Астрожскай, як сцвярджаецца ў радаводзе, яе маці была з дому Лянцкаронскіх. Кацярына Астрожская была выдадзена замуж за Томаша Замойскага, які ў розны час займаў урады ваявод падольскага і кіеўскага, быў вялікім каронным канцлерам. Іх дачка Грызельда Канстанцыя стала жонкай князя Ерамея Міхала Вішнявецкага. Так што складальнік радавода наўмысна ці ненаўмысна ўнёс блытаніну ў гэту справу. Пасля аўтар запісак прасачыў узыходзячую генеалогію князёў Астрожскіх, якую давёў да галіцкага князя Льва Данілавіча і далей, аж да вялікага князя кіеўскага Уладзіміра Святаславіча, пра якога расказаў гісторыю, як ён хрысціўся. Такая

генеалогія князёў Астрожскіх была ў свой час пашырана, але сучасныя даследчыкі ў ёй вельмі сумняваюцца.

У другой частцы генеалагічных заметак распавядаецца пра сваяцкія сувязі князёў Астрожскіх з польскімі каралямі. Аўтар пачынае гэты сюжэт з апавядання пра шлюб Марыі, дачкі вялікага кіеўскага князя Уладзіміра Святаславіча, з польскім князем Казімірам I Аднавіцелем (Манахам). Пасля называе наступных уладароў Польшчы аж да Баляслава Крываротага (1085—1138). На гэтым сваю задачу па асвятленні роднасных сувязей Астрожскіх з польскім манаршым домам аўтар заметак палічыў выкананай.

Трэцяя частка заметак прысвечана ўласна радаводу князёў Вішнявецкіх. Аўтар трыдцыйна выводзіць іх ад Альгерда і будзе наступны ланцужок: Альгерд—Карыбут—Фёдар Несвіцкі і гэтак далей. Пасля пералічваецца манархі, якія хоць нейкім бокам мелі сваяцтва з Вішнявецкімі. Тут названы сам Карыбут, быццам кароль чэшскі (на самой справе тут павінен быць яго сын Жыгімонт Карыбутавіч), Ягайла, яго нашчадкі — Ягелоны аж да Жыгімонта Аўгуста, далейшыя польскія каралі да Уладзіслава IV, князі мазавецкія, імператары Свяшчэннай Рымскай імперыі, іспанскія каралі, рагузскія герцагі. Такое бліскучае сваяцтва ў Вішнявецкіх атрымалася, паводле меркавання аўтара заметак, дзякуючы шлюбу дачкі Альгерда Аляксандры з мазавецкім княскім домам. Трэба адзначыць, што ў гэтай частцы запісак надзвычай шмат скажэнняў першапачатковага тэксту. Аднак сам кароль польскі і вялікі князь літоўскі Міхал Вішнявецкі тут не названы. Відаць, гэты генеалагічны ўрывац быў напісаны яшчэ да абрання яго на трон і мэтай твора было падкрэсліць правы князя на манаршую годнасць. У 1670 г. Міхал Вішнявецкі ажаніўся з аўстрыйскай эрцгерцагіняй Марыяй Элеанорай, што таксама не адзначана ў творы. У гэтай частцы заметак ёсць спасылка аўтара на адну з крыніц сваёй інфармацыі — на Барташа Папроцкага. Твор заканчваецца звычайным лацінскім скарачэннем «для большай славы Гасподняй і гонара Найсвяцейшай Панны Марыі».

Увогуле генеалагічныя заметкі Вішнявецкіх — цікавы гістарычны і публіцыстычны твор, які паказвае, якімі пакручастымі шляхамі ішло развіццё генеалагічнай думкі на ўкраінскіх і беларускіх землях.

Пры публікацыі захаваны ўсе асаблівасці мовы гэтага твора, у якім скрозь палычызну прабіваецца мясцовая «простая» (українская або беларуская) гаворка перапісчыка.

Твор публікуецца ў адпаведнасці з Метадычнымі рэкамендацыямі па публікацыі польскамоўных документаў [5].

Генеалагічныя заметкі князёў Вішнявецкіх (канец XVII ст.)

Wypisanie kolligacyi J.O.O. Xiążatt Ichmcw Wiszniowieckich z rożnych autorow xiążatt Ostrozkich.

Przyszedła Zamoyska, zona Jerzego, corko xięzny Katarzyny Ostrozkiej, te Katarzynie zrodził Alexandra xiąże Ostrozki wwda wołyński, Alexandra zrodził Konstanty wtury xiąże Ostrozki wwda kijowski, Konstantego urodził Konstanty wwda trocki, hetman wielki, Konstantego urodził hetmana Janusz, Janusza — Bazylusz, Bazylusza — Fedor, Fedora — Leon xze ruski, Leona — Daniel krol halicki, ktorego Prandeta, biskup krakowski na krolewstwo koronował, Daniela zrodził Roman, Romana — Meczysław, Meczysława — Dawid, Dawida — Hrehory xiąże ruski, Hrehorego — Jarosław xiąże ruski, Jarosława — Włodzimirza xiąże ruski,* ten miał zpowinowazenie z cesarzami greckimi konstantynopolskimi, zpowinowaczył się gdy wzioł za zone Anne cesarzowne konstantynopolską, za ktorey powodem ruscy obywatele wiary chrzescianskiej z religij greckiej przysli w roku 990. O ten czas Włodzimirz xiąże okrcił się z tey okazji, gdy zażądał Bazylusza y Konstantyusza cesarzow greckich, sio[s]try odmowili mu, iż to byc nie moze, poniewaz nie iest chrzescianin. Y przez to obiecał, a gdy przyjechał do Carygrodu, olsnoł na oczy, posłał do panny, iz nie iest szczęśliwą alias nie szczęśliwą, iz musię ta stała slepota. Ona odpowiedziała, skoro się okrczi, zbędzie slepoty. Y tak się stało, za okrczeniem od episkopa greckiego, z Korsunia przyjezdzał. Potym brał z nią szlub, ta cesarzowna była córka Romana cesarza konstantynopolskiego, siostra Bazylusza y Konstantyna cesarzow, a ręka oney coia [?] cesarz tey ze był pradziad czesty cesarz Konstant. nad pradziady, cesarz grecki Pokorny nazwany, ktory dopuscił po sobie deptac biskupom, zeby ugode miedzy sobą strony wiary chrzescianskiej zachowały. || [1 адв.]

Jako krolowie polscy w genealogio tychze xiążatt Ostrozkich wchodzą

Włodzimirz z Anny cesarzowny miał corkę Maryą, ktora była zona Kazimirza Mniecha, krola polskiego. Ten z wielką pompo do Krakowa z tryumfem przyięto, potym do Gniezna prowadzono, gdzie reliquie ręki przysłała, z wielką ceremonią ukoronowano, w Dobrogniewo miasto nazwane, bo godny z nabożestwa y podsciowosci ku Nayswiętszey Matce Boskiej, nie chcieli dopuscic, aby ktora białyglowa tym imieniem nazwana była. W ten czas krol Kazimierz szwagra swego a brata zony y B. Rudko [?] xiążatt Ichmcw Ostrozkich z Kanderzyny [?] krola Jarosława xiąże ruski wieczystym prawem, ktoren ociec y dziad jego mieli w Ruskę kraie, darował przyiazń, tylko o posilli przeciwko kozdego nieprzyiaciela wymowił. Taz Dobrogniewa xięzna ruska, corka Włodzimirza a zona Kazimirza krola, była matką krolow polskich Bolesława Smiałego y Władysława Hetmana, ktory wespoł z Judytką, zoną swoią, Władysława xięcia czeskiego Zotłedy, corki Andrzeia krola węgierskiego zplodzono, był koronowany na krolewstwo polskie. Teyze xięzny wnuk Bolesław Krzywosty krolem polskim, prawnuke Władysława, syn starszy Bolesław Krzywosty.

Genealogia xiążatt Ichmcw Wiszniowiec.

* Насупраць гэтага месца на маргінезе зроблена прытиска: «Herbu Krozy ni Kluskicy [?]. Do tegoz Belski, libra 1ma». Маецца на ўвазе гісторык Марцін Бельскі.

Idą z xiążtą litewskich od Gedymina do Olgierda, Olgierd miał synów dwanaście, między ktoremi Korybuta. Korybut miał syna Fedora xieżnę Nieswiską, ktorem zbudował Winnice y Zberaz. Fedor miał syna Daszka, Daszko — Wasyla, Wasyl Korybutowicza. Potomstwo troie y po dzis dzien od roznych dziel ne rozne ma nazwiska, to iest XX Ichmcw Wiszniowiecy y Zbarazcy || [2] etc. A wszyscy od Wasyla Korybutowicza rowny porzątek y dział wzięli y mają, o czym Bartłomiej Paprocki z tych przodków, iako zacność biorą XX Ichmc Wiszniowiecy. Każdy obaczy, jak wiele było monarchów, cesarzów, królów: Korybut obrany król czeski, Władysław Jagiełło, brat Korybuta, król, syn Władysława, Władysław król węgierski y polski, który pod Warne w bitwie od Turków zabity, Kazimierz Trzeci król Polski, syn Jagieła, Władysław, syn Kazimierza Trzeciego, król czeski, węgierski, Ludwik król węgierski, syn Władysława, Władysław króla czeskiego y węgierskiego, S. Kazimierz król polski, król obrany węgierski, Kazimierz Trzeciego, króla polskiego, syn a brat, Kazimierz Trzeci, króla polskiego, syn, Alexander król polski, Kazimierz Trzeciego syn, Zygmunt August król polski, Zygmunta Pierwszego, Katarzyna polska królowa, Zygmunta Pierwszego, króla polskiego, czeski, a królowa czeska, Jana, króla szwedzkiego, małżonka a króla polskiego Zygmunta Trzeciego matka, Zygmunta 3, król polski, Władysław Czwarty król polski, Jan Kazimierz król polski, mają pokrewność z Jagiełką, przodka swego z domem XXżt Ichmcw Wiszniowieckich, Alexandra xieżna litewska, siostra Korybuta y Jagieła, zrodziła Bolesława xieżnę mazowiecką, Berdon, zona Semuilo, Xcia mazowieckiego, Cymborką albo Cecylia, córka króla, była wydana za Ernesta stryja xiąże rahuski, z którym zrodził Fryderyka, cesarza rzymskiego, Fryderyk cesarz zrodził Maxymiliana, Maxymilian zrodził Filipa stryja xęż rahuski, króla hiszpańskiego, który poiół Joannę za żonę, królową hiszpańską y z nią zrodził Karola Piątego, króla hiszpańskiego, Ferdynanda, cesarza rzymskiego, Karol Piąty zrodził Filipa Trzeciego, Filip zrodził Filipa Czwartego, króla hiszpańskiego. Wszyscy pomienieni królowie zpowinowaceni są z domu xiążt Ichmcw Wiszniowieckich po Alexandrze, córce Olgierda y Rocymerce, xieżnie mazowieckiej, z cesarzami rzymskimi, Ferdynand, cesarz rzymski, Filipa 3 stryja xiąże rahuski syn, brat || [2 адв.] Karola Piątego cesarza, prawnuk Alexandra, siostry Korybuta, przodka Xcia Imci, zrodził Maxymiliana Drugiego, cesarz rzymski y Karola xiąże rahuski. Tych dwóch braci, Maxymiliana y Karola, a synów Ferdynanda, arcyxiążęcia rahuskiego y cesarza rzymskiego, to potomstwo Maxymiliana, cesarza rzymskiego, syn Ferdynanda, cesarz Karol arcyxiąże rahuski 2, cesarz y Matyusza cesarza rzymskiego, drugi syn Ferdynanda cesarza, Karol arcyxiąże rahuski zrodził, Ferdynanda 2, cesarza rzymskiego Ferdynand 2 zrodził Ferdynanda 3 a Cecylija arcyxiąże królową polską Władysława 4, króla poll. małżonkę etc. Ad M. D. G. B. V. M. honorem.

ИГАБ. Ф. 694. Вон. 4. Спр. 5778. Арк. 1—2 адв.

Літaрaтyрa

1. Stadnicki, K. Bracia Władysława-Jagiełły Olgierdowicza, króla Polski, wielkiego księcia Litwy / K. Stadnicki. — Lwów, 1867. — VIII, 416 s.

2. Wolff, J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czterastego wieku / J. Wolff. — Warszawa, 1895. — XXV, 698 s.
3. Баумгартен, Н. А. фон. Происхождение князей Вишневецких, Збаражских и Воронечких / Н. А. фон Баумгартен // Летопись Историко-родословного общества в Москве. — 1910. — Вып. 4 (24). — С. 27—33.
4. Rawita-Gawroński, F. Książęta Nieświeccy, Zbarascy i Wiszniowieccy do końca XVI w. / F. Rawita-Gawroński // Ateneum Wileński. — 1930. — R. VII. — Z. 1—2. — S. 111—144.
5. Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі польскамоўных дакументаў па гісторыі Беларусі XVI—першай паловы XIX ст. / Складальнік А. І. Шаланда. — Мінск: БелНДДАС, 2012. — 46 с.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 15.04.2016

Д. В. Лісейчыкаў,

намеснік дырэктара Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: liseichykau@niab.by

ИНВЕНТАР ПІНСКАЙ КАФЕДРАЛЬНАЙ САБОРНАЙ ЦАРКВЫ «СВЯТОЙ ПРАЧЫСТАЙ» 1695 г.

Масавыя крыніцы царкоўнага паходжання з'яўляюцца надзвычай каштоўнымі для вывучэння дзейнасці іерархічных структур, разбудовы парафіяльнай сеткі і гісторыі міжканфесійных адносін. Найбольш інфарматыўныя з іх пратаколы генеральных візітацый храмаў. У дадзеным артыкуле мы спынімся на некаторых асаблівасцях правядзення візітацый на тэрыторыі Пінска-Тураўскай уніяцкай епархіі ў канцы XVII ст. і прывядзём прыклад аднаго з самых цікавых дакументаў гэтага перыяда і рэгіёна.

Вядома, што пісьмовыя пратаколы ў асобных епархіях Кіеўскай уніяцкай мітраполіі пачалі весціся яшчэ з 30-х гг. XVII ст. [10, с. 55]. Аднак да нашага часу дайшлі нашамат пазнейшыя дакументы такога кшталту. Гэта ў першую чаргу дакументы візітацый вялікіх частак Кіеўска-Віленскай мітрапаліцкай епархіі 1680—1682 [2] і 1696—1697 гг. [7], фрагмент візітацый Полацкай архіепархіі 1684 г. [7] і візітацыя часткі Уладзімірска-Брэсцкай епархіі 1695—1696 гг. [3].

Як можна заўважыць з прыведзенага пераліку, да сённяшняга дня не ўдавалася знайсці ніякіх згадак аб захаванасці матэрыялаў генеральных візітацый XVII ст. па тэрыторыі Пінска-Тураўскай епархіі. Прычым, вядома, што з узыходжаннем на мітрапаліцкую пасаду Кіпрыяна Жахоўскага ў 1674 г. правядзенне падобных візітацый было ініцыявана па ўсіх епархіях Кіеўскай мітраполіі. Больш за тое, маюцца звесткі, што пінска-тураўскі епіскап Міхал-Марцыян Белазор у 1674 г. спрабаваў правесці візітацыю падначаленых цэркваў, але з-за супраціву духавенства і насельніцтва, якое падпарадкоўвалася праваслаўнай юрысдыкцыі, так і не здолеў рэалізаваць свае намеры [1, с. 263—264].

Вывучэнне апісанняў царкоўных архіваў Пінска-Тураўскай епархіі XVIII ст. дало магчымасць высветліць храналагічныя межы візітацый, якія праводзіліся ў гэтым рэгіёне. Так, дакументы сцвярджаюць, што да моманту другога падзелу Рэчы Паспалітай (1793 г.) тут адбылося пяць генеральных візітацый [6, арк. 1, 16 адв.]:

- 1-я — 1754—1755 гг.
- 2-я — 1758—1759 гг.
- 3-я — 1770—1771 гг.
- 4-я — 1776—1777 гг.
- 5-я — 1786—1787 гг.

Асобнікі некаторых захаваных да нашага часу пратаколаў 1776—1777 і 1786—1787 гг. у тэксце найпрост згадваюць, што гэта «чацвёртая» і «пятая» візітацыя адпаведна.

Такім чынам, можна зрабіць выснову, што да сярэдзіны XVIII ст. пінска-тураўскім епіскапам так і не ўдалося правесці ніводнай завершанай генеральнай візітацыі.

У сувязі з гэтым выключна каштоўным падаецца адшуканы намі ўвесну 2016 г. у адзеле рукапісаў Львоўскай нацыянальнай навуковай бібліятэкі імя В. Стэфаніка інвентар Пінскай кафедральнай саборнай царквы «Святой Прачыстай», які датуецца 1695 г. [5, арк. 66—69]. Хоць сам дакумент і названы складальнікамі «інвентаром», але яго структура амаль цалкам паўтарае структуру візітаў, характэрных для гэтага часу. Адсутнічае толькі адна істотная частка, уласцівая пратаколам візітацый, т. зв. «рэфармацыйны дэкрэт». Гэты раздзел утрымліваў даручэнні святару аб тым, што неабходна выправіць да часу правядзення наступнай візітацыі. Тлумачэнняў гэтаму ёсць некалькі. Па-першае, кафедральная саборная царква была «вотчынай» самога епіскапа і не было неабходнасці даваць даручэнні архіепіскапу нешта выправіць у сваёй царкве. Па-другое, у канцы XVII ст. юрысдыкцыі пінска-тураўскіх уніяцкіх епіскапаў падлягала відавочна зусім няшмат цэркваў на вялікай адлегласці адна ад адной [4], таму правесці паўнаўладную візітацыю было складана. Верагодна, у 1695 г. быў складзены толькі цыгуемы далей інвентар кафедральнай царквы, ніводзін іншы храм візітацыі альбо «інвентарызацыі» не падлягаў. Да таго ж у тэксце, дапісаным да інвентара ў 1701 г., сам інвентар 1695 г. названы «старой візітай» [5, арк. 69].

Асобай, што ініцыявала складанне інвентара, быў згаданы вышэй пінска-тураўскі епіскап Міхал-Марцыян Белазор*. У тэксце інвентара яго імя сустракаецца неаднаразова. У дапісках 1701 г. ён узгадваецца ўжо ў якасці былога епіскапа. На той час Міхал-Марцыян Белазор займаў пасаду полацкага архіепіскапа.

Цікава будзе адзначыць, якія яшчэ асобы згаданы ў тэксце дакумента. Гэта смаленскі архіепіскап, пазней пінска-тураўскі епіскап Андрэй Злоты († 1665), пінскі бурмістр Антон Санкевіч разам з жонкай, а таксама іх сваякі Міхал Сан-

* У рукапісным базэльянскім «Дыптыху альбо Памянніку» маецца наступны запіс аб гэтай асобе: «Вялебны айцец Марцін Міхал Белазор, народжаны ў сям'і месціслаўскага кашталіяна Белазора. Прыведзены ў ордэн [базэльянцаў] сваім дзядзькам вялебным святаром Гаўрыілам Календам, мітрапалітам, у вельмі маладым узросце, гадоў каля восемнаццаці. Скончыў [вывучаць] тэалогію ў Рыме. З самага пачатку быў у ордэне ўганараваны годнасцю, бо зрабіўся настояцелем віленскім альбо тытулярным архімандрытам, наводле [праведзеных] выбараў сярод айцоў [манахаў], якія сам арганізаваў. Пасля з віленскай архімандрыі перайшоў на Пінскую епіскапію, якую пакінуўшы на старасці свайго веку і саступіўшы святару Антонію Жалкеўскаму, у 1697 годзе зрабіўся полацкім архіепіскапам. Будучы ўжо вельмі састарэлага веку, у орыготкай старасці, маючы восемдзесят гадоў, скончыў сваё жыццё і перанёсся з гэтага свету да зямлі [вечна] жыцьх і бясконцай вечнасці, сплаціўшы доўг смерці, у маёнтку Дольцах, што належыць [Полацкай] архіепіскапіі, дня 18 чэрвеня 1707 году. Якому пакойца ў міры» [9, арк. 19—19 адв.].

кевіч і жонка Яна Санкевіча, шляхціц Пётр Гадэбскі, пінскія мяшчане Ян Ахрэмовіч, Дзямід Бондар, Максім Ёвавіч, Н Камчыц, жонка Н Войзбуна і хомскі мешчанін Улас Ярашэвіч.

Інвентарызацыя царкоўнай маёмасці праводзіў афіцьял Пінскай епархіі, манах-базыльянін Даніл Карытынскі* і прадстаўнік белага духавенства, пінскі пратапоп, настояцель царквы ў в. Ставок Ян Дружылоўскі [5, арк. 68].

У гэтым інвентара 1695 г. і дапісак 1701 г. можна знайсці некаторыя звесткі аб распаўсюджанні ўніяцкай юрысдыкцыі на Піншчыне ў той час. Так, інвентар згадвае дзве кафедральныя царквы, уласна ў Пінску і ў Тураве, і пяць парафіяльных царкваў: Св. Мікалая ў Пінску (узгадваецца як згарэлая), у м. Дубровіца, вёсках Сенчыцы, Ставок і Храпін Пінскага павета. Ставоцкая царква знаходзілася зусім блізка ад Пінска, на поўнач, на тэрыторыі дзяржаўнага маёнтка (староства), храпінская царква знаходзілася на поўдні Пінскага павета на землях, што належалі непасрэдна пінска-тураўскім епіскапам, дубровіцкая і сенчыцкая царквы знаходзілася зусім побач з храпінскай на шляхецкіх землях. Пры ставоцкай царкве знаходзіўся цэнтр Пінскай пратапопіі. Цікавай акалічнасцю з'яўляецца тое, што ў інвентары некалькі разоў згадана тураўская кафедральная царква. Паводле пазнейшых дапісак да інвентара, якія датуюцца 1701 г., відаць, што частка царкоўнага начыння перадавалася з Пінска ў Тураў на патрэбы гэтай кафедральнай царквы «нумар два» ў епархіі [5, арк. 69]. Заўважым, што ніводная візіта XVIII ст. не згадвае наяўнасць дзейнай царквы ў Тураве.

Цікаваць уяўляе наяўнасць у будынку кафедральнай царквы асобнага алтара ў гонар Іасафата Кунцэвіча, які з 1640-х гг. быў прылічаны да ліку блажэнных.

Мова дакумента — польская. Як і ў пратаколах генеральнай візітацыі царкваў Уладзімірска-Брэсцкай епархіі 1695—1696 гг. можна заўважыць устаўкі кірылічных фрагментаў у асноўны масіў тэксту. Выкарыстанне кірыліцы звычайна спадарожнічае апісанню рэчаў (кніг, рукапісаў і інш.), якія былі складзены на кірыліцы.

Тэкст пісаны ў два слупкі. Тэматычныя блокі часта адзелены адзін ад аднаго гарызантальнымі лініямі.

На двух перадапошніх аркушах маецца дадатковы тэкст, які дапісаны, як вынікае са зместу, 9 снежня 1701 г. Гэты тэкст запісаны атрамантам святлейшага колеру, у адзін слупок, без аддзялення тэматычных блокаў.

Дадзены дакумент публікуецца і ўводзіцца ў навуковы ўжытак упершыню.

* У рукапісным базыльянскім «Дыптыху альбо Памянніку» маецца наступны запіс аб гэтай асобе: «Вялебны ацец Даніл Карытынскі пакінуў гэты свет у 17... годзе, знаходзячыся на пасадзе настояцеля на Вальні ў манастыры ў Зімнім. Быў чалавекам пацівым і шмат працаваў у ордэне [базыльянаў], выкладчы Слова Божэа, і выконваў іншыя манаскія абавязкі. Пахаваны там жа ў Зімнім» [9, арк. 8 адв.].

Інвентар кафедральнай саборнай царквы «Святой Прачыстай» у г. Пінску. 4 красавіка 1695 г. (з дапаўненнямі ад 9 снежня 1701 г.)

[5, арк. 66—69].

[арк. 66] Inwentarz | albo spisane rzeczy cerkwi katedralney Pinskyey | Świętey Przczystey | zrejstrowany w roku 1695 м(еся)ца априля д̄ (4) дня. |

Srebro, kielichy, krzyże. |

1. Puszka z Nass(więtzym) Sakramentem s pokrywką, mającą na sobie krzyż z figurami | Nass(więtzey) Panny y S(więtego) Jana. |

2. Kielich do celebrowania staroswiecki srebmy | złocisty powazny z patyną y gwiazdą złocistą y z łyzeczką srebrną. |

3. Patyna srebrna złocista od kielicha tego, który | zginął. |

4. Kielich srebrny złocisty dany od je(go) m(iłó)ci x(iędz)a | biskupa do cerkwi po zginieniu kielicha |do czasu* ynnego z patyną y gwiazdeczką złocistemi. |

5. Kielich srebrny powazny z patyną y gwiazdeczką cerkwi Turowskiej. Powrocony do Turowa***. |

6. Krzyzow srebrnych złocistych powaznych |trzy. Kadylnic 2 srebrnych, jedna | większa, druga mniejsza. |

7. Ewangelia iedna drukowana w oprawie | zieloney, na niey figury krucyfixa, Nass(więtzey) Panny, S(więtego) Jana, czterech ewangelistow, czterech | cherubinkow, korunki wkoło, z iedney strony z | klawzurkami srebrnymi y z pięcią pukłow. | Wszystkie te sztuczki odlewane. |

8. Druga Ewangelia tez drukowana, w axajmicie czyrwonym. Po niey krzyz gładki | srebrny ze czterma tez na blaszkach ewan|gelistami. |

Kielichow cynowych 3 z iedną patyną y | gwiazdeczką. Dzwonki dwa ołtarzowe. N(ota) b(ene)***. |

Apparaty rozne. |

1. Ryza złotogłowowa staroswiecka ~~koloru~~ | kwecista z okładką złotogłowową zieloną podszyta | kitayką zieloną pasamany bantaierowe wkoło. |

2. Druga ryza atlasu zazowe koloru | bez petrachela y narakwic. |

3. Ryza czerwona atlasu wzorzystego bez | petrachela y narakwic. |

4. Ryza stara adamaszkowa czerwona nad|szarpana. |

5. Ryz czarnych ~~axamitowych~~**** para załobnych ~~it~~***** poszarpanych z ~~plysy~~***** z petrachylami y narakwicami. Do | tych ze wozduszki 3 ~~ezame~~ tey ze materyey, | ieden większy, a dwa mniejszych. |

* Дапісана паверх асноўнага тэксту.

** Дапісана атрамантам святлейшага колеру.

*** Дапісана атрамантам святлейшага колеру.

**** Дапісана паверх асноўнага тэксту.

***** Дапісана паверх асноўнага тэксту.

***** Дапісана паверх асноўнага тэксту.

6. Item tey ze materyey plisy czamey dałmatyk *dyakonskich** dwie z iednym orarem wzorzystym. |

7. Ryza pułtabinku zoltego koloru kwiecista | z petrachylem, narakwicami y trzema wozduszkami takiemi ż. Nadana od p(ana) Ułasa | Jaroszewicza z Chomsku. |

8. Item ryza kitayki pomar(an)czowego koloru | z petrachelem y narakwicami. Nadana od p(ana) Jana Ochremowicza z wozduszkiem | większym atlasowym koloru włosowego. *N(ota) b(ene)***. |

9. Ryzka z materyey blaszkowej koloru | czerwonego z petrachelem inakszey małteryey. Nadana od p(ana) Sankiewicza. |

10. Ryza atlasu czerwonego z okładką adamaszkową czerwoną, około na niey u okładki | galon bantaierowy cerkwi Turowskiej | z petrachelem przegowatym kitayczanym | iuz naddarte. Do tych narakwicy zielone | sztametowe. Wozduszkow dwa, jeden większy pułtabinkowy białego koloru kwiecisty, | drugi malenki do kielicha taki że. *N(ota) b(ene). W Turowie****. |

11. Petrachelow z materyey starey przegowatey białey iuz naddartych dwa. |

12. Narakwic par dwie iuz nadszarpanych, | iedne ataskowe czerwone, drugie zielone | harusowe.

Dałmatyki dyakonskie. |

1. Ferendynowy białego koloru ieden | z orarem. Drugi muchaieru tureckiego | koloru pomaranczowego z orarem czyrwonym przegowatym atlasowym. |

2. Stycharkow dwa na padiakow buraciko|wych czerwonego koloru. ||

[*apk. 66 adę.*] Alby. |

Jedna z płotna szwabskiego z koronka|mi w dole. Nadana od pani Sankiewiczowej. Drugie 4 płotna tkackiego bez | koronek. |

Item alba turowskiej cerkwi nadnoszo|na tkackiego płotna z lisztwą w dole | szytą. *N(ota) b(ene). Alb 4*****. |

Komże na klerykow. |

*Większych****** trzy z korunkami, a mniejszych | dwie na padyakow bez koronek. *N(ota) b(ene)******. |

Humerawy 4 płotna prostego. | Palow nicianych kręconych 6. *N(ota) b(ene)******. |

Puryfikalow do kielichow malen|kich 6. |

Plaszcznica iedna na | kitayce koloru ciemnozłazurwego z figu|rami y obrazami w koło wyszywane|mi, podszyta kitayką w przęgi tkaną. |

Wozduchy. |

* Даписана паверх асноўнага тэксту.

** Даписана апрамантам святлейшага колеру.

*** Даписана апрамантам святлейшага колеру.

**** Даписана апрамантам святлейшага колеру.

***** Даписана на палях.

***** Даписана апрамантам святлейшага колеру.

***** Даписана апрамантам святлейшага колеру.

Jeden wielki na atlasie czerwonym kwia|tami białemi wszytek naszyty, drugi mały | do kielicha krzyzowy taki ż. |

Drugi wozduch czerwony atlasowy hafto|wany ze czterma ewangelistami pismem | na około naszyty z dwiema takowemi z | mniejszemi, ieden do pokrycia patyny, drugi krzyzowy do kielicha. *N(ota) b(ene)**. |

Trzeci na atlasie lazurowym tez hafto|wany, po szrodku na nim Wieczera Pan|ska, po rogach czterech anyolkowie | z naczyniem Męki Zbawiciela. | Do tego z | y niniejszych dwa tez haftowanych, | ieden do kielicha, drugi do patyny okry|cia. *N(ota) b(ene)***. |

Оłtarze z swoim ubiorem. |

Оłтарз Wielki. |

Ten obity w koło płotnem lazurowym farbo|wanym. Antependya przy nim czerwona | altembasowa, druga do tego z buracikowa | kwiecista pstra obrusem tkackim nasłany | y towalniami dwiema, iedna z koronkami, | druga bez koronek. Antimis ~~star~~ dawny nie|podpisany. Item towalnia iedwabiem czerwonym | szyta. |

Zertownik. |

Na nim antependyika medelanowa zielon(a), | tuwalenki dwie, iedna dobra szyta białą, druga | także szyta, ale naddarta. Miseczka cynowa | z iedną także ampulką cynową. *N(ota) b(ene)****. | Palki dwie mosiądzową blachą powleczone | do swiec podiakom noszenia. | Zaponka w Carskich Drzwi ołtarzowych szta|metowa zielona. | Sukno pod nogi do ołtarza czyrwone. | ~~Sukna~~ Item całun sukna czarnego cerkiewny. |

Оłтарз z obrazem Nass(więtszey) | Panny. |

Na samym obrazie tak Nass(więtszey) Panny, iako | y P(an)a Jezusa szaty srebrno sute kwiatami | po nich *nabijanemi***** za staraniem jasnie wiel|moznego je(g)o m(iło)ści x(iędz)a Marcjana Białozora, | biskupa pińskiego, sprawione y zrobione, | na tych ze korony srebrno złociste dwie | z nadania pani Antonowey Sankiewiczowey, | burmistrzowey pinskiej. | Item koronka maluchna srebrnozłocista na | tym ze obrazie. | Na tym ze obrazie Panny Nass(więtszey) sznurek we | troje zchylony koralow małych, u ktorego | na pendecie monetowa maryyka srebrnozłocista przywieszona. | Drugi sznurek ~~z kora~~ koralow bursztynowemi pałciorkami przemizany, przy koncu ma agnuse(k) | serduszkowaty haftowany. | Item przy tym ze sznurku wisi serduszko | srebrne złociste. [~~Przezi sznu~~ || *apk. 67*] Tabliczek srebrnych na tym ze obrazie | dawniejszych 18. | Item krzyzykow dawniejszych 16. | Na szyey Pana Jezusa sznureczek koralikow czarnymi paciorkami przemizany, między ktoremi szesc denieg moskiewskich | srebrnych było nawiązano. Z tych dwie | dla złutowania krzyzyka złamanego do | mitry pasterskiej wzięto, teraz *iuz****** 4 zostaje. | Pierscionek obrączkowaty srebrny ieden. | Lampa srebrna wisząca przed obrazem | tym ze Nass(więtszey) Panny z nadania je(g)o

* Даписана апрамантам святлейшага колеру.

** Даписана апрамантам святлейшага колеру.

*** Даписана апрамантам святлейшага колеру.

**** У дакуменце пам'ялькова *nubijanemi*.

***** Даписана паверх асноўнага тэксту.

m(o)ści | x(ię) dza Andrzeja Złotego, olim archiep(isko)pa | Smolenskigo, potom ep(is-ko)pa Pińskiego. |

Z powtomniey rewizyey dawnieyszy tę się rzeczy znaydują. |

Naprzod zaponki dwie dawniejsze do tego z obrazu kitaykowe, iedna koloru | mienionego, druga zielona, obiedwie | z korunkami bantaierowymi. | Antependia harusowa koloru papuzego. | Towalen dwie białych, iedna z korunkami | nicianymi, druga bez koronek. | Chustka łokciowa iedwabiem czerwonym | miejscami przesywana stara. | Antimis na p[re]stol[ie] tym ze podw[ie]ż[ny]mi je(g)o m(o)ści x(ię) dza Marcjana Białozora, | biskupa tuteyszego. | Lichtarzow na tym ze ołtarzu cynowych | para. | Tam ze na tym ze obrazie tabliczek srebrnych 4, krzyzykow 4. | U tego z obrazu zaponki kitayki dupli | koloru pomaranczowanego, nadane | od pani Sankiewiczowej. | Tam ze manelki bursztynowe od je(g)o m(o)ści | tego z x(ię) dza biskupa nadane. |

Ołtarz Błogosławionego | Jozaphata. |

Imo. Antependya harusowa z | posamankami białymi po szrodku iey | naszywanemi. | Towalnia iedna większa, niegdys iedwabiem czarnym była naszyta. Druga | mniejsza białą naszyta. | Na tym ze ołtarzu antimis z cerkwi | Dąbrowickiey. | Item na tym ze (ołtarzu) lichtarzyk szredni mojsięzny od Kamczyca, mieszczanina | pńskiego nadany. |

Po tych rewizyach dawniejszych rzeczy niedawno do | tej ze cerkwi przybyłe | te są. |

Krzyzykow srebrnych małych z odlewanymi figurkami dwa. | Gładkich zas krzyzykow srebrnych | malenkich 10. | Obrączka szczerzłota maluska narzynana w około karbami. | Tabliczka spora srebrna niedawno | nadana od j(ego) m(o)ści pana Piotra Godebskiego do Nass(więtszey) Panny. | Druga mniejsza, nadana od p(an)a Sieleckiego. | Trzecia maluska, nadana od Maxima | Jowowicza, mieszczanina pńskiego. | Item tabliczek drobnych wzięto 8 | na zrobienie klawzurek do ewangeliey. Tak ze trzy drobnych do naprawy kielicha cerkwi Turowskiey. | Zębów srebrnych troje, a czwarta | szczeka z zębami. | Gwiazdeczek maluskich 2. | Oczy troje. | Agnuseczek srebrny maluski odlewany. |

Na obrazie Nass(więtszey) Panny | przy kaplicy po lewey stronie | naprzod | [apk. 67 adz.] koron dwie sporych srebrnych | na Nass(więtszey) Pannie y Panu Jezusie. | Tam ze zaponka siatkowa. | Od pani Sankiewiczowej nadane. |

Item zaponki u Ołtarzu Wielkie(g)o | Nass(więtszey) Panny z jedwabnicy białey | w pregi tkane tureckiey roboty. | Tam ze do tego z obrazu zaponka | kitaykowa w pregi gęsto tkana barzszczowego koloru przypięta około ołtarza. | Te rzeczy nadane po panu Sankiewicz[em]. Tam ze do tego z | fartuch rąbkowy iedwabiem w kwiaty | szytą na tym ze ołtarzu. |

Przed obrazem Nass(więtszey) Panny od | Drzwi Siwierskich po lewie. Antependya harusowa. Zaponka na tym ze | sztametowa popuzasta. | Płotek stary kitayko muchaieru staroswieckiego czerwonego, ieden do nakrycia | ołtarzow płotnem czarnym podszyty y drugi | takowy z do nałoyca. |

Chorągwie 4. |

Lichtarzow drewnianych par 6. | Swiec stanownych wiszących 2. |

Xiegi cerkiewne. |

Służebnikow wszytkich pięć. | Jeden z tych drukowany. | Ochtaiw 2 pisanych na д (4) гласы. | Treodi dwie drukowane Постная и | Цвѣтная. | Apostoł drukowany. Drugi zgorzał | u S(więte)go Mikołaja takowy ż. | Miniey pisanych po miesiącow trzy, | a czwarta na dwa miesiąca, in folio wszytkie. | Miney in 4to dziesięć teraz ich 8, | a było 10. Dwie z tych zgorzało u S(więte)go | Mikołaja. | Ustaw cerkiewny pisany in folio y | Immołoy notowany stary in folio. | Drugi mały in 8 notowany, nadany | od Demida Bednarza. | Psalterz y Czasownik drukowane in 4to. | Biblia, Kalist, Kirył in folio, wszytkie te* drukowane. | P[re]łog[ie] pisany in folio. | Суботникъ albo Дуричых писаны | in 4to. |

Kociołek miedziany do wody 1, sprawiołny od je(g)o m(o)ści x(ię) dza biskupa. | Dzwonnica. |

Na tej dzwonnow 3 całych, a stluczonych dwa. |

Regestr | aparatow, ktore sprawione są przez samego | jasnie wielmożne(g)o j(ego) m(o)ści x(ię) dza Martiana Białozora, | biskupa pńskiego. |

Ryza z kitayki karmazynowej z potrzebami fiałkowymi ze złotem iedna. Podszewka płocienna z** kraszeliy | lazurowej. | Z takiey ze kitayki karmazynowej dalmatyka iedna z potrzebami także fiałkowymi ze złotem y frandzlą iedwabną. Podszewka taka iako y pod ryzą. | Ryza iedna pomaranczowa z srebrnymi kwiatami z galonem bantaierowym białym z frandzlą psrą iedwabną w | koło. Do tej ryzy petrachil także pomaranczowy kitayczany z galonem bantaierowym białym. Zarekawi pałra iedna z takiey materiy iako ryza. Galon przy nich także | biały bantaierowy. Wozduszkow z takiey ze materiy, iako | y ryza małych cztery z galonem także bantaierowym białym. | Dalmatyka iedna pomaranczowa z srebrnymi kwiatami | do niey przykupiono materiy na kolnierz y na rękawy | z kwiatami złotymi rzadkimi. | Galon przy niey biały bantaierowy y frandzlą psrą iedwabną. Podszewki pod ryzą | y pod dalmatyką z kraszeliy niebieskiey. | Ryza iedna niebieska ze złotymi kwiatami wilenskiey | roboty z galonem złotym z frandzlą iedwabną. Podszewka | z kraszeliy czerwoney. | Druga ryza tej ze materiy niebieskiey z złotymi kwiatami | z galonem bantaierowym złotym. Podszewka z czarnofarbo(wane)g)o płotna. Frandzla w koło psra iedwabna. Do tej ze ryzy tej ze materiy petrachil ieden z takim ze galonem y podszewką. | [apk. 68] Petrachil ieden. Omofor ieden. Wozduchow trzy wielkich. | Zarekawi par dwie. Wozduszkow małych cztery*** z tej ze | materiy z takimi sz potrzebami y podszewką. | Dalmatyk dwie z tej ze materiy niebieskiey z kwiatami złotymi, z galonem złotym z frandzlą iedwabną z podszyciem z kraszeliy czerwoney, lisztwy zielone. Horarow tej ze materiy trzy bez potrzeb. Podszewka pod nimi czarna. N(ota) b(ene). Z trzeciego horara kazał j(ego) m(i)łóć | zrobić petrachil. | Ryza axamitna biała iedna z koronami złotymi, a | miasto frandzli koronki złote w koło podszewka niebieska. Petrachil tego z axamitu

* Даписана паверх асноўнага тэксту.

** Даписана паверх асноўнага тэксту.

*** У дакуменце памылкова *sztery*.

białe(g)o, potrzeby przy nim | w poszrodku złote, a w koło bantaierowe. Podszycie czerwone. Zarekawi para y wozduszkow małych *cztery** | z iedwabnymi czerwonymi potrzebami. | Ryz dwie *z*** kałameyki czarney. Galon przy nich biały bantaierowy. Frandzla u obu iedwabna w koło podszewka pod iedną czerwona, a pod drugą niebieską. | Petrachilow dwa z potrzebami takimi iako u ryz. | Wozduchow dwa wielkich z galonkiem bantaierowym. | Wozduszkow małych szesc. Zarekawi par dwie. Wozduszki małe y zarekawia z pasamonami iedwabnymi niebieskimi. |

Ryza harusowa zielona z petrachilem *N(ota)B(ene) W Synczycach**** | y narakwicami. Wozduch wielki, małych dwa. | Dalmatyka taka z z orarem. | Ryza czarna harusowa z petrachilem | y narakwicami. Do niey wozduch wielki, | małych dwa. |

Jako na ten czas delegatus od samego je(g)o m(o)ści x(ie)dza biskupa Piskiego | Marcyana Białozora do zinwentowania wszytkich rzeczy cerkwi katedralney | Piskiey Świętey Przeczystey spólnie z przydanym mi kolegą do tego ż podpisuiemy | się rejestru. Przewielebny Daniel Korytynski, Ord(ini) S(ancti) Basilli M(agni), officiał Ep(iscop)ey | Piskiey, m(anus) pr(opria). |

X(ia)dz Jan Drużyłowski, protopopa pinski, | presbyter stawiecki. ||

[арк. 68 адв.]**** Po tych rewizjach dawniejszych rzeczy, niedawno do tey z | cerkwi katedralney przybyłe y zreistrowane w roku terazniejszym 1701 m(ie)s(ia)ca decembra 9 dnia. |

Kielich nowo nadany srebrny wewnotrz pozłocisty y około mieyscami | pozłocisty y patyna srebrna pozłocista od Pana Michała Sankiewicza. | Dzwonek mały do sygnowania u j(ego) m(o)ści dobrodzieia. |

Srebro przybyłe na obrazie Naswiętszey Panny: |

Łancuzek srebrno pozłocisty wo czworo nadany od Pani Janowey Sankiewiczowey. | Zauczniszki małe z kamuszkami prostemi. | Tabliczek większych y mniejszych 7. | Krzyzykow 6. Krzyzyk odlewany, powiada o(y)ciec zakry|styan, ze j(ego) m(o)śc xia)dz Białozor, przeszły pasterz, wziol, ktory był z re|likwiami do antymisow. | (...)*****| Oczy srebrnych 2. Osobek małych 2. Twarzy 3, | czwarta malenka. Zembow 2. Szczenka 1. Nozek mniejszy|ch y większych 9. Rączek sporych 2. Łubka od wianka. Krzyzykow moskiewskich blachmalowych 2. Lichtarzow cenowych | para 1, nadana od Pani Janowey Sankiewiczowey. |

Aparatta przybyłe. |

Ryzy kitayczanę załobną z petrachilem, nadaną od j(e)y m(o)ści Pani Woz|buney. Zasląka kitayczana zielona 1. Antypendya z kwiatami w paskach pomaranczowa 1. | Kapa od sukna niebieska płótnem podszyta z korunkami bantayrowemi do | nakrycia ołtarza. | Pokrowiec do nakrycia nałoyca czerwony blaszkowy. | Tuwalnia szwab-

* У дакуменце памылкова *sztery*.

** Дапісана паверх асноўнага тэксту.

*** Дапісана паверх асноўнага тэксту апрамантам святлейшага колеру.

**** На гэтых аркушах утрымліваецца тэкст, дапісаны ў 1701 г. (апрамант святлейшага колеру).

***** Адзін радок знаходзіцца на згібе паперы, цалкам пашкоджаны і нечытальны.

ска z korunami. Zasląka kaczorowa kitayczana 1. | Zaslona do Carskich Drzwi zielona sztametowa. | Alba tkackiego płotna z korunkami miernemi. ||

[арк. 69]A ze sie nieznayduią niektore rzeczy podług starey wizyty, | tak z aparatu, iako y z ynnych rzeczy. |

Kielich srebrny powazny z patyno y gwiazdeczko do cerkwi Turowskiej | oddany. | Ryzy pomaranczowe z petrachilem y narakwicami oddane do Turowa. | Wozduch wielki y mały pułtabinkowe zolte kwieciste oddane do Turowa. | Ryzy atlasowe czerwone z petrachilem kitayczanym y narakwicami | sztametowemi zielonemi do Turowa oddane y wozduszkow 2 pułtabinkowe kwieciste białego koloru. | Antymis j(ego) m(o)ści xia)dz Białozora, przeszłego pasterza. Liton biały. | Towalen 3. Jedna sz czerwonemi kwiatami iedwabnemi, druga z czar|nemi kwiatami jedwabnemi, trzecia biała stara. | Alba. Humerał. Pasek. Antypedya jedna. Testament pi|sany, Sluzebnik pi|sany, Ochtay drukowany, Psalterz drukow|wany, Trebnik pi|sany stary. |

(...)* do cerkwi (...)**|

Kielich cenowy z patyno y gwiazdo do Chrapina oddany. Ryzy harusowe zielone z petrachilem y narakwicami. | Alba prostego płotna. |

*Imwentarz | rzeczy katedralney | cerkwi Piskiey Świętey | Przeczystey zpisany | w roku 1695***.*

Літаратура і крыніцы

1. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа (далее АСДЗСР). — Т. VI. — Вильна, 1869.
2. Візіты ўніяцкіх цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў 1680—1682 гг.: зборнік дакументаў / Укладальнік Д. В. Лісейчыкаў. — Мінск: І. П. Логвінаў, 2009.
3. Генеральні візітацыі цэрков і манастырў Володымирскоў унійноў епархіі канца XVII — пачатку XVIII століць: кніга пратоколів та окремі описы / Візітацые генералне церкві і монастерў уніцкэй епархіі влодымірскоў ко́нца XVII — пачатку XVIII веку: кніга пратоколів oraz inne opisy. / Загальна редакцыя та історичный нарис А. Гіль, І. Скочылас / Редакцыя і вступ А. Гіль, І. Скочылас. — Львів-Люблін, 2012.
4. Лісейчыкаў, Д. В. Фарміраванне сеткі ўніяцкіх парафій на тэрыторыі «Тураўскай епархіі» ў 1596—1795 гг. // Ко́ścioł уніцкэй w Rzeczypospolitej / Red. W. Walczak. — Бiałystok, 2010. — S. 93—112.
5. Львівська національна наукова бібліотека України імені В. Стефаника. — Ф. 3 (Бібліотека оцлів василіан або МВ). — Спр. 820. — Збор юрыдычных актаў, якія датычацца Пінскага, Мінскага і некаторых іншых базыльянскіх манастыроў у Беларусі.
6. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 41240. — Генеральныя візіты цэркваў Тураўскай сурагацьі (Мазырскага, Петрыкаўскага, Тураўскага і Убарскага дэканатаў). 1777—1786 гг.
7. Российский государственный исторический архив. — Ф. 823. — Оп. 3. — Д. 409. — Генеральныя візіты ўніяцкіх цэркваў Асвейскага дэканату. 1684 г. (фрагмент).

* Радок знаходзіцца на згібе паперы, пашкоджаны і часткова нечытальны.

** Тое самае.

*** Напісана на затылку дакумента.

8. Там жа — Д. 420. — Генеральныя візіты цэркваў Гродзенскай, Ваўкавыскай, Клецкай, Нясвіжскай, Слонімскай і Цырынскай прапапіі. 1696—1697 гг.
9. Санкт-Пetersбургскі інстытут гісторыі Російскай акадэміі навук. — Ф. 52 (калекцыя П. Н. Доброхотова). — Оп. 1. — Д. 363. — «Дуртыч і або Помнінік, выжажаіасу smiertelności ludzkiej obraz ...». 1688—1721 гг.
10. Скориляс, І. Генеральні візітацыі в украінсько-білоруськіх епархіях Кііўскай уніатскай митрополіі. 1596—1720 роки // Записки науковаго товариства імені Шевченка. — Т. ССХХХVІІІ. Праці Історично-філософскай секцыі. — Львів, 1999. — С. 46—94.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 21.09.2016

РЭЦЭНЗІ

Д. Ч. Матвейчык,

*загадчык аддзела публікацыі дакументаў
Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: niab@niab.by*

КАРЫСНАЯ КНІГА ПА ГІСТОРЫІ ПАЎСТААННЯ 1863—1864 ГГ.

Рэцэнзія на выданне: Rok 1863 w kilku odsłonach / red. E. Niebelski. — Lublin : Wydawnictwo KUL, 2016. — 456 s.

Паўстанне 1863—1864 гг. застаецца да цяперашняга часу адной з тых падзей, што найбольш прыцягваюць увагу даследчыкаў як Беларусі, так і суседніх краін. Яго нядаўні 150-гадовы юбілей, які шырока адзначаўся ў навуковых колах, даў чарговы і дастаткова моцны стымул правядзенню даследаванняў і выданню новых навуковых прац. Гэтая хваля не спынілася і зараз, і ў 2016 г. з'явілася некалькі кніг, якія прысвечаны менавіта паўстанню. Адна з іх выйшла ў г. Любліне (Польшча) пад назвай «Год 1863 у некалькіх сцэнах». Яе рэдактарам выступіў доктар габлітаваны, прафесар, навуковому супрацоўніку Люблінскага Каталіцкага ўніверсітэта (далей — ЛКУ) Яўгеніуш Нябэльскі.

Кніга з'яўляецца зборнікам артыкулаў, напісаных спецыялістамі ў сваёй галіне. Паколькі зборнік фарміраваўся на базе ЛКУ, большая частка матэрыялаў была напісана менавіта даследчыкамі з Любліна. Аднак у цэлым геаграфія навукоўцаў, што змясцілі тут свае публікацыі, дастаткова шырокая — Кракаў (Анджэй Новак, Эльжбета Орман), Радам (Эльжбета Ажахоўска), Кельцы (Веслаў Цабан, Станіслаў Вех), Мелец (Ежы Кшышчак) і нават расійскі Іркуцк (Цырыль Клімовіч) і бельгійскі Лёвэн (Дэсбальд Годдэрыс). Прыемна ў гэтым шэрагу бачыць і беларускае імя — гісторыка з Мінска Зінаіды Антановіч, якая з'яўляецца адзіным, на жаль, прадстаўніком Беларусі ў гэтым шэрагу.

Асновай для артыкулаў сталі тэксты выступленняў на навуковай канферэнцыі «Год 1863. Барацьба—Краіна—Любліншчына—Касцёл», якая адбылася 10—11 студзеня 2013 г. у Любліне, аднак у далейшым агалашаныя даклады былі расшыраны. Апрача таго, у зборнік уключаны яшчэ некалькі тэкстаў, аўтары якіх непасрэднага ўдзелу ў канферэнцыі не бралі, але тэматыка даследаванняў якіх супадае з заяўленай на канферэнцыі.

Зборнік уключае 26 рознага кшталту артыкулаў, структурна ўкладзеных у 5 раздзелаў:

1) «Напярэдадні паўстання» — 3 публікацыі, прысвечаныя падзеям і з'явам перадпаўстанцкага перыяду;

2) «Змоўшчыкі і ваяры» — 5 публікацый, чатыры з якіх прысвечаны асобным дзеячам паўстання, і адна — рэакцыі бельгійскага грамадства на падзеі на землях былой Рэчы Паспалітай;

3) «Адносіны кліру. Святыя 1863 года» — 8 артыкулаў пра ролі каталіцкай царквы і асобных яе прадстаўнікоў у паўстанні, а таксама адносіны да іх з боку расійскіх улад;

4) «Паўстанне і ссылка ў вывах і памяці» — 6 рознага кшталту публікацый, прысвечаных лёсам паўстанцаў у ссылцы з ухілам у падачу іканаграфічных крыніц;

5) «150-я гадавіна Студзеньскага Паўстання ў Любліне», дзе змешчаны 4 публікацыі, якія тычацца святкавання гадавіны люблінскай навуковай і шырокай грамадскасцю, у тым ліку тэксты дзвюх прамоў, сказаных на розных мерапрыемствах.

Змешчаныя ў зборніку навуковыя публікацыі вызначаюцца высокім узроўнем і сведчаць пра ґрунтоўную прапрацоўку аўтарамі найўнай навуковай літаратуры і кола крыніц. Абраная тэматыка артыкулаў выклікае вялікую цікавасць як у прафесійных даследчыкаў, так і ў простых аматараў гісторыі. Тут варта адзначыць, напрыклад, артыкул Тадэвуша Граба пра паходжанне і развіццё легенды пра касу як пра неабходную і эфектыўную зброю ў баявых дзеяннях за адраджэнне Рэчы Паспалітай. Глыбокі тэарэтычны ўзровень і дасканаласць ведання эміграцыйнай публіцыстыкі прадэманстравалі (зрэшты, як заўжды) А. Новак, чыя доктарская (у айчынная традыцыі — кандыдацкая) дысертацыя [7] і шматлікія іншыя працы базіруюцца на аналізе гэтага спецыфічнага, рэдка выкарыстаннага беларускімі гісторыкамі пласту гістарычных крыніц.

Дзве публікацыі тычацца гісторыі Беларусі непасрэдна. Адна з іх — ужо згаданы артыкул З. Антановіч пра жыццё і дзейнасць шклоўскага пробашча Антонія Пржыялгоўскага (с. 179—188). Артыкул базіруецца амаль выключна на матэрыялах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (НГАБ) і добра напоўнены фатаграфіяй. Апрача гэтага ён дапоўнены Я. Нябэльскім некаторымі звесткамі з нявыкарыстаных архіўных крыніц з Дзяржаўнага архіва Іркуцкай вобласці і з друкаваных выданняў. Другі артыкул — Ірэны Вадзяноўскай з Любліна пра адносіны віленскага генерал-губернатара Міхаіла Мураўёва да каталіцкага касцёла ў Літве і Беларусі (с. 157—178). У ім дастаткова падрабязна і скрупулёзна прасочана правядзенне М. Мураўёвым рэпрэсій і ўціску на каталіцкае святарства на працягу яго знаходжання на пасадзе ў Вільні. Асновай артыкула стала шырокае кола друкаваных крыніц і выданняў, а таксама архіўных матэрыялаў з Расійскага дзяржаўнага гістарычнага архіва ў г. Санкт-Пецярбургу і Літоўскага дзяржаўнага гістарычнага архіва (далей — ЛДГА) у г. Вільні. Аднак відавочным недахопам працы стала невыкарыстанне адпаведных «беларускіх» матэрыялаў — са сховішчаў НГАБ (у гарадах Мінску і Гродне). Там іх маецца вялікая колькасць і менавіта па задзенай аўтаркай тэме, асабліва калі ўлічыць, што менавіта ў Мінску захоўваецца фонд Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі (ф. 1781) — галоўнага інстытута кіравання каталіцкай царквой на тэрыторыі Расійскай імперыі [1; 5].

Пры фарміраванні зборніка быў зроблены відавочны ўхіл у падачу іканаграфічных матэрыялаў, пра што Я. Нябэльскі пісаў нават у прадмове з аргументацыяй «*павышшаюць прывагальнасць публікацый, сведчачы пра матэрыяльную спадчыну тых часоў*» (с. 8). З гэтым варта цалкам пагадзіцца, тым больш што значная частка выяў была апублікавана ўпершыню і скапіравана непасрэдна ў архіўных і бібліятэчных сховішчах. Асобна тут варта вылучыць падборку фотаздымкаў з выявамі ксяндзоў, зробленую Гэленай Шыманэль у фондзе архіва Музея графа Міхаіла Мураўёва, які захоўваецца ў ЛДГА (ф. 439). Для беларускага даследчыка тут маецца цікавы матэрыял, напрыклад, копіі фотаздымкаў дынабургскага пробашча Баляслава Александровіча (с. 329), гомельскага вікарыя Юзафа Гліндзіча (с. 332) і мітрапаліта магілёўскага Вацлава Жылінскага (с. 338). Хаця варта парэкамендаваць даследчыцы больш уважліва падыходзіць да ідэнтыфікацыі асоб на фотаздымках. Напрыклад, адна з іх ідэнтыфікавана выключна як «абат Кайцевіч (імя невядома)» (с. 328), хаця на самой выяве (с. 334) — не хто іншы, як Геранім Кайсевіч — адзін з самых вядомых каталіцкіх дзеячаў сярод эміграцыі з зямель былой Рэчы Паспалітай у XIX ст., выявы якога шырока вядомыя і даступныя нават у сетцы Internet. Ізноў жа, Адрэян Навіцкі ідэнтыфікаваны толькі паводле подпісу на фотаздымку як «дыякан» (с. 336), хаця ён фігуруе адразу ў некалькіх спісах удзельнікаў паўстання як вікарыі Віленскага бернардынскага касцёла, які за дачыненне да паўстання быў прысуджаны да пазбаўлення правоў стану, канфіскацыі маёмасці і ссылкі на пасяленне ў Сібір [2, с. 409].

Вялікую практычную карысць мае публікацыя Я. Нябэльскім некалькіх дакументаў са збораў Дзяржаўнага архіва Арэнбургскай вобласці, а сабліва спіса з 1463 прозвішчамі ссыльных, якія ў 1871 г. атрымалі амністыю з вызваленнем ад нагляду паліцыі і правам жыць па ўсіх месцах Расійскай імперыі, за выключэннем тэрыторый, у свой час ахопленых паўстаннем (с. 361—395). Некалькі соцень са згаданых у спісе асоб паходзяць з беларускіх губерняў. Гэты спіс тым больш карысны, што ў ім указана месца (губерня) пражывання той ці іншай асобы на час атрымання амністыі — 1871 г. Хаця спіс — друкаваны, і гэта значыць, што былі створаны шматлікія копіі, аднак да сённяшняга дня яго асобнік не выяўлены ў беларускіх архіўных сховішчах. Не менш цікавай з’яўляецца і публікацыя Мар’янам Лапцэ (Люблін) некалькіх спісаў былых паўстанцаў, чые імёны змешчаны на некаторых картаграфічных матэрыялах. Сярод іх фігуруюць і такія асобы, як начальнік Брэсцкага ваяводства Апалінары Гофмайстар, камандзір паўстанцкага атрада ў Белавежскай пушчы і на Палессі Раман Рагінскі, будучы мемуарыст з Навагрудскага павета Вандалін Чэрнік і інш.

Чацвёрты раздзел зборніка павінен выклікаць асаблівую ўвагу айчыннага даследчыка не толькі апублікаванымі матэрыяламі, але і ўказаннем на архіўныя сховішчы на тэрыторыі Расійскай Федэрацыі, дзе захоўваецца багаты пласт матэрыялаў пра лёсы тысяч сасланых ураджэнцаў Беларусі. Гэта актуальна пры

цяперашнім стане айчынай гістарыяграфіі, дзе адсутнічае якая-небудзь аб'ектыўная аб'ёмная навуковая праца пра ссылку ў Сібір удзельнікаў паўстання з Беларусі. Да сённяшняга дня даследчыкі карыстаюцца толькі напрацоўкамі расійскіх (напрыклад, Святланы Мулінай ці Вячаслава Паўлава [3; 4 і інш.]) альбо польскіх (напрыклад, Яўгеніюша Нябэльскага [6]) навукоўцаў.

Некалькі слоў варта сказаць пра праёмовы да зборніка, у якой Я. Нябэльскім выкладзены асноўныя задачы выдання. З аднаго боку не выклікае пытанняў такі пастулат, што *«кніга мае задачай прадставіць новую, часам невядому альбо забытую гісторыю падзей і асоб, захаваць памяць пра тагачасныя пакаленні і, магчыма, хоць трошкі паспрыяць стрыманню вынікаў распаўсюджвання духу прыніжэння»* (с. 9). Аднак з другога, фраза пра тое, што пры складанні зборніка былі важнымі *«выражэнне нашага патрыятызму і абарона тагачасных патрыятычных узораў наводзінаў, а таксама захаванне добрай памяці пра паўстанне»* (с. 9), пакідае супярэчлівае ўражанне. Несумненна, падобны падыход варта ўсяляк прывітаць, калі размова ідзе пра пазіцыю грамадзяніна і патрыёта, аднак ён выразна супярэчыць прынцыпу безэмацыянальнай аб'ектыўнасці, абавязковай пры любым навуковым даследаванні.

Істотна аблягчае пошукавую працу наяўнасць іменнага паказальніка да кнігі. Геаграфічны, на жаль, адсутнічае. На карысць зборніку ідзе і якасная паліграфія, дзякуючы чаму добра перададзены многія (аднак не ўсе) са змешчаных у ім ілюстрацый (фотаздымкі, карты, мастацкія творы і інш.).

Адзінае, што хацелася б пажадаць складальнікам і выдаўцам зборніка, — гэта больш хуткай працы па публікацыі падобных кніг у далейшым. Паміж правядзеннем канферэнцыі і друкам матэрыялаў прайшло больш за 3 гады, што з'яўляецца занадта вялікім часавым прамежкам, які вядзе да нівеліравання актуальнасці пададзеных матэрыялаў, асабліва ў юбілейны 2013 год, калі адбываліся актыўныя дыскусіі на тэму паўстання, і змешчаныя ў зборніку матэрыялы маглі б быць у іх выкарыстаны.

У цэлым, зборнік робіць каштоўны ўклад у гістарыяграфію паўстання 1863—1864 гг. Дзякуючы змешчаным у ім публікацыям назапашваецца вялікая колькасць фактаграфічных звестак як пра асобных дзеячаў, так і пра цэлыя з'явы, такія як ссылка ў Сібір, пазіцыя каталіцкага духавенства і інш. Ён з лёгкасцю можа паслужыць узорам для беларускіх даследчыкаў у плане падыходаў пры складанні грунтоўных аб'ёмных калектыўных прац па пэўных тэматычных накірунках.

Літаратура

1. Матвейчык, Д. Ч. Дакументы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі аб паўстанні 1863—1864 гг. (агульны агляд) // Польшча—Беларусь — агульная гістарычная спадчына : студзеньскае паўстанне ў традыцыі і палітычнай думцы Польшчы і Беларусі : зборнік навуковых прац / пад рэд. Евы Расоўскай і Аляксандра Вабішчэвіча. — Варшава: Аб'яднанне польскіх архівістаў, 2014. — С. 185—196.

2. Матвейчык Д. Ч. Удзельнікі паўстання 1863—1864 гадоў: біяграфічны слоўнік (паводле матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі). — Мінск: Беларусь, 2016. — 735 с.
3. Мулина, С. Е. Участники польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке / Дис. на соиск. ученой степени канд. истор. наук: 07.00.02. — Омск, 2005. — 498 с.
4. Павлов, В. А. Польская политическая ссылка в Казанской губернии во второй половине XIX века / дис. на соиск. науч. ст. канд. ист. наук: 07.00.02. — Чебоксары, 2004. — 178+131 с.
5. Шапневская, Н. Документы по истории восстания 1863—1864 годов в фондах Национального исторического архива Беларуси в Гродно // Архівы і справаводства. — 2013. — № 6. — С. 107—113.
6. Niebielski, E. Wobec roku roku 1863: Księża w powstaniu styczniowym i ich losy. — Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 2015. — 439 s.
7. Nowak, A. Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji 1831—1849. — Warszawa: Gryf, 1994. — 369 s.

Артккул паступіў у рэдакцыю 07.09.2016

ПОСТАЦІ

Р. Ф. Горячева

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АЛАТЫРЦЕВОЙ ЛИЛИИ ДАНИЛОВНЫ

Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно славится плеядой архивистов, отдавших любимому делу значительную часть своей жизни, и пополняет этот список старейший архивист — Алатырцева Лилия Даниловна, которой в этом году исполняется 80 лет.

Всего две записи в трудовой книжке, трудовой стаж — 32 года и два месяца, из которых 32 года активной и плодотворной деятельности в архивной службе.

Лилия Даниловна родилась 24 октября 1936 г. в г. Прилуки Черниговской области (Украина) в семье военнослужащего.

Ее судьба мало чем отличалась от миллионов ее ровесников — детей войны. В 1941 г. ее отец, Разумейко Д. Ф., призван на фронт, а его семья в связи с наступлением немецких войск была вынуждена эвакуироваться в г. Бузулук Чкаловской области (ныне Оренбургская область).

После освобождения г. Прилуки (1943 г.) в 1944 г. семья вернулась в родной город, где Лилия Даниловна пошла в первый класс, а в 1946 г. семья переехала в Восточную Германию, по месту службы отца в группе советских войск. В 1948 г. Разумейко Д. Ф., полковник запаса, вернулся с семьей в СССР, в г. Гродно. Лилия Даниловна продолжила учебу в школе, окончила десятилетку и в 1954 г. поступила в Гродненский государственный педагогический институт на историко-филологический факультет.

В августе 1959 г., успешно окончив институт по специальности «преподаватель истории, русского языка и литературы», была принята на должность музыкального работника в детский сад № 16 города Гродно.

Почему в детский сад, и музыкальным работником?

Еще учась в институте, Лилия Даниловна вышла замуж и осталась в Гродно по месту службы мужа. Вакансий в учреждениях города, соответствующих ее специальности, не было, за исключением детских садов. А музыкальным работником ее взяли безо всяких оговорок, по причине прекрасного владения вокалом и игрой на фортепиано.

Однако со временем чашу весов перетянули тяга к истории и желание работать в учреждении, где связь времен особо чувствуется, где можно прикоснуться к историческому прошлому. Судьбоносной явилась вакантная должность в тогда еще Филиале центрального государственного исторического архива БССР в г. Гродно, и в октябре 1959 г. Лилия Даниловна была принята в архив на должность научного сотрудника начальником читального зала (так в то время озвучивалась эта штатная единица). Исследователи, работавшие в читальном зале архива, неоднократно оставляли в книге отзывов и предложений персональные благодарности Лилии Даниловне за профессиональную компетентность, грамотное оказание помощи в исследовательских работах, внимательное и чуткое отношение к исследователям.

С 1963 по 1965 г. она работала на должности научного и старшего научного сотрудника, возглавляя отдел общих фондов.

В целях повышения своего профессионального уровня с 1967 по 1968 г. училась на заочных курсах при Московском государственном историко-архивном институте.

С 1979 г. — заведующий отделом обеспечения сохранности документов и фондов ЦИИА БССР в г. Гродно. Возглавляя отдел, Лилия Даниловна внесла значительный вклад

в решение задач по методической подготовке и организации комплекса работ по обеспечению сохранности документов и фондов архива, улучшению физического состояния документов. Ею проведено научное исследование по теме «Выявление документов, имеющих повреждения носителей текста», разработаны рабочие инструкции по обеспечению длительной сохранности документов и поддержанию оптимального режима их хранения, памятки о порядке проведения сложного ремонта архивных документов, о проведении работ по обеспечению сохранности документов фондов I-й и II-й категорий. Как заведующий отделом Лилия Даниловна руководила работой по выявлению особо ценных документов, созданию страхового фонда. Проводила большую и трудоемкую работу по усовершенствованию научно-справочного аппарата, тематической разработке фондов, каталогизации документов.

За достигнутые успехи в работе Лилия Даниловна неоднократно поощрялась руководством ЦИИА БССР в г. Гродно, награждена Почетными грамотами Главного архивного управления СССР, Главного архивного управления БССР, знаком «Отличник архивного дела», медалью «Ветеран труда».

Автору этой статьи посчастливилось работать под началом Лилии Даниловны около 15 лет, и все эти годы не переставали удивлять и ее профессионализм, и феноменальное знание на память всех! населенных пунктов из «Географического указателя населенных местностей Гродненской губернии», и прекрасная стилистика ее речи, и глубокое знание русского языка, а также доброжелательное отношение к коллегам, оптимизм, отличное чувство юмора и, к слову сказать, ее великолепное вокальное исполнение русских романсов и инструментальное исполнение на фортепиано произведений «короля танго» Оскара Строма.

Весь коллектив Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно от всей души поздравляет Вас, Лилия Даниловна, с грядущим юбилеем и желает здоровья, бодрости духа, оптимизма и благоденствия! Мы помним о Вас и с благодарностью вспоминаем годы, проведенные рядом с Вами!

—♦—

К ЮБИЛЕЮ МАРИИ КАРПОВНЫ БОБЕР

Мария Карповна Бобер — одна из старейших сотрудниц Белорусского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела. В стенах института она практически от момента его основания, с января 1992 г. В ее лице БелНИИДАД приобрел опынейшего научного работника с огромным опытом поисковой, исследовательской деятельности и музейной работы. Без малого тридцать лет были отданы Дому-музею I съезда РСДРП, совершенствованию его экспозиции, организационной работе, изучению истории столь знаменательного исторического события как создание Российской социал-демократической рабочей партии, сбору по крупицам архивных документов и свидетельствах о ее минском съезде. В смутные времена перестройки Мария Карповна возглавила работу дома-музея и ей удалось главное — сохранить его. И в значительной степени благодаря ей музей остался именно музеем съезда — независимо от разного рода экзотических мероприятий, проводимых в нем ныне.

Придя в БелНИИДАД и работая в секторе архивной эвристики, Мария Карповна с энтузиазмом включилась в работу по выявлению документов по истории Беларуси в зарубежных собраниях. Итогом ее многолетнего труда, многочисленных командировок в Москву и московские архивы стал справочник «Документы по истории Беларуси в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве эконо-

мики, Центральном государственном архиве Московской области, Центральном историческом архиве Москвы» (2004). После того, как данное направление работы было свернуто и в составе отдела архивоведения ликвидирован сектор архивной эвристики, основным направлением научной специализации Марии Карповны Бобер стала история государственных учреждений Беларуси. Она является одним из основных авторов справочников «Высшие органы государственной власти и центрального управления Белорусской ССР (1965—1991)», «Высшие органы государственной власти и центрального управления Белорусской ССР (1944—1964)», справочника по истории организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь и наделенных функциями органов государственного управления, пособия «Органы местного управления и самоуправления Республики Беларусь». В настоящее время Мария Карповна в составе авторского коллектива работает над проблематикой, связанной со становлением системы государственного управления в Беларуси в 1917—1922 гг.

Ее отношение к труду, выполняемым заданиям, своим текстам всегда отличают высокая степень ответственности, скрупулезность, максимально глубокое изучение проблематики, литературы, источников. За добросовестную работу в системе Государственной архивной службы в 2000 г. Мария Карповна награждена Почетной грамотой Государственного комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь, в 2011 г. — Почетной грамотой Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь. Безупречное отношение к труду и высокая оценка его — это, бесспорно, важно. Но все же не это главное в Марии Карповне. Главное — она надежный человек, на которого можно положиться в любой ситуации; человек, с которым комфортно работать и общаться; человек, сочетающий доброжелательность и ответственность; человек, спокойно и с достоинством делающий свое дело. Это уникальные качества для современного человека. Пожелаем же Марии Карповне и далее сохранять их и радовать друзей и коллег творческим долголетием, хорошим здоровьем и жизненным оптимизмом.

С юбилеем, уважаемая Мария Карповна!

Сотрудники БелНИИДАД

—◇—

М. Ф. Шумейко

АРХИВИСТ—АРХЕОГРАФ

(к 70-летию со дня рождения В. Д. Селеменева)

6 сентября 2016 г. исполнилось 70 лет со дня рождения историка-архивиста, археографа, кандидата исторических наук Вячеслава Дмитриевича Селеменева.

Послужной список юбиляра, несмотря на присутствие в нем большого количества записей о занимаемых Вячеславом Дмитриевичем должностей, тем не менее, ограничивается исключительно архивной отраслью Беларуси. Истоки архивной карьеры В. Д. Селеменева коренятся в ЦГАОР БССР, в котором он начал работать в 1968 г. в должности архивариуса, младшего научного сотрудника, параллельно обучаясь на вечернем отделении исторического факультета БГУ, который успешно закончил в 1971 г. После защиты в 1979 г. кандидатской диссертации в следующем году был назначен заместителем директора ЦГИА БССР в г. Минске, успев до этого поработать несколько лет в качестве инспектора Главархива БССР. В 1982 г. В. Д. Селемев возвращается в свой родной архив в должности директора, а после его реорганизации в 1995 г. возглавляет созданный на базе бывших ЦГАОР и Центрального партийного архива Компартии Беларуси Национальный

архив Республики Беларусь, в котором работает и по сей день в должности главного архивиста.

Пишущий эти строки вспоминает о своем знакомстве с Вячеславом Дмитриевичем, состоявшимся в начале 1976 г. Будучи принятым на работу в ЦГАОР БССР на должность старшего научного сотрудника хозяйственного отдела (ныне — отдел научно-технической обработки документов) после демобилизации из рядов Советской Армии, сразу же обратил внимание на скромного «мэнэса» из отдела научно-справочного аппарата в неизменном рабочем халате синего цвета, из карманов которого постоянно торчали каталожные карточки (работая с систематическим каталогом нынешнего НАРБ, нельзя не заметить, как много карточек в нем написано именно рукой В. Д. Селеменева). Главный хранитель фондов архива, заядлая курильщица Ю. Е. Клионская, ныне уже покойная, называла его в минуты перекуров как-то ласково, по-домашнему: «Славендия». Вячеслав Дмитриевич совершенно не обижался на нее за эту фамильярность.

Наша совместная работа с юбиляром в архиве продолжалась недолго, однако научные и чисто человеческие контакты и, смею надеяться, дружба, сохраняются и по сей день.

Высокий уровень профессионализма В. Д. Селеменева, бывшего в недавнем прошлом руководителем ведущего архивного учреждения республики, успешно сочетался у него с демократизмом, открытостью, отсутствием даже намека на проявление признаков некоего снобизма, особенно в отношении к подчиненным. Счастливо сочетая в себе качества управленца нового типа и архивиста-археографа, Вячеслав Дмитриевич смог так организовать работу возглавляемого им Национального архива, что последний по праву удостоился неофициального названия «архива, создающего книги». Именно так называется статья одного из сотрудников отдела публикаций НАРБ в юбилейном сборнике «Наша история», приуроченном к 80-летию создания архива. Знакомясь с ее содержанием, равно как и с помещенным в этом же сборнике в качестве приложения перечнем изданий НАРБ и его сотрудников, нельзя не обратить внимания на резко увеличившуюся «густоту» публикаций архива начиная с 1996 г. Среди них — сборники документов, справочники по фондам архива, описи, каталоги и буклеты выставок, научно-популярная литература и другие издания. Большая заслуга в их появлении принадлежит В. Д. Селемеву, умевшему не только организовать их подготовку, но и самому активно участвовать в работе по выявлению документов, их археографической обработке, научном комментировании. Разумеется, успехи архива в области эдиционной и камеральной археографии не были бы такими значительными, если бы Вячеслав Дмитриевич не опирался на работоспособный и компетентный коллектив своих единомышленников, первую скрипку в котором играл В. В. Скалабан (1947—2011).

Их дуэт, дополнявшийся инициативной молодежью, недавно закончившей Московский историко-архивный институт, а также архивное отделение истфака БГУ, способствовал созданию в республике значительной археографической базы, среди которой ведущее место занимают публикации документов по проблемам истории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, национально-государственного и культурного строительства и др.

Вячеслав Дмитриевич не склонен к индивидуальной работе, а потому в списке его научных публикаций отсутствуют авторские монографии, однако это вовсе не свидетельствует о том, что он в свое время мог воспользоваться пресловутым «служебным положением». Готовя в конце 1990-х гг. первое в Беларуси учебное пособие по архивоведению, пишущий эти строки привлек в качестве соавтора юбиляра, получив от того в

назначенный срок собственноручно написанный текст второй части пособия. То же самое можно сказать и о нашей совместной с ним брошюре — о документальных памятниках Беларуси, увидевшей свет в 1990 г.

В. Д. Селеменев пользуется неизменным уважением и признанием среди коллег-архивистов как в Беларуси, так и за ее пределами. Совершенно неслучайно именно он возглавил созданное 26 сентября 1990 г. Белорусское общество архивистов. Выступая в феврале 1991 г. на учредительном съезде Общества архивистов СССР, Вячеслав Дмитриевич, поддерживая в целом идею создания всесоюзной общественной организации, в то же время высказался за создание ассоциации республиканских обществ архивистов, призвал не дублировать создаваемой общественной организацией архивистов структуру органов государственного управления. До сих пор сохраняют актуальность высказанные им четверть века тому назад слова о необходимости привлечения в общества архивистов людей, которые горят желанием работать, а не «членов для представительства с громкими званиями и титулами».

Со своей стороны В. Д. Селеменев неизменно уважительно относится к тем своим коллегам, которые, по его мнению, внесли наиболее значительный вклад в развитие архивного дела, архивоведение, документоведение. В их числе, прежде всего, ушедшие от нас российские архивисты В. А. Тюнеев, Б. А. Каптелов, В. В. Цаплин; белорусские А. В. Воробьев, В. А. Ильичева, Т. В. Комарова; украинские Б. В. Иваненко, А. Г. Митюков и др. С большой теплотой Вячеслав Дмитриевич вспоминает своего наставника по архивам — Юзефу Ивановну Анейчик.

Его жизненный путь не был усеян только розами, много на нем встречалось и шипов. Однако юбиляр умеет «держаться удар», не поддаваясь унынию и за работой забывая о всех неприятностях и невзгодах.

Заслуги В. Д. Селемёнева по достоинству оценены в Беларуси: он награжден орденом Почета, Почетной грамотой Совета Министров Республики Беларусь, знаком «Ганаровы архівіст Беларусі». В 2002 г. стал лауреатом Государственной премии Республики Беларусь в области науки и техники.

Коллеги, друзья юбиляра искренне желают Вячеславу Дмитриевичу крепкого здоровья, научного долголетия, дальнейших свершений на благо развития и совершенствования архивной отрасли Республики Беларусь.

—♦—

А. Е. Рыбакоў

НАЧАЛЬНИК ШТАБА, НУ НАСТОЯЩИЙ ...

(к 70-летию со дня рождения П. А. Левчика)

В августе 2016 г. 70-летний юбилей отпраздновал Павел Александрович Левчик — известный белорусский документовед, почетный архивист Беларуси, один из основателей национальной нормативно-методической базы в сфере делопроизводства и архивного дела.

Родился Павел Александрович 30 августа 1946 г. в г. Баку (Азербайджан). Начал свою трудовую деятельность в качестве слесаря-судоремонтника на одном из предприятий г. Калининграда (РСФСР), трудился стереотипером-гартоглавом газеты «Калининградская правда». В 1965 г. поступил в Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ), который успешно окончил в 1970 г.

В МГИАИ Павел Александрович получил редкую по тем временам квалификацию — документовед и организатор управленческого труда и делопроизводства. Полу-

ченные в вузе профессиональные знания и умения пригодились ему не сразу — на протяжении более 20 лет он проработал на инженерных должностях в институте «Белгипропищепром» Министерства пищевой промышленности СССР.

В январе 1993 г. П. А. Левчик перешел на работу в систему государственных архивных органов и учреждений, где в полной мере реализовал свой творческий и организационный потенциал. Проработав менее двух месяцев старшим научным сотрудником отдела документоведения Белорусского научно-исследовательского центра документоведения и ретроинформации (с 1996 г. — БелНИИДАД), Павел Александрович был назначен на должность заведующего этим же отделом.

В начале 1990-х гг. перед архивной службой молодого белорусского государства была поставлена непростая задача по формированию национальной нормативно-правовой базы в сфере архивного дела и делопроизводства, созданию надлежащего методического обеспечения соответствующих направлений деятельности в государственных органах и других организациях. Решение этой задачи в научно-методическом плане было возложено на БелНИИДАД.

Начинать приходилось в непростых условиях: качественные советские методические разработки в изменившихся условиях требовали критического пересмотра, у белорусских архивистов отсутствовал опыт нормотворческой деятельности, недостаточным был и кадровый научный потенциал. В этой ситуации Павлу Александровичу удалось грамотно организовать работу сотрудников отдела, при этом взяв на себя функции и ученого-разработчика, и организатора одновременно. Среди разработок того времени, о которых наверняка помнят архивисты и документоведы со стажем и в которых непосредственное участие принял П. А. Левчик, следует назвать «Примерную инструкцию по делопроизводству в министерствах, госкомитетах и других центральных органах управления, учреждениях, организациях и на предприятиях Республики Беларусь» (1995 г.), СТБ 6.38-95 «УСД. Система ОРД. Требования к оформлению документов» (1995 г.), методические указания по его практическому применению (1996 г.), «Унифицированную систему организационно-распорядительной документации» (1996, издана после переработки в 2000 г.) и др.* Настоящим бестселлером стал подготовленный на внеплановой основе «Альбом форм организационно-распорядительных документов» (1996 г.), выдержавший большое количество переизданий общим тиражом около 10000 экземпляров.

Высокий профессионализм, ответственное отношение к делу и организаторские способности Павла Александровича не остались незамеченными — в сентябре 1998 г. он был приглашен на работу в Государственный комитет по архивам и делопроизводству Республики Беларусь (в настоящее время — Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь). Проработав 7 лет на должностях главного специалиста, консультанта отдела организационно-правовой, кадровой работы и международных связей, в 2005 г. П. А. Левчик возглавил этот отдел.

В любом учреждении организационный отдел является связующим звеном для всех его подразделений, является своего рода штабом, планирующим и координирующим их деятельность, обеспечивающим внутренние и внешние связи. От работников отдела и, в первую очередь, его начальника требуются высокопрофессиональные знания по всем

* Более подробно см.: Леўчык Павел Аляксандравіч // *Архівісты Беларусі. Біябібліяграф. давед. / Склад.: С. У. Жумар, М. Ф. Шумейка. — Мінск: БелНДДАС, 2006. — С. 144—145.*

направлений деятельности организации, высокий уровень исполнительской дисциплины, организаторские способности, требовательность к коллегам по работе и одновременно коммуникабельность. Все эти качества Павлу Александровичу присущи и были проявлены им в полной мере. Не случайно очень быстро за ним закрепилось уважительное прозвище — «начальник штаба».

Занимаясь в Департаменте во многом рутинной работой, П. А. Левчик продолжил и творческую деятельность в сфере нормативного и научно-методического обеспечения архивного дела и делопроизводства. Во многом благодаря его участию был подготовлен и доведен до логического завершения основополагающий нормативный документ для государственных архивов — Правила работы государственных архивов Республики Беларусь (2005 г.). Коллеги наверняка вспомнят и цикл его статей, посвященных вопросам терминологии в сфере архивного дела и делопроизводства, опубликованных на протяжении ряда лет в профессиональном журнале белорусских архивистов «Архівы і справаводства».

Оставив государственную службу, П. А. Левчик в 2011 г. вернулся в свой, ставший уже родным, БелНИИДАД, где первоначально занял должность заместителя директора по общим вопросам, а позднее — заведующего отделом архивоведения, где трудится и до настоящего времени. Ему все так же успешно удастся сочетать организационную и творческую работу, он по-прежнему остается «начальником штаба», но уже в научно-исследовательском институте.

П. А. Левчик награжден знаком «Ганаровы архівіст Беларусі», Почетной грамотой Министерства юстиции Республики Беларусь, Почетной грамотой Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь.

Судьба распорядилась так, что почти вся профессиональная деятельность автора этих строк связана с П. А. Левчиком, с которым он провел немало времени в одном учреждении, в одном кабинете, бок о бок, «глаза в глаза».

Уважаемый Павел Александрович! От имени всех коллег и от себя лично поздравляю Вас с юбилеем! Здоровья Вам, жизненной энергии, крепости духа на долгие годы! Оставайтесь с нами и помните, что другого такого начальника штаба найти нам будет очень непросто!

—♦—

Л. В. Кисель

К 70-ЛЕТИЮ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ КОНДРАШОВОЙ

В 2016 г. исполняется 70 лет Светлане Александровне Кондрашовой. Родилась Светлана Александровна в г. Новогрудке Гродненской области 15 декабря 1946 г. Закончила Гродненский педагогический институт им. Янки Купалы в 1970 г. Более сорока пяти лет она трудится в архивных учреждениях Гродненщины. Начинала в 1970—1971 гг. архивариусом Центрального государственного исторического архива БССР в г. Гродно (ныне — Национальный исторический архив в г. Гродно). Затем более 30 лет проработала в Государственном архиве Гродненской области, из которых восемь лет (1990—1998) являлась директором данного учреждения. Следует отметить, что в то сложное постсоветское время директором она была избрана на собрании работников архива всеобщим голосованием. До этого трудилась в разных должностях: 1971—1976 гг. — младшим научным сотрудником хозгруппы, группы ведомственных архивов, 1976—1979 гг. — старшей группы, старшим научным сотрудником, начальником отдела учета фондов и научно-справочного аппарата, 1979—1982 гг. — старшим архивистом группы обеспечения сохранности документов и фондов, 1982—1989 гг. — заведующим отделом обеспечения

сохранности документов и фондов, 1998—2002 гг. — ведущим архивистом отдела ведомственных архивов, комплектования и экспертизы ценности документов.

На ее хрупкие женские плечи легло знаменательное событие в жизни госархива Гродненской области — строительство нового здания архива. Светлана Александровна может часами рассказывать, как «выбивались» нужные материалы, оборудование, мебель, а тяжелее всего дался переезд.

С. А. Кондрашова в начале архивной карьеры занималась учетом и выявлением особо ценных документов, рассекречиванием документов, участвовала в подготовке путеводителя «Документы по истории и культуре евреев в архивах Беларуси» (М., 2003 г.). Она составила ряд методических пособий по созданию и развитию научно-справочного аппарата, целевой экспертизе ценности документов. Внесла большой вклад в обеспечение сохранности документов, популяризации и использования документов Национального архивного фонда Республики Беларусь. В 1999 г. С. А. Кондрашовой присвоена высшая квалификационная категория. Светлана Александровна Награждена Почетной грамотой Главного архивного управления при Совете Министров БССР и Белорусского республиканского профсоюза работников госучреждений, Почетной грамотой Национального центра по архивам и делопроизводству, Почетной грамотой Президиума обкома профсоюза работников госучреждений и архивного отдела Гродненского облисполкома, Почетной грамотой областного комитета профсоюза работников государственных и других учреждений.

До сегодняшнего дня С. А. Кондрашова продолжает трудиться. С 2002 г. она заведует архивом Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Светлана Александровна и сейчас частый гость на торжественных мероприятиях, собраниях, презентациях Государственного архива Гродненской области.

С юбилеем Вас, уважаемая Светлана Александровна! Здоровья Вам, бодрости, благополучия, долголетия!

—♦—

О. В. Бірукова

К 65-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА АДАМУШКО

1 января 2017 г. отметит свой 65-летний юбилей директор Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь В. И. Адамушко. 26 лет трудовой деятельности связаны у Владимира Ивановича с архивной отраслью Беларуси, 15 из них — в качестве ее руководителя.

Теперь уже не каждый вспомнит тот далекий январский день 1991 г., когда в Главное архивное управление при Совете Министров БССР (такое название имел в то время республиканский орган управления по архивам и делопроизводству) пришел молодой начальник вновь созданного отдела по делам репрессированных граждан. Что поразило тогда многих работников управления — это неиссякаемая энергия, которая буквально исходила от Владимира Ивановича. Имевшийся богатый опыт организаторской работы (до этого В. И. Адамушко работал в Бюро международного туризма «Спутник», ответственным секретарем Комитета международных организаций БССР, старшим преподавателем кафедры мировой политики Минской высшей партийной школы) помогли молодому начальнику организовать работу отдела практически с нуля. За короткое время была разработана нормативно-правовая база, налажены связи с заинтересованными, и работа буквально «закипела». За 2 года существования отдела была создана компьютерная база данных на необоснованно репрессированных граждан, оказана помощь многим гражда-

нам, потерпевшим от политических репрессий 1920—50-х гг. Кроме того, проделана огромная работа по организации Ассоциации жертв политических репрессий, проведению ее съездов.

После ликвидации отдела, с января 1993 г. В. И. Адамушко возглавил отдел научно-использования документов и информации, а с 1995 г. — он заместитель Председателя Комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь. С февраля 2002 г. Владимир Иванович назначен Председателем Национального центра по архивам и делопроизводству, а с июля 2002 г. — Председателем Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь.

Время это не назовешь легким. Любое начинание приходилось буквально «пробивать», доказывая его необходимость. Но как любит говорить Владимир Иванович, «время выбрало нас». Хождения по коридорам Совета Министров Республики Беларусь, Министерства финансов, других министерств не прошли даром. За годы его руководства архивной отраслью значительно укрепилась материально-техническая база архивных учреждений, построены и введены в эксплуатацию новые здания государственных архивов.

Именно благодаря усилиям В. И. Адамушко, многое удалось сделать по популяризации архивных документов. За этот период вышли в свет многочисленные сборники архивных документов, а трехтомник «Белорусские остарбайтеры» и аналитическое исследование под этим же названием, одним из авторов которых являлся В. И. Адамушко, удостоены Государственной премии Республики Беларусь. Многие сборники документов увидели свет благодаря тесному творческому содружеству белорусских архивов с исторической наукой, с представителями которой у Владимира Ивановича установились самые добрые отношения. В. И. Адамушко был также инициатором проведения совместных с российскими архивами выставок документов, в том числе и за пределами Республики Беларусь. Стали уже традиционными издания архивных документов с привлечением документов, хранящихся в архивах России. Здесь будет уместно отметить и такую черту характера Владимира Ивановича, как инициативность. Многие его идеи предопределили тематику проводимых выставок и изданных сборников документов.

Такие черты характера В. И. Адамушко, как дипломатичность, умение в нужный момент найти компромиссное решение, позволили значительно укрепить авторитет белорусских архивистов на международной арене. Благодаря Владимиру Ивановичу двусторонние встречи руководителей архивных служб России и Беларуси стали регулярными. За это время подписан ряд международных договоров с коллегами ближнего и дальнего зарубежья.

Много сделано В. И. Адамушко по отстаиванию интересов узников националистических преследований в годы Великой Отечественной войны. Владимир Иванович является представителем Правительства Республики Беларусь в Попечительском совете фонда ФРГ «Память, ответственность и будущее», долгие годы он был председателем межведомственной научно-квалификационной комиссии по определению (подтверждению) статуса мест принудительного содержания граждан на временно оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Многолетние усилия В. И. Адамушко по отстаиванию законных прав и интересов лиц, пострадавших от нацистских преследований в годы войны, позволили бывшим узникам фашизма получить столь необходимую им материальную помощь.

Будучи заместителем председателя Геральдического совета при Президенте Республики Беларусь, много внимания и усилий уделяет В. И. Адамушко вопросам разработки и учреждению официальных геральдических символов и их популяризации.

Высочайший профессионализм, решительность в достижении поставленных целей, высокая требовательность в сочетании с чутким и внимательным отношением к людям снискали Владимиру Ивановичу уважение и заслуженный авторитет среди архивистов не только нашей страны, но и стран ближнего и дальнего зарубежья. Владимир Иванович относится к тем руководителям, которые всегда станут на защиту своих подчиненных, если уверены в их правоте. Сегодня это качество руководителя дорогого стоит.

Много в работе архивной отрасли зависит от людей, их профессионализма. Поэтому подготовка молодых специалистов для работы в архивах страны всегда была в поле зрения В. И. Адамушко. Являясь профессором кафедры истории Беларуси Белорусского государственного университета, Владимир Иванович лично занимается вопросами распределения и трудоустройства молодых специалистов. Понимая, что закрепление молодых специалистов и снижение текучести кадров в архивах напрямую зависит от материального положения архивистов, он приложил немало усилий для повышения заработной платы архивных работников.

Большой труженик, Владимир Иванович требует такого же отношения к работе и от своих подчиненных. Как руководитель, он ставит перед подчиненными довольно высокую планку, требуя, чтобы порученная им работа была сделана только на высоком качественном уровне.

Особенно приятно, когда труд человека оценивается по заслугам. В этом плане судьба не обошла В. И. Адамушко стороной. К уже имевшемуся в копилке юбиляра орденом Дружбы народов, за время работы в архивной отрасли прибавился орден Франциска Скорины, три Почетные грамоты Совета Министров Республики Беларусь, нагрудные знаки Министерства юстиции, Департамента по архивам и делопроизводству «За адзнаку» 1 и 2 степеней, «Ганаровы архівіст Беларусі» и юбилейная медаль «У гонар 80-годдзя Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі».

И самое главное, несмотря на трудности, Владимир Иванович полон оптимизма, заряжая им нас, своих коллег. Он умеет создать в коллективе атмосферу, позволяющую получить удовольствие не только от работы, но и от жизни, причем и сам получает его в полной мере. За это ему огромное спасибо!

—♦—

А. М. Сталяроў

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЮДМИЛЫ ВИКТОРОВНЫ КНАРУС

Людмила Викторовна Кнарус родилась 31 мая 1956 г. в г. Черикове Могилевской области. В 1980 г. закончила заочно Могилевский государственный педагогический институт имени А. А. Кулешова по специальности «История». С января 1986 г. обучалась на годичных курсах Московского государственного историко-архивного института.

Свою трудовую деятельность Людмила Викторовна начала в 1973 г. старшим пионеркабатом Химовской средней школы Бобруйского района, затем работала мастером Бобруйского районного комбината бытового обслуживания, учителем истории в Турковской и Богушовской средних школах Бобруйского района, воспитателем подготовительной группы в детском саду № 27 г. Бобруйска, а также секретарем комитета комсомола с правами райкома ГПТУ № 13.

С сентября 1982 г. Л. В. Кнарус начала работу в филиале государственного архива Могилевской области в г. Бобруйске в должности архивиста I категории, а в 1992 г. была назначена на должность заведующего отделом информации. В ее обязанности входила

организация публикации документов архива на основе научной разработки архивных фондов, обеспечение высокого научного уровня документальных публикаций, организация научно-исследовательской работы в области архивоведения, документоведения, археографии и других специальных исторических дисциплин, организация внедрения ее результатов в практику работы архива.

Должность директора Зонального государственного архива в г. Бобруйске Л. В. Кнарус заняла в июле 2004 г. За время работы в данной должности зарекомендовала себя квалифицированным специалистом архивного дела, хорошим администратором и хозяйственником, владеющим высоким уровнем знаний трудового, финансового и архивного законодательства.

Под руководством Людмилы Викторовны успешно проводится кропотливая, важная и ответственная работа как по укреплению материально-технической базы архива, развитию автоматизированных архивных технологий, так и по комплектованию архива ценными для общества и истории в целом документами и архивными фондами. Можно с уверенностью констатировать тот факт, что основные цели и задачи архивистов и архива в целом — сбор, сохранность документального богатства страны и использование его в интересах народа и государства коллективом учреждения «Зональный государственный архив в г. Бобруйске» выполняются успешно.

Так, на хранения в учреждении «Зональный государственный архив в г. Бобруйске» находится 963 фонда, включающих в себя документы по истории, социально-экономическому, культурному развитию Бобруйского, Глусского, Кировского, Кличевского и Осиповичского районов Могилевской области, упраздненных Бобруйского округа и Бобруйской области за 1918—1941, 1944—2010 годы.

Особую ценность представляют документы фондов Бобруйской областной комиссии содействия в работе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и учету причиненного ими ущерба по Бобруйской области, отдела репатриации и переселения при Бобруйском облисполкоме. В этих фондах имеются сведения о злодеяниях немецких оккупантов, об ущербе, нанесенном мирным жителям городов Бобруйска, Осипович и Слуцка, Бобруйского, Гресского, Копыльского, Любанского, Осиповичского, Старобинского, Стародорожского, Кировского, Краснослободского, Октябрьского, Паричского, Кличевского, Глусского и Слуцкого районов, о массовых расстрелах и казнях, списки угнанных на принудительные работы в Германию и возвратившихся на родину, фотоальбом разрушений в г. Бобруйске.

Кроме документальных фондов, в архиве создано 5 коллекций малообъемных фондов ликвидированных колхозов Бобруйского, Глусского, Кировского, Кличевского и Осиповичского районов за период 1944—1950 гг. Имеется коллекция документальных материалов по личному составу учреждений, организаций и предприятий Бобруйского, Глусского, Кличевского и Осиповичского районов за 1944—1960 гг.

Систематически пополняется и созданная в архиве коллекция малообъемных фондов личного происхождения из личных фондов А. А. Тимошенко, заслуженного учителя БССР, члена КПСС, директора Свислочской СШ Осиповичского района; А. С. Андриевского, основателя фехтования на Бобруйщине, заслуженного тренера, судьи республиканской категории; В. И. Дубровского, участника Финской и Великой Отечественной войн, члена КПСС, Кавалера 2-х орденов Красной Звезды и ордена Отечественной войны 2-й степени; К. П. Орловского, Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда, одного из руководителей партизанского движения на Беларуси в годы Гражданской и

Великой Отечественной войн, председателя колхоза «Рассвет» Кировского района Могилевской области, Ю. И. Бовды — художника-оформителя районного центра культуры, Народного мастера Республики Беларусь, члена общественного объединения «Белорусского союза мастеров народного творчества»; Т. Н. Маненок — директора Бобруйского государственного зонального архива, Почетного архивиста Беларуси; Г. Н. Акулича — председателя исполкома Бобруйского районного Совета депутатов трудящихся, 2-го секретаря Бобруйского подпольного райкома КП(б)Б. В фонде представлены личные документы, фотографии, переписка, публикационные материалы и др.

Следует отметить, что особое внимание архивистов уделяется сбору таких документов личного происхождения, как документальные воспоминания участников ВОВ, письма граждан, находившихся во время войны на оккупированных территориях, в концлагерях, а также пострадавших во время Холокоста.

Людмила Викторовна проводит работу по популяризации архивных документов, регулярно публикуется в периодической печати г. Бобруйска и района.

За многолетний добросовестный труд в архивной отрасли, высокий профессиональный уровень и эффективное содействие в реализации государственной политики в сфере архивного дела и делопроизводства Кнарус Людмила Викторовна награждена Почетной грамотой архивного отдела исполнительного комитета Могилевского областного Совета народных депутатов, Почетной грамотой Могилевского областного Совета депутатов и нагрудным знаком «Ганаровы архівіст Беларусі».

—♦—

Ю. В. Дзідзенка

60-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ НАДЕЖДЫ ВАЛЕНТИНОВНЫ НИКИТИНОЙ

В этом году исполнилось 60 лет Надежде Валентиновне Никитиной, директору Зонального государственного архива в г. Пинске, всю жизнь посвятившей служению архивному делу.

Надежда Валентиновна родилась 20 мая 1956 г. в г. Лихославль Тверской области. После окончания средней школы в 1973 г. она поступила в Калининградский государственный университет на историко-филологический факультет (романо-германское отделение) по специальности французский язык и литература, который закончила в 1978 г.

С этого же года началась ее трудовая деятельность в архивном отделе Калининградского областного исполнительного комитета, куда она была принята на должность младшего научного сотрудника группы комплектования и экспертизы ценности документов.

С 1981 г. Надежда Валентиновна работает в Филиале госархива Брестской области в г. Пинске (с мая 2001 г. — Зональный госархив в г. Пинске), где она прошла путь от архивиста в группе ведомственных архивов до директора, которым была назначена 29 декабря 1986 г.

В 1992—1998 гг. Н. В. Никитина проходила обучение в Белорусском государственном университете на заочном отделении исторического факультета по специальности «историко-архивоведение», который закончила с отличием. По окончании учебы ей была присвоена квалификация «историк-архивист».

Кроме этого, в процессе трудовой деятельности Надежда Валентиновна повышала профессиональную квалификацию на различных семинарах и курсах: в 1978—1979 гг. — в Московском государственном историко-архивном институте архивоведения; в 1985 г. — в Главном архивном управлении при Совете Министров БССР; в 1990 г. — в

Институте повышения квалификации информационных работников Госкомитета СССР по науке и технике; в 2009 г. — в Республиканском институте повышения квалификации и переподготовки работников Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь.

В 2014—2015 гг. Н. В. Никитина работала в должности архивиста в отделе обеспечения сохранности, ИПС и использования документов. С 13 мая 2015 г. — в должности директора учреждения «Зональный государственный архив в г. Пинске».

В 2003—2005 гг., одновременно с руководством архивом, вела преподавательскую деятельность по предмету «Делопроизводство» в Пинском филиале Белорусского государственного экономического факультета.

Надеждой Валентиновной были подготовлены и опубликованы в местной и республиканской печати многочисленные статьи по вопросам истории развития архивного дела на Пинщине, переведена статья французского автора о выдающемся деятеле искусства Н. Орде.

В 1997 г. Н. В. Никитина составила пособие «Русско-французский словарь архивной терминологии». В пособие вошли 546 позиций архивных терминов. Данное пособие внесло значительный вклад в развитие и укрепление международного сотрудничества архивистов Европы.

С 9 апреля по 20 июня 2001 г. Надежда Валентиновна проходила стажировку на Международных архивных курсах в Национальном Архиве Франции в г. Париже, ежегодно проводимых Международным советом архивистов. Практика данных курсов проходила в архиве департамента Валь-д'Уаз (г. Сержи-Понтуаз).

9 мая 2001 г. Никитиной Н. В. на 51 сессии Международных архивных курсов был представлен краткий обзор истории и современного состояния архивов Беларуси и доклад на тему «Наиболее важные аспекты экспертизы ценности документов во 2-й половине XX века».

Надежда Валентиновна являлась автором исследовательской работы по вопросам истории архивного дела на тему «Зональный государственный архив в г. Пинске в структуре региональных архивных учреждений Республики Беларусь. История и организация», принимала участие в подготовке путеводителя «Документы по истории и культуре евреев в архивах Беларуси», изданного Российским государственным гуманитарным университетом в 2003 г.

Н. В. Никитина являлась участницей многих международных и республиканских научных конференций, выступая на них с докладами и сообщениями по проблемам экспертизы ценности документальных материалов, использования архивных документов в народнохозяйственных целях.

Заслуги Надежды Валентиновны перед архивной отраслью были по достоинству оценены — она была награждена Почетной грамотой Главного архивного управления БССР, нагрудным знаком «За помощь и поддержку» Белорусского республиканского фонда «Взаимопонимание и примирение», Почетными грамотами Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, и грамотами Брестского областного исполнительного комитета, грамотами и благодарственными письмами Пинского городского исполнительного комитета. 15 октября 2005 г. ей было присвоено звание «Ганаровы архівіст Беларусі».

В 2015 г. документы из личного архива Н. В. Никитиной поступили в фонд «Коллекция выдающихся людей Полесья» Учреждения «Зональный государственный архив в г. Пинске» на основании договора дарения.

Коллектив архива от души поздравляет своего уважаемого руководителя с юбилеем. Здоровья, счастья, долгих лет жизни на благо и процветание выбранного дела, успехов и побед!

Л. В. Кісель

ЮБИЛЕЙ ЛАРИСЫ ИВАНОВНЫ ЮНИНОЙ

В 2016 г. отмечает свой 60-летний юбилей и 40-летие архивной трудовой деятельности Лариса Ивановна Юнина. В Государственный архив Гродненской области она пришла в 1976 г. Начинала работать младшим научным сотрудником хозрасчетной группы, затем архивистом 2 категории отдела ведомственных архивов, комплектования и экспертизы ценности документов, заведующим тем же отделом, методистом 1 категории. В 1987 г. закончила Московский историко-архивный институт. В 1992 г. Л. И. Юнина назначена на должность заместителя директора архива, в 1999 г. — директором архива.

Вся трудовая деятельность Л. И. Юниной связана с архивным делом. Лариса Ивановна — грамотный руководитель и опытный специалист архивного дела. Ведет большую работу по комплектованию Национального архивного фонда Республики Беларусь. За 1999—2013 гг. архив принял более 150 тыс. дел. Его лично много сделано по сохранению документов и их научному использованию. Принимала активное участие в издании путеводителя по архиву (2007) и сборников документов «Гродненская область в документах и материалах» (2004), «Гродненщина накануне и в годы Великой Отечественной войны» (2005), «Аўгустоўскі канал і яго наваколле» (2011). Как внештатный лектор общества «Знание» проводит большую работу по обучению основам архивного дела и делопроизводства работников служб ДОУ и ведомственных архивов.

Лариса Ивановна 15 лет являлась директором Государственного архива Гродненской области. За этот период (1999—2013) архивом выполнен большой объем мероприятий по укреплению материально-технической базы и обеспечению сохранности документов: проведены капитальный ремонт крыши, строительные работы по отводу воды из бомбоубежища и благоустройство территории архива, установлена автоматика приточной вентиляции в архивохранилищах, модернизирована охранная и пожарная сигнализации, проведены работы по модернизации фасада здания, заменены все окна на стеклопакеты, проведен текущий ремонт фойе, читального зала, санузлов, приемной, установлены новые входные двери во всем здании.

Коллектив архива, который возглавляла Л. И. Юнина в течение 1999—2013 гг., успешно справлялся с поставленными задачами и планами, грамотно применял в практической работе и в работе с обращениями граждан требования законодательства в области архивного дела и делопроизводства. Архив обеспечивал самые значительные показатели в области по привлечению внебюджетных средств, комплектованию, обеспечению физической сохранности документов, исполнению запросов граждан и учреждений и другим показателям. Несмотря на трудности, Л. И. Юниной удалось создать коллектив единомышленников, в котором сложились демократичные взаимоотношения, открытая и доброжелательная атмосфера.

Л. И. Юнина принимала активное участие в проведении общественных смотров ведомственных архивов. Составила ряд методических пособий по развитию научно-справочного аппарата и оптимизации состава документов архива, в том числе рабочую инструкцию по подготовке путеводителя по фондам государственного архива, схему путеводителя. Внесла значительный вклад в работу с ведомственными архивами, комплектова-

ние и использование Национального архивного фонда Республики Беларусь. Она является лектором областной организации «Белорусское общество «Знание», постоянно действующих курсов по вопросам делопроизводства и архивного дела при Гродненском «Доме науки и техники», членом областной комиссии «Взаимопонимание и примирение». Не раз Л. И. Юнина поощрялась руководством архивной отрасли и области за достигнутые успехи. За многолетний добросовестный труд и высокий профессионализм Лариса Ивановна в 2012 г. была награждена нагрудным знаком «Ганаровы архівіст Беларусі».

Л. И. Юнина продолжает работать в Государственном архиве Гродненской области. С мая 2013 г. возглавляет отдел делопроизводства и формирования НАФ Республики Беларусь. Благодаря ее энергии, знаниям, энтузиазму и четкому руководству повысилось качество и производительность труда сотрудников отдела. Лариса Ивановна пристально следит за новинками в архивном деле, изменениями в законодательстве, изучает методическую литературу, старается оказать реальную помощь молодым сотрудникам своего отдела и архива. Благодаря ее личному вкладу Государственный архив Гродненской области занимает достойное место в системе госучреждений архивной отрасли республики.

С юбилеем Вас, уважаемая Лариса Ивановна! Здоровья Вам, счастливой, наполненной яркими событиями жизни, искренних, светлых желаний и эмоций! Пусть Ваша жизнь будет активной, разнообразной, интересной, счастливой, полной планов и их осуществлений!

—◇—

М. Ф. Шумейка

ПОЛЬСКИЙ ИСТОРИК-АРХИВИСТ С БЕЛОРУССКИМИ КОРНЯМИ

(к 130-летию со дня рождения Рьшарда Меницкого)

Как отмечает современный белорусский историк, «пра Р. Мянціцкага сёння на Беларусі ведаюць не шмат. Адзначачы яго ўнёсак у вывучэнне архіўнай справы на Беларусі, не забываюць падкрэсліць скрайнасць некаторых поглядаў, абумоўленых польскім нацыяналізмам» [1, с. 52]. При этом автор ссылается на изданный в 1999 г. 5-й том шеститомной *Энцыклапедыі гісторыі Беларусі*, в котором помещена крошечная статья о Р. Меницком известного белорусского краеведа и историка Г. А. Кохановского (1936—1994).

За прошедшие полтора десятилетия со времени появления вышеуказанных работ ситуация заметно изменилась: сегодня имя Р. Меницкого достаточно хорошо известно в первую очередь среди профессионального сообщества историков и архивистов Беларуси. Этому во многом способствовали изыскания белорусских историков-архивистов с привлечением их польских коллег, которые носили научный, дидактический, документальный, справочный характер [2—5; 7].

Еще более значительна польская историография, посвященная Р. Меницкому, начавшая формироваться с года смерти историка-архивиста и продолжающаяся до настоящего времени. Она представлена некрологами, статьями справочно-информационного и научного характера. Наиболее полный ее обзор и анализ содержится в материалах конференции, организованной Торуньским университетом Николая Коперника, профессором которого Р. Меницкий был в послевоенное десятилетие (1945—1956), и приуроченной к 50-летию со дня смерти ученого [10].

В рамках настоящей статьи будет обращено особое внимание на архивоведческую деятельность Р. Меницкого, находящуюся в сфере изучения истории архивного дела и

археологии Беларуси второй половины XIX — начала XX в. Что же касается вопросов изучения практической работы Меницкого — архивиста, руководителя Виленского исторического архива, то они, как представляющие меньший интерес, не затрагиваются (за исключением, может быть, его участия в перемещении архива в октябре 1939 г. в г. Минск)*.

Родился Рьшард Меницкий 28 июля 1886 г. в фольварке Селигоры Лепельского уезда Витебской губернии, еще с XVI в. принадлежавшем роду Меницких, в семье историка и археографа Винченца Меницкого (1850—1916). После окончания гимназии в Риге изучал историю в Петербургском, затем Ягеллонском университете в Кракове, который и закончил в 1910 г. После окончания в 1915 г. Алексеевского военного училища в Петрограде Меницкий принимал участие в боях на германском фронте, воевал в Польском корпусе генерала Довбор-Мусницкого. Был взят в плен, находился в Бутырской тюрьме, из которой освобожден по обмену. Уволился из армии в 1921 г. в звании майора и осел в Вильне, поступив на работу в Исторический архив, вначале в должности старшего архивиста, затем хранителя фондов, позже — заместителя директора. В апреле 1939 г. после выхода на пенсию директора архива В. Гизберт-Студницкого занял его должность, возглавляя архив до конца 1939 г. В июле 1940 г. Р. Меницкого арестовали органы НКВД, после 22 июня 1941 г. он был освобожден. В пожаре Вильны летом 1944 г. погибла вся его библиотека с многочисленными рукописями неизданных работ, архивных выписок. В 1945 г. Р. Меницкий переехал в Торунь, где возглавил кафедру истории Восточной Европы, затем — архивистики в Университете Николая Коперника, на которой проработал почти до смерти, последовавшей 29 января 1956 г.

Объектом для научных занятий архивистикой Р. Меницкий избрал историю архива, в котором работал. Такой выбор представляется вполне логичным: все основные источники, прежде всего, делопроизводственные документы канцелярии архива были, что называется, «под рукой»; научные и справочно-информационные работы об архиве предшественников начинающего исследователя, а также историков, занимавшихся в свое время в архиве, были тщательно им исследованы. В итоге появилась монография «*Archiwum Akt Dawnych w Wilnie w okresie od 1795 do 1922 roku. Rys historyczny*» (Warszawa, 1923), положившая начало серии «Издания государственных архивов».

Как видно из названия монографии, Р. Меницкий не связывал создание Виленского архива с 1852 г., годом подписания указа российского императора об учреждении Центрального архива древних актов в Вильне; он рассматривает и его предшественников в лице архивов Главного литовского трибунала, земских и гродских судов.

Вторая архивоведческая работа Р. Меницкого носила исключительно справочно-информационный характер. Речь идет о монографии «*Archiwum Murawiewskie w Wilnie. 1898—1901—1936*» (Warszawa, 1937). Дело в том, что Р. Меницкий до 1934 г. непосредственно занимался упорядочением и составлением описей на этот искусственно сформированный в конце XIX в. в угоду политическим амбициям документальный комплекс, составившийся в том числе и из вырванных из архивных фондов губернского и даже уездного уровней дел, отразивших деятельность виленского генерал-губернатора по подавлению восстания 1863 г. Результаты этой деятельности и нашли отражение в монографии.

* При этом автор согласен с оценкой Р. Меницкого, которую ему дал А. Томчак: «[Меницкий] jako archiwista był bardziej pracownikiem naukowym niż urzędnikiem» [11, с. 801].

Третьей стала монография о Витебском архиве древних актов, увидевшая свет в 1939 г. [8]. Эту работу Р. Меницкий рассматривал в контексте деятельности Виленской археографической комиссии, монография о которой была подготовлена им вслед за книгой о Виленском архиве и издана в 1925 г. [9]. Для нее, равно как и для других работ историка-архивиста, характерен критический настрой; в союзники автор привлек И. Лапю, очерк которого о заключительных томах серийного издания Витебского архива, напечатанный в 4-м номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1904 г., имел настолько критический характер, что его пришлось «дезаурировать» статьей более лояльного А. И. Миловидова, опубликованной в 9-м номере этого же журнала [6].

Опираясь на продолжавшие находиться вопреки условиям Рижского мирного договора в Виленском историческом архиве делопроизводственные документы канцелярии бывшего Витебского архива, другие источники и литературу, а также будучи знакомым ко времени работы над книгой с условиями хранения архивных документов во Франции, Р. Меницкий нарисовал достаточно печальную (но вместе с тем реальную!) картину существования Витебского архива, начиная со времени его создания и до перемещения в Вильню в 1903 г. Следует, на наш взгляд, согласиться с мнением современного белорусского исследователя о том, что несмотря на некоторую тенденциозность работы, обусловленную временем и обстановкой, в которой она создавалась, по полноте и глубине освещения истории Витебского центрального архива она не имеет себе равных и сегодня [1, с. 55].

Настоящей трагедией для Р. Меницкого стали события, связанные с нападением фашистской Германии на Польшу, началом Второй мировой войны. Для Меницкого-архивиста они усугублялись еще и тем, что ему пришлось собственными руками передавать в чужие руки хранившиеся в Виленском архиве дела. Речь идет о перемещении в конце октября 1939 г. в соответствии с решением Отдела культуры Временного управления Виленского округа значительной части архива в г. Минск. Именно его подпись как директора Виленского государственного архива стоит под протоколом выдачи Временному управлению Виленским округом документов Виленского архива, составленным 22 октября 1939 г. [5, с. 199].

Бывший студент Виленского университета Стефана Батория Леонид Житкович вспоминал, с какой болью ученый наблюдал за спешной погрузкой архивных дел в грузовики и перевозкой на железнодорожную станцию для последующей отправки в г. Минск, когда «некомпетентные руки тискали книги и фасцикулы, как они не раз валялись под ногами в грязи и пыли» [10, с. 105].

Как известно, судьба перемещенной в Минск части Виленского архива сложилась весьма драматично, если не сказать трагично: многие дела пропали при перевозке, многие погибли ввиду необеспечения должных условий для их хранения. С оккупацией Минска немцы выбросили находившийся в здании Президиума Академии наук республики архив, который подвергался порче и уничтожению. В 1942 г. предшественник Р. Меницкого В. Гизберт-Студницкий с сыном в течение нескольких месяцев занимался разборкой уцелевшей части архива, после чего он был возвращен в Вильню. Не обнаружено документов относительно того, имел ли какое-либо отношение к этому Р. Меницкий.

Впоследствии Р. Меницкий отошел от практической архивной работы; его деятельность носила преимущественно дидактический характер.

Литература и источники

1. Галубовіч, В. У. Р. Мянiцкі — даследчык гісторыі Віцебскага цэнтральнага архіва старажытных актаў / В. У. Галубовіч // 90 гадоў Віцебскай вучонай архіўнай камііі. Матэрыялы навук. канф. 24 лістап. 1999 г., Віцебск. — Мiнск: БелНДДАС, 2000. — С. 52—55.
2. Жумар, С. У. Мянiцкі Рычард Вікенцьевіч / С. У. Жумар, М. Ф. Шумейка // Архівісты Беларусі: Бябiблiягр. даведнік. — Мiнск: БелНДДАС, 2006. — С. 164—165.
3. Жумарь, С. В. Очерки истории архивного дела в Беларуси (XV в. — 1991 г.) / С. В. Жумарь, Д. В. Карев, М. Ф. Шумейко. — Минск: БелНИИДАД, 1999. — С. 17—18.
4. Иванова, В. Асабiстыя архiвы Беларусі канца XVIII — пач. XXI ст. — Мiнск: Выдавец Змiцер Колас, 2014. — С. 286 (О Р. Меницком).
5. Из истории архивов в Беларуси (1860-е гг.—1960 г.): документы и материалы / Сост. С. В. Жумарь, М. Ф. Шумейко. — Минск: БелНИИДАД, 2015. — С. 199, 403 (О Р. Меницком).
6. Миловидов, А. И. Прошлое и современное положение археографии в Северо-Западном крае / А. И. Миловидов // Журнал Министерства народного просвещения. — 1904. — Ч. 360. — № 9. — С. 1—20.
7. Хоронжичевски, В. Рьшард Меницкий — исследователь белорусских архивов / В. Хоронжичевски, Р. Деген // Историческое наследие Беларуси: выявление, сохранение и изучение: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию Гос. арх. службы Респ. Беларусь, 85-летию Нац. архива Респ. Беларусь и 20-летию кафедры источниковедения БГУ (г. Минск, 17—18 мая 2012 г.): В 2 ч. — Ч. 2. — Минск: БелНИИДАД, 2013. — С. 161—173.
8. Mienicki, R. Archiwum akt dawnych w Witebsku / R. Mienicki. — Warszawa, 1939.
9. Mienicki, R. Wilenska Komisja Archeograficzna / R. Mienicki. — Warszawa, 1925.
10. Ryszard Mienicki (1886—1956). Archiwista i Historyk / Pod redakcja W. Chorazyczewskiego i R. Degeny. — Torun: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 2009. — 129 s.
11. Tomczak, A. Mienicki Ryszard / A. Tomczak // Polski Slownik Biograficzny. — Warszawa, 1975. — T. XX. — S. 800—801.

—♦—

Э. П. Іофе

Зiновiй Капыскi як крынiцазнаўца i археограф*(19 студзеня 2016 г. — 100-годдзе беларускага вучонага-гісторыка)*

У беларускай гістарыяграфіі Зiновiй Капыскi разглядаецца перш за ўсё як таленавіты гісторык беларускіх гарадоў другой паловы XVI — XVII стагоддзяў. Па-другое, яго ацэньваюць як маштабнага гістарыяграфа.

Па-за ўвагай даследчыкаў застаецца навуковая спадчына З. Ю. Капыскага як крынiцазнаўца i археографа.

Калi прааналiзаваць навуковую спадчыну беларускіх вучоных у галiне крынiцазнаўства Беларусі эпохі Сярэднявечча, то З. Ю. Капыскi, безумоўна, быў адным з самых таленавітых, арыгiнальных, скрупулiзных i аб'ектыўных гісторыкаў.

Па ступенi ведання гістарычных крынiц побач з Зiновiем Юльевичам Капыскiм можна паставiць i Мiкалая Мiкалаевiча Улашчыка, Дзiмiтрыя Леанiдавіча Пахiлевiча, Паўла Рыгоравiча Казлоўскага, Анатоля Пятровiча Грыцкевiча i Георгія Якаўлевiча Галенчанка. Шчыра кажучы, ён быў адным з самых здольных i верагодных крынiцазнаўцаў Бела-

русі і археографу. З навуковай спадчыны Капыскага па гэтай праблеме я хацеў бы выдзельць яго манаграфію «Источниковедение аграрной истории Белоруссии» (Минск, 1978), артыкулы «Новья дакументы аб Крычаўскім паўстанні (1740—1744 гг.)» (сумесна з В. Лайко) (1953), «Першая навуковая публікацыя Статута 1529 г.» (сумесна з В. У. Чапко) (1960), «Сборники документов по истории Белоруссии, изданные в БССР (1921—1971)» [1, с. 13—23], «Беларуска-літоўскія летапісы XV—XVI стст. як помнікі гістарычнай думкі» [2].

У кнізе З. Ю. Капыскага «Источниковедение аграрной истории Белоруссии» зроблены крыніцзнаўчы аналіз дакументаў XVI—першай паловы XVII ст., што захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі (тады — Цэнтральны дзяржаўны гістарычны архіў БССР). Прадметам разгляду сталі інвентары і рээстры ўладанняў, дакументы ўліку грашовых сродкаў і крэдытных аперацый феодалаў (дакументы ўліку грашовых прыбыткаў і расходаў, падатковыя дакументы, даўгавая дакументацыя), дакументы аб сялянках, асабліва аб іх становішчы і барацьбе.

Гэта манаграфія знаёміць чытача са складаным комплексам пісьмовых крыніц, у большасці сваім неапублікаваных. Яна ўтрымлівае рознабаковую крыніцзнаўчую характарыстыку дакументаў, аб'яднаных па тэматычных і відавых прыметах. Галоўная ўвага ўдзелена тым даным, якія дазваляюць глыбей раскрыць сутнасць і асаблівасці феадальнага грамадства ў Беларусі XVI—першай паловы XVII ст.

Шэраг цікавых і важных назіранняў дае аналіз дакументаў аб становішчы і антыфеадальных выступленнях беларускага сялянства. З. Ю. Капыскаму ўдалося паказаць формы і метады супраціўлення сялянства прыгонніцкаму гнёту.

Ва ўвядзеннях да «Источниковедения аграрной истории Белоруссии» ёсць такія радкі: «В определении целей и задач настоящей работы мы полностью разделяем мнение советского исследователя Н. Г. Бережкова: "... источниковедческая работа, не питаемая и направляемая во всех своих стадиях интересами использования памятника как исторического источника — это нелепость, не требующая опровержения"» [3, с. 4].

Зіновій Юльевіч Капыскі быў вучоным-гісторыкам найвялікшай эрудыцыі, якая далёка выходзіла за вывучэнне гісторыі Беларусі эпох феадалізму і капіталізму. Бясспрэчным з'яўляецца ўклад вучонага ў развіццё археографіі ў Беларусі. Аб гэтым сведчыць аналіз першага тома зборніка дакументаў і матэрыялаў «Белоруссия в эпоху феодализма», складзенага З. Ю. Капыскім і М. Ф. Залогай і ахапіўшага перыяд са старажытных часоў да сярэдзіны XVII ст. (Мінск, 1959), другога тома, складзенага А. И. Азаравым, А. М. Карпачовым, З. Ю. Капыскім, Т. В. Камаровай і ахапіўшага перыяд з сярэдзіны XVI да канца XVII ст. (Мінск, 1960). Разам з іншымі крыніцзнаўцамі ён стаў складальнікам першага зборніка дакументаў і матэрыялаў «Социально-политическая борьба народных масс Белоруссии. Конец XIV — 1648 г.» (Мінск, 1960). Да цяперашняга часу не страціла сваёй навуковай каштоўнасці кніга Я. М. Зуева і З. Ю. Капыскага «Хрестоматия по истории БССР». Ч. I, якая выйшла ў свет 55 гадоў таму назад — у 1961 годзе.

Вучонага можна назваць «рыцарам археографіі». Адночы з горыччу ён прызнаўся аўтару гэтых радкоў:

«Я вельмі перажываю, што ў нашай рэспубліцы ў дрэнным стане знаходзіцца археографія. Але без яе мы ніколі не зможам раскрыць сапраўдную гісторыю беларускага народа на ўсіх этапах яго развіцця».

Неаднаразова я быў сведкам таго, як на навуковых канферэнцыях многія навукоўцы адзначалі арыгінальнасць артыкула Зіновія Юльевіча «Сборники документов по истории

Белоруссии, изданные в БССР (1921—1971 гг.)», апублікаванага ў 1975 г. у Маскве. З болю ў сэрцы ён канстатаваў:

«... Значительная часть сборников лишена главного признака — максимальной полноты документов и материалов по избранной теме.

Опубликованные сборники научного типа отражают сравнительно узкий круг вопросов истории Белоруссии. Так, в эпохе феодализма внимание составителей сборников было сконцентрировано на вопросах экономики, в эпохе капитализма — на рабочем движении и революционных событиях в целом, в советском периоде — на политической истории первых лет развития советского общества и государства...

Накопленный опыт позволяет достигнуть более высокого уровня изданий. Для феодальной эпохи первоочередное значение имеет освещение социальной структуры общества, всесторонняя характеристика аграрных отношений, политической истории, классовой борьбы. Особый интерес представляет такое собрание источников, которое позволило бы проследить развитие того или иного явления в динамике. Например, характерные черты развития феодального хозяйства и феодальных отношений, рыночных связей за длительный период. Такую же возможность предоставил бы сборник цеховых уставов для изучения эволюции ремесленного производства и социально-экономического развития города в эпоху феодализма... По всем периодам истории Белоруссии необходимы сборники демографических документов и материалов» [1, с. 22—23].

Яго жыццёвы шлях пачаўся ў разгар Першай сусветнай вайны.

Але спачатку ўспомнім біяграфічныя звесткі аб гэтым вучоным. Нарадзіўся З. Ю. Капыскі 19 студзеня 1916 г. у адным са старажытнейшых гарадоў Беларусі — Віцебску. У 1932 г. Зіновій Капыскі скончыў сямігодку і паступіў у ФЗУ пры Віцебскім заводзе «Чырвоны металіст». Затым ён стаў працаваць токарам на гэтым заводзе, а ў верасні 1934 г. стаў студэнтам 4-га курса рабфака. Здольны юнак цягнуцца да ведаў і ў верасні 1935 г. паступае вучыцца на планова-эканамічнае аддзяленне Мінскага інстытута народнай гаспадаркі імя В. У. Куйбышава, які скончыў у 1939 г. па спецыяльнасці «эканаміст-планавік». Менавіта з таго часу ў Зіновія Капыскага з'явілася цікавасць да эканамічных пытанняў, якая засталася і калі ён стаў вучоным-гісторыкам.

Зіновій Юльевіч працаваў старшым эканамістам у Мінскім абласным планавым аддзеле, а ў 1940 г. перайшоў у Інстытут эканомікі АН БССР. У кастрычніку 1940 г. паступіў у аспірантуру Акадэміі навук БССР па спецыяльнасці «Дыялектычны і гістарычны матэрыялізм».

Вялікая Айчынная вайна перарвала вучобу. 26 чэрвеня 1941 г. Зіновій Капыскі эвакуіраваўся з Мінска ў Смаленск, а затым у Вязьму, дзе быў мабілізаваны ў Чырвоную Армію.

З чэрвеня па лістапад 1941 г. Зіновій Юльевіч служыў радавым 123-га, а затым 206-га запаснога палка на Заходнім фронце. У лістападзе 1941 г. Капыскі быў ранены і знаходзіўся на лячэнні ў госпіталі. У гэтым госпіталі ён быў пераведзены на пасадку загадчыка справаводства, а з лютага 1943 г. быў накіраваны на пасадку медыцынскага статыстыка санітарнага аддзела 5-й арміі, а ў ліпені 1943 г. прызначаны памочнікам камандзіра асобнай роты медыцынскага ўзмацнення № 15 пры 5-й арміі 2-га Украінскага фронту. У студзені 1944 г. рота была перададзена з Санітарнага аддзела 5-й арміі ў Санупраўленне 2-га Украінскага фронту з замянай № 15 на № 97. У складзе роты Капыскі быў у Румыніі — з ліпеня па кастрычнік 1944 г., у Венгрыі — з лістапада 1944 па чэрвень 1945 г. і ў Чэхаславакіі — з чэрвеня да 7 жніўня 1945 г. У канцы жніўня рота медыцынскага ўзмацнення, дзе служыў Зіновій Юльевіч, была пераведзена ў Адэсу і там расфарміравана.

За актыўны ўдзел у Вялікай Айчыннай вайне ён быў узнагароджаны медалямі «За абарону Масквы», «За перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941—1945 гг.». Апошняе воінскае званне З. Ю. Капыскага — старшы лейтэнант.

Пасля дэмабілізацыі Капыскі вярнуўся ў Мінск і працягваў вучобу ў аспірантуры Інстытута гісторыі АН БССР па спецыяльнасці «ўсеагульная гісторыя», якую скончыў у 1948 г. У гады вучобы ў аспірантуры і пасля яе заканчэння ён веў выкладчыцкую работу ў Мінскім педагагічным інстытуце імя А. М. Горкага і Рэспубліканскай партыйнай школе пры ЦК КП(б)Б (да 1950 г.).

У студзені 1950 г. Зіновій Юльевіч стаў малодшым навуковым супрацоўнікам Інстытута гісторыі АН БССР.

Перад намі цікавы дакумент. Прывядзём яго тэкст:

«ВЫПИСКА

ИЗ ПРИКАЗА № 1 ПО ИНСТИТУТУ ИСТОРИИ АН БССР

“6” января 1950 г.

гор. Минск

Зачислить на работу в Сектор истории СССР и БССР Института истории АН БССР на должность младшего научного сотрудника Копысского З. Ю. с 20 января 1950 года с окладом 830 рублей в месяц.

Директор Института

истории АН БССР

Действ. чл. АН БССР

Н. М. Никольский» [4, л. 9].

У лістападзе 1953 г. ён абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму «Грамадска-палітычныя погляды Себаст'яна Франка». 31 сакавіка 1954 г. ВАК СССР зацвердзіў рашэнне вучонага савета Інстытута гісторыі АН БССР аб прысваенні З. Ю. Капыскаму вучонай ступені кандыдата гістарычных навук, а ў 1955 г. ён быў зацверджаны ў навуковым званні старшага навуковага супрацоўніка.

Палову свайго жыцця — 40 год — з 1950 па 1990 г. З. Ю. Капыскі прапрацаваў у Інстытуце гісторыі Акадэміі навук БССР — малодшым навуковым супрацоўнікам, старшым навуковым супрацоўнікам (з сакавіка 1954 г.), старшым навуковым супрацоўнікам-кансультантам (з 10 снежня 1979 г.), вядучым навуковым супрацоўнікам-кансультантам (з 7 лютага па 30 чэрвеня 1990 г.), а ў 1968—1969 гг. — выконваючым абавязкі загадчыка сектара крыніцазнаўства і дапаможных гістарычных дысцыплін. Гэты сектар быў створаны 10 снежня 1968 г. [5, с. 592].

Прывядзём «ВЫПСКУ З ЗАГАДА № 266 ПА ИНСТИТУТУ ГИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУССКОЙ ССР ад 10 снежня 1968 г.»:

«Дальнейшее развитие белорусской исторической науки настоятельно требует развертывания исследования в области источниковедения, историографии, демографии, археографии, палеографии и ряда других вспомогательных дисциплин. До настоящего времени в республике исследовательская работа в этих областях по существу не велась, что отрицательно сказывается на уровне научной разработки проблем истории Белоруссии.

В связи с этим на основании решения отделения общественных наук от 27 ноября 1968 г. создать в Институте истории АН БССР сектор вспомогательных исторических дисциплин в составе:

1. Копыцкий З. Ю. — ст. науч. сотрудник, доктор ист. наук
2. Шербак С. А. — ст. науч. сотрудник, канд. ист. наук
3. Абезгауз З. Е. — ст. науч. сотрудник, канд. ист. наук
4. Спиридонов М. Ф. — мл. науч. сотрудник
5. Голубович В. П. — мл. науч. сотрудник

6. Крэкэнэ М. Г. — мл. науч. сотрудник

7. Старостина В. К. — мл. науч. сотрудник

8. Кнатько Г. Д. — ст. лаборант

9. Угольникова С. П. — ст. лаборант

10. Сержанина Э. В. — аспирантка-очница первого года обучения.

Временно исполняющим обязанности заведующего сектором назначить доктора исторических наук Копысского З. Ю.

Директор Института истории АН БССР

Н. В. Каменская

(Член-корр. АН БССР)» [4, л. 17]

Ужо ў салідным узросце — у 52 гады Капыскі быў удастоены вучонай ступені доктара гістарычных навук. Практычна ўсё жыццё Зіновія Юльевіча было звязана з акадэмічным Інстытутам гісторыі.

І калі сказаць шчыра, мала ў каго з беларускіх вучоных гісторыкаў быў такі высокі навуковы аўтарытэт, як у Зіновія Юльевіча Капыскага. Яго глыбокія артыкулы і кнігі ў рэспубліканскіх, саюзных і замежных выданнях выклікалі вялікі інтарэс і рэзананс.

У кожнага вучонага ёсць асноўныя, вызначальныя працы. Менавіта такой навуковай працай не толькі ў навуковай біяграфіі Капыскага, але і для ўсёй беларускай гістарычнай навукі стала манаграфія «Эканамічнае развіццё гарадоў Беларусі ў XVI—першай палове XVII ст.», якая выйшла ў Мінску ў 1966 г.

У гэтай кнізе знайшлі адлюстраванне такія ключавыя пытанні, як агульная характарыстыка гарадоў (колькасць гарадоў, іх структура і геаграфічнае размяшчэнне, гарадское насельніцтва, структура гарадскога насельніцтва), горад і сельская гаспадарка (земляробчыя заняткі грамадзян, гандлёвыя сувязі горада з сельскай гаспадаркай), рамесная вытворчасць у гарадах Беларусі (структура і характар гарадскога рамяства, цэхавыя арганізацыі, пракапіталістычныя тэндэнцыі ў гарадскім рамястве, гандаль і гандлёвыя сувязі гарадоў, унутраны гандаль, знешні гандлёвыя сувязі гарадоў Беларусі, гандлёвыя сувязі гарадоў Беларусі з гарадамі Польшчы).

Прынцыпова важным вынікам гэтага даследавання вучонага стаў доказ вядучай ролі беларускіх гарадоў у фарміраванні ўнутранага рынку, раскрыццё сувязі купецкага капіталу з гарадскім рамяством.

Па падліках З. Ю. Капыскага ў XVI—першай палове XVII ст. у буйных гарадах налічвалася да 80 рамесніцкіх спецыяльнасцей. У сярэдніх — ад 40 да 60, у невялікіх — да 30. Згодна з яго данымі, у гэты час у дзяржаўных гарадах усяго налічвалася каля 200 рамесніцкіх спецыяльнасцей, з якіх 41 была звязана са здабывчай і апрацоўкай металаў, 27 — з апрацоўкай дрэва, 25 — са скураной і футравай вытворчасцю, 26 — з вырабам тканін і пашывам адзення, 21 — з вырабам прадуктаў харчавання, напою і інш. [6, с. 79—81].

Характарызуючы гэту фундаментальную працу З. Ю. Капыскага праз 30 гадоў пасля яе выдання, аўтарытэты беларускі вучоны-гісторык А. П. Грыцкевіч адзначаў:

«У параўнанні з папярэднімі даследаваннямі гэта манаграфія адрознівалася выкарыстаннем вялікага архіўнага матэрыялу і новым падыходам да тэмы. Аўтар манаграфіі паказваў не толькі складанае эканамічнае жыццё велікакняжацкіх (дзяржаўных) гарадоў Беларусі, галоўным чынам вялікіх, але прывёў звесткі і па іншых гарадах і нават мястэчках. Калі раней гісторыкі намагаліся паказаць пераважна гандлёвыя сувязі гарадоў Беларусі і Расіі, то аўтар манаграфіі спецыяльна выдзеліў падроздзел пра такія сувязі з гарадамі Польшчы. Менавіта на аснове гэтай кнігі ў 1968 г. была абаронена доктарская дысертацыя. З. Капыскі глыбока вывучаў гісторыю гэтага адрэзку феадальнага перыяду. У той час мы, маладзейшыя супрацоўнікі, добразычліва жартуючы, называлі гэты час

“Капыскім перыядам гісторыі Беларусі”, аддаючы даніну глыбокім ведам вучонага» [7, с. 194].

У процілегласць гэтым поглядам Капыскі пераканаўча даказаў, што рамяство і гандаль на беларускіх землях ужо ў першай палове XVI ст. сталі асноўнымі заняткамі гарадскога насельніцтва, а гарады ператварыліся ў цэнтры рамеснай вытворчасці і гандлю. Заслугоўвае ўвагі цікавая выснова вучонага, што «горад своим существованием и развитием сдерживал рост отработочной ренты и содействовал сохранению денежной ренты» [6, с. 64].

У 1975 г. была апублікавана манаграфія З. Ю. Капыскага «Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI— первой половине XVII в.». Менавіта ў гэтым выданні былі дэталёва разгледжаны гарады і гараджане (агульная характарыстыка гарадоў, прывілеі гарадам, юрыдыкі ў гарадах, катэгорыі гараджан), гарадское самакіраванне (вечавая арганізацыя гарадскога самакіравання, гарадское самакіраванне на магдэбургскім праве, дзейнасць самакіравання), саслоўныя аб’яднанні гараджан (цэхавая арганізацыя, брацтвы), сацыяльна-палітычная барацьба гараджан.

Раскрываючы глыбокі ўплыў гарадоў на феадальнае грамадства, Зіновій Юльевіч адзначае, што яны парушылі замкнутасць асобных раёнаў краіны і адыгралі вялікую ролю ў фарміраванні беларускай народнасці. У сувязі з гэтым З. Ю. Капыскі падкрэслівае:

«Как бы медленно ни проходило развитие белорусских городов, они оказали глубокое влияние на все феодальное общество Белоруссии. Сформировав городское сословие, нарушив изолированность и замкнутость отдельных территорий страны, города Белоруссии явились одной из предпосылок формирования и развития белорусской народности и ее культуры. Они подготовили почву для гуманистического и реформационного движения в Белоруссии» [8, с. 49].

Калі мець на ўвазе даследаванні па гісторыі Беларусі эпохі феадалізму і эпохі капіталізму, то Зіновія Юльевіча ў свой час па праву лічылі «гістарыёграфам № 1». Аб гэтым сведчыць яго артыкул «Гістарычная навука за 40 год» (сумесна з В. М. Перцавым, І. С. Краўчанка) (Мінск, 1958), кароткі нарыс «Дзясятні гістарычнай навукі за 50 год (1919—1969)» (Мінск, 1970), вучэбны дапаможнік «Гістарыяграфія БССР (эпоха феадалізму)» (сумесна з В. У. Чапко) (Мінск, 1986). Артыкул «В. І. Пічэта аб феадальным грамадстве ў Беларусі XV—XVI стст.» (сумесна з М. Ф. Спирьдонавым), фундаментальны артыкул «Белоруссия феодального периода в советской историографии 20-х годов» [9, с. 60—65].

Нягледзячы на тое што пасля выхаду вучэбнага дапаможніка «Гістарыяграфія БССР» прайшло ўжо 30 гадоў, ён не страціў сваёй навуковай каштоўнасці і актуальнасці. Напісаны для студэнтаў гісторыкаў і настаўнікаў сярэдніх школ, дапаможнік асвятляе метадалогію і метадку даследаванняў як дарэвалюцыйнай, так і савецкай гістарычнай навукі па пытаннях гісторыі сялянства і аграрных адносін, класавай барацьбы, эканамічнага і сацыяльна-палітычнага развіцця феадальных гарадоў, нацыянальна-вызваленчага і грамадска-палітычнага руху.

Прадметам даследавання ў гэтым выданні сталі беларуская гістарыяграфія дасавецкага перыяду (беларускія летапісы XV—XVIII стст., дваранскія і клерыкальныя гісторыкі, буржуазная гістарыяграфія), беларуская савецкая гістарыяграфія ў даваенны перыяд (агульныя працы па гісторыі Беларусі, работы па аграрнай гісторыі, сацыяльна-эканамічнай гісторыі гарадоў, палітычнай гісторыі і гісторыі культуры, развіццё гістарыяграфіі ў пасляваенныя гады (працы па аграрных адносінах, сялянскаму руху, прававому становішчу насельніцтва, гісторыі гарадоў, грамадска-палітычнаму жыццю і ідэйнай барацьбе).

Кніга З. Ю. Капыскага і В. У. Чапко дапамагае зразумець тэарэтычную пазіцыю і зыходныя прынцыпы дарэвалюцыйных гісторыкаў, савецкіх гісторыкаў 1920—1930-х гг., ацаніць уклад кожнага з іх у распрацоўку гісторыі Беларусі эпохі феадалізму.

На падставе глыбокага аналізу манаграфій па гісторыі Беларусі, якія выйшлі ў пасляваенныя гады, Капыскі і Чапко вызначылі іх галоўныя каштоўнасці: важнасць праблематыкі, глыбіню і фундаментальнасць асвятлення пытанняў, доказнасць высноў і абагульненняў, вялікую колькасць новага гістарычнага матэрыялу.

Ацэньваючы ў цэлым навуковую прадукцыю беларускіх гісторыкаў даваеннага перыяду, яны выдзелілі ў ёй галоўнае. На думку Капыскага і Чапко, прынцыпова важным з пункту гледжання метадалогіі было тое, што ў гэты час па-новаму прадстаў сам аб’ект даследавання. Гэта быў ужо не Паўночна-Заходні край з яго неакрэсленасцю гістарычных і этнічных межаў, а тэрыторыя Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі.

Праз 20 гадоў пасля выхаду сваёй манаграфіі аб эканамічным развіцці беларускіх гарадоў Зіновій Юльевіч выказаў важную думку. Яна заключаецца ў тым, што «*следствие роста частновладельческих юридик в городах Беларуси не сложилось сколько-нибудь прочный союз городов с верховной властью, и города не могли серьезно влиять на политические судьбы государства*» [10, с. 134].

Зіновій Юльевіч быў адным з аўтараў манаграфій і кніг «Гісторыя Мінска» (Мінск, 1967), «История Белорусской ССР» (Т. 1. Мінск, 1961), «Гісторыя Беларускай ССР» (Т. 1. Мінск, 1972), «Полацк: Гістарычны нарыс» (1962), «Гродно (исторический очерк)» (сумесна з Б. М. Фихом, 1964), «Гісторыя рабочага класа Беларускай ССР» (Т. 1. Мінск, 1984), «Нарысы гісторыі Беларусі» (Ч. 1. Мінск, 1994).

У асабістай справе З. Ю. Капыскага, якая захоўваецца ў Цэнтральным навуковым архіве НАН Беларусі, маюцца характарыстыкі навуковай і грамадскай дзейнасці гэтага незвычайнага, выдатнага вучонага, у якіх падкрэсліваюцца яго вялікі ўклад у гістарычную навуку і станючая ацэнка яго шматлікіх навуковых прац.

Прывядзём радкі з характарыстыкі З. Ю. Капыскага, якая была адобрана на пасяджэнні сектара гісторыі Беларусі перыяду феадалізму 11 красавіка 1986 года:

«... Его основные научные интересы — история городов, историография и источниковедение Белоруссии в период развитого феодализма. Им опубликованы 4 монографии... Всего опубликовано 94 работы, в том числе научных 56, объемом 71,2 п. л., научно-популярных 38, объемом 12,4 п. л. Является одним из составителей 7 сборников документов, редактором 5 монографий и членом редколлегии 11 научных трудов...»

Опубликованная продукция получила положительную оценку научной общественности.

З. Ю. Капысский выступал с научными докладами на международной, двух всесоюзных, республиканской конференциях. Принимает активное участие в общественной жизни института, в течение ряда лет является руководителем семинаров в системе партийного просвещения (з 1945 года Зіновій Юльевіч быў членам КПСС. — Э. І.). Периодически выступал с лекциями перед населением» [4, л. 41—42].

У гэтай характарыстыцы адзначаецца, што ў 1981—1984 гг. пад навуковым кіраўніцтвам З. Ю. Капыскага было абаронена тры кандыдацкія дысертацыі.

Зіновій Юльевіч валодаў польскай, чэшскай і нямецкай мовамі.

Нельга не згадзіцца з наступнымі словамі аднаго з самых аўтарытэтных беларускіх гісторыкаў А. П. Грышкевіча:

«Шмат часу і сіл дадаў З. Капыскі навуковаму кіраўніцтву калектывамі даследчыкаў і рэдагаванню кніг, што былі падрыхтаваны ў Інстытуце гісторыі. Ён з’яўляецца на

толькі адным з аўтараў, але і рэдактарам 1-га тома пяцітомнай «Гісторыі Беларускай ССР», быў навуковым рэдактарам кніг «Полацк» (1962), «Гісторыі Мінска» (1967) і многіх інш. З Капыскі з'яўляецца таксама аўтарам іматэрыяльных артыкулаў у Беларускай Савецкай Энцыклапедыі і Энцыклапедыі гісторыі Беларусі.

Шмат дапамагаў Зіновій Юльевіч сваім калегам. Яго дапамога ў рэдагаванні навуковых прац і ў падрыхтоўцы кандыдацкіх дысертацый спрыяла навуковаму росту такіх вучоных, як У. Пасэ, Э. Іофе, М. Батвінік, М. Спірыдонцаў і інш. З Капыскі (разам з А. Карпачовым) імат дапамагаў у падрыхтоўцы тэкстаў кандыдацкай і доктарскай дысертацый В. Мяснішкі. Многія іншыя гісторыкі, у тым ліку і аўтар гэтых радкоў, з удзячнасцю ўспамінаюць добрыя навуковыя парады Зіновія Юльевіча Капыскага» [7, с. 195].

З. Ю. Капыскі стварыў сваю навуковую школу, да якой належыць і аўтар гэтых радкоў. Пад навуковым кіраўніцтвам Зіновія Юльевіча я ў 1975 г. абараніў кандыдацкую дысертацыю «В. И. Пичета как историк социально-экономического развития Белоруссии — первой половины XVII века».

Праз 18 гадоў — у 1993 г. З. Ю. Капыскі стане афіцыйным апанентам пры абароне маёй доктарскай дысертацыі «Советская историография социально-экономического развития белорусской деревни середины XVII — первой половины XIX века».

Зіновій Юльевіч ніколі не забываў сваіх настаўнікаў, асабліва беларускага гісторыка і грамадскага дзеяча, акадэміка АН БССР, акадэміка — сакратара аддзялення грамадскіх навук АН БССР, заслужанага дзеяча навукі БССР, доктара гістарычных навук, прафесара У. М. Перцава. На першай старонцы сваёй самай вядомай працы «Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в.» перад прадмовай «От автора» ён напісаў:

«Памяти учителя Владимира Николаевича Перцева посвящается».

Капыскі вельмі паважаў супрацоўнікаў архіваў і бібліятэк, у якіх ён працаваў. На аўтарэферце яго доктарскай дысертацыі «Города Белоруссии во второй половине XVI — первой половине XVII в.» аўтар гэтых радкоў прачытаў такія словы:

«Отделу редкой книги библиотеки АН БССР в знак глубокого уважения к энтузиазму, с которым создают его сотрудники, и с пожеланием им успехов в их очень важном и благородном деле

автор

13 / -68 Копысский (подпись)».

Зіновій Юльевіч пражыў нялёгкае жыццё. Улада не пестіла яго ўзнагародамі — не то што ордэнамі і медалямі, а нават простымі падзякамі. У асабістай справе вучонага захоўваецца цікавы дакумент. Гэта загад дырэктара Інстытута гісторыі аб падзяцы Капыскаму. Прывядзём яго тэкст:

**«АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ**

16 января 1986 г.
г. Минск

ПРИКАЗ

№ 6-К

За многолетнюю, добросовестную работу. Активное участие в общественной жизни коллектива и в связи с 70-летием со дня рождения старшему научному сотруднику-консультанту сектора истории Белоруссии периода феодализма КОПЫССКОМУ ЗИНОВИЮ ЮЛЬЕВИЧУ объявить благодарность.

Директор Института

П. Т. Петриков» [4, л. 38]

Вось як кіраўніцтва Інстытута гісторыі АН БССР адзначыла заслугі вучонага-гісторыка з еўрапейскім імем, які к таму часу ўжо 36 гадоў добрасумленна працаваў на ніве гістарычнай навукі і ствараў славу гэтай навуковай установе.

Капыскаму давялося зазнаць на сабе праяўлены палітыкі дзяржаўнага антысемітызму, якая доўгія гады праводзілася ў СССР.

Калі дырэктар Інстытута гісторыі АН БССР Н. В. Каменская даверыла яму кіраўніцтва сектарам, то менш чым праз год новы дырэктар гэтага Інстытута І. М. Ігнаценка адразу ж пасля ўступлення на пасаду 21 кастрычніка 1969 г. «ліквідаваў» сектар З. Ю. Капыскага, у які ўваходзіла дзесяць чалавек, з такой фармулёўкай:

«Упразднить созданный в конце 1968 г. сектор источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, использовав научных сотрудников сектора для разработки наиболее актуальных вопросов истории белорусского народа

И. о. зав. сектором З. Ю. Копысского освободить от занимаемой должности, назначив его старшим научным сотрудником» [4, л. 18].

Член-карэспандэнт АН БССР І. М. Ігнаценка выдатна ўсведамляў у той час важнасць сектара дапаможных гістарычных дысцыплін для беларускай гістарычнай навукі ў цэлым і Інстытута гісторыі АН БССР у прыватнасці, але яму не падабалася асоба выконваючага абавязкі гэтага сектара, асабліва пяты пункт асабовага лістка па ўліку кадраў. Аб гэтым аўтару гэтых радкоў гаварыў у свой час сам З. Ю. Капыскі.

Зіновій Юльевіч быў выдатным сем'янінам. Ён доўгія гады дружна пражыў з урачом Аленай Цімафеўнай Шубінай, якая была не толькі яго жонкай, але і надзейным сябрам, памочнікам і даралдай. У гэтай сям'і нарадзіліся два сыны — у 1946 г. будучы фізік Яўген Зіноўевіч і ў 1950 г. будучы гісторык Барыс Зіноўевіч. Малодшы сын Барыс прадоўжыў справу яго бацькі і стаў таленавітым вучоным-гісторыкам, кандыдатам гістарычных навук, дацэнтам, загадчыкам аналітычнага аддзела Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, дарадцам міністра адукацыі Рэспублікі Беларусь, прарэктарам Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка. У апошнія гады ён жыве ў Ізраілі. Беларускаму гісторыкам стаў і сын Барыса, унук Зіновія Юльевіча.

З. Ю. Капыскага не стала 14 снежня 1996 г. Ён не дажыў аднаго месяца да свайго 81-годдзя.

Істотны ўклад даследаванняў З. Ю. Капыскага ў беларускую гістарычную навуку, асабліва ў гісторыю беларускіх гарадоў у эпоху феадалізму, гістарыяграфію, крыніцазнаўства і археаграфію Беларусі, дастойны таго, каб імя гэтага вучонага назаўсёды засталася ў нашай памяці і было ўвекавечана ў Мінску і яго родным горадзе — Віцебску.

Літаратура

1. Археографический ежегодник за 1974 год. — М., 1975.
2. Весті АН БССР. Сер. грамад. нав. — 1986. — № 4.
3. Копысский, З. Ю. Источниковедение аграрной истории Белоруссии. — Минск, 1978. — 136 с.
4. Цэнтральны навучны архіў НАН Беларусі. — Ф. 2. — Д. 2677.
5. Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (1929—2009) / А. А. Коваленя (рук.) [і др.]. — Мінск: Беларус. навука, 2009. — 628 с.
6. Копысский, З. Ю. Экономическое развитие белорусских городов в XVI — первой половине XVII в. / З. Ю. Копысский. — Минск, 1966. — 227 с..
7. Грыцкевіч, А. З. Ю. Капыскі — даследчык гісторыі Беларускай мінуўшчыны / А. Грыцкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. — 1996. — № 1.

8. Копыцкий, З. Ю. Города Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / З. Ю. Копыцкий. — Минск, 1967.
9. Советское славяноведение. 1986. № 4.
10. Копыцкий, З. Ю. Историография БССР: эпоха феодализма / З. Ю. Копыцкий, В. В. Чепко. — Минск: Университетское, 1986. — 172 с.

—◇—

*А. Г. Каханюска***СЛОВА ПРА БАЦЬКУ***(да 80-годдзя з дня нараджэння Генадзя Аляксандравіча Каханюскага)*

8 студзеня 2016 г. споўнілася б 80 год з дня нараджэння майго бацькі — Генадзя Аляксандравіча Каханюскага, доктара гістарычных навук, члена Саюза пісьменнікаў Беларусі, старшыні Беларускага краязнаўчага таварыства, чалавека, які ўсё сваё жыццё аддаў вывучэнню і папулярызаванню гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі. Ён заўчасна памёр на 59-м годзе жыцця 15 студзеня 1994 г. ад невылечнай хваробы. Час праходзіць, але боль страты для сям'і, блізкіх не знікае. Вельмі часта ў мяне асабіста ўзнікае думка, што не ўсё спытаў пры яго жыцці, не даведаўся многія дэталі сямейнага радаводу, не паглыбіўся ў прафесійныя сакрэты, проста не стае бацькоўскай парады.

Большая частка навуковай і творчай актыўнасці Генадзя Аляксандравіча Каханюскага прыйшла на час, калі празмерная цікавасць да гістарычнага мінулага Бацькаўшчыны, спробы адрадыць яго нацыянальны каларыт, папулярызаванне народных традыцый, сапраўдны беларускі патрыятызм межавалі з абвінавачваннямі ў нацыяналізме. Тое, што не з'яўляецца чымсьці экстраардынарным сёння, калі ў сучаснай Беларусі ёсць магчымасць распаўсюдзіць любую з тэм айчынай гісторыі і культуры, дэмакратычны падыход пры выбары іх, у той час нярэдка не ўпісвалася ў сістэму каардынат савецкага інтэрнацыянальнага падыходу. Хацелася б нізка схіліць галаву перад падзвіжніцтвам бацькі, многіх яго сяброў і сучаснікаў, якія правялі тэтанічную працу ў архівах, бібліятэках, музейных запісках Беларусі, Польшчы, Расіі, Украіны і іншых краін, у час палявых экспедыцый у вёсках і мястэчках Беларусі, выявілі і ўвялі ў навуковы зварот велізарны пласт матэрыялаў аб гісторыка-культурнай спадчыне Беларусі. Яны сваёй працай стварылі аснову, без якой немагчымай была б сёння рэстытуцыя нашых культурных каштоўнасцей, правядзенне многіх далейшых гістарычных даследаванняў.

У 1963 г. Генадзь Аляксандравіч Каханюска вярнуўся ў Беларусь пасля заканчэння Маскоўскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя У. І. Леніна, нягледзячы на запрашэнне застацца прадоўжыць вучобу ў аспірантуры. Працаваў настаўнікам у Маладзечне, пазней перайшоў на працу ў Мінскі абласны краязнаўчы музей, які толькі пачынаў сваю дзейнасць. Прайшоў у музей шлях ад навуковага супрацоўніка да дырэктара. У гэты перыяд сваёй дзейнасці зрабіў выключна шмат для арганізацыі краязнаўчай працы, вывучэння і папулярызавання гісторыі роднай Маладзечаншчыны, суседніх раёнаў. Прайшоў сяжынамі многіх мясцін, абследаваў сямейныя архівы нашчадкаў многіх нацыянальна-культурных дзеячаў, зрабіў агульнавядомымі многія факты біяграфій Я. Купалы, М. Багдановіча, М. Чарота, А. Гурыновіча, Ф. Тапчэўскага і іншых. Сабраў у фондах музея значную колькасць рэдкіх выданняў і кніг, фрагменты слухіх паясоў, асабістыя рэчы М. К. Агінскага і многае іншае. Вынікам даследчыцкай працы стала выданне гістарычных нарысаў «Маладзечна» (1971), «Вілейка» (1974), «На запаветнай зямлі» (1974), сотняў артыкулаў у рэспубліканскіх і раённых часопісах і газетах. У 1979 г. у Вільнюсе абараніў кандыдацкую

дысертацыю на тэму «Становленне археалогіі і гісторычнага краеведзення Беларусі ў эпоху феодалізму». У перыяд працы ў музеі вялікую падтрымку і сяброўскую параду бацька меў з боку тагачаснага сакратара райкама КПБ Вячаслава Антонавіча Ляшковіча — былога франтавіка, які прайшоў дарогамі вайны, адзін з нямногіх з радавога складу быў узнагароджаны за баявыя заслугі ордэнам Чырвонага Сцяга. Супольнымі намаганнямі ім удалося ўшанаваць памяць многіх гістарычных дзеячаў, устанавіць вядомы Помнік дарозе.

У 1982 г. па запрашэнні цудоўнага беларускага фалькларыста прафесара Анатоля Сямёнавіча Фядосіка бацька перайшоў на працу ў Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору АН БССР. Пачаўся новы напружаны перыяд даследчай працы, звязаны са штодзённымі паездкамі на працу з Маладзечна ў Мінск, шматлікімі камандзіроўкамі для пошукаў новых дакументальных сведчанняў у архівах, бібліятэках, палявымі фальклорнымі экспедыцыямі. Вынікам гэтай працы стала выданне кніг «У родным краі» (1983), «Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI—XIX стст.» (1984), «Адчыніце, таямніца часу» (1984), «Повязь часоў» (1985), «Маладзечна : 600 : Гісторыка-эканамічны нарыс» (1988), «Беларуская фалькларыстыка: Эпоха феодалізму» (1989), «Правесне навукі» (1990), «А сэрца ўсё імкне да бацькоўскага краю ... : 3 біяграфіі М. Багдановіча» (1991), «Руплівец нашай старасветчыны: Яўстах Тышкевіч» (1991) і інш. У 1992 г. абараніў доктарскую дысертацыю «Істориография изучения культуры Беларуси в конце XVIII — начале XX вв. (Становление научных знаний по археологии, историческому краеведению, фольклористике)». З 1991 г. працаваў загадчыкам аддзела Нацыянальнага навукова-асветнага цэнтра імя Ф. Скарыны. У канцы 1980-х гг. удзельнічаў у арганізацыйным адраджэнні краязнаўчага руху ў Беларусі, стаў першым старшынёй Беларускага краязнаўчага таварыства. За шматгадовую плённую працу па аднаўленні і папулярызаванні гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі быў узнагароджаны медалём Ф. Скарыны.

На працягу жыцця бацьку шчасліла на сустрэчы, добрае сяброўства і навуковае супрацоўніцтва з людзьмі, якія былі адданымі сваёй справе, святы верылі ў светлую будучыню Беларусі і ганарыліся яе мінулым. Сярод іх ёсць тыя, хто сёння ўжо пайшоў з жыцця (М. А. Ткачоў, М. М. Чарняўскі, І. У. Саламевіч і інш.) і тыя, хто працягвае творчую дзейнасць (А. І. Мальдзіс, А. С. Ліс, В. П. Рагойша, У. А. Васілевіч і інш.). Меў таксама добрую параду і падтрымку з боку старэйшых таварышаў М. Танка, Я. Брыля, М. М. Улашчыка і інш. Гэта было пакаленне людзей, якія зрабілі выключна шмат для ўвядзення ў навуковы зварот многіх крыніц, артэфактаў, даследавання мінулага нашай Радзімы, чый навуковы подзвіг у сёняшні рацыянальны час вельмі складана паўтарыць, але трэба асэнсаваць і паважаць.

—◇—

*А. М. Грыневіч***ДА 80-ГОДДЗЯ З ДНЯ НАРАДЖЭННЯ
ДЗІНЫ ЛЕАНІДАЎНЫ ШОРАХАВАЙ**

30 жніўня 2016 г. споўнілася б 80 гадоў былому намесніку дырэктара Беларускага дзяржаўнага архіва кінафотафонадакументаў Дзіне Леанідаўне Шорахавай.

Дзіна Леанідаўна нарадзілася 30 жніўня 1936 г. у г. Лесазаводск Прыморскага краю (Расія). Памерла 22 жніўня 1976 г.

Гісторык, архівіст. З сям'і служачых. Скончыла Маскоўскі дзяржаўны гісторыка-архіўны інстытут у 1959 г. Пасля заканчэння інстытута Дзіна Леанідаўна была накіравана на працу навуковым супрацоўнікам Архіўнай Управы Міністэрства ўнутраных спраў

БССР. Са жніўня 1959 г. працавала навуковым супрацоўнікам аддзела дарэвалюцыйных фондаў Дзяржархіва Мінскай вобласці, са студзеня 1963 г. — старшым навуковым супрацоўнікам арганізацыйна-метадычнага аддзела АУ пры Савеце Міністраў БССР, старшым інспектарам гэтага ж аддзела. З 20 снежня 1968 г. па 22 жніўня 1976 г. Дзіна Леанідаўна працавала намеснікам дырэктара ЦДАКФФД БССР. Была дэлегатка VII Міжнароднага кангрэса архіваў у Маскве ў жніўні 1972 г.

Дзіна Леанідаўна прымала ўдзел у выяўленні дакументаў для зборніка дакументаў і матэрыялаў аб паўстанні 1863 г.: «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1962 гг.» (1964) і «Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1964 гг.» (1965). Распрацавала рабочую інструкцыю па састаўленні характарыстык на кінафотафонадакументы для даведніка архіва.

РЭЗІЮМЭ

Рыбакоў Андрэй Яўгенавіч. «Інстытут знайшоў сваё месца ў архіўнай сістэме. Інстытут патрэбны галіне» (да 25-годдзя стварэння Беларускага навукова-даследчага інстытута дакументазнаўства і архіўнай справы).

Артыкул прысвечаны гісторыі стварэння і развіцця Беларускага навукова-даследчага інстытута дакументазнаўства і архіўнай справы. Раскрываюцца асноўныя дасягненні інстытута за апошнія гады. Праз прызму асноўных напрамкаў дзейнасці інстытута ў артыкуле разглядаюцца агульныя тэндэнцыі ў развіцці архіўнай навукі ў Беларусі, праблемы навукова-метадычнага забеспячэння ўстаноў архіўнай галіны.

Баландзін Віктар Васільевіч, Трацяк Алена Іванаўна. Гісторыя Беларусі ў дакументах БДАКФФД (да 75-годдзя архіва).

Артыкул адзначае асноўныя моманты ў гісторыі Беларускага дзяржаўнага архіва кінафотафонадакументаў. За гады яго дзейнасці ў сховішчах архіва сабраны ўнікальны матэрыял аўдыёвізуальнага летапісу Рэспублікі Беларусь. Гэтыя дакументы не проста захоўваюць і адлюстроўваюць наша мінулае, яны па-сапраўднаму дазваляюць прадманстраваць яго будучым пакаленням.

Барбарчук Васіль Аляксандравіч. Дакументы фонду Навукова-даследчага інстытута крыміналогіі, крыміналістыкі і судовых экспертыз Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі як крыніца па гісторыі процідзеяння падробкам дакументаў у БССР у 1970—1980-я гг.

Вывучэнне практычнага вопыту процідзеяння злачыннасці з боку праваахоўных органаў і навукова-даследчых устаноў крыміналістычнай і экспертнай галіны можа быць каштоўнай крыніцай пры вывучэнні эканамічнай і сацыяльна-палітычнай гісторыі развіцця дзяржавы. Структура і характар злачыннай дзейнасці на вызначаным гістарычным этапе эвалюцыі дзяржаўнай сістэмы дазваляюць выявіць асноўныя дэструктыўныя працэсы, што адбываюцца ў соцыуме, і вызначыць ключавыя недахопы сацыяльна-эканамічнай сістэмы і кіраўніцкага апарату. Адною з найбольш поўных крыніц па гісторыі крыміналістыкі і судовай экспертызы ў Беларусі з'яўляецца архіўны фонд Навукова-даследчага інстытута крыміналогіі, крыміналістыкі і судовай экспертызы Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь, змешчаны на захоўванні ў Беларускай дзяржаўнай архіве навукова-тэхнічнай дакументацыі.

Кулінок Святаслаў Валянцінавіч. Дзейнасць нямецкіх разведвальна-дыверсійных школ і курсаў у Барысаве ў гады Вялікай Айчыннай вайны: гістарыяграфія п'янавання.

Даследаванне прысвечана вывучэнню і аналізу асноўных прац па гісторыі дзейнасці нямецкіх разведвальна-дыверсійных школ і курсаў у Барысаве. Разгледжаны асноўныя дасягненні савецкіх, замежных і айчынных гісторыкаў у вывучэнні дадзенай тэмы, а таксама вызначаны перспектывы кірункі далейшых даследаванняў.

Ходзін Сяргей Мікалаевіч. Працэсы трансфармацыі беларускай вёскі 1920—1930-х гг. у адлюстраванні архіўных крыніц і публікацый.

У артыкуле разглядаецца комплекс крыніц, які дазваляе скласці ўяўленне аб працэсах мадэрнізацыі беларускай вёскі ў 1920—1930-я гг. Аналізуюцца замежныя і айчынныя публікацыі, а таксама архіўныя фонды па гісторыі савецкай вёскі. Сцвярджаецца неабходнасць сістэмнага падыходу да вывучэння гістарычных крыніц, незалежна ад часу публікацыі і месца захоўвання. Асабліва ўвага звяртаецца на дакументы, якія вызначалі палітыку ўлад на вёсцы, а таксама рэакцыю сялянства на мадэрнізацыйныя працэсы.

Рудовіч Станіслаў Сцяпанавіч. Стварэнне савецкага дзяржаўнага апарату ў Беларусі (1917—1920 гг.).

У артыкуле сістэматызуюцца і абагульняюцца даныя аб вышэйшых і цэнтральных органах улады і кіравання Заходняй вобласці (1917—1918 гг.), Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі (ССРБ) пасля першага (студзень 1919 г.) і другога (ліпень 1920 г.) яе абвяшчэння і Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Літвы і Беларусі (ССРЛіБ; люты—ліпень 1919 г.). Выяўляецца механізм фарміравання савецкіх дзяржаўных органаў, іх прававы статус і кампетэнцыя, вызначаецца іх месца ў гісторыі нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва ў Беларусі.

Запартыка Ганна Вячаславаўна. Віленскі беларускі гісторыка-этнаграфічны музей імя Івана Луцкевіча і яго дакументальныя зборы ў БДАМ/ІМ.

У артыкуле асвятляюцца асноўныя моманты ў гісторыі Беларускага музея імя Івана Луцкевіча ў Вільні. Дадзены звесткі пра калекцыі музея, іх лёс і значэнне для культуры Беларусі.

Шумейка Міхаіл Фёдаравіч. «Акты Западной России» як працяг «Белорусского архива древних грамот»: да 170-годдзя выхаду ў свет першага тома АЗР.

У артыкуле разглядаецца роля беларускага археографа, гомельскага прагаіерэя Іаана Грыгаровіча (1792—1852), якую ён адыграў у справе рэалізацыі пачатых яшчэ ў межах «румянцаўскага гуртка» публікацыі дакументаў беларускага паходжання і аб Беларусі ў форме пяцітомнага выдання «Актів Западной России», што атрымала працяг у сучаснай Расіі.

Антановіч Зінаіда Васільеўна. Архіўныя фонды іўдзейскіх абшчын на беларускіх землях у канцы XVIII— пачатку XX ст.: фарміраванне і склад дакументаў.

У артыкуле разглядаецца структура кіраўніцтва яўрэйскімі абшчынамі на тэрыторыі беларуска-літоўскіх губерняў у канцы XVIII— пачатку XX ст. Аўтар акцэнтуюе ўвагу на крыніцазнаўчай вартасці матэрыялаў іх справаводства, прапаноўвае іх класіфікацыю па функцыянальнай прыкмеце на дакументаўна-арганізацыйна-распарадчага, фінансавага характару, па рэгістрацый трамдзянскага стану, статыстычныя крыніцы, судовыя справы, а таксама разглядае асаблівасці складання розных відаў дакументаў на падставе шырокага кола крыніц з архіўных фондаў. З гісторыі захавання і ўзроўню тэматычнай распрацоўкі гэтых комплексаў вынікае недастатковасць іх сучаснага дакументальнага складу для правядзення шматаспектных даследаванняў. Шэраг крыніц патрабуе вылучэння з няпрофільных фондаў.

Бурачонак Аляксандр Вячаслававіч. Эвалюцыя заканадаўства ў сферы падаткаабкладання гандлю на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII— пачатку XX ст.

У артыкуле на аснове заканадаўства Расійскай імперыі канца XVIII— пачатку XX ст. разглядаюцца змены, якія адбыліся ў падаткаабкладанні гандлёвага прадпрыемальніцтва на тэрыторыі Беларусі ў названы перыяд. Аўтар выявіў чатыры этапы ў эвалюцыі падатковага заканадаўства (1775—1824 гг., 1824—1863 гг., 1863—1898 гг., 1898—1914 гг.), вызначыў адметныя рысы кожнага з этапаў. Прааналізаваны асноўныя напрамкі прававога рэгулявання ў гэтай сферы і паказаны асаблівасці падатковага заканадаўства на тэрыторыі Беларусі.

Брэгер Герман Максімавіч, Лінская Ларыса Антонаўна. Архіў Слуцкага Трайчанскага Свята-Траецкага манастыра (т. 2: дакументы 280—412 за 1777—1837 гг.).

Заканчэнне публікацыі дакументаў Архіва Слуцкага Трайчанскага Свята-Траецкага манастыра за 1777—1837 гг. асвятляе як унутраную палітыку дзяржавы ў дачыненні да

праваслаўнага духавенства ВКЛ, так і сацыяльна-палітычную, гаспадарча-эканамічную і судова-адміністрацыйную дзейнасць праваслаўнай царквы і манастыроў і прыватнае жыццё святароў, манахаў і царкоўных іерархаў.

Насевіч Вячаслаў Леанідавіч. Аб датаванні і абставінах стварэння летапіснага «Спіса рускіх гарадоў далёкіх і блізкіх».

Прыводзяцца аргументы на карысць таго, што Спіс быў створаны па ініцыятыве мітрапаліта Кіпріяна ў перыяд, калі Кіеў належаў князю Скіргайле, г. зн. не раней за восень 1394 г. і не пазней за пачатак 1395 г. Верагодным месцам стварэння быў кіеўскі двор мітрапаліта, дзе складальнік меў магчымасць азнаёміцца з пералікам падуладных Скіргайле гарадоў, што фігуруюць у Спісе ў якасці «кіеўскіх». У далейшым Спіс не падвяргаўся наўмысным праўкам да сваёй фіксацыі ў летапісным зборы і таму з'яўляецца надзейнай крыніцай па гістарычнай геаграфіі Русі канца XIV стагоддзя.

Савінаў Аляксей Аляксандравіч. Гісторыя развіцця фонадакумента. Сучасныя лічбавыя фарматы фонадакументаў.

У артыкуле разгледжана гісторыя фонадакумента і сучасныя лічбавыя фарматы фонадакументаў. Апісваецца тэхналогія гуказапісу на розных матэрыяльных носбітах. Аўтарам вылучаны этапы развіцця носбітаў гукавой інфармацыі. Асаблівая ўвага нададзена вінлавым пласцінкам як носбітам гукавой інфармацыі, даказваецца іх усё нарастаючая папулярнасць. У працы абгрунтоўваецца важнасць фонадакумента як носбіта гукавой інфармацыі.

Несцяровіч Юрый Уладзіміравіч. Фарміраванне тэрмінасістэмы археографіі на сучасным этапе.

Растлумачваюцца асноўныя рысы фарміравання тэрмінасістэмы археографіі і асаблівасці сучаснага этапу яе фарміравання. Кола тэрмінаў археографіі значна пашыраецца ў сувязі з пашырэннем яе паняццёвага апарату і асіміляцыі і экстрапаляцыі ў ёй тэрмінаў сумежных галін ведаў. Узрастае значнасць міждyscyплінарнай праекцыі фарміравання тэрмінасістэмы археографіі.

Бухерт Уладзімір Генрыхавіч. «Па сваіх поглядах, перакананнях ніколі не быў царкоўнікам»: Да біяграфіі Б. М. Жуковіча.

Артыкул заснаваны на дакументах, выяўленых у Навукова-даследчым аддзеле рукапісаў Расійскай дзяржаўнай бібліятэкі. Ён прысвечаны навуковай дзейнасці архівіста і гісторыка Б. М. Жуковіча і апісанню апошніх, трагічных гадоў яго жыцця.

Самойленка Рыгор Васільевіч. Дакументы пра Ф. Багушэвіча ў Адзеле Чарнігаўскага абласнага архіва ў Нежыне.

У артыкуле прыведзены асноўныя звесткі пры жыцці і дзейнасць Францішка Багушэвіча ў Нежыне і Канатопе (Украіна), змешчаны комплекс адпаведных дакументаў з Адзела Чарнігаўскага абласнога архіва ў Нежыне.

Паднякоў Валерый Сямёнавіч. Генеалагічныя заметкі пра род князёў Вішнявецкіх і справа Астрожскай ардынацыі Мальтыйскага ордэна (невядомы мінскі рукапіс канца XVII ст.).

У артыкуле апублікаваны твор канца XVII ст. — генеалагічныя заметкі невядомага аўтара пра паходжанне роду князёў Вішнявецкіх і іх правы на Астрожскую камандорыю Мальтыйскага ордэна. Аўтар твора абгрунтоўваў сваіх сувязі Вішнявецкіх з князямі Астрожскімі (гэты род згас у 1620 г.), што павінна было даказаць іх правы на Астрожскую камандорыю.

Лісейчыкаў Дзяніс Васільевіч. Інвентар Пінскай кафедральнай саборнай царквы «Святой Прачыстай» 1695 г.

Публікуецца інвентар кафедральнай саборнай царквы ў г. Пінску са збораў Львоўскай нацыянальнай навуковай бібліятэкі імя В. Стэфаніка.

У прадмове пералічаны асноўныя асаблівасці складання царкоўных інвентароў канца XVII ст., падаецца кароткая гісторыя правядзення генеральных візітацый Пінска-Гураўскай уніяцкай епархіі, праведзены аналіз зместу дакумента.

РЕЗЮМЕ

Рыбаков Андрей Евгеньевич. «Институт нашел свое место в архивной системе. Институт нужен отрасли» (к 25-летию создания Белорусского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела).

Статья посвящена истории создания и развития Белорусского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела. Раскрываются основные достижения института за последние годы. Сквозь призму основных направлений деятельности института в статье рассматриваются общие тенденции в развитии архивной науки в Беларуси, проблемы научно-методического обеспечения учреждений архивной отрасли.

Баландин Виктор Васильевич, Третьяк Елена Ивановна. История Беларуси в документах БГАКФФД (к 75-летию архива).

Статья отмечает основные моменты в истории Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов. За годы его деятельности в хранилищах архива собран уникальный материал аудиовизуальной летописи Республики Беларусь. Эти документы не просто сохраняют и отражают наше прошлое, они по-настоящему позволяют продемонстрировать его будущим поколениям.

Барбарчук Василий Александрович. Документы фонда Научно-исследовательского института криминологии, криминалистики и судебных экспертиз Белорусского государственного архива научно-технической документации как источник по истории противодействия подделкам документов в БССР в 1970—1980-е гг.

Изучение практического опыта противодействия преступности со стороны правоохранительных органов и научно-исследовательских учреждений криминалистической и экспертной отрасли может быть ценным источником при изучении экономической и социально-политической истории развития государства. Структура и характер преступной деятельности на определенном историческом этапе эволюции государственной системы позволяет выявить основные деструктивные процессы, протекающие в социуме, и определить ключевые недостатки социально-экономической системы и управленческого аппарата. Одним из наиболее полных источников по истории криминалистики и судебной экспертизы в Беларуси является архивный фонд Научно-исследовательского института криминологии, криминалистики и судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Беларусь, находящийся на хранении в Белорусском государственном архиве научно-технической документации.

Кулинок Святослав Валентинович. Деятельность немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов в Борисове в годы Великой Отечественной войны: историография вопроса.

Исследование посвящено изучению и анализу основных работ по истории деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов в Борисове. Рассмотрены основные достижения советских, зарубежных и отечественных историков в изучении данной темы, а также определены перспективные направления дальнейших исследований.

Ходин Сергей Николаевич. Процессы трансформации белорусской деревни 1920—1930-х гг. в отражении архивных источников и публикаций.

В статье рассмотрен комплекс источников, позволяющий составить впечатление о процессах модернизации белорусской деревни в 1920—1930-е гг. Анализируются иностранные и отечественные публикации, а также архивные фонды по истории советской деревни. Утверждается необходимость системного подхода к изучению исторических

источников, независимо от времени публикации и места хранения. Особенное внимание уделяется документам, определяющим политику властей в деревне, а также реакцию крестьянства на процессы модернизации.

Рудович Станислав Степанович. Создание советского государственного аппарата в Беларуси (1917—1920 гг.).

В статье систематизируются и обобщаются данные о высших и центральных органах власти и управления Западной области (1917—1918 гг.), Социалистической Советской Республики Белоруссии (ССРБ) после первого (январь 1919 г.) и второго (июль 1920 г.) ее провозглашения и Социалистической Советской Республики Литвы и Белоруссии (ССРЛиб; февраль—июль 1919 г.). Выявляется механизм формирования советских государственных органов, их правовой статус и компетенция, определяется их место в истории национально-государственного строительства в Беларуси.

Запартыка Анна Вячеславовна. Виленский белорусский историко-этнографический музей имени Ивана Луцкевича и его документальные собрания в БГАМЛИИ.

В статье освещаются основные моменты в истории Белорусского музея имени Ивана Луцкевича в Вильне. Даны сведения о коллекциях музея, их судьбе и значении для культуры Беларуси.

Шумейко Михаил Федорович. «Акты Западной России» как продолжение «Белорусского архива древних грамот»: к 170-летию выхода в свет первого тома АЗР.

В статье рассматривается роль белорусского археографа, гомельского протоиерея Иоанна Григоровича (1792—1852), которую он сыграл в деле реализации начатых еще в рамках «фрумянцевского кружка» публикаций документов белорусского происхождения и о Беларуси в форме пятомного издания «Актов Западной России», которое получило продолжение в современной России.

Антонович Зинаида Васильевна. Архивные фонды иудейских общин на белорусских землях в конце XVIII — начале XX в.: формирование и состав документов.

В статье рассматривается структура управления еврейскими обществами на территории белорусско-литовских губерний в конце XVIII — начале XX в. Автор акцентирует внимание на источниковедческом потенциале материалов делопроизводства указанных учреждений, предлагает их классификацию по функциональному признаку на документацию организационно-распорядительного и финансового характера, по регистрации гражданского состояния, статистические источники, судебные дела, а также рассматривает особенности составления разных видов документов на основании широкого круга источников из архивных фондов еврейских общин. История хранения и уровень тематической разработки указанных комплексов свидетельствует о недостаточности современного состава документов для проведения многоаспектных исследований. Ряд источников требует выявления в непрофильных фондах.

Бурачонок Александр Вячеславович. Эволюция законодательства в сфере налогообложения торговли на территории Беларуси в конце XVIII — начале XX в.

В статье на основе законодательства Российской империи конца XVIII — начала XX в. рассматриваются изменения, произошедшие в налогообложении торгового предпринимательства на территории Беларуси в указанный период. Автор выявил четыре этапа в эволюции налогового законодательства (1775—1824 гг., 1824—1863 гг., 1863—1898 гг., 1898—1914 гг.), определил отличительные черты каждого из этапов. Проанализированы основные направления правового регулирования в этой сфере и показаны особенности налогового законодательства на территории Беларуси.

Брегер Герман Максимович, Линская Лариса Антоновна. Архив Слуцкого Троицкого Свято-Троицкого монастыря (т. 2: документы 280—412 за 1777—1837 гг.).

Окончание публикации документов Архива Слуцкого Троицкого Свято-Троицкого монастыря за 1777—1837 гг. освещает как внутреннюю политику государства в отношении православного духовенства ВКЛ, так и социально-политическую, хозяйственно-экономическую и судебно-административную деятельность православной церкви и монастырей, а также частную жизнь священников, монахов и церковных иерархов.

Носевич Вячеслав Леонидович. О датировке и обстоятельствах создания летописного «Списка русских городов дальних и ближних».

Приводятся аргументы в пользу того, что Список был создан по инициативе митрополита Киприана в период, когда Киев принадлежал князю Скиргайле, т. е. не ранее осени 1394 г. и не позднее начала 1395 г. Вероятным местом создания был киевский двор митрополита, где составитель имел возможность ознакомиться с перечнем подвластных Скиргайле городов, фигурирующих в Списке в качестве «киевских». Впоследствии Список не подвергался намеренным правкам до своей фиксации в летописном своде и поэтому является надежным источником по исторической географии Руси конца XIV века.

Савинов Алексей Александрович. История развития фондокумента. Современные цифровые форматы фондокументов.

В статье рассмотрена история фондокумента и современные цифровые форматы фондокументов. Описывается технология звукозаписи на различных материальных носителях. Автором выделены этапы развития носителей звуковой информации. Особое внимание уделено виниловым пластинкам как носителям звуковой информации, доказываясь их все возрастающая популярность. В работе обосновывается важность фондокумента как носителя звуковой информации.

Нестерович Юрий Владимирович. Формирование терминосистемы археографии на современном этапе.

Раскрываются основные черты формирования терминосистемы археографии и особенности современного этапа ее формирования. Круг терминов археографии значительно расширяется по причине расширения ее понятийного аппарата и ассимиляции и экстраполяции в ней терминов смежных областей знаний. Возрастает значимость междисциплинарной проекции формирования терминосистемы археографии.

Бухерт Владимир Генрихович. «По своим взглядам, убеждениям никогда не был церковником»: К биографии Б. Н. Жуковича.

Статья основана на документах, обнаруженных в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Она посвящена научной деятельности архивиста и историка Б. Н. Жуковича и описанию последних, трагических лет его жизни.

Самойленко Григорий Васильевич. Документы о Ф. Богусевиче в Отделе Черниговского областного архива в Нежине.

В статье приведены основные сведения о жизни и деятельности Францишка Богусевича в Нежине и Конотопе (Украина), помещен комплекс соответствующих документов из Отдела Черниговского областного архива в Нежине.

Поздняков Валерий Семенович. Генеалогические заметки о роде князей Вишневецких и дело Острожской ординации Мальтийского ордена (неизвестная минская рукопись конца XVII в.).

В статье опубликовано произведение конца XVII в. — генеалогические заметки неизвестного автора о происхождении рода князей Вишневецких и их правах на Острожскую командорию Мальтийского ордена. Автор произведения обосновывал родственные связи Вишневецких с Острожскими (этот род угас в 1620 г.), что должно было доказать их права на Острожскую командорию.

Лисейчиков Денис Васильевич. Инвентарь Пинской кафедральной соборной церкви «Святой Пречистой» 1695 г.

Публикуется инвентарь кафедральной соборной церкви в г. Пинске из собрания Львовской национальной научной библиотеки имени В. Стефаника.

В предисловии перечислены основные особенности составления церковных инвентарей конца XVII в., изложена краткая история проведения генеральных визитаций Пинско-Туровской епархии, проведен анализ содержания документа.

SUMMARY

Andrei Rybakou. «The Institute Has Found its Place in the Archiv System. Archival Branch needs the Institute» (to the 25th Anniversary of Creation of the Belarusian Research Institute for Documentation Science and Archival Affairs).

The article is devoted to the history of creation and development of the Belarusian Research Institute for Documentation Science and Archival Affairs. Revealed the main achievements of the institute over last years. Through the prism of the main activities of the Institute the article deals with the general trends in the development of archival science in Belarus, the problems of scientific and methodological support of the institutions of the archival sector.

Viktar Balandzin, Alena Tratsyuk. History of Belarus in documents of the Belarusian State Archives of Films, Photographs and Sound Recordings (to the 75th Anniversary of the Archives).

The article considers main points in history of the Belarusian State Archives of Films, Photographs and Sound Recordings. Over the years, the Archives collected unique material of audio and photo chronicles of the Republic of Belarus. All these documents not only preserve and reflect our past, but they also can display the past to the next generations.

Vasil Barbarchuk. Documents of the Research Institute of Criminology, Criminalistics and Forensic Expertise as a Source on History of Counter Document Forgeries in the Belarus in 1970—1980.

Law enforcing activity of police and security organizations is a vital part of the governmental policy. Because of that documental funds of expert institutions and forensic laboratories can be valuable source of information for historians. One of such valuable sources is Fond Nr. 136 of Belarusian state archives of scientific and technical documentation were created by documents of Research Institute of criminological, criminalistics and forensic studies problems — Belarusian central expert and research facility in the criminological field supervised by Ministry of Justice of the BSSR (later — Ministry of Justice of the Republic of Belarus). This fond contains documents from 1951 to 2006 on the topics of various criminalistics studies, and can be useful to the researchers interested in social and economical history of Belarus in that period.

Svyatoslav Kulinok. The Activities of German Intelligence and Sabotage Schools and Courses in Borisov During the Great Patriotic War. Historiography of the Issue.

The research is devoted to the study and analysis of the major works about the history of the activities of German intelligence and sabotage schools and courses in Borisov. The main achievements of Soviet, foreign and local historians in the study of this topic, and identified perspective directions for further research.

Siarhey Hodzin. The transformation process of the Belarusian village in the 1920—1930-ies in the reflection of archival sources and publications.

This article examines the complex sources, which gives an idea of the Belarusian village of modernization processes in the 1920—1930-ies. Analyzes foreign and domestic publications and archival collections on the history of the Soviet countryside. It argued the need for a systematic approach to the study of historical sources, regardless of the time of publication and storage. Particular attention is drawn to the documents that define government policy on rural areas, as well as the peasantry's reaction to modernization processes.

Stanislaŭ Rudovich. Creation of the Soviet State Apparatus in Belarus (1917—1920).

The article summarized and systematized data on the higher and central bodies of power and administration of the Western Republic (1917—1918), the Soviet Socialist Republic of Belarus

(SSRB) after the first (January 1919) and the second (July 1920) its proclamation and Soviet Socialist Republic of Lithuania and Belarus (SSRLiB; February—July 1919). Reveals the mechanism of formation of Soviet state bodies, their legal status and competence is determined by their place in the history of nation-building in Belarus.

Hanna Zapartyka. Vilna Belarusian Historical-Ethnographic Museum Named after Ivan Lutskevich and its Documentary Collections in the Belarusian State Literature and Art Archives-Museum.

The article highlights the key moments in the history of the Ivan Lutskevich Belarusian Museum in Vilna. It contains an information about the museum's collections, their fate and the meaning for culture of Belarus.

Michail Shumeyka. «Western Russian Acts» as a Continuation of «Belarusian Archives of Ancient Acts»: to the 170th Anniversary of the Publication of the First Volume of WRA.

The article discusses the role of the Belarusian archeographer, Gomel archpriest John Grigovich (1792—1852), played by him in the publication of documents of Belarusian origin and about Belarus in the form of a five-volume «Western Russian Acts».

Zinaida Antanovich. The Archives of the Jewish Communities in the Belarus in the Late 18th — Early 20th Century: Creation and Structure of the Documents.

The structure of Jewish communities in the Belarusian-Lithuanian provinces in the late 18th — early 20th century: is considered in this article. The author focuses on the potential of record management institutions documents as historical sources. She offers a classification based on function in the organizational and administrative, financial documents, sources on the registration of civil status, statistical sources, court cases. At the same time author examines the peculiarities of making different kinds of documents based on a wide range of sources from the archives of Jewish communities. The history of storage and the level of indexation development of these complexes indicates the failure of the modern structure of documents for multidimensional research. A number of sources requires the identification of non-core funds.

Aliaksandr Burachonak. Evolution of Legislation in the Field of Taxation of Trade in Belarus in the Late 18th — Early 20th Century.

In this article the tax system of trade entrepreneurship of Belarus, based on the Russian Empire's laws of the late 18th — early 20th century, is examined. The author has identified four stages in the evolution of tax legislation (1775—1824, 1824—1863, 1863—1898, 1898—1914) and defined the distinctive features of each of the stages. The main areas of legal regulation in this sphere are analyzed, the particular implementation of laws on the territory of Belarus are specified.

Herman Breger, Larysa Linskaya. The Archive of St. Trinity Monastery of Troychany in Slutsk (v. 2: documents Nr. 280—412, c. 1777—1837).

This is an end of publication of documents from The Archive of St. Trinity Monastery of Troychany in Slutsk (1777—1837), which highlights internal state policy towards Orthodox clergy, socio-political, economic and judicial-administrative activity of Orthodox Church and monasteries, as well as the privacy of the priests, monks i church hierarchs.

Viachaslau Nasevich. About Dating and Circumstances of Creating the Annalistic «Catalog of Russian Cities Distal and Proximal»

Arguments are proposed in favor of the fact that the Catalog was created at the initiative of Metropolitan Cyprian at the time when Kiev belonged to the prince Skirgailo, i. e. not earlier than autumn 1394 and not later than early 1395. A likely place of creating was the Kiev Metropolitan yard, where the compiler was able to see the list of cities subordinated Skirgailo, which were reflec-

ted on the Catalog as «Kiev cities». Subsequently, the list was not subjected to intentional edits before it's fixation in the chronicles and is therefore a reliable source on the historical geography of Russia of the end of the 14th century.

Alexei Savinov. History of the Development of Audiocuments. Modern Digital Formats of Audiocuments.

The article describes the history of audiocuments and the modern digital formats of audiocuments. Recording technology is described on different physical media. The author distinguishes stages of development of the audio media. Special attention is given to vinyl records as the sound storage medium and evidenced by their growing popularity. In this paper, it proved the importance of the importance of audiocdocument as a sound storage medium.

Yury Niestsiarovich. Formation of System of Terms of Archaeography on Modern Stage.

Formation of system of terms of archaeography has features. While forming system of terms of archaeography the circle of terms considerably extends because of including and extrapolation of in it and assimilation by it terms of adjacent fields of knowledge. At construction system of terms the archaeography increases the importance of correlation of her basic concepts with basic concepts of a dokumentology.

Vladimir Buhert. «On my opinions and beliefs, I never been a churchman»: on biography of B. N. Zhukovich.

The article is based on documents found in the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. It is devoted to scientific work of the archivist and historian B. N. Zhukovich and description of past, tragic years of his life.

Ryhor Samoylenka. Documents about F. Bagushevich in the Department of the Chemihiv regional archive in Nizhyn.

This article provides basic information about the life and work of Franciszak Bagushevich in Nizhyn and Konotop (Ukraine), a set of relevant documents from the Department of the Chemihiv regional archive in Nezhin.

Valery Pazdniakoŭ. Genealogical Notes on Princes Vishniavecki Genus and the Case of Astrog Ordination of the Maltese Order of the Knights Hospitallers (Minsk Unknown Manuscript of Late 17th Century)

In the article published work of late 17th century — genealogical notes of unknown author Astrog about the origin of princes Vishniavecki (Wiśniowiecki) and their rights on (Ostróg) commandery of the Maltese Order of the Knights Hospitallers. The author of work grounded family connections of Vishniavecki (Wiśniowiecki) with Astrozhski (Ostrogi, this family went out in 1620), that must was prove their rights on Astrog (Ostróg) commandery.

Dzianis Liseichykaŭ. Pinsk Cathedral Church of Blessed Virgin Mary Inventory for 1695.

Inventory of Cathedral Church in Pinsk from from the collection of the Lviv National Scientific Library named after V. Stefanik is published in the article.

In the preface lists the basic features of drawing up inventories of the church end of the 17th century, outlines a brief history of the general visitations Pinsk-Turau diocese, analyzes the content of the document.

ПРАВІЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ**«БЕЛАРУСКАГА АРХЕАГРАФІЧНАГА ШТОГОДНІКА»**

1. «Беларускі археаграфічны штогоднік» публікуе навуковыя даследаванні па розных галінах тэарэтычнай і практычнай археаграфіі, архівазнаўства, дакументалістыкі і сумежных спецыяльных гістарычных дысцыплін, а таксама інфармацыйныя матэрыялы і рэцэнзіі на апублікаваныя працы.
2. Рэдакцыйная калегія прымае да разгляду матэрыялы, якія адпавядаюць патрабаванням, што прад'яўляе Вышэйшая атэстацыйная камісія Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў.
3. Рэдакцыйная калегія публікуе ў першую чаргу артыкулы, прадстаўленыя асобамі апошняга года паслявузаўскага навучання (аспірантура, дактарантура, саіскальніцтва).
4. Аўтары нясуць персанальную адказнасць за прадстаўленне ў рэдакцыю ўжо раней апублікаваных артыкулаў або артыкулаў, прынятых да друку іншымі выданнямі.
5. Аўтары артыкулаў і публікацый дакументаў нясуць адказнасць за дакладнасць перадачы тэксту дакументаў, цытат і спасылак.
6. Аўтары разам з рукапісам навуковага артыкула прадстаўляюць выпіску з пратакола пасяджэння вучонай рады, аддзела, кафедры з месца працы з рэкамендацый артыкула да друку.
7. Дапускаецца замест выпіскі з пратакола прадставіць дзве рэцэнзіі — доктара і кандыдата навук, якія з'яўляюцца спецыялістамі ў той галіне ведаў, па якой зроблена даследаванне. Рэцэнзіі павінны ўтрымліваць рэкамендацыі артыкула да друку.
8. Рэкамендацыі да друку навуковых артыкулаў, падрыхтаваных супрацоўнікамі органаў і ўстаноў Дзяржаўнай архіўнай службы Рэспублікі Беларусь, ажыццяўляюць вучоныя рады БелНДДАС, БелНДЦЭД, дзяржаўных архіваў.
9. Для публікацый дакументальных крыніц, матэрыялаў інфармацыйнага характару, рэцэнзій рэкамендацыі да друку не патрабуюцца.
10. Рукапіс завяраецца подпісам аўтара з прастаўленнем даты, а таксама ўказваюцца прозвішча, імя і імя па бацьку, месца працы, займаемая пасада, вучоная ступень, званне, кантактныя тэлефоны (e-mail) для сувязі рэдакцыі з аўтарам (не публікуюцца) і кантактныя тэлефоны (e-mail) для зваротнай сувязі чытачоў з аўтарам (публікуюцца). Разам з раздрукоўкай прадстаўляецца ідэнтычны электронны варыянт артыкула.
11. Артыкул забяспечваецца анатацыяй на беларускай (рэзюмэ), рускай (резюме) і англійскай (summary) мовах памерам 100—150 слоў.
12. Аб'ём навуковага артыкула — не менш за 14 тыс. і не больш за 20 тыс. знакаў, аб'ём публікацыі дакументальных крыніц — да 40 тыс. знакаў. Раздрукоўка выконваецца шрыфтам Times New Roman, кегль 14 пунктаў, праз 1,5 інтэрвала, палі верхняе і ніжняе па 2 см, левае 3 см, правае 1,5 см.

13. Бібліяграфічныя спасылкі афармляюцца згодна з главай 5 Інструкцыі па афармленні дысертацыі і аўтарэферата (пастанова ВАК Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, апублікавана ў Нацыянальным рэестры прававых актаў Рэспублікі Беларусь 20 сакавіка 2006 г., № 41, 7/603).
14. Тэрмін падачы артыкулаў — да 1 сакавіка бягучага года. Пасля 1 сакавіка матэрыялы прымаюцца для публікацыі ў штогодніку ў наступным годзе.
15. Рэдакцыйная калегія не бярэ платы за апублікаванне навуковых артыкулаў.

*Рэдакцыйная калегія
«Беларускага археаграфічнага штогодніка»
вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск,
arheograph@belniidad.by*

ЗМЕСТ

АРТЫКУЛЫ

- А. Е. Рыбаков.* «Институт нашел свое место в архивной системе. Институт нужен отрасли» (к 25-летию создания Белорусского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела) 5
- В. В. Баландин, Е. И. Третьяк.* История Беларуси в документах Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов (к 75-летию архива) 19
- В. А. Барбарчук.* Документы фонда Научно-исследовательского института криминологии, криминалистики и судебных экспертиз Белорусского государственного архива научно-технической документации как источник по истории противодействия подделкам документов в БССР в 1970—1980-е гг. 27
- С. В. Кулинок.* Историография деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов в Борисове в годы Великой Отечественной войны 34
- С. М. Ходзін.* Працэсы трансфармацыі беларускай вёскі 1920—1930-х гг. у адлюстраванні архіўных крыніц і публікацый 52
- С. С. Рудович.* Создание советского государственного аппарата в Беларуси (1917—1920 гг.) 63
- Г. В. Запартыка.* Віленскі беларускі гісторыка-этнаграфічны музей імя Івана Луцкевіча і яго дакументальныя зборы ў БДАМЛІМ 93
- М. Ф. Шумейко.* «Акты Западной России» как продолжение «Белорусского архива древних грамот»: к 170-летию выхода в свет первого тома АЗР 102
- З. В. Антановіч.* Архіўныя фонды іўдзейскіх абшчын на беларускіх землях у канцы XVIII — пачатку XX ст.: фарміраванне і склад дакументаў 108
- А. В. Бурачонак.* Эвалюцыя заканадаўства ў сферы падаткаабкладання гандлю на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII — пачатку XX ст. 118
- Г. М. Брэгер, Л. А. Лінская.* Архіў Слуцкага Трайчанскага Свята-Траецкага манастыра (Т. 2: дакументы 280—412 за 1777—1837 гг.) 134
- В. Л. Носевич.* О датировке и обстоятельствах создания летописного «Списка русских городов дальних и ближних» 169
- А. А. Савинов.* История развития фонодокумента. Современные цифровые форматы фонодокументов 181
- Ю. В. Нестерович.* Формирование терминосистемы археографии на современном этапе 193

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

- В. Г. Бухерт.* «По своим взглядам, убеждениям никогда не был церковником»: К биографии Б. Н. Жуковича 202

- Г. В. Самойленко.* Документы Ф. Богушевича в Отделе Черниговского областного архива в Нежине 212
- В. С. Пазднякоў.* Генеалагічныя заметкі пра род князёў Вішнявецкіх і справа Астрожскай ардынацыі Мальтыйскага ордэна (невядомы мінскі рукапіс канца XVII ст.) 229
- Д. В. Лісейчыкаў.* Інвентар Пінскай кафедральнай саборнай царквы «Святой Прачыстай» 1695 г. 235
- РЭЦЭНЗІІ**
- Д. Ч. Матвейчык.* Карысная кніга па гісторыі паўстання 1863—1864 гг. 246
- ПОСТАЦІ**
- Р. Ф. Горячева.* К 80-летию со дня рождения Алатырцевой Лилии Даниловны 251
- К юбилею Марии Карповны Бобер 252
- М. Ф. Шумейко.* Архивист—археограф (к 70-летию со дня рождения В. Д. Селемёнева) 253
- А. Е. Рыбаков.* Начальник штаба, ну настоящий ... (к 70-летию со дня рождения П. А. Левчика) 255
- Л. В. Кисель.* К 70-летию Светланы Александровны Кондрашовой 257
- О. В. Бирюкова.* К 65-летию Владимира Ивановича Адамушко 258
- А. М. Столяров.* К 60-летию со дня рождения Людмилы Викторовны Кнарус 260
- Ю. В. Диденко.* 60-летний юбилей Надежды Валентиновны Никитиной 262
- Л. В. Кисель.* Юбилей Ларисы Ивановны Юниной 264
- М. Ф. Шумейко.* Польский историк-архивист с белорусскими корнями (к 130-летию со дня рождения Рышарда Меницкого) 265
- Э. Р. Иофе.* Зіновій Капыскі як крыніцазнаўца і археограф (19 студзеня 2016 г. — 100-годдзе беларускага вучонага-гісторыка) 268
- А. Г. Каханюўскі.* Слова пра бацьку (да 80-годдзя з дня нараджэння Генадзя Аляксандравіча Каханюўскага) 277
- А. М. Грыневіч.* Да 80-годдзя з дня нараджэння Дзіны Леанідаўны Шорахавай 278
- Рэзюмэ 280
- Рэзюмэ 284
- Summary 288
- Правілы для аўтараў 291

CONTENTS

ARTICLES

- A. Rybakoŭ.* «The Institute Has Found its Place in the Archiv System. Archival Branch needs the Institute» (to the 25th Anniversary of Creation of the Belarusian Research Institute for Documentation Science and Archival Affairs) ..5
- V. Balandzin, A. Traŭtsyuk.* History of Belarus in documents of the Belarusian State Archives of Films, Photographs and Sound Recordings (to the 75th Anniversary of the Archives) 19
- V. Barbarchuk.* Documents of the Research Institute of Criminology, Criminalistics and Forensic Expertise as a Source on History of Counter Document Forgeries in the Belarus in 1970—1980..... 27
- S. Kulinko.* The Activities of German Intelligence and Sabotage Schools and Courses in Borisov During the Great Patriotic War: Historiography of the Issue 34
- S. Hodzin.* The transformation process of the Belarusian village in the 1920—1930-ies in the reflection of archival sources and publications 52
- S. Rudovich.* Creation of the Soviet State Apparatus in Belarus (1917—1920)..... 63
- A. Zaparyka.* Vilna Belarusian Historical-Ethnographic Museum Named after Ivan Lutskovich and its Documentary Collections in the Belarusian State Literature and Art Archives-Museum 93
- M. Shumeyka.* «Western Russian Acts» as a Continuation of «Belarusian Archives of Ancient Acts»: to the 170th Anniversary of the Publication of the First Volume of WRA 102
- Z. Antanovich.* The Archives of the Jewish Communities in the Belarus in the Late 18th — Early 20th Century: Creation and Structure of the Documents..... 108
- A. Burachonak.* Evolution of Legislation in the Field of Taxation of Trade in Belarus in the Late 18th — Early 20th Century 118
- H. Breger, L. Linskaya.* The Archive of St. Trinity Monastery of Troychany in Slutsk (v. 2: documents Nr. 280—412, c. 1777—1837) 134
- V. Nasevich.* About Dating and Circumstances of Creating the Annalistic «Catalog of Russian Cities Distal and Proximal» 169
- A. Savinov.* History of the Development of Audiodocuments. Modern Digital Formats of Audiodocuments. 181
- Yu. Nietsiarovich.* Formation of System of Terms of Archaeography on Modern Stage..... 193

PUBLICATIONS OF DOCUMENTS

- V. Buhert.* «On my opinions and beliefs, I never been a churchman»: on biography of B. N. Zhukovich..... 202
- R. Samoylienka.* Documents about F. Bagushevich in the Department of the Chemihiv regional archive in Nizhyn..... 212

- V. Pazdniakoŭ.* Genealogical Notes on Princes Vishniavecki Genus and the Case of Astrog Ordination of the Maltese Order of the Knights Hospitallers (Minsk Unknown Manuscript of Late 17th Century).....229
- D. Liseichykaŭ.* Pinsk Cathedral Church of Blessed Virgin Mary Inventory for 1695 235

REVIEWS

- D. Matveichyk.* A useful Book on the History of the Revolt of 1863—1864246

PERSONALITIES

- R. Garachava.* On the 80th Anniversary of Lily Danilovna Alatyrtseva251
- On the Anniversary of Mary Karpovna Bober..... 252
- M. Shumeyka.* Archivist-archaeographer (on the 70th Anniversary of *V. D. Selemenev*)..... 253
- A. Rybakoŭ.* The chief of staff, a real . . . (on the 70th Anniversary of *P. A. Levchik*)..... 255
- L. Kisel.* On the 70th Anniversary of Svetlana Aleksandrovna Kondrashova..... 257
- V. Birukova.* On the 65th Anniversary of Vladimir Ivanovich Adamushko 258
- A. Staliaroŭ.* On the 60th Anniversary of Lyudmila Viktorovna Knarus..... 260
- Yu. Dzidzenka.* The 60th Anniversary of Nadezhda Valentinovna Nikitina..... 262
- L. Kisel.* The Anniversary of Larisa Ivanovna Yunina..... 264
- M. Shumeyka.* Polish Historian and Archivist with Belarusian Roots (on the 130th Anniversary of *Ryszard Mienicki*)..... 265
- E. Iofe.* Zinovy Kapyski as Source Explorer and Archaeographer (January 19, 2016 — the 100th Anniversary of the Belarusian Historian) 268
- A. Kahanoŭski.* A Word about My Father (on the 80th Anniversary of *Genadz' Alyaksandravich Kahanoŭski*) 277
- A. Grynevich.* On the 80th Anniversary of Dzina Leanidaŭna Shorahava..... 278

Навуковае выданне

Беларускі археаграфічны штогоднік

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 17

Рэдактары: *Т. М. Мальцава, Т. В. Салавей, А. У. Хмялеўская*
Камп'ютарная вёрстка *П. А. Рэзванова*

Падпісана да друку 08.11.2016. Фармат 60×84¹/₁₆.
Папера «Гознак» 65 г/м². Рызаграфія. Умоўн. друк. арк. 17,43.
Улік.-выд. арк. 19,31. Тыраж 100 экз. Зак. 8.

Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы (БелНДЦДАС).
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы і распаўсюджвальніка
друкаваных выданняў ад 24.03.2014. Нумар у Дзяржаўным рэестры выдаўцоў, вытворцаў
і распаўсюджвальнікаў друкаваных выданняў Рэспублікі Беларусь № 1/229.
Вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск.